

Annotation

Когда знаменитая актриса Глория Ламарк покончила с собой, ее лечащего врача психиатра Майкла Теннента замучила совесть. Он уверен, что не сумел предотвратить трагедию, потому что накануне в беседе со своей пациенткой не нашел для нее нужных слов поддержки. Но конечно же Майкл не мог представить себе, какими вполне реальными муками лично для него обернется эта смерть и какие жуткие испытания ему предстоят.

- [Питер Джеймс](#)
 -
 - [Благодарности](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Питер Джеймс Одержимый

*Не пройдя через ад своих страстей, человек
никогда не сможет преодолеть их.*

Карл Юнг

Благодарности

Мне невероятно повезло – в подготовке материала для этой книги мне помогли поистине замечательные люди. Знания, полученные от доктора Дэвида Вила, доктора Сейлы Тейлор, старшего детектива-инспектора Дэвида Гейлора и в особенности от детектива-констебля Майка Харриса, стали фундаментом и внутренним скелетом этого романа. Эти люди потратили на меня очень много своего времени и поделились со мной огромным количеством мыслей и творческих идей. На такую щедрость с их стороны я не смел и надеяться.

Я был буквально поражен дружеским отношением и энтузиазмом сотрудников суссекской полиции. К сожалению, я не могу назвать здесь по имени каждого из многих офицеров, с которыми я беседовал в полицейских участках Брайтона, Хоува, Хейвордс-Хит, Кроули и Хампстеда, а также тех, с кем я выезжал в патруль, поэтому я выражаю глубокую признательность старшему констеблю Полу Уайтхаусу, обладателю Королевской полицейской медали, благодаря которому это общение стало возможным. Я также от души благодарю старшего суперинтендента Майка Льюиса, старшего детектива-инспектора Джорджа А. Смита, женщину-констебля Рен Харрис, констеблей Ника Диммера, Гленна Дугласа, Ника Бокор-Инграма из полиции Брайтона; старшего суперинтендента Дэвида К. Эшли, сержанта Филя Херринга, детективов-сержантов Билла Уорнера и Тони Говарда из полиции Хоува; инспектора Яна Джеффри, констеблей Брайана Симонса и Гэри Персона из дорожной полиции Хейвордс-Хит; Росса Парсонса из службы скорой помощи Суссекса; сотрудников национальной службы по поиску пропавших людей.

Я также выражаю огромную признательность докторам Дэннису Фридману и Рою Шаттлворту, Джулии Карлстром из Совета по делам семьи и брака; докторам М. Энтону, Ричарду Блэклоку, Элизабет Вил, Найджелу Киркхему; Веронике Гамильтон Дили (коронеру Брайтона и Хоува); Найджелу Макмиллану и Индре Синха (Spink & Son, Ltd); Крису Веллингсу (Graves, Son & Pilcher); Лиалл Ватсон, из чьей замечательной книги я узнал о беседковой птице, или шалашнике; доктору Родерику Мэйну за его знания о Карле Юнге и замечательную книгу «Юнг о синхронистичности и паранормальном».

Как всегда, я выражаю глубокую благодарность моему незаменимому неофициальному редактору Сью Ансель, Патриции Прис и моему

литературному агенту на территории Великобритании Джону Тарли за их терпение и неоценимый вклад, который они внесли в написание моих книг. И конечно, я благодарю свою жену Джорджину и мою пушистую собаку Берти, которая по прошествии пяти лет наконец-то научилась не жевать упавшие на пол дискеты...

Питер Джеймс

Суссекс, Англия, 1998

scary@pavilion.co.uk

Пролог

В большом доме по Холланд-Парк, который, как большинство дорогих домов на этой улице, имел четыре этажа, гравийную подъездную дорожку и был окружен высокой железной оградой, Томас Ламарк принес завтрак своей матери. И, как каждое утро, когда он открывал дверь в ее комнату, было ровно десять тридцать – с точностью до наносекунды.

Томас был красивым тридцатисемилетним мужчиной. Он имел шесть футов шесть дюймов роста, ухоженное тело и очаровательную улыбку. На нем был шелковый халат «Либерти», кожаные шлепанцы от Гуччи, золотые наручные часы «Ролекс». Он пах одеколоном «Живанши». Под халатом у него ничего не было – его матери нравилось знать, что его наготу прикрывает только этот тонкий шелк.

В руках он держал серебряный поднос, на котором стоял изящный чайник фирмы «Геренд», заваренный «Чаем к завтраку» от «Фортнум и Мэйсон», и фарфоровая чашка с блюдцем – оба предмета цвета слоновой кости из одного набора. Рядом с ними лежала газета «Таймс» и белая роза, вся в каплях росы, которую Томас только что принес из сада – его мать любила маленькие приятные сюрпризы, а этим утром он был в настроении сделать ей приятное. Может быть, в ответ она захочет сделать приятное ему.

Он остановился возле двери, ведущей в ее спальню. В их доме все двери выглядели внушительно: панели из дорогой древесины, декоративная отделка бисером, ручная роспись по атласу, хрустальные дверные ручки, – но эта дверь, расположенная на втором этаже прямо напротив последнего марша резной лестницы, охраняемая стоящим на пьедестале бронзовым бюстом матери, почему-то всегда казалась Томасу величественнее остальных. Даже по прошествии стольких лет она продолжала восхищать его.

У Томаса бывали дни, когда ему хотелось швырнуть в эту дверь подносом и закричать: «Отпусти же меня!» – но сегодня был не такой день.

Он посмотрел на часы, подождал, пока секундная стрелка не закончит свой очередной круг, и ровно в десять часов тридцать минут вошел в спальню.

Томас не спал эту ночь, проведя ее за компьютером – он был одним из путешественников в электронном мире, которые перехватывают часок-другой днем, но редко спят ночью. Его ночи проходили за игрой в шахматы

с человеком по имени Юрген Юргенс из Клируотер-Спрингс, штат Флорида, или за обменом мнениями о существовании внеземной жизни с участниками тематического чата в Сан-Франциско, или за обсуждением недавних загадочных смертей с сотрудником газеты «Фортиан таймс». Он читал приходящие ему на электронную почту медицинские статьи, обменивался рецептами с женщиной, живущей у Чесапикского залива, следил за изменениями на рынках ценных бумаг по всему миру, отмечая поведение акций матери и просматривая веб-сайты тех компаний, в которых у нее была доля. Каждое утро он снабжал ее биржевого маклера свежей информацией.

Его коэффициент интеллекта был 178.

Не в силах оторвать взгляд от лица матери, с сердцем, исполненным обожания – и другого, противоположного чувства, с которым он боролся всю свою жизнь, – Томас бесшумно прошел по ковру, поставил поднос на столик рядом с большой двуспальной кроватью под балдахин, затем, потянув за шнуры с кисточками на концах, поднял дамастовый и тюлевый пологи и закрепил шнуры на спинке кровати. В комнате стоял запах духов «Шанель» и тот особый запах, каким пахла одежда матери. Ароматы его детства. Ароматы его жизни.

С высоты своего роста он смотрел на нее.

Ее светлые волосы, разметавшиеся по подушке, блестели так, будто на них падал не утренний солнечный свет, а свет театральных светильников. Он знал, что, хотя она уже проснулась, она ни за что не откроет глаза и не пошевелится, пока он ее не поцелует. Так у них было заведено.

И эти драгоценные утренние секунды, когда она лежала в постели, такая нежная, такая милая, такая красивая, а он молча смотрел на нее восторженным взглядом, – эти секунды были жемчужинами в его жизни.

Он чувствовал себя на седьмом небе – это было прекрасное, ангельское видение. Матери было пятьдесят девять лет. Ее лицо было бледным, как всегда по утрам, но сегодня казалось бледнее обычного и от этого еще совершеннее. Она была совершеннее совершенства. На такой красоте зиждется мироздание.

– Доброе утро, мамочка, – сказал он и подошел ближе, чтобы поцеловать ее. Она никогда не открывала глаз до этого поцелуя, но в это утро они так и остались закрытыми.

Томас вдруг заметил на полу возле кровати множество пустых блестящих пачек из-под таблеток.

Внутри у него все сжалось. Наклоняясь над матерью, он уже знал, что случилось страшное. Вчера она вернулась домой расстроенная. У нее

болела голова, и она рано ушла спать.

Его губы почувствовали, что ее щека холодна и податлива. Как мягкая замазка, она прогибалась под нажимом и не возвращалась в естественное состояние.

– Мамочка? – Голос был как будто не его.

На полу рядом с кроватью стояла бутылка: открытая, пустая.

– Мамочка?

Паника застала его зрение. Пол закачался, комната заходила ходуном, будто от землетрясения. Он обхватил мать руками, попытался сдвинуть ее, поднять, но она была жесткой, как мясная туша из морозильной камеры.

Он закричал, обращаясь к ней, судорожным движением подобрал с пола пустую пачку из-под таблеток, хотел прочесть название, но у него все расплывалось перед глазами. Он схватил бутылку, но и на ней не смог ничего разобрать. Он бросился к телефону, споткнулся, смахнул с аппарата трубку и наконец набрал 999.

– Скорую помощь! – выдохнул он, назвал скороговоркой адрес и номер телефона, затем, глотая слова и всхлипывая, добавил: – Пожалуйста, моя мать Глория Ламарк, актриса! Глория Ламарк! *Глория Ламарк!* Пожалуйста, скорее! Она отравилась!

Трубка выпала у него из рук, ударилась о ковер, подскочила и повисла на витом проводе.

Девушка-оператор на другом конце линии продолжала говорить:

– Машина скорой помощи уже в пути. Сэр, пожалуйста, оставайтесь на линии. У нее есть пульс? Дыхание нормальное? Что она приняла? Как давно? Она лежит на спине? Пожалуйста, положите ее на бок. Вы не знаете, были ли таблетки приняты вместе с алкоголем? Скорая помощь находится в пути с того момента, как вы позвонили. Сэр, вы можете собрать упаковки таблеток, которые, как вы думаете, она приняла, и показать их врачам? Удостоверьтесь, что у нее свободны дыхательные пути.

Он обнимал мать за шею, прижимал к себе, всхлипывал, глотал слезы. У нее не было ни пульса, ни дыхания. Она была мертва уже несколько часов. Вслушавшись в голос оператора службы скорой помощи – далекое невнятное бормотание, – он в ярости схватил болтающуюся трубку:

– Я ходил в медицинскую школу, ты, глупая сука! – и, швырнув трубку, снова приник к матери: – Мамочка, пожалуйста, прекрати. Не уходи! Ты обещала, что никогда не уйдешь. Вернись, пожалуйста, вернись. Ты *не можешь* уйти.

Он прижался губами к ее рту, попытался раскрыть его поцелуем – но он оставался сжатым, плотно сжатым. Закрытым.

Она выбросила ключ.

Она улыбалась Майклу через широкий четырехугольник звуконепроницаемого стекла, который отделял крохотную радиостудию от крохотной аппаратной.

Ее звали Аманда Кэпстик. Она работала продюсером в независимой телекомпании, которая снимала документальный фильм про психиатрию. Двадцать девять лет, светлые волосы до плеч, проникающая в душу улыбка. И самоуверенность, пропорциональная красоте лица.

Аманда была первой женщиной, на которую Майкл Теннент взглянул дважды с тех пор, как умерла его жена Кэти.

И он знал почему: она чем-то напоминала Кэти, хотя на самом деле очень от нее отличалась. Кэти была стройной классической красавицей, и в ней было пять футов девять дюймов. Аманда на добрых шесть дюймов ниже, и у нее более мальчишеская фигура. И все же, когда она позвонила и попросила уделить ей полчаса времени и на следующий день вошла в его кабинет – это было ровно три недели назад, – в нем снова зажглась та искра, которая, как он думал, погасла навсегда.

Кэти умела его рассмешить – та Кэти, которую он хотел оставить в памяти. И Аманда, похоже, тоже. По крайней мере, она заставила его улыбнуться. Он попытался не думать об Аманде Кэпстик и сосредоточиться на телефонном собеседнике, но не смог. Раз в неделю он вел часовую радиопередачу, в которой отвечал на вопросы звонящих ему людей. Он всегда делал все возможное для своих слушателей – но не сегодня. Сегодня он старался для Аманды Кэпстик, которая следила за ним из-за звуконепроницаемого окна. На ней был хлопчатобумажный костюм и белая блузка, на запястье – стильные часы.

Сегодня она была его публикой. Он не переставал думать о ней все эти три недели, хотя и видел ее всего один раз. И только благодаря ее присутствию он забыл, пусть только на короткое время, тот кошмар, который начался с телефонного звонка одного из помощников коронера Вестминстера.

Аманда Кэпстик смотрела на психиатра. Он склонился над пультом. На голове огромные, плохо пригнанные наушники. Лицо частично скрыто микрофоном – массивным шаром из серой пенорезины, – но все равно видно, какое оно сосредоточенное и серьезное. О-о-чень серье-езное.

Интересный мужчина. Его внешность сочетала в себе зрелость и мудрость, из-за которых проглядывал мальчишка, о чьем существовании, наверное, не подозревал и сам мистер Теннент. В свои сорок лет он подошел к черте, отделяющей молодость от среднего возраста. Отличный возраст.

Он и одевался соответственно этому возрасту: костюм неброского темно-синего цвета, но с модным воротником и дополненный несколько вызывающим галстуком. Его темно-каштановые волосы были гладко, с помощью геля, зачесаны назад – людей с волосами такого цвета называют шатенами. Небольшие овальные очки в черепаховой оправе, которые на некоторых смотрелись бы лишь как притязание на стильность, придавали ему вид интеллектуала и – совсем чуточку – авантюриста.

«Вы отлично впишетесь в мой фильм, доктор Теннент», – подумала Аманда. В нем чувствовались природная уверенность и рассудительность. Он вызывал невольное уважение. Но больше всего Аманде импонировали его открытость и полное отсутствие высокомерия. Слишком много врачей, и в особенности психиатров, становятся жертвами своей профессии. В какой-то момент они теряют стремление узнавать больше и, кажется, вполне удовлетворяются уже наработанным опытом.

Доктор Теннент не из таких. И еще в нем была какая-то трогательная печаль. Когда он улыбался, казалось, он преодолевает некий внутренний барьер, запрещающий ему улыбаться. Она читала его биографию и знала, что три года назад он потерял жену в автокатастрофе. Может быть, он еще переживает ее смерть.

Аманда также знала, что доктор вел свою программу для «Ток-радио» каждую среду с семи до восьми вечера. И еще в «Дейли мейл» раз в неделю появлялась его статья, посвященная психиатрии. Он был признанным специалистом по обсессивно-компульсивным психозам и психозам телесного дисморфизма – так официально называется класс заболеваний, который пресса окрестила «синдромом воображаемой уродливости». Доктор Теннент регулярно выступал в прессе и на телевидении и как специалист по психиатрии, и как эксперт на судебных разбирательствах.

Три дня в неделю у него была частная практика в больнице Шин-Парк-Хоспитал, возле Патни, оставшиеся два дня занимала работа с пациентами в Высшей медицинской школе при больнице Принцесс-Ройял-Хоспитал, где проводятся исследования в области психиатрии и где ему было пожаловано звание почетного преподавателя. Он имел репутацию филантропа, жертвовал средства на учреждение новых организаций самопомощи для страдающих различными фобиями – в особенности теми, в которых он специализировался, – и всегда был готов отказаться от

гонорара за услуги, если пациент не мог добиться оплаты лечения от национальной службы здравоохранения или частной страховой компании.

Майклу никогда не удавалось комфортно расположиться в этой студии. Она пахла конюшней. В ней было или так жарко, что он покрывался потом, или так холодно, что слезились глаза. Наушники были ужасающе огромными и постоянно норовили сползти с головы. Кофе с каждой неделей становился слабее, а его запах все сильнее перебивался запахом одноразовых стаканчиков, в которых его приносили. Ему постоянно приходилось следить за собой, чтобы не уступить соблазну передвинуть какой-нибудь ползунок на пульте, не отвлекаться на качание индикаторных стрелок, не трогать микрофон и не тянуться к ряду выключателей, под которыми было от руки написано: «Не выключать!»

Обыкновенно перед радиопередачей он не слишком нервничал – он настраивался, ждал своего времени, а потом делал все возможное, чтобы помочь несчастным людям, которые не знали, куда обратиться за помощью. Но сегодня его отвлекала Аманда. И еще эта новость, крутившаяся в мозгу. Ужасная, кошмарная новость: одна из его пациенток, актриса, совершила самоубийство, и виноват в этом был он. Обычно этот час, когда он находился в эфире, пролетал в мгновение ока – теперь же стрелки часов словно остановились. У него были трудные звонки, и он, стараясь произвести впечатление на Аманду, потерял ту спонтанность и теплоту, которыми отличалось его обычное общение со слушателями.

Но теперь, слава богу, передача подходила к концу. Последние десять минут на линии была Мардж, проживающая в Эссексе. Скоро он с ней распрощается. Она разговаривала с ним таким тоном, какой он мог позволить себе лишь по отношению к кассирше в супермаркете, обсчитавшей его на авокадо.

Изо всех сил стараясь сохранить спокойствие, он сказал:

– Я думаю, Мардж, что вам стоит перечитать эту книгу о Фрейде еще раз. Понятие «коллективное бессознательное» ввел Карл Юнг, а не Зигмунд Фрейд.

– Я так не думаю, доктор Теннент, – с вызовом сказала Мардж. – И вы так и не объяснили мой сон. В нем у меня выпадали зубы. Что это значит?

В наушниках прозвучал голос редактора:

– Заканчивай, Майкл. Через минуту новости.

Майкл бросил взгляд на часы, висящие над звуконепроницаемым окном. Было почти семь.

– Это очень частый сон, Мардж. Пару недель назад я разъяснил его во

всех подробностях одному из слушателей. В жизни человека существуют два периода, когда у него выпадают зубы: первый имеет место в детстве, когда молочные зубы сменяются постоянными и возникают все проблемы, связанные с взрослением и особенно с осознанием ответственности; второй период, – и в его голос прокралась едва заметная ехидная нотка, – тот, который, судя по вашему тону, переживаете сейчас вы. Это старение и связанные с ним страхи. Вы боитесь стать нежеланной, слабой, беспомощной. *Беззубой*.

– Но ведь об этом говорил Фрейд, – не сдавалась женщина.

Снова раздался голос редактора:

– Десять секунд.

– Мардж, я боюсь, нам придется на этом остановиться, – сказал Майкл. – Надеюсь, я вам сколько-нибудь помог. – Он щелкнул выключателем и стащил с головы наушники. По спине текла струйка пота. Аманда Кэпстик улыбнулась ему через окно и показала большой палец в ободряющем жесте: «Молодец».

Он улыбнулся ей в ответ и пожал плечами, потом последним глотком допил остатки чуть теплого кофе. Дверь студии открылась, и в ее проеме показался Крис Бимиш, редактор: шесть футов роста, борода, глаза маленькие и красные от усталости. Он задумчиво, словно в замедленной съемке, кивнул.

– Как прошло? – задал Майк свой еженедельный вопрос.

Бимиш выдал свой еженедельный ответ:

– Хорошо. Хорошая программа. Думаю, слушателям понравилось.

– Я был не в форме, – сказал Майкл. – Мне показалось, я взял слишком сухой тон.

– Нет, им понравилось, – повторил Бимиш. Он всегда с легкостью расписывался за триста восемьдесят две тысячи слушателей программы.

– Замечательно, – сказала Аманда Майклу через несколько минут, когда они проходили мимо охранника в пустынном фойе. – У вас весьма располагающий стиль общения со слушателями.

Он улыбнулся:

– Спасибо, но сегодня была моя не самая лучшая игра.

– Я бы хотела использовать кусочек вашей передачи в моем фильме.

– Конечно.

– Мы можем попробовать заснять это в реальном времени, чтобы ухватить спонтанность процесса. – Она помолчала, затем спросила: – Когда-нибудь думали о собственной телевизионной передаче? Как «В

кресле психиатра» Энтони Клэра?

– Не уверен, что люди нуждаются в медиапсихиатрии, – ответил Майкл. – По правде говоря, у меня большие сомнения на этот счет. Десяти минут недостаточно. И даже получаса. Я начинаю думать, что приношу больше вреда, чем пользы. Трудно разговаривать с человеком, не имея возможности увидеть выражение лица, оценить язык движений. Вначале я надеялся, что смогу показать людям, чем полезна психиатрия. Теперь я в этом сомневаюсь.

Они подошли к дверям. Майкл чувствовал запах духов Аманды: тонкий аромат с мускусным оттенком. Он очень нравился ему. Через мгновение она исчезнет, а он поедет домой, навстречу еще одному одинокому вечеру. Разморозит что-нибудь из «Маркса энд Спенсера», посмотрит, что есть хорошего по телевизору, попытается что-нибудь почитать, или займется бумажной работой, или...

...напишет отчет, который затребовал от него коронер.

Ему отчаянно хотелось задержать ее подольше, но он так давно не разговаривал с женщинами на отвлеченные темы, не касающиеся работы, что способность к легкому общению, если она когда-то у него и была, исчезла без следа. И еще он боялся, что она замужем, и тайком бросил взгляд на ее пальцы.

Колец Аманда не носила. Ее руки были неожиданно маленькие и худые, лак на ногтях облетел, будто ее ничуть не заботила собственная внешность. Он считал это добрым знаком. Он с подозрением относился к совершенству. Слишком многие его пациенты грешили максимализмом в этом вопросе. Он любил, когда люди дают себе в чем-то послабление.

– Может быть, выпьем чего-нибудь, если у вас есть свободная минута? – спросил он и сам удивился, как легко это ему далось.

Их глаза встретились. У нее были красивые глаза, темно-синие, полные жизни. Она улыбнулась, взглянула на часы, затем отвела взгляд.

– Спасибо, но я... у меня встреча в восемь.

– Ничего, все в порядке, – сказал Майкл, скрывая разочарование за беспечной улыбкой и спрашивая себя, с каким молодым красавцем она собирается встретиться.

По дороге домой, медленно перебираясь в своем «вольво» через мост Патни-Бридж и двигаясь дальше по оживленной улице, он думал об Аманде. И о том, как она улыбалась ему сквозь стекло аппаратной. Он думал о том взгляде, которым она одарила его на выходе из здания. В этом взгляде определенно была симпатия.

Она отказалась от его предложения выпить вместе.

Но разве не было в ее отказе некоторого сожаления?

Ему еще представится случай. Они еще встретятся. Или... черт, он может попытаться счастья и позвонить ей завтра. Почему бы и нет?

Ну конечно, ты волен сделать это, доктор Майкл Теннент, только чем ты можешь быть ей интересен? Ты на десять лет старше. Она молодая, яркая, энергичная девушка. Весь мир у ее ног. А ты старпер в «вольво».

Ты даже не можешь больше как следует выполнять свою работу. Доказательство этому в сегодняшней утренней газете. Лучше помолись, чтобы она не попала Аманде Кэпстик на глаза.

Но я ей нравлюсь. Определенно нравлюсь. У нее свидание – и что же?

Он решил позвонить ей утром.

В конце концов, она всегда может сказать «нет».

Среда, 9 июля 1997 года

Никто не готовит нас к смерти. Этому должны учить в школе. Вместо этого учителя заставляют нас зубрить, что в прямоугольном прямоугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Я двадцать пять лет таскаю эту чепуху в голове и так и не нашел ей применения. Они заставляют нас учить, как по-французски спросить дорогу к городской ратуше. Я дожил до тридцати семи лет, и мне ни разу не понадобилось спрашивать дорогу к ратуше, тем более по-французски.

Но они и словом не заикаются о том, что ты будешь чувствовать, когда умрет кто-нибудь из твоих близких. А это обязательно случится с каждым. Это только что случилось со мной. У меня никого не осталось, и я должен справляться с этим в одиночку.

Я слышал, что при этом человек последовательно испытывает ряд чувств. Шок. Отрицание. Гнев. Вину. Безразличие.

Я пережил шок, отмотал его по полной. Я пережил неспособность принять свершившееся. Настало время гнева.

Я гневаюсь на многих. Но больше всего я гневаюсь на тебя, доктор Майкл Теннент.

Потому что ты убил мою мать.

– Среда, 9 июля 1997 года. Отчет доктору Гордону Сампсону, коронеру Вестминстера. От Майкла Теннента, доктора медицины, психиатра-консультанта Совета по медицинским исследованиям. Предмет отчета: Глория Дафна Рут Ламарк, ныне покойная.

Покойная стала моей пациенткой в марте 1990 года. До этого она периодически наблюдалась у моего коллеги Маркуса Ренни, психиатра больницы Шин-Парк-Хоспитал – с 1969 года и до его ухода на пенсию в 1990-м. Записи в медицинской карте покойной показывают, что с 1959 года она получала психиатрическую медицинскую помощь и принимала антидепрессивные лекарственные средства. (См. прилагаемый перечень.)

Моя последняя беседа с Глорией Ламарк, имевшая место в понедельник, 7 июля, была чрезвычайно непродуктивна. Я был уверен, что в течение нескольких последних месяцев мы достигли некоторого прогресса и она наконец начала осознавать причины своих трудностей и смирилась с тем, что в силу своего характера не отвечает требованиям актерской профессии. Я пытался убедить ее найти другие интересы в жизни, особенно в области благотворительности, где, как я считал, она могла бы приносить значительную пользу обществу и тем самым вести более осмысленное существование.

По моему мнению, Глория Ламарк была глубоко несчастной женщиной, страдающей расстройством личности, из-за чего она не могла жить обычной социально активной жизнью и фактически превратилась в затворницу. Предпосылки для этого расстройства, очевидно, сложились еще в детском или подростковом возрасте, а крах многообещающей карьеры киноактрисы, произошедший в середине шестидесятых годов, почти наверняка вызвал ухудшение ее состояния.

Майкл отмотал пленку диктофона назад, прослушал начало отчета, затем продолжил:

– В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов Глория Ламарк играла ведущие, а в нескольких фильмах – главные роли,

но затем ее карьера быстро пошла на спад и завершилась, когда ей не было еще и тридцати лет. Она считала, что причиной этому послужил целый ряд событий, произошедших в ее жизни. Рождение сына Томаса. Распад брака. Интриги некоторых ее соперниц, в особенности актрисы Кору Барстридж, которая – это была навязчивая идея покойной – намеренно отбирала у нее лучшие роли из зависти и желания возвыситься.

По моему мнению, настоящей причиной раннего завершения карьеры Глории Ламарк было ее психическое расстройство. Она была не в состоянии принять реалии своей жизни. Она обладала болезненным самолюбием и требовала постоянного поклонения. Если ее талант подвергался сомнению, она впадала в неконтролируемую ярость и часто причиняла окружающим физический вред.

Свойственные ей перепады настроения, во время которых ее сильно преувеличенное мнение о своих способностях сменялось глубочайшей депрессией, имели признаки маниакально-депрессивного психоза. Покойная содержала большой штат – правильнее было бы назвать его свитой, – главная функция которого заключалась в убажании ее самолюбия и пестовании ее заблуждения, что она все еще является звездой экрана.

Не один раз на консультациях Глория Ламарк затрагивала тему самоубийства, хотя, согласно моим записям, она не упоминала о нем в течение двух последних лет. Известно, что она дважды пыталась свести счеты с жизнью – в 1967 и 1986 году после провала театральной постановки, которую рассматривала как возможность возвращения к активной актерской работе. Поскольку попытки самоубийства рассматриваются в психотерапии как фактор риска, я постоянно помнил об этом при выборе методов лечения. Однако, принимая во внимание относительно небольшое количество таблеток, принятых во время этих попыток, и анализируя содержание предсмертных записок, я пришел к выводу, что эти попытки были продиктованы в большей мере желанием привлечь к себе внимание, чем серьезным намерением расстаться с жизнью.

Глория Ламарк жила на широкую ногу благодаря тому, что унаследовала значительную часть состояния своего бывшего супруга, немецкого промышленника Дитера Буха, который погиб, катаясь на лыжах, до того, как все юридически установленные

при разводе формальности были улажены.

Начиная с середины шестидесятых годов интересы покойной касались исключительно ее сына Томаса, который жил вместе с ней и от которого она полностью зависела и в эмоциональном, и в социальном плане, что само по себе является несомненным отклонением от нормы.

Майкл закончил диктовать. Его отчет почти наверняка будет зачитан на судебном разбирательстве. Нужно со вниманием отнестись к чувствам Томаса. Майкла беспокоили отношения Глории Ламарк с сыном, о которых она редко говорила. Он так и не смог вытянуть из нее всей правды об этих отношениях. И Томаса он тоже никогда не видел.

Он знал, что по какой-то причине, о которой Глория предпочла не говорить, мальчика исключили из школы и что он несколько лет наблюдался у психиатров. Складывалось впечатление, что женщина знала, что с ее сыном что-то не так, и прикрывала его как могла – но происходило это из любви к нему или ради сохранения того образа сына, который она нарисовала в своем воображении, Майкл не мог решить.

В свои пятьдесят девять Глория все еще была красивой. После того как от нее ушел муж, у нее было несколько романов, но они никогда не длились долго, и к тому моменту, когда Томас немного подрос, она прекратила видеться с другими мужчинами.

Майкл чувствовал, что его пациентка слишком сильно опекает сына. Он знал, что в детстве Томас в основном обучался дома. Глория как-то сказала, что он хотел стать врачом, но Майкл не смог вытянуть из нее, почему молодой человек бросил Высшую медицинскую школу и вернулся домой. Похоже, у него совсем не было друзей.

Майкл был уверен, что причина этого кроется в чрезмерном контроле над ним его матери. Властное, собственническое отношение к детям встречается у матерей не так уж редко, но Майкл подозревал, что Глорию Ламарк такое отношение завело слишком далеко.

Глория всегда говорила ему, что Томас – само совершенство. Она неизбежно должна была думать так. Для нее была неприемлема мысль, что она могла произвести на свет обыкновенного ребенка. Майкл представлял Томаса послушным, мягким, не приспособленным к жизни человеком, который тяжело переносит психические травмы.

Ох уж это место. Лестница-колодец. Многоэтажная автомобильная стоянка. Серый бетон. Использованные шприцы и бумажные обертки от бургеров. Запах мочи. Вмонтированные в потолок светильники, проталкивающие тусклый, полумертвый свет сквозь налипший слой пыли и дохлых мух.

Утром, когда здесь были люди и достаточно дневного света для того, чтобы не бояться темных углов, это место не беспокоило Тину Маккей, но вечером, когда заходило солнце и на улице становилось темно, оно действовало ей на нервы, и в голову лезли мысли, от которых невозможно было отделаться.

Дверь позади нее захлопнулась, и шум автомобильного движения по улице Хай-Голборн сменился глубоким рычанием – она будто попала внутрь огромного барабана. Ее окружили тени, в мозгу вереницей пронеслись газетные заголовки, сообщающие о найденных в таких вот местах расчлененных трупах. Она начала подниматься по лестнице на пятый этаж. Она ненавидела эту лестницу, но сегодня ее голова была занята другим.

Сегодня она идет на свидание!

Она думала о том, что ей надеть, не нужно ли уложить волосы (времени мало, так что это отпадает). Туфли. Помада. Духи.

Сумочка?

Черт, я забыла забрать туфли из починки! Черная замша. Они бы идеально смотрелись с ее костюмом. Срочно нужно что-то придумать. Черт. Черт. Черт.

Кто-то выдернул из-под нее день, словно ковер. Очередной день – время ускользало от нее, работы прибавлялось, списки авторов удлинялись, и все больше звонков оставалось без ответа. Но сегодня она не будет об этом думать. Сегодня она почти не боялась эха собственных шагов, гнавшего ее вверх по лестнице. Она думала о Тони (*многоуважаемом Энтони!*) Реннисоне. Хороший парень, серьезный интеллектуал, скромный, забавный.

Она явно ему нравилась.

И он ей нравился, и даже больше того.

Неожиданно Тина, которой всегда приходилось вести себя так, будто она гораздо старше, чем есть на самом деле, снова превратилась в девочку.

А еще две недели назад, до встречи с Тони, до их первого свидания, ей было тридцать два, а можно было дать и сорок два, и пятьдесят два.

Тина была невысокая, стриженная под мальчика привлекательная шатенка. Она излучала уверенность благодаря манере держаться. Люди инстинктивно доверяли ей. В школе она была старостой, а сейчас дослужилась до должности шеф-редактора в «Пелхам-Хаус», одном из крупнейших издательств Лондона. За время своей работы она полностью переработала список издаваемой художественной литературы, а сейчас пыталась сделать прибыльной документальную литературу, которая в последнее время переживала спад.

Но сегодня Тина снова была школьницей, которую томило сладкое предвкушение, становившееся все сильнее с каждой пройденной ступенькой, приближавшей ее к машине, к дому.

К свиданию.

Ее «гольф джи-ти-ай», со сломанной выхлопной трубой, стоял на парковочном месте в углу стоянки, под гигантским воздуховодом, похожим на огромного змея, ползущего по потолку. «Гольф» встретил ее резким звуковым сигналом, миганием фар и щелчком открывшихся замков. Тина слегка удивилась, открыв дверь, потому что свет в салоне не включился.

Устроившись на сиденье, она пристегнула ремень безопасности и приготовилась вставить ключ в замок зажигания, как вдруг открылась пассажирская дверь и высокая массивная фигура скользнула на сиденье рядом с ней.

– Помнишь меня? – раздался совсем рядом резкий мужской голос.

Тина похолодела.

– Томас Ламарк. – Мужчина будто перекатывал языком ледышку. – Помнишь меня?

«О господи», – пронеслось у нее в голове. Клетки мозга отказывались функционировать. Машина пахла мужским одеколоном. «Живанши». Тот же самый одеколон, каким пользовался Тони. Но голос был другой. Глубокий, бесстрастный, холодный. В нем была красота стального лезвия. И почти поэтическая музыкальность. Тина схватилась за дверную ручку.

– Нет, – сказала она. – Я вас не помню.

– Ты должна помнить мое имя. *Томас Ламарк*. Ты не стала печатать мою книгу.

Вокруг никого не было. Было почти восемь вечера. Сторож находился в своей будке, пятью этажами ниже.

– Вашу книгу? – Тина не видела лица мужчины. Она говорила с силуэтом – мощным, угрожающим силуэтом.

– Ты не стала печатать мою книгу.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Я... вы... я не помню вашего имени. Томас Ламарк?

– Ты написала мне письмо. Оно у меня с собой.

До нее донеслось шуршание бумаги. Затем она услышала:

– «Уважаемый мистер Ламарк. Мы благодарим вас за вашу рукопись „Авторизованная биография Глории Ламарк“. После тщательного ее прочтения мы с сожалением констатируем невозможность внесения ее в наши издательские планы. Надеемся, что вы добьетесь успеха в других издательствах. Искренне ваша, Тина Маккей, шеф-редактор».

Возникла пауза. Тина подумала, сможет ли она открыть дверь и убежать.

– Ты сожалеешь об этом, Тина? В самом деле? Ты действительно сожалеешь об этом? – Мужчина помолчал. – Мне нужно знать. Это очень важно для меня.

На этаже были другие машины. Она подумала, что кто-то вот-вот появится. В ней зажглась надежда. Надо тянуть время. Он просто псих, и только. Просто псих.

– Вы хотите, чтобы я просмотрела вашу рукопись еще раз? – Ее голос срывался, она не могла говорить громко.

– Уже слишком поздно, Тина.

– Мы привлекаем рецензентов со стороны. Я... нам присылают очень много рукописей, и я не могу читать каждую сама. Мы получаем двести рукописей в неделю.

– Моя показалась недостаточно важной для того, чтобы прочесть ее самой, да, Тина?

– Нет, я совсем не то имела в виду.

– А я думаю, как раз то. Ты хочешь сказать, что она достаточно важна для меня, чтобы написать ее, но недостаточно – для тебя, чтобы ее прочесть. Это биография моей матери, Глории Ламарк.

– *Глории Ламарк?* – эхом отозвалась Тина. Ее горло сжал страх.

– Ты никогда о ней не слышала? – Голос сочился презрением.

– Я... слушайте, пришлите мне еще раз, и я... я прочитаю ее.

Тон голоса изменился, теперь в нем сквозил шарм самого высокого класса. Тина стала надеяться, что все закончится хорошо.

– Знаешь что? Я бы хотел, чтобы все так и было. Поверь мне, я говорю совершенно искренне.

Тина заметила, что в руках мужчины блеснул металл. Затем она услышала звон и шлепок ладони.

– Что это было? – спросила она.

– Монета. Особая монета, принадлежавшая моему отцу. Золотая монета достоинством в двадцать марок, выплавленная в государстве Гессен-Дармштадт в 1892 году, последнем году правления короля Людвига Четвертого. Я только что подбросил ее. Орел и решка. Один и нуль. Выбор одного из двух вариантов. Можно свести к нему все на свете. Так работают компьютеры – ты знала об этом, Тина? Заряжено-разряжено. Вся наша жизнь состоит из двух противоположностей – белого и черного. В этой простоте содержится великая красота. Если бы ты прочитала мою книгу, ты бы знала об этом.

– Я... я прочту ее.

– Нет. Момент упущен. Все в жизни должно происходить в свое время. Ты когда-нибудь думала об этом?

– Никогда не бывает слишком поздно.

– Ты не права. Например, наш разговор случился слишком поздно. – Он снова подбросил монету. – Знаешь, что значит орел?

– Нет.

– Ты бы знала, если бы прочла мою книгу.

Господи, и что я в тебе нашла?

Когда-то Аманда отдала бы за него свою жизнь, но сегодня вечером она смотрела через стол на совершенно незнакомого человека.

Его звали Брайан Трасслер. Ему было сорок шесть лет. У него было худое, жесткое, многоопытное лицо и тонкие светлые, коротко стриженные волосы – только у макушки было оставлено несколько длинных прядей, он зачесывал их набок, чтобы прикрыть лысину. Брайан был в неброском сером пиджаке от Армани и черной рубашке с довольно ярким галстуком. У него была жена – Линда, двое сыновей – Адам и Оливер, три дорогие машины и мотоцикл «харлей-дэвидсон».

Брайан не был красавцем в общепринятом смысле этого слова, но Аманда всегда прекрасно знала о его способности привлекать к себе женщин и часто страдала от ревности. Когда она только встретила его – семь лет уже прошло, – он излучал такую энергию, какую она не встречала ни в одном мужчине. Он производил впечатление человека, который, если бы только захотел, мог бы двигать горы. Именно эта его энергия, вкупе с благоговением перед его профессиональным величием, и привлекла ее к нему.

Их роман начался в номере отеля «Хэльсион», после ленча в «Капризе», во время первого свидания. Семь лет спустя, в том же «Капризе», она положила ему конец. Два месяца назад. Практически день в день.

Брайан постарел. Волосы его потеряли блеск, лицо приобрело нездоровую красноту и было расчерчено лопнувшими капиллярами – долгие годы пьянства наконец сделали свое дело. Он выглядел развалиной.

Аманда подумала, что, возможно, не заметила бы этого, если бы еще любила его. Было время, когда она любила каждый волосок на его теле и не могла представить жизни без него. И она бы продолжала любить его, если бы он не подвел ее.

Если бы он был с ней честен... если бы он сдержал свое слово.

Не миллионы «если», а только несколько – только те, которые действительно имели значение.

Ее удивило, что она ничего не чувствует по отношению к нему. Она боялась этой встречи и даже не была уверена, правильно ли поступила, согласившись на нее. Может быть, ей было жаль Брайана – он словно

сошел с ума, непрестанно звонил ей, заваливал ее электронными письмами, факсами, цветами, умолял передумать. Или, может быть, она согласилась встретиться с ним еще раз, чтобы быть *абсолютно* уверенной в своем решении.

Да, теперь она была *абсолютно* уверена. Какое облегчение! Наконец, по прошествии семи лет, она освободилась от чувств, которые когда-то поработили ее. Она могла спокойно ходить мимо «Каприза», не страшась неожиданного укола в сердце. Она могла слушать Lady in Red, не испытывая внезапной острой тоски. Она могла просыпаться утром, не страдая от внутренней боли, вызванной тем, что сегодня суббота и она не увидит его до вечера понедельника. Телефонные звонки, которые раньше освещали ее жизнь, стали теперь вторжением в нее.

И наконец, спустя семь лет с момента их первой встречи, до нее дошло то, что с самого начала вдавливали ей в голову мать, сестра Лара и лучшая подруга Рокси.

Брайан Трасслер, ты полное и беспросветное дерьмо.

Он вынул из пачки сигарету и зажег ее.

– Аманда, не поступай со мной так, – сказал он. – Я так тебя люблю. Я обожаю тебя.

– Знаю, – просто сказала она.

Он смотрел на нее и барабанил пальцами левой руки по скатерти. Его глаза были красны – интересно, не из-за того ли он выглядит так плохо, что не спит. Он говорил ей, что не может уснуть по ночам, все думает о ней. Ей жаль было это слышать. Она не хотела причинять ему боль.

Он тяжело дышал.

– Я готов оставить Линду.

Линда была красивой женщиной с короткими черными волосами и печальным выражением лица – она будто знала, что с ее браком что-то не так. Аманда никогда не испытывала по отношению к ней злобы, только ревность и, временами, кошмарное чувство вины.

Она покачала головой:

– Нет, ты не готов оставить ее, Брайан. Я слышала это от тебя много раз.

– Теперь все иначе.

«Не потерял ли он способности видеть правду из-за той лжи, в которой погряз?» – спросила себя Аманда. Она впервые увидела Брайана двадцатидвухлетней выпускницей школы киноискусства на собеседовании при приеме на работу в его продюсерскую компанию в качестве ассистента. Увидев вживую такого человека, она испытала благоговение – как же, ведь

он был режиссером или продюсером бесчисленного количества успешных телевизионных сериалов: «Счет», «Лондонская жара», «Щелкунчик», «Холод», «Несчастный случай». Тогда она и понятия не имела о его истинном лице.

Он был мошенником. Снимая свои сериалы, он обдирал как липку всех, с кем работал. Би-би-си давала ему 250 000 фунтов на серию – а он снимал ее за меньшие деньги и творчески распорядился остатком. Он брал и давал взятки.

Он не стремился сделать качественный продукт, завоевать награды, упрочить свой авторитет. Единственное, к чему он стремился, – это выжать из системы как можно больше денег. Он был знаменит тем, что мог выпускать приносящие прибыль, надежные сериалы про полицейских или врачей, и его не беспокоило, что их популярность напрямую связана с новаторскими американскими сериалами, такими как «Скорая помощь» и «Полиция Нью-Йорка».

Но тогда, в начале карьеры, это не беспокоило Аманду. Она встречалась со звездами, принимала участие в создании идущих в прайм-тайм и имеющих хорошие рейтинги сериалов, ей было двадцать два, она была как кошка влюблена в одного из телевизионных богов. Такому старту мог позавидовать любой! Брайан говорил ей, что его брак уже несколько лет действителен только на бумаге, что он собирается уйти от жены и – лакомая наживка – что он подумывает о том, чтобы дать Аманде возможность сделать свой собственный сериал.

Спустя четыре года он все еще не развелся с женой и не дал Аманде снять свой сериал, поэтому она уволилась от него и поступила на работу в более серьезную компанию под названием «20–20 Вижн». Однако расстаться с Брайаном оказалось не так-то легко. Она была полна решимости сделать это, провела в одиночестве три мучительных месяца, а потом, после обильно сдобренного спиртными напитками ленча, они снова оказались в одной постели.

Она смотрела, как он жадно и нервно затягивается сигаретой.

– Ты забрал семь лет моей жизни, Брайан. Лучших лет. Мне двадцать девять. Мои биологические часы не остановились на это время. Мне нужна моя жизнь, и ты должен отнестись к этому с пониманием. Я хочу мужа. Я хочу детей. Я хочу проводить выходные с любимым мужчиной.

– Мы можем начать жить вместе прямо с сегодняшнего дня, – сказал он.

Официант принес кофе. Брайан заказал бренди. Аманда подождала, пока официант не покинет пределы слышимости.

– Отлично, – с иронией сказала она. – Твоя жена на седьмом месяце, и теперь ты хочешь того же от любовницы. С какой ты планеты, Брайан?

Он зло посмотрел на нее:

– Ты что, нашла себе кого-нибудь?

– Нет.

Похоже, он вздохнул с облегчением.

– Значит, у нас еще есть шанс?

– Нет, – сказала она. – Мне жаль, Брайан, но никакого шанса у нас нет.

Вторник, 10 июля 1997 года, 3:12

От: tlamark@easynet.co.uk

Для подписчиков на группы новостей Usenet.

Для фэн-клубов

Отослано на alt.fan.Gloria_Lamark.

С глубокой печалью в сердце сообщаю, что моя мать, Глория Ламарк, скончалась во вторник, 8 июля сего года, в своем доме в Лондоне.

Похороны состоятся на кладбище Милл-Хилл в среду, 16 июля, в 12:00. После похорон в доме номер 47 по Холланд-Парк-Виллас, Лондон W14, пройдут поминки.

Приглашаются все друзья и поклонники моей матери.

Рекомендуется приезжать заранее во избежание давки.

Подробности, касающиеся заупокойной службы для тех, кому не хватит места в церкви, будут объявлены дополнительно.

Зайдите на веб-сайт Глории Ламарк:

http://www.gloria_lamark.com

– У меня есть тайна, – сказал старик и замолчал.

Между его фразами часто бывали долгие паузы – Майкл Теннент привык к этому. Он сидел в своем удобном кресле, с медицинской картой в руках. Время от времени он выпрямлял спину. Кэти всегда говорила, что его осанка никуда не годится.

Кэти.

Ее фотография еще стояла на столе, она еще была в его мыслях. Он хотел, чтобы она покинула их, и в то же время не хотел. Что ему действительно было нужно – это освободиться от боли, обрести возможность идти вперед. Но ему мешало чувство вины.

Его кабинет представлял собой длинную узкую комнату на чердачном этаже элегантного особняка, который когда-то был лондонской резиденцией чайного магната. Теперь в нем располагалась Шин-Парк-Хоспитал. Больница состояла из врачебных кабинетов шести психиатров и четырех психотерапевтов и тридцати одноместных палат для стационарных пациентов. К ней вела украшенная рододендронами подъездная дорожка длиной в четверть мили, проходящая через ухоженный парк и сбегаящая напрямик к Темзе. Майкл и его пациенты не могли насладиться видом на парк, поскольку в кабинете было всего одно окно под потолком – круглое, как корабельный иллюминатор, расположенное чуть ниже крыши, если смотреть с улицы.

Кабинет походил на свалку бумажного мусора. Стол Майкла, еще два стола и стенные шкафы были сплошь завалены папками, медицинскими журналами и книгами, которые следовало отрецензировать. Даже на компьютерном мониторе была стопка бумаги – она лежала там так долго, что Майкл перестал ее замечать.

Он знал, что ему самому надо бы подлечиться – злая ирония. Он должен был справиться со своим горем, но стоящая на столе фотография Кэти ясно показывала, что самостоятельно сделать это он не в состоянии. Вот они едут в машине, Кэти плачет, он чувствует себя полным дерьмом, а в следующую секунду...

Провал.

Амнезия. Тот же самый защитный механизм, что и у некоторых убийц. Они могут сотворить кошмарные вещи с другим человеческим существом, а проснувшись на следующее утро – ничего об этом не помнят.

Записи в медицинской карте, которая представляла собой папку со многими страницами, расплылись. Он чуть приподнял голову и направил взгляд через нижнюю треть своих мультифокальных линз. Слова приобрели резкость.

На обложке папки было напечатано: «Дортмунд, Герман Барух. Род. 07.02.1907». Дортмунд умирал от рака в последней стадии, который был вначале раком толстой кишки, а теперь охватил все тело своими вторичными проявлениями. Неведомо как, но он еще жил: в его скелетоподобном теле была какая-то внутренняя сила, ярость, доставшаяся ему от когда-то безраздельно владевших им демонов, которых он теперь пытался изгнать. Каждый день он рисковал уйти за грань, за которой его поджидало сумасшествие. Хрупкая, ежеминутно грозящая разлететься в прах нормальность психики – вот все, на что он мог надеяться. Но, как считал Майкл, едва ли он этого заслуживал.

Майкл был слишком хорошим профессионалом для того, чтобы прошлое Дортмунда могло повлиять на его суждения или выбор курса лечения. Этого человека судили в Нюрнберге, но он сумел избежать виселицы. С тех пор, терзаемый чувством вины и посттравматическим психозом, Дортмунд каждую ночь путешествовал в ад и каждое утро возвращался обратно.

Иногда даже от одного взгляда на Дортмунда Майкла бросало в дрожь. Он думал, каково было бы им с Кэти в Белсене в 1943-м – они бы смотрели друг на друга сквозь двадцатифутовый забор из колючей проволоки, женщины и дети с одной стороны, мужчины с другой, а вокруг бы стоял запах смерти, запах поднимающегося из печей дыма.

Майкл напомнил себе, что такие мысли не пристали профессионалу. Но разве возможно полностью отстраниться от собственного разума? Он посмотрел на Дортмунда и содрогнулся от отвращения. И все равно он испытывал жалость к этому человеку. Бывали даже моменты, когда Майклу он почти нравился. Присутствие рядом бывшего нациста напоминало ему, что все люди имеют потенциал творить зло и что иногда, даже осуждая поступки другого человека, мы все же можем воспринимать его как личность. А личность Дортмунда весьма интересовала Майкла.

Дортмунду было девяносто лет. Его лицо покрывали печеночные пятна, а углы рта смотрели вниз. Сверкающая лысина покоилась среди седых прядей, словно фарфоровый горшок в соломе. Он никогда не улыбался.

– Мне нужно спросить вас... – наконец проговорил Дортмунд.

– Да? – Обычный вопрос-приглашение психиатра.

– Вы умеете хранить тайны?

– Конечно.

– Неразглашение врачебной тайны? Клятва Гиппократата?

Майкл колебался. Не все современные врачи принимают ее, но он недостаточно проснулся для того, чтобы вдаваться в детали: Дортмунд был ранней пташкой. Он всегда приходил на прием в семь тридцать, чтобы успеть вернуться в свое логово до того, как проснется весь остальной мир, – он не слишком любил сталкиваться с ним лицом к лицу. Майкл ничего не имел против того, чтобы раз в две недели приходиться на работу чуть свет. Это давало ему возможность после ухода Дортмунда целый час разбирать бумаги.

– Совершенно верно, – ответил Майкл.

Дортмунд посмотрел на него так, будто не был уверен, не издевается ли доктор над ним. Даже после стольких лет, прожитых в Англии, он не приобрел чувства языка. Майкл не раз убеждался в том, насколько опасны при разговоре с Дортмундом попытки шутить. Шутки основаны на тонкой языковой игре, которая не была доступна пониманию этого пациента.

– Да. – Старик кивнул. – Знаете, я уже долгое время храню эту тайну – с тех пор как мне исполнилось семь или, может быть, восемь лет.

Он встал с дивана и проковылял по комнате к окну-иллюминатору. Под ярким утренним светом он казался выставленной на обозрение мумией.

– Я знаю, когда что-то должно произойти, доктор Теннент. Иногда я даже это вижу. И эти видения всегда предвещают плохое.

Майкл смотрел на него и молча ждал продолжения, затем, когда его не последовало, спросил нейтральным тоном:

– Вы экстрасенс? Вы это имеете в виду? В этом состоит ваша тайна?

Дортмунд, оглаживая костистыми пальцами полированный, красного дерева набалдашник трости, глядел на Майкла слезящимися глазами.

– За свою жизнь я не совершил ничего, чем мог бы гордиться, – сказал он. – И этими видениями я тоже не горжусь.

– Расскажите мне, что вы видите.

– Я знаю, когда с кем-нибудь должно случиться несчастье. Я решился обратиться к психиатрам, потому что хотел найти искупление своим грехам до того, как умру. Я не нашел его – пока не нашел, – но я кое-что вижу, и, возможно, именно поэтому пришел к вам. Может быть, сама судьба направила меня сюда, чтобы я мог предостеречь вас.

– Предостеречь от чего?

– Вы потеряете любимую женщину.

Майкл хотел сказать: «Вы опоздали на три года», но промолчал. Под

взглядом Дортмунда он чувствовал себя не в своей тарелке. Он отвел глаза. Когда он снова посмотрел на старика, то обнаружил, что тот продолжает глядеть на него с выражением странного отчаяния. *Этого еще не хватало.* Майкл совсем не хотел подводить базу под фантазии старика своими расспросами. Ему необходимо было время, чтобы обдумать услышанное и дать четкий, выверенный ответ. Какие у него еще есть любимые женщины? Только мать – семьдесят пять лет, железное здоровье. Даже если ему суждено вскоре потерять ее, он ничего не желает об этом знать, и уж точно не от этого человека.

Майкл посмотрел на часы. К его облегчению, пятьдесят минут, отведенные на консультацию, прошли.

– Пожалуй, хватит на сегодня, – сказал он.

После ухода Дортмунда Майкл дописал в карту: «Склонен к самоубийству».

Его следующий пациент опаздывал, и у него появилось несколько свободных минут. Наперекор себе он взял телефон и набрал номер матери. С ней все было прекрасно; отец уехал к Лимингтонской гавани – поплавать на лодке, а сама она собиралась пойти с подругой на выставку цветов.

Разговор с матерью ободрил Майка. В отличие от его пациентов, да и от него самого, его родители нашли в жизни мир и спокойствие.

Обливаясь потом, Тина Маккей лежала на жесткой металлической поверхности. Ее руки, ноги, туловище были плотно привязаны к ней, голова зажата в чем-то вроде тисков. Она не могла пошевелить ничем, кроме глаз. Она смутно ощущала катетер, установленный в мочеиспускательном канале. Она понятия не имела, где находится и сколько сейчас времени.

– Хочешь, скажу тебе кое-что?

Она со страхом посмотрела на склонившегося над ней мужчину, стараясь собраться с мыслями, несмотря на ужасную боль во рту.

На нее мягким взглядом серых глаз смотрел Томас Ламарк. Он держал в руках окровавленные стоматологические щипцы.

– Не волнуйся, Тина, не каждый урок должен быть болезненным. А этот урок может оказаться полезным для тебя. Моя мать всегда говорила мне, что человек должен обладать хорошими манерами. В этом мире мы непрерывно учимся. Усваиваешь уроки – становишься лучше, чем был. Разве ты не хочешь стать лучше, Тина? – Его голос был глубок и до смешного благожелателен.

Она ничего не ответила. Уже несколько часов назад она поняла, что голые бетонные стены этого помещения не пропускают звук. Кричать было бесполезно.

Ей нужно было как-то уговорить этого человека отпустить ее – она чувствовала, что где-то внутри у него еще осталась человечность, которую она могла бы попытаться затронуть, если бы смогла установить с ним хоть какое-нибудь взаимопонимание.

– Хорошие манеры подразумевают, что человек способен признать свою неправоту и попросить прощения. Чтобы попросить прощения, нужно обладать мужеством – ты обладаешь мужеством, Тина? Я имею в виду, можешь ли ты *по-настоящему* попросить прощения за то, что не стала печатать мою книгу?

Ей было трудно говорить, но она попробовала. Из наполненного кровью рта, в котором почти не осталось зубов, слова выходили с трудом и неузнаваемо искажались:

– Т-с-та. Прн-сте свою-х кх-нигу. Я нап-чтью. Клх-нусь, я нап-чтью ее. Томас Ламарк, покачал головой:

– Мне жаль, Тина. Ты ведь сама видела, что, когда я подбросил монету,

выпал орел. Я должен подчиняться монете. В жизни должны быть правила, которых нужно придерживаться. И у тебя, и у меня жизнь вышла из-под контроля, верно?

Движением глаз она согласилась с этим.

– Но ты, по крайней мере, могла предотвратить это, Тина. Я же не мог – и в этом различие между нами. Я родился таким, какой я есть. Я никогда не просил об этом. Всю мою жизнь люди твердили мне, что у меня не все в порядке с головой. Мне пришлось с этим согласиться. Мне не нравится быть таким, но я ничего не могу с этим поделать. Я могу только принять то, что во многом я поступаю не так, как остальные люди.

Он отошел на пару шагов назад, улыбнулся, стянул с рук хирургические перчатки и раскинул в стороны свои большие руки.

– Тебе нравится, в чем я хожу?

Она смотрела на него так, будто не поняла вопроса, и он повторил его:

– Как я одеваюсь. Тебе нравится, как я одеваюсь?

Сквозь пелену слез она всмотрелась ему в лицо. Оглядела его с головы до ног. Он был очень высоким – не меньше шести футов шести дюймов. О господи, да кто же этот сумасшедший? Он хорошо выглядел, и в этом была некая странность – он *невозможно* хорошо выглядел, с черными, зачесанными назад волосами, в белой рубашке с открытым воротом, темно-синих брюках, черных замшевых туфлях. Элегантный, но какой-то уж слишком классический типаж. Он напоминал мерзавца из пьесы Ноэля Коварда.

– Нр-х-вится. Э-кх-легантно.

– Ты говоришь это не только для того, чтобы мне было приятно, Тина?

– Нет-т.

Он улыбнулся такой светлой улыбкой, что на секунду она поверила, что все закончится хорошо.

– Рубашка от «Салки», – сказал он. – Они делают удивительный батист, очень приятный телу. Одежду мне всегда подбирала мать. Я выгляжу так, как она хотела, чтобы я выглядел. Тебе нравятся мои туфли?

Тина согласно захрипела в ответ.

– Гуччи. Их трудно достать, потому что они пользуются огромной популярностью. Если кому-нибудь нужны такие туфли, он заказывает их заранее, иначе, когда придет следующая поставка, ему ничего не достанется – их все разберут. – Он повернулся и вышел из поля зрения Тины. – А теперь послушаем музыку. Никто не возражает?

В комнату ворвался церковный хорал, который, как казалось Тине, звучал одновременно со всех сторон – с пола, потолка и четырех стен.

Томас Ламарк снова подошел к ней, и руки его опять были в синих хирургических перчатках. Он улыбался, его глаза, мечтательно возведенные к небесам, говорили, что он унесен из этой темницы звучанием строгих аккордов и высоких чистых голосов в невозможную высь.

Он танцевал, подчиняясь какому-то внутреннему ритму, идущему вразрез с музыкой, и, словно дирижерской палочкой, размахивал в воздухе щипцами. Затем он склонился над Тиной, дыхание которой перехватило от ужаса, взял щипцы поудобнее и раскрыл их зев. зуб вышел с хрустом и куском корня.

Музыка, словно подушка, втянула в себя ее крик.

Вторник, 10 июля 1997 года

Есть одна вещь, касающаяся дружбы, которая всегда меня беспокоила.

Друзья есть у всех, иметь друзей – это норма.

Во всем, что я вижу по телевизору – в фильмах, комедиях, драмах, – у всех персонажей есть друзья, которым они звонят, с которыми болтают, к которым ходят в гости.

Как люди заводят друзей?

Из собственного опыта я знаю, что если искать друзей в Сети, то найдешь только тех, кто пытается продать тебе секс. А когда я иду в паб и с кем-нибудь заговариваю, они думают, что я хочу их снять.

Я понимаю, что во мне есть что-то, что отличает меня от всех прочих. Я не знаю точно, что это – возможно, отсутствие терпимости или что-либо иное.

Мать всегда говорила мне, что она – единственный друг, в котором я нуждаюсь. Я никогда в это по-настоящему не верил, но теперь, когда ее больше нет, нет уже сорок восемь часов, я начинаю понимать, что она была права.

Я воспринимаю мир по-своему, и единственным человеком, обладавшим таким же видением мира, была моя мать. Она говорила, что мир постоянно ищет возможность унижить тебя и нужно давать миру сдачи со всей силой, на какую ты способен.

Иначе мир победит.

Если сомневаешься, подбрось монету. Движение монеты направляется Высшей силой. Если ты не можешь принять решение, Она сделает это за тебя.

Потому что некоторые решения требуют такой ответственности, какую не в силах возложить на себя ни один человек.

Глория Ламарк выбрала дом номер 47 по Холланд-Парк-Виллас за его пышность и театральность. Квадратный в плане, с классическими пропорциями, он мог бы быть помещичьим особняком на лоне природы, однако здесь, в лондонском Холланд-парке, он был всего лишь одним из многих больших домов. Некоторые дома имели фасады в стиле Регентства или Георгов, другие, как номер 47, были построены в стиле викторианской готики с галереей, высокими узкими окнами и арочными дверными проемами, сообщавшими им таинственный и даже немного сказочный вид.

Расположенный на тихой улице, вдали от суматошной Кенсингтон-Хай-стрит и отделенный от проезжей части изогнутой гравийной подъездной дорожкой, дом был скрыт от любопытных глаз высокой, увитой плющом стеной, коваными железными воротами, через которые было пропущено электричество, и густыми кронами растущих в саду деревьев и кустов.

Глория Ламарк въехала сюда в 1955 году, когда ее карьера взлетела вверх подобно ракете. Она предполагала вести жизнь светской львицы и устраивать регулярные приемы.

Интерьер дома производил впечатление сценической декорации – выложенный плитками пол в холле, широкие коридоры и лестницы, мебель и прочие предметы были черного, серого или белого цвета. На стенах сплошным полем висели фотографии актрисы – тоже в основном черно-белые.

Глория Ламарк хотела быть единственным цветовым пятном на этом фоне и сделала для этого все возможное. Ни разу за сорок два года она не разрешила внести в дом другие цветы, кроме белых. В ее саду росли практически одни только вечнозеленые растения. Пруд в обрамлении классических колонн и арок напоминал итальянскую лагуну. В нем водились карпы, но лишь потому, что, обитая под водой, они не могли конкурировать с Глорией красотой расцветки. Зато гости, которые выглядели лучше, чем она, никогда не приглашались во второй раз.

В течение десяти лет этот дом был свидетелем многих богемных вечеринок, но затем праздники позабыли его, так же как позабыли о существовании Глории Ламарк ее друзья. По прошествии этих десяти лет здесь было лишь несколько званых обедов, абсурдно формальных и отупляюще скучных для всех присутствующих, кроме Томаса. Он любил,

когда его мать сидела во главе стола в своем лучшем платье и рассказывала истории, которые он слышал тысячу раз и которые никогда не уставал слушать.

Томас вспоминал один из таких званых обедов. Он сидел за компьютером в своей комнате для занятий, расположенной на первом этаже, прямо под спальней матери – если она звала его, здесь он мог ее слышать. Тяжелые угольно-черные портьеры – светомаскировка времен Второй мировой войны – пропускали в комнату только несколько тонких лучиков утреннего солнца. Он опустил портьеры на всех окнах в доме.

Он с радостью погасил бы солнце и погрузил во тьму весь мир. Свет – для живых. Для мертвых – тьма. Теперь этот дом – дом мертвых.

Был вторник, десять тридцать пять утра. Он, как обычно, не спал всю ночь. Хотя не совсем как обычно – его мать умерла, и поэтому ничего и никогда уже не будет *как обычно*. Все изменилось. Прошлое – это другая страна. Но чтобы попасть в новую страну, недостаточно просто перейти границу. Нужно закончить некоторые дела. Путешественники собирают чемоданы перед тем, как отбыть. Завершить дела – все равно что собрать чемоданы.

Он поразмыслил над метафорой и счел ее неплохой. Чемоданы или...

Он отклеил от запястья пластырь и посмотрел на ряд следов от зубов. Эта сука редакторша укусила его вчера вечером на стоянке. Человеческие укусы опасны – опасней собачьих, опасней, чем впившийся в руку ржавый гвоздь. Следовало сделать противостолбнячный укол, но он был слишком занят. Как он в одиночку справится со всем, что нужно еще сделать?

Томас потер усталые глаза и, оторвавшись от дневниковых записей на компьютерном экране, посмотрел на постер над столом. С постера на него смотрела мать. В этой комнате не было ни одного уголка, который не напоминал бы о ней. Каждый дюйм стен покрывали ее забранные в рамки фотографии, постеры, афиши, посвященные ей стихи. Этот постер был его любимым. Она пренебрежительно смотрела в камеру сквозь волнистые светлые волосы, капризно надув губки и вызывающе выставив ногу в черном чулке из открытой двери спортивного «ягуара ХК120». Ее юбка задралась недопустимо высоко, приоткрыв или почти приоткрыв (он никогда не мог сказать с уверенностью) обнаженное бедро.

Внизу постера было написано:

«ЛОУРЕНС ХАРВИ И ГЛОРИЯ ЛАМАРК... В ФИЛЬМЕ...
„ДЬЯВОЛЬСКАЯ ГОНКА“!»

Она играла главную женскую роль. Ее имя стояло *впереди названия!* Ее партнером был один из величайших актеров двадцатого века!

А теперь она мертва. Ее карьера была разрушена нечистыми на руку конкурентами, ее достоинство было попрано ничтожествами вроде этой суки Тины Маккей. А затем ее убил доктор Майкл Теннент.

Его мать лежит в холодильнике морга. Он знал, как вскрывают трупы, и считал это унижительным. Его мать, прекрасное, небесное создание, лежит там обнаженная, ее мозг, извлеченный из черепа каким-нибудь тупоголовым патологоанатомом, разрезан, завернут в пластиковый пакет вместе с остальными органами и засунут в нее, словно потроха купленной в супермаркете курицы.

Он тихо заплакал от этой мысли. Человеческое достоинство так много значило для нее, а теперь ее тело кромсают пилами, ножами и скальпелями на стальном покойницком столе.

Он посмотрел на стол. На зубы Тины Маккей. Он смыл с них кровь и разложил в правильном порядке, чтобы удостовериться, что не пропустил ни одного. Полный набор. В отличном состоянии – она, наверное, хорошо за ними ухаживала.

Неожиданно он почувствовал острый укол вины – из-за боли, которую ей причинил. Он снова посмотрел на следы от зубов на запястье. Затем перевел взгляд на экран, на слова, которые только что напечатал.

Нужно давать миру сдачи со всей силой, на какую ты способен.

Нужно.

Он почувствовал себя лучше. *Причина и следствие.* Так функционирует мир. Тина Маккей укусила его, и теперь она никогда не сможет этого сделать.

Чувству вины нет места.

Она получила свое только потому, что отвергла его рукопись. Она сама во всем виновата.

«Странная штука – человеческая воля к жизни», – подумал он. Люди сделают все и скажут все, лишь бы остаться в живых. Даже если, как в случае с Тиной Маккей, все, что их ждет впереди, – это еще больше боли.

Его совесть была чиста. Он потянулся к музыкальному центру и нажал клавишу воспроизведения. Комнату заполнил голос психиатра. Томас знал наизусть каждое слово, записанное на пленке.

Он перемотал кассету назад, откинулся в кресле и включил запись снова – в сотый, в тысячный, в миллионный раз прислушиваясь к обеспокоенному голосу доктора Майкла Теннента.

«Это доктор Теннент. Глория, не могли бы вы мне позвонить? Боюсь, я

расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

Он нажал «Стоп» и стал смотреть на экран компьютера. Он попытался продолжить свои записи, но буквы на экране потеряли резкость. В одиночестве своей комнаты он оплакивал все, что потерял.

Майкл Теннент все еще пребывал в растерянности после сеанса с Германом Дортмундом. Он никак не мог сосредоточиться на своем следующем пациенте – сорокадвухлетней женщине, страдающей от телесного дисморфизма.

Несчастливая за последние пять лет сделала одиннадцать пластических операций лица и тела. Ее трагедия состояла в том, что она, будучи и до этих операций красивой женщиной, просто не могла поверить в это. Случай, противоположный случаю Глории Ламарк, которая не могла поверить в то, что когда-нибудь утратит красоту.

У Майкла раскалывалась голова. Несмотря на то, что на нем был легкий льняной костюм светлого тона, он чувствовал, что покрывается потом. Хорошо бы пойти домой, проглотить пару таблеток парацетамола, спокойно посидеть в комнате, задернув занавески на окнах. Но у него сегодня полный список, и некоторые из его пациентов полностью зависят от него. Некролог в газете, лежащей на столе, – первое тому доказательство.

Передозировка лекарственных средств.

Он точно знал, почему она это сделала, и это было хуже всего. Она сделала это, потому что...

Зазвонил телефон. Секретарша Тельма сообщила, что пришла пациентка, которой было назначено на одиннадцать. Майкл попросил, чтобы та подождала несколько минут.

– Хорошо, доктор Теннент, – сказала Тельма, затем добавила: – Я слушала вчера радиопередачу. Думаю, она прошла очень хорошо. Вы были даже более доверительны, чем обычно.

Майкл унаследовал Тельму от своего предшественника и знал, что у нее есть муж-деспот и почти наверняка был такой же властный отец. Это была маленькая миловидная женщина с седыми волосами, нервная и услужливая. Она выглядела старше своих лет. Майкл считал, что она научилась жить, не вступая ни с кем в конфликт. Она нашла фарватер, позволяющий идти меж скал, и не покидала его ни при каких обстоятельствах. В таком образе жизни мало хорошего, но столь же мало плохого. Существование в истинном смысле этого слова. Что ж, многие люди не имеют и этого.

Тельма редко высказывала свое мнение, поэтому Майкл удивился ее

замечанию:

– В самом деле? Я-то как раз думал, что вчера не слишком хорошо отработал.

Тельма замялась:

– Мне показалось, что вы были более эмоциональны. Я... я не имею в виду, что обычно вы ведете программу хуже, но вчерашний эфир определенно отличался от всех прочих.

«Из-за Аманды?» – подумал Майкл и сказал:

– Спасибо. Однако я не уверен, что буду продолжать делать эту передачу.

– Вы *должны* продолжать, доктор Теннент, – с убежденностью сказала секретарша. – Уверена, вы очень помогаете людям.

– Зато я не уверен. – Майкл помолчал. – Дайте мне две минуты. Мне нужно позвонить.

Он положил трубку и посмотрел на фотографию Кэти. Их последний совместный отпуск. Они плыли вниз по Нилу на пароходе. Он помнил, как жена, опершись спиной на ограждение палубы, улыбалась и смотрела на него доверчивыми голубыми глазами. Ветер оборачивал ее светлые волосы вокруг шеи, их пряди падали ей на грудь. На ней был розовый кашемировый джемпер. Она загорела тогда и вся будто состояла из трех цветов. Коричневого – цвет кожи, золотистого – волос, и розового – джемпера. На фоне чистой глубокой лазури египетского неба это сочетание казалось совершенным.

Почему же он сделал это?

Почему?

Она была *очень* красива. Английская роза. Принцесса. Его затянул калейдоскоп воспоминаний. Она могла есть все, что хотела, и никогда не прибавляла в весе. Она любила есть. Жареные морские языки в ярд длиной. Тушеное мясо с луком. Большие липкие пончики, наполненные сливочным кремом. Он вспомнил, как однажды, во время их медового месяца, она положила пончик ему в рот, а затем, смеясь и в шутку ворча на него, будто на непослушного ребенка, слизала сахар с его губ.

И вот теперь она мертва.

Зажата искореженным металлом разбитой машины, в крови, со сломанными костями, без движения. Рядом сдувшаяся аварийная подушка, как гротескная пародия на использованный презерватив. Окровавленное, мертвое лицо водителя фургона, с которым они столкнулись лоб в лоб, его обвиняющий взгляд сквозь ветровое стекло в трещинах. Спасатели, пилами пробивающие себе путь внутрь машины. Зеваки, собравшиеся вокруг.

Твоя вина... твоя вина... твоя вина.

Воспоминания, которых он не хотел бы иметь и с которыми вынужден сражаться.

Каждый день, каждую ночь его разум возвращался к тому несчастному случаю. В его мозгу была надежно закрытая предохранительная дверь, за которой находились несколько секунд его жизни – двадцать, может быть тридцать, в течение которых перевернулся его мир. Он не мог добраться до них, не мог подобрать ни ключей, ни комбинации цифр, которая бы открыла замок.

Когда-то, когда все еще было хорошо, у них было обыкновение вести душевные разговоры, какие влюбленные обычно ведут за бутылкой вина или свернувшись калачиком в постели. Иногда они говорили о смерти – что будет, если один из них потеряет другого. Кэти всегда говорила, что ей было бы очень грустно думать, что, если она умрет, он больше никогда не будет счастлив. Она заставила его клятвенно пообещать, что он постарается двигаться вперед, найти кого-нибудь, начать новую жизнь.

И теперь воспоминание о ее душевном благородстве сгибало его в дугу всякий раз, когда он смотрел на лежащую на его столе визитную карточку Аманды Кэпстик:

«20–20 Вижн продакшнз лтд.
Аманда Кэпстик.
Продюсер».

Он снова взглянул на некролог в «Таймс». Глория Ламарк.

Передозировка лекарственных средств...

Он уже знал его практически наизусть.

9 июля в Лондоне, в возрасте пятидесяти девяти лет, от передозировки лекарственных средств умерла Глория Ламарк, киноактриса. Она родилась в Ноттингеме 8 августа 1928 года.

Ее карьера достигла своего пика в пятидесятых годах. Критики того времени называли ее английской Брижит Бардо, хотя во многих отношениях Глория Ламарк была более одаренной актрисой. Среди ее многочисленных достижений можно назвать роли в таких фильмах, как «Дело „Арбутнот“» (режиссер Бэзил Риардон), «Штормовое предупреждение» (режиссер Кэрол Рид) и ее самый успешный фильм «Крылья пустыни», где ее партнером стал Бен Газзара. Глория Ламарк впервые вышла на сцену в

трехлетнем возрасте, в постановке «Матушка-гусыня» Ноттингемского драматического театра. Ее муж, немецкий промышленник Дитер Бух, умер в 1967 году. Она оставила после себя сына Томаса.

Майкл засунул газету в ящик стола, как будто, если ее не будет перед глазами, его вина улетучится сама собой. Это действие прямо противоречило тем советам, которые он давал своим пациентам. Встречайте грудью свои проблемы, свои страхи, своих демонов и чудовищ. *Не прячьте их в дальний ящик.*

Передозировка лекарственных средств.

Это случается с каждым психиатром, однако от этого не легче. Глория Ламарк никогда ему особенно не нравилась, но его личное отношение к ней не влияло на то, как глубоко он переживал ее смерть. Его работа – помогать людям, а не судить их. И его постигла неудача.

Хуже всего было то, что он точно знал, почему так случилось. Он затронул тему, которую не следовало затрагивать. Глория Ламарк была к этому не готова.

Майкл снял очки и закрыл лицо ладонями. *Господи, как я мог быть так глуп?*

Затрещал телефон. Он поднял трубку и услышал голос Тельмы:

– Уже можно впустить к вам миссис Казан?

– Еще пару минут, – попросил он.

Он снова посмотрел на визитку Аманды Кэпстик, вспомнил, как она улыбалась ему из аппаратной. Вспомнил тепло, которое она излучала. Стараясь не смотреть на фотографию Кэти, набрал номер. Телефонистка попросила его подождать, и через несколько секунд ожидания он услышал голос Аманды. Кажется, она была рада его слышать.

– Вы были великолепны, – сказала она. – Прошлым вечером, на передаче. Я под большим впечатлением.

– Мм... Спасибо!

– Не благодарите, все на самом деле прошло очень хорошо. Мы наверняка включим фрагмент передачи в фильм.

– Я очень рад. Э... Слушайте. – Ему неожиданно стало жарко, лоб вспыхнул огнем. – Я... мне дали два билета в «Глобус», на следующий четверг. «Мера за меру», вечерний спектакль. Вы еще не видели его? Не хотели бы сходить?

Она ответила, что спектакля не видела и вообще в «Глобусе» ни разу не была. Конечно, она хотела бы сходить. Судя по голосу, она была в

восторге от его предложения. Она сказала, что видела телевизионную версию, но никогда не видела, как эту пьесу играют вживую.

Майкл положил трубку с чувством душевного подъема. У него получилось. Он назначил свидание.

Через целых семь дней, но это не имело значения. В первый раз за три года он будет чего-то ждать.

Тельма позвонила снова. На этот раз назойливый звонок, в котором звучала настойчивость, ничуть не расстроил Майкла.

– Тина, посмотри! Ты попала в «Ивнинг стандарт»!

Томас Ламарк склонился над операционным столом, держа газету перед закрытыми глазами Тины Маккей.

Ее лицо было бледным. Темные круги вокруг глаз. Струйка крови стекала из угла рта. Она плохо выглядела.

Ей отдали не всю первую полосу – главная статья была посвящена Ольстеру, – но на единственной фотографии, помещенной на эту страницу, было лицо Тины.

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РЕДАКТОРА. ВОЗМОЖНО
ПОХИЩЕНИЕ».

– Я единственный человек в мире, кто знает, где ты находишься, Тина. Что ты по этому поводу чувствуешь?

Ответа не было.

Он проверил ее кровяное давление. Оно было крайне низким. Пульс: 120. В катетерном мешке по-прежнему было совсем немного мочи. С тех пор как она попала сюда, он не давал ей ни пить, ни есть.

Как я мог забыть об этом?

Это беспокоило его. У него всегда были провалы в памяти, но сейчас, похоже, ситуация ухудшалась. Он с раскаянием посмотрел на женщину, пытаюсь вспомнить, сколько она уже здесь. Почти неделю.

– Бедняжка, ты, должно быть, хочешь пить и есть. Я не собирался превращать твою жизнь в ад. Я хотел преподать тебе урок, наказать тебя, я хотел, чтобы ты научилась понимать, что такое боль, – ведь ты причинила столько боли моей матери. Но я не хотел быть с тобой жесток, не собирался лишать тебя воды и пищи. Понимаешь?

Он ловил глазами знаки того, что она понимает его, но так и не увидел ни одного.

Повысив голос, он сказал:

– Я прошу прощения, Тина. Я извиняюсь, я и в самом деле виноват. Ты прощаешь меня?

Нет ответа.

Он положил «Ивнинг стандарт» на металлический столик с инструментами, открыл «Дейли мейл» и таким же образом подержал ее

перед лицом Тины.

– Ты и в «Мейл» попала. Пятая страница. Большая статья, хорошая фотография. – На ней темные волосы Тины были коротко пострижены – так же, как и сейчас; она была хорошо одета, приятно улыбалась, выглядела вполне ответственным человеком. Лучшая ученица в классе. Хотя она никогда, никогда не смогла бы выглядеть как его мать. Томасу стало жаль ее. Пытаясь ее подбодрить, он сказал: – Тут хорошие вещи про тебя пишут, Тина. Оказывается, ты начала свою карьеру с должности секретаря и поднялась до шеф-редактора художественной литературы, а теперь отвечаешь за выпуск документальной прозы. – Он отложил «Мейл» и развернул «Миррор». – Тина, взгляни сюда. Здесь есть фотография твоего друга. Многоуважаемый Энтони Реннисон. Он говорит, что не знает, что с тобой случилось, и сходит с ума от беспокойства. – Томас рассмотрел лицо мужчины на фотографии, затем перевел взгляд на Тину. Вот эти двое имеют друг с другом отношения. Как они встретились? Почему они стали парой? – Тина, скажи мне, тебе нравится этот человек? Он не очень-то красив. Урод без подбородка. Почему в мире находится кто-то, кто хочет встречаться с ним, но нет никого, кто захотел бы общаться со мной?

По-прежнему никакого ответа.

Он положил газету.

Что я сделал с этой женщиной?

По его щеке сползла слеза.

Что я сделал?

Надо заканчивать с этим.

– Тина, ты постоянно твердишь мне, как тебе жаль, что ты не опубликовала книгу о моей матери. Ты должна понять, что мне тоже очень жаль. Мне жаль, что мою мать скоро положат в могилу, а ее биография так и не напечатана.

Он повернулся и начал ходить от одной бетонной стены до другой, а в его голове крутилась всего одна фраза. *Продолжать держать ее здесь или отпустить?*

Наконец он остановился, вынул из кармана монету, подбросил ее в воздух, поймал.

Решка.

– Тина, я тебя отпускаю.

Вторник, 15 июля 1997 года, 4:00

Сегодня приезжают люди из фирмы, организующей поминки. Они все приготовят на завтра. Нужно постараться мыслить ясно. Мне много о чем надо подумать.

Я пошел проверить Тину и обнаружил, что она уже ушла. Пульса нет. Небольшая доза кураре парализовала ее легкие. Ее конец был скор – по сравнению с долгими днями мучений.

В целом я считаю, что для нее это не прошло даром. Она прекрасно восприняла урок, который я ей преподал. Я процитировал ей Сократа, сказав, что величайшую боль мы причиняем себе сами, и она оказалась достаточно умна для того, чтобы понять это. Я рад за нее.

Думаю, что благодаря опыту, полученному здесь, со мной, в следующий раз она не сделает подобной ошибки. Но все в руке Божьей.

У Господа есть своя монета.

Никто не пришел.

Томас сидел на заднем сиденье черного «даймлера», пытаясь осмыслить происшедшее. Мимо, искаженный преломлением в миллионах призм, проплывал Лондон, с которым он не был знаком. Может быть, снаружи шел дождь, а может, он плакал. Какая разница?

Не вставая, он пнул сиденье перед собой – то, что располагалось прямо под стеклянной перегородкой, отделявшей салон от кабины водителя. Он видел, как водитель чуть повернул голову, чтобы поймать его отражение в зеркале. Ну и что?

Его мать была мертва, и ничто уже не имело значения.

Кроме этого.

Никто не пришел! Только сотрудники похоронной конторы: водители, люди, в чьи обязанности входила переноска гроба, мистер Смит – опрятный человечек, распорядившийся ходом похорон. Священник, не зачитавший и восьмидесяти процентов информации о матери, которой его снабдил Томас. И какой-то тупоголовый репортер из местной газетенки, почти мальчишка, с дешевым фотоаппаратом, у которого хватило совести спросить у него, кто такая Глория Ламарк.

Господи!

Может быть, они не разобрались с указаниями и сейчас ждут его возле дома. Ведь в «Таймс» был некролог – да, он сам его для них написал, потому что у них не было данных, но ведь это не важно. Он сделал рассылку подписчикам фэн-клуба матери. Он разместил объявление на ее веб-сайте. Его мозг как будто бы не фиксировал того обстоятельства, что никто и никогда не отвечал на его рассылки и не посещал сайт.

Водитель, маленький человечек в черном костюме и в кепке с козырьком, глазел на женщин. Томас видел, как он постоянно крутит головой, разглядывая красивых девушек, идущих по тротуару.

Томас не мог в это поверить. Они ехали с похорон его матери, а этот человек, этот ничтожный червь, работающий в похоронном бюро, который должен быть погружен в благочестивые мысли, вместо этого думает о том, как использовать свой член.

Томас наклонился вперед и ударил кулаком в стеклянную перегородку:
– Прекратите сейчас же!

Водитель повернулся. Он был удивлен и сконфужен.

– Сэр?

Но Томас уже сел обратно на свое место. Он погрозил водителю пальцем. Водитель в полном недоумении стал смотреть на дорогу.

Возле дома тоже никого не было. Утопая ботинками от «Лобб» в расстеленном на лужайке покрытии, Томас направился к сооруженному рядом с домом большому фуршетному тенту. На нем был черный костюм от «Босс» – летний вариант, смесь мохера и шелка, со слабым блеском. Под пиджаком жесткая белая рубашка из «Фаворбрук» – китайский воротник-стойка, с одной черной запонкой с бриллиантом.

Он купил эту одежду специально для похорон. Он хотел показать матери, что с ним все в порядке, что он справляется. Она бы не выбрала такой наряд, на ее вкус он был слишком современен, но Томас хотел показаться перед прессой именно в таком виде, чтобы все знали: его мать была современной женщиной, они оба современные люди, дети девяностых, люди третьего тысячелетия.

Под тентом было душно, но это его не беспокоило: жара – это ерунда. Ему не было жарко.

Он чувствовал силу.

Сила плескалась в его теле. Она текла по рукам, по ногам.

За длинной барной стойкой было шесть барменов. У столов с едой – пятнадцать официанток. Омары. Креветки из дублинской гавани. Клешни крабов. Самые лучшие устрицы. Блюда с зажаренными целиком бекасами. Кускус. Манго, гуава, маракуйя, личи. Любимая еда его матери. Пиршество. Обед на триста персон. В глубине находилась небольшая сцена с микрофоном, с которой Томас планировал сказать речь и поблагодарить всех за то, что пришли.

Он заказал даже долбаного церемониймейстера в ливрее.

Потолок тента был с рюшами. Это стоило дополнительных денег. По крыше барабанил дождь. В дальнем углу он увидел прореху в крыше, с потолка капала вода.

Никого нет, и чертов тент протекает.

Томас все ходил и ходил из угла в угол. Только он, шесть барменов, пятнадцать официанток, церемониймейстер.

У него не выходил из головы репортер из «Милл-Хилл», который пришел на похороны. Тупое ничтожество в белых носках и дешевом костюме, с волосами как сортирная щетка – и в цветастом галстуке. Да, в галстуке с желтыми, розовыми, белыми, синими полосами и оранжевыми горошинами – на похоронах его матери.

«Простите, меня послал сюда редактор. До сегодняшнего дня я ничего не слышал о Глории Ламарк».

Каким надо быть идиотом, чтобы прийти на похороны того, о ком ты даже не слышал? И зачем? Чтобы потом стоять и насмешливо кривить рот, потому что никто больше не пришел? Это кем надо быть, чтобы не удосужиться надеть черный галстук?

Визитная карточка юнца лежала у него в кармане. Джастин Ф. Флауэринг. На оборотной стороне юнец написал номер своего домашнего телефона. Ему не хватило порядочности на то, чтобы поехать на поминки.

Ты мне не нравишься, Джастин Ф. Флауэринг. И мне не нравится твое имя. Мне кажется, мы с тобой не поладим.

Официантки все как одна таращились на него. И бармены тоже. Они еще не знали, что на похороны Глории Ламарк никто не пришел.

Не пришли даже старые верные слуги. Ни один. Томас полагал, что они были в обиде на его мать, потому что она уволила их. В последние два года у нее бывали странные перепады настроения. Мало-помалу она перессорилась со всей прислугой, даже с теми, кто служил у нее уже тридцать лет. Последней она уволила женщину, которая убирала дом. Мать говорила Томасу, что просто хочет, чтобы они были только вдвоем, без посторонних, чтобы никто не вмешивался в их счастливую жизнь.

И все равно, они же могли прийти сегодня – этого требуют правила приличия. Не может быть, чтобы они не смогли скрепить сердце и простить ее. Хотя бы Ирма Валуцци, ответственная за гардероб. Или Энид Дитеринг, секретарь. Единственным, кто принес извинения за отсутствие, был Джоэль Гарриман, пресс-агент, – он, дескать, еще не восстановил здоровье после операции на сердце. И все равно, мог бы прислать кого-нибудь из своей конторы. Разве нет? А вместо этого отделался чертовой телеграммой.

А как же доктор Майкл Теннент? Было понятно, что он не придет. У него бы духу не хватило здесь показаться.

Деревянной походкой Томас прошел в дом и затем в кабинет матери, закрыл за собой дверь, чтобы никто не смог услышать его. Как и в спальне, в этой комнате был ее запах. «Шанель номер пять». Ею пахли обои, занавески на окнах, диванные подушки, листы бумаги для записей, лежащие на столе. Эти листы она ежедневно заполняла для него.

На разных листах – разные заголовки. Списки ежедневных покупок были озаглавлены: «Косметика», «Витамины», «Гомеопатические средства», «Китайские травы», «Другие лекарства», «Продукты», «Мелочи для дома», «Разное». Списки ежедневных телефонных звонков. Списки писем, на которые он должен был написать ответы. Стопка счетов. Сверху

лежал счет от пресс-службы «Дюррантс».

Томас сел в массивное, богато украшенное кресло, и на него неожиданно навалилась страшная усталость. Он смотрел на тоненькую стопку писем с соболезнованиями. Он избегал материнских глаз, которые в этой комнате были всюду. Они взглянули на него из рам. Они обвиняли его.

Ты идиот.

Ты опозорил меня.

Ты выставил меня полной душой.

И это было так. Он знал это. Через десять минут бармены поймут, что к чему, и начнут насмехаться над ними. И официантки. Лучше всего, наверное, остаться в этой комнате, и пусть со всем разбираются похоронные распорядители. Он сделал все, что мог, отплясал свое. Теперь пускай все катятся к чертям.

Он посмотрел на небольшую, единственную в доме фотографию отца, которого он едва помнил – тот ушел, когда Томасу было три года. Отец, в длинном плаще, стоял перед пропеллером самолета. Его собственного, как однажды сказала Томасу мать. Высокий человек, по-тевтонски красивый, с черными волосами и жестким, неулыбчивым выражением лица. Томасу нравилась эта фотография. В этом человеке была холодность, было достоинство. Такого человека никогда и никто не выставит дураком.

Томас был сыном своего отца.

Он потянулся к телефону. Старомодная модель, с диском, а не с кнопками. Мать считала, что крутить диск более элегантно, чем нажимать на кнопки. Он набрал домашний номер Джоэля Гарримана.

Гарриман сам взял трубку. Томас мгновенно узнал его голос – визгливый голос дурашливого толстяка:

– Томас, здравствуй, дружище. Как все идет?

Томас понимал, что Джоэлю Гарриману уже лет двадцать как не о чем писать, но мать настояла на том, чтобы продолжать ему платить, и Томас знал почему: потому что он был крупным специалистом по подхалимажу. Безжизненные, аккуратно зачесанные на плешь волосы, шитые на заказ утепленные костюмы, личный тренер, перманентный загар. Гарриман непрерывно бомбардировал редакции газет и телеканалы плохо написанными, плохо фотокопированными пресс-релизами о Глории Ламарк.

Но надо отдать ему должное: толстяк добился того, что о днях рождения матери упоминали несколько крупнейших газет и журналов. А когда какой-нибудь из ее старых фильмов был запланирован к показу на телевидении, он мог устроить ей интервью на местной радиостанции. И он

умел разговаривать с людьми.

– Вы хоть кому-нибудь сообщили? Что вы вообще сделали?! – взвыл Томас. Его голос срывался от злости.

– Эй, дружище! – Гарриман переменял тон. – Что стряслось?

– Скажите мне, что вы сделали, чтобы люди узнали о смерти моей матери?!

– Мы разослали пресс-релиз, текст которого ты нам дал.

– Кому вы его разослали?

– Да всем! И еще мы обзвонили тех, кому, по моему мнению, нужно было сообщить об этом лично. Что? Майкл Грэйд, Дикки Аттенборо, Кристофер Ли, Лесли Филипс, Найджел Давенпорт, Далея Грей, Майкл Деннисон, Джон Гилгуд, Майкл Уиннер, Барри Норман, Рэй Куни, Майкл Гордон, Тони Хопкинс, Шон Коннери... Да в чем дело-то? Нужно помнить, что многие ее друзья уже умерли или настолько немощны, что не смогли прийти.

– Я видел только один некролог. В «Таймс». Тот, что я написал.

– Э... а ты не смотрел в «Скрин интернешнл»? На следующей неделе должен появиться в «Варайети». Ну так скажи мне, как все идет.

– Хорошо, – тихо сказал Томас.

– Так ее хорошо проводили? Много народу пришло?

– Много.

– Хорошо. Это хорошо. Она была великой женщиной. Знаешь, что я тебе скажу? Все эти современные актрисы – они ей и в подметки не годятся.

– Мне нужно возвращаться к гостям, – сказал Томас. – Я едва урвал минуту.

– Извини, что не смог прийти. Я рад, что все в порядке. Слушай, не вешай носа. Ты был ей хорошим сыном. Ей повезло с тобой. Нам всем будет ее не хватать.

Томас положил трубку. Гнев бушевал во всем его теле.

Он оглядел стены с фотографиями. Его мать тоже была сердита, но он буквально исходил яростью. В мире так много вещей, способных вызвать ярость. Только избавляешься от одной, как тут же всплывает другая.

Нужно контролировать себя. Иначе, как сказал папа римский, «восстает империя страха. Хаос набирает силу».

Хаос.

Эффект бабочки доберется и до тебя. Один легкий взмах крыльев на краю вселенной... нельзя допустить, чтобы это случилось, надо поймать бабочку и оторвать ей крылья.

Он вытащил из кошелька визитную карточку этого тупицы репортера Джастина Ф. Флауэринга и бросил ее на стол. Карточка упала лицевой стороной кверху. Хороший знак.

Он вынул из кармана монету и подбросил ее.

Орел. Отлично. *Не поладим.*

Он набрал 141, затем номер, указанный на визитной карточке. Джастин Ф. Флауэринг был на месте и поднял трубку.

Томас изменил голос ровно настолько, чтобы репортер не смог узнать его:

– Мне сказали, что ты сегодня был на похоронах Глории Ламарк.

Пишешь статью?

– Да. Только там никого не было.

– К какому дню?

– Для завтрашнего номера.

– Хочешь небольшую сенсацию? Подперчить твою статью?

– А что у вас есть?

– Нам нужно встретиться. Не стоит обсуждать это по телефону.

– Как вас зовут?

– Не могу тебе этого сказать. Просто приди на встречу. Сейчас я дам указания. Сегодня вечером, в шесть часов. Потом вернешься, допишешь свою статью. Тебе это понравится, Джастин. Тебе понравится наш разговор. Скоро ты поднимешь свой образовательный уровень.

– Я уже почти разобралась, – сказала Аманда. – Сейчас я более уверена в себе, чем когда-либо. Я чувствую, что моя жизнь налаживается.

– Это всегда очень тяжело – встретить реальность лицом к лицу. Гораздо легче игнорировать ее или исказить сообразно своим представлениям.

Аманда кивнула. Она знала, в чем ее проблема. Ей не понадобилось трех лет терапии по шестьдесят пять фунтов за консультацию, чтобы увидеть реальность такой, какая она есть. Ее проблема встречалась с ней лицом к лицу целых семь лет. Теперь она это понимала.

Психотерапевта Аманды звали Максиной Бентам, она была отдаленным потомком философа Иеремии Бентама. Иеремия Бентам был страстным защитником человеческого права на счастье, он верил, что люди имеют право жить свободной жизнью, не стесненной никакими ограничениями. Разделяя его убеждения, Максина также считала, что слишком многим современным людям не дает жить чувство вины. Люди должны освободиться от того гнетущего багажа, который на них взвалила жизнь.

Максина была полной женщиной, не толстой, не жирной, а уютной и располагающей к себе. У нее было приятное лицо с теплой улыбкой и умными, внимательными глазами. Ее светлые волосы были коротко острижены. Как обычно, она была в сшитом на заказ свободном, мешковатом платье, достаемом ей до середины голени. На ее пальцах красовались крупные кольца, а на шее висел кристалл кварца размером с небольшую планету.

Аманда сидела в плетеном кресле и пила остывший мятный чай. Общение с Максиной ей очень помогало в жизни. Психотерапевты никогда не высказывают свои суждения, если пациент их об этом не попросит, но Аманда сразу предупредила, что ей очень интересны мнения Максины. Та была для нее как мудрая тетушка, в ее присутствии Аманда чувствовала себя комфортно и спокойно. Она хотела бы иметь возможность так разговаривать со своей матерью. У ее лучшей подруги, Рокси, были с матерью такие отношения, и Аманда всегда этому завидовала. Сама она поддерживала с матерью ровные, но не доверительные отношения, и такими они останутся навсегда.

Ее мать была из поколения шестидесятых, таких, как она, называли

«дети цветов». Она ни к чему особенно не стремилась в жизни и никогда не бралась за нее по-настоящему. Аманде была гораздо ближе сестра Лара, хотя она и считала невыносимым занудой ее мужа, банкира-трудоголика. И она обожала их троих детей, племянника и племянниц.

Максина удобно расположилась на полу, откинувшись спиной на диван. Она спокойно смотрела на Аманду, ожидая продолжения.

– Брайан! – воскликнула Аманда. – Ты знаешь, мне даже его имя теперь не нравится. Не могу поверить, что я столько встречалась с человеком, которого зовут *Брайан!*

Максина улыбнулась:

– Это интересно, Аманда. Ты можешь вспомнить, когда тебе перестало нравиться его имя?

– Мне ничего в нем не нравится!

– Ты мне это не продашь. Я не думаю, что это могло случиться так скоро. Ты забралась на вершину холма, большого холма, но впереди у тебя еще один, и он больше.

– Я уже на нем! – решительно сказала Аманда. – Честно.

– Откуда такая уверенность?

Аманда посмотрела на полосы серого дневного света, пробивающиеся сквозь жалюзи. Внизу на улице, скрытый плоской крышей ближнего дома – а они находились всего в нескольких кварталах от Портобелло-роуд, – гудел автомобиль. Ужасный, рвущий перепонки звук.

– Я... – Она подождала, пока затихнет автомобильный сигнал, и за время ожидания успела поерзать в кресле, положить ногу на ногу, вновь опустить ноги на пол. Был пасмурный, теплый и душный день. Даже в футболке и легких джинсах она запарилась, хотя в комнате, как обычно, было прохладно. Гудок затих, но тут же заревел снова. «Сигнализация», – отметила Аманда и, когда звук замер, сказала: – Я иду на свидание.

Она обливалась потом. *Надеюсь, я не свалюсь где-нибудь в обморок. А если свалюсь, лучше бы мне оправиться от него до завтра.*

Максина была довольна. Не воодушевлена, просто довольна.

– Правда?

– Я отказывалась от свиданий с тех пор...

Максина дала ей время подумать.

Аманда улыбнулась:

– Наверное, уже лет семь.

– С тех пор, как ты впервые переспала с Брайаном?

– Да. – Аманда вспыхнула и застенчиво, как школьница, улыбнулась. Она всегда чувствовала себя в присутствии Максины немного ребенком.

– Хорошо, Аманда. Все это хорошо. Что не очень хорошо – так это то, как ты сейчас относишься к Брайану. Я хочу увидеть в твоих глазах *отречение*, в то время как вижу *отрицание*. Ты не отвечаешь на его звонки, на его электронные письма, ты *отрицаешь* его существование. Ты говоришь, что ужинала с ним, но сказала ли ты ему правду?

– Да.

– Именно такими словами: «Слушай, Брайан, ты обманул меня. Я начала встречаться с тобой только потому, что ты сказал, что твой брак изжил себя и ты собираешься развестись. Через месяц после того, как мы начали спать вместе, ты, словно обухом по голове, сообщаем мне, что твоя жена беременна вторым ребенком. Я понимаю, она была уже на четвертом месяце, когда сказала тебе об этом, потому что у нее было так много выкидышей на нервной почве, – но все равно это была для меня новость». Именно так? – Максина посмотрела Аманде в лицо. – Конечно, тебе ничего не оставалось, кроме как подождать. Он не мог уйти от жены, пока она была беременна, он должен был убедиться, что с ребенком все хорошо, встретить ее из больницы. – Максина пожала плечами. – Затем у его жены была послеродовая депрессия, и он опять не мог уйти от нее. Семь лет он придумывал одну отговорку за другой. Семь лет он собирался уйти и так и не ушел. И вот два месяца назад и после того, как он уверял тебя, что не спал с ней шесть лет, у него опять новость – она снова беременна. Он тогда слишком круто повернул, и ты неожиданно очнулась и поняла, в чем ты сидела эти семь лет. И все-таки ты только подумала это за ужином или на самом деле сказала ему?

– Я... сказала это... – Аманда помолчала. – Да, я сказала это.

– Ты злилась на него или сказала это со спокойным сердцем?

– Я была спокойна. Я постаралась объяснить ему свои чувства.

– Потому что все еще любишь его? – прямо спросила Максина.

– Нет! – Аманда заволновалась. – Нет. Я не люблю его больше. Я сидела с ним за одним столом и ничего не чувствовала.

– Аманда, ты не могла *ничего* не чувствовать. Так не бывает. Ты должна была что-то чувствовать. Расскажи мне, что ты чувствовала.

Аманда задумалась. Затем сказала:

– Он казался таким старым. Мне было жаль его. Я вспомнила о том, какие вещи я делала с его телом, и почувствовала себя... так, будто вывалилась в грязи.

Лицо Максины было бесстрастно.

– Человек, с которым у тебя свидание, другой?

– Да, совсем другой.

- Он женат?
- Нет, его жена умерла.
- Ты на самом деле ждешь встречи с ним и рада, что он назначил тебе свидание, или просто хочешь узнать, что почувствуешь при общении с другим мужчиной? Аманда, ты должна честно ответить на этот вопрос.
- Частично, конечно, хочу проверить. Он пригласил меня в «Глобус», а я там никогда не была. Я хочу посмотреть эту пьесу.
- Аманда, люди ходят на свидания, чтобы провести время друг с другом. То, о чем говоришь ты, – это не свидание, а просто совместный поход в театр. Ты не сказала про него одну важную вещь. Ты не считаешь, что это немного странно?
- Он очень интересный мужчина.
- Он заводит тебя? Ты хочешь заняться с ним любовью? Ты хочешь носить его детей?
- Аманда улыбнулась и снова покраснела.
- Эй, полегче! Я...
- Ты – что?
- Я об этом не думала.
- Ты думала об этом с Брайаном. Ты говорила мне, что переспала с ним на первом же свидании.
- Да. Я не могла от него отлипнуть. Мне до смерти захотелось его сразу, как только я его увидела.
- А этого нового мужчину? Ты не захотела его?
- Аманда покачала головой:
- Нет, он мне просто нравится. Я его едва знаю. В любом случае у меня на него виды. Он должен стать частью моей программы. Это не имеет отношения к любви.
- Как, ты сказала, его имя? Майкл? Значит, бедный Майкл, даже не подозревая об этом, стал подопытным кроликом в твоём эксперименте? Твоим контрольным образцом, верно? А твой опыт называется «Каково это – быть с другим мужчиной»?
- Нет! Ты слишком упрощаешь!
- Что ты имеешь в виду? Объясни.
- Куда все это может завести?
- Это ты должна мне сказать.
- Я не знаю. Не имею понятия. Может быть, никуда.
- Ты уверена, что тебя к нему не тянет?
- Не надо на меня давить.
- Надо. – Максина была непреклонна. – Мне нужен ответ. Ты уверена,

что тебя к нему не тянет?

– Скажу тебе это на следующей неделе.

В четверть шестого Джастин Флауэринг вышел из здания редакции «Милл-Хилл мессенджер». Он ничего не сказал своему редактору в надежде удивить его скандальной историей об актрисе Глории Ламарк.

Он засунул в рот жвачку и отправился в путь, следуя инструкциям, данным ему незнакомцем по телефону. Его путь лежал через промышленную территорию, большую площадь которой занимала ремонтная база лондонских такси. Он вошел в длинный, темный туннель, над которым проходили железнодорожные пути.

На середине туннеля он остановился, прислонился к стене и стал ждать, перекачивая во рту жвачку и размышляя о своей работе. Ему было девятнадцать лет, и он уже год работал журналистом. Он мечтал стать спортивным обозревателем и, может быть, когда-нибудь комментатором, как его кумир Дес Линам. Джастин был высоким, жилистым и мускулистым. Он надеялся, что после разговора с таинственным незнакомцем он вернется в редакцию, закончит статью и еще успеет на последние полчаса вечерней тренировки. Он играл в футбол.

Проехала легковая машина, затем фургон. Джастин восторженно взглянул на фургон красного цвета и проехал мимо. Проезжали еще машины, но белый фургон не появлялся.

Джастин снова подумал о странном, очень высоком человеке, сыне Глории Ламарк, который так разозлился на него на похоронах. Когда он попытался задать ему несколько вопросов о его матери, он так разорался, будто Джастин обязан был знать назубок всю ее биографию.

Может, и надо было. Он честно постарался найти как можно больше информации о ней и даже залез на ее веб-сайт.

Наконец появился белый фургон. Джастин бросил подпирать стену и двинулся к проезжей части. Фургон замигал поворотником и свернул на обочину. В кабине было темно, и лицо водителя в бейсбольной кепке и солнцезащитных очках Джастину не удалось рассмотреть.

Он забрался в кабину и закрыл дверь. Водитель протянул руку для приветствия.

– Здравствуй, – сказал он. Голос показался Джастину знакомым.

Их руки встретились, и Джастин почувствовал легкий укол в ладонь – будто муха укусила. Водитель почему-то не отпускал его руку. Джастин попытался высвободить ее, и тут лицо водителя начало расплываться.

Лицо водителя все еще было словно в дымке, однако теперь Джастин Флауэринг смотрел на него сквозь запотевшее стекло, а вокруг пахло сосной.

Он находился в сауне. Обливаясь потом, он полулежал-полусидел, привалившись к стене. Его руки были растянуты веревками, ноги связаны и притянуты к стене напротив. Напряжение, создававшееся в спине от такой позы, было мучительно. В маленькой комнатке было ужасающе жарко. Он был в своем костюме и очень хотел пить.

Водитель по-прежнему смотрел на него через стеклянное окошко в двери, сквозь облако обжигающего пара.

Джастин рассмотрел его лицо. Это был сын Глории Ламарк – Томас.

Очевидно, это был какой-то розыгрыш. Зачем иначе держать его в сауне, с телевизором и видеомагнитофоном и показывать ему какой-то старый фильм с участием Глории? И телевизор, и видеомагнитофон располагались на стуле прямо напротив и были завернуты в пластиковую пленку – для предохранения от горячего пара. На экране шла сцена, в которой женщина управляла бипланом, а мужчина – Джастин не знал, что это за актер, – отчаянно цеплялся за распорку крыла.

Джастин был зол, но в то же время он опасался этого парня. В нем было что-то темное. Он выглядел так, будто с легкостью мог убить человека. Джастин подумал, что нужно вести себя осмотрительно. Дверь открылась, и в сауну ворвался поток холодного воздуха.

Томас Ламарк вошел внутрь и указал на телевизор:

– Это «Крылья пустыни», Джастин Ф. Флауэринг. Ее лучший фильм. Он тебе нравится?

Чтобы не раздражать его, Джастин кивнул.

– Мне не нравится твой галстук, Джастин Ф. Флауэринг. Тебе что, никто никогда не говорил, что нужно надевать черный галстук на похороны? Простой черный галстук?

– Нет, мне никто не говорил. – Что-то во взгляде сына Глории Ламарк до смерти напугало Джастина.

– Боюсь, ты не очень хорошо выглядишь, Джастин Ф. Флауэринг. Я думал, ты прожженный репортер и тебе только подавай горяченькое. Теперь скажи мне, как зовут актера и актрису, которых ты видишь на экране.

– Глория Ламарк, – сказал Джастин.

– Очень хорошо. А мужчину? – спросил Томас.

Мальчишка-репортер испуганно смотрел на него.

– Я же говорил тебе это, – сказал Томас. – Я перечислил тебе названия всех ее фильмов, имена всех актеров, исполняющих главные роли. У тебя, наверное, голова забита арт-хаусным мусором? Любишь Феллини? Жана Люка Годара? Алена Роб-Грийе?

– Я плохо разбираюсь в фильмах.

– Сюжеты фильмов, в которых снималась моя мать, не отличались сложностью – ты должен это понять, Джастин Ф. Флауэринг. Это не означает, что они были глупыми. Они были логичными. Не то что это арт-хаусное дерьмо. Ее фильмы были великими, понимаешь ты это, Джастин? Именно поэтому они разрушили ее карьеру. Завистники. Я хочу, чтобы ты запомнил это для своей статьи. Запомнишь?

Джастин кивнул.

– Таких фильмов больше не делают. И никогда не сделают. Это невозможно – ведь она умерла. Они ее убили. Убили!

В неожиданном припадке ярости Томас вылил на раскаленные камни ведро воды, отшатнулся от взвившегося пара, снова наполнил и опорожнил ведро. Жара стала невыносимой. Джастин закричал. Томас Ламарк вышел из сауны и закрыл за собой дверь.

Джастин лежал, поворачивая голову то вправо, то влево в попытке отыскать струю прохладного воздуха в этом обжигающем, ужасающем паре. Он вдыхал его и обжигал легкие. Пар жег ему ноздри, глаза. Волосы на голове трещали. Было так жарко, что в какой-то момент ему показалось, что его с головой засунули в лед. Затем его мозг перестал его обманывать, и жара вернулась.

Через некоторое время дверь снова открылась. В дверном проеме стоял Томас Ламарк и в одной руке держал паяльную лампу, а в другой – электрическую дисковую пилу, позади которой вился кабель.

– Джастин Ф. Флауэринг, сейчас мы с тобой поиграем в одну игру. Она должна помочь тебе запомнить все фильмы моей матери. Я перечислю тебе их названия еще раз. После этого ты их повторишь. Только названия. Да?

– Да! – Голос репортера дрожал.

– Хорошо. Это будет интересная игра, Джастин. Только запомни одну вещь. Всякий раз, когда ты сделаешь ошибку, я буду отрезать тебе что-нибудь: руку или ногу. Запомнил?

Джастин в ужасе смотрел на мучителя.

Томас не прерываясь перечислил все названия – все двадцать пять фильмов. Затем сказал:

– Теперь твоя очередь, Джастин.

– Вы можете повторить это еще раз?

– Я повторяю, если ты ошибешься, Джастин. Все в свое время. Начинай.

– «К-крылья пустыни», – сказал Джастин Флауэринг.

Томас кивнул.

– Э... «Дело „Аргосси“».

Томас снова ободряюще кивнул.

– Ближко, Джастин, но не вполне верно. Фильм называется «Дело „Арбутнот“». Но на первый раз прощается. – Он улыбнулся такой теплой улыбкой, что Джастин уверился, что парень только шутит насчет того, что отрежет ему руку или ногу.

Он улыбнулся в ответ:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – сказал Томас. – Ну, давай дальше.

– «Дьявольская гонка».

– Верно. Осталось всего двадцать два, Джастин!

– «Штормовое предупреждение».

– Двадцать один!

– Э... что-то из двух слов. Второе – «Монако»?

– Я не собираюсь тебе подсказывать, Джастин. Ты должен вспомнить сам.

Он с ненавистью смотрел на мальчишку, на его всклокоченные светлые волосы, на струйки пота, стекающие по лицу.

Джастин больше не мог ничего вспомнить. Он беспомощно смотрел на Томаса.

– Осталось двадцать с половиной. Не слишком хороший результат, Джастин Ф. Флауэринг. Думаю, стоит освежить тебе память.

Он включил дисковую пилу и шагнул вперед.

Джастин закричал и отчаянно забился в своих путах, но они были такими крепкими, что освободиться было невозможно. Тем временем диск пилы подбирался к запястью – ниже... ближе...

Он сейчас прекратит. Он просто пугает. Он сейчас прекратит.

Джастин почувствовал резкую боль. Увидел красную ленту крови. Услышал, как лезвие вгрызается в его плоть. Его мозг будто онемел от шока, но тело наконец докричало до него, и глаза Джастина закатились от непредставимой боли – его руку будто зажимали в тиски. Он зажмурился. Крик сменился булькающими звуками. Открыв глаза, он увидел, что этот ужасный парень держит за палец его отрезанную кисть.

– Глупый, глупый Джастин. Это научит тебя всегда воспринимать меня всерьез.

Джастин таращил глаза. Шок и боль. Это сон, и сейчас он проснется. А затем сопло паяльной лампы извергло пламя. Он услышал его рев. Парень взял лампу и поднес огонь к культе.

Джастин заорал во всю силу легких.

Взрыв боли окутал его тело. Мозг расплескался по черепу.

И наступила тьма.

Вторник, 16 июля 1997 года, 3:00

Купите себе белый фургон.

Честно, это лучший в мире совет. Не новый, слегка потрепанный, чтобы не привлекал внимания. Простой белый фургон – например, «форд-транзит». Или «хай-эйс». Не имеет значения. Главное, чтобы он был крепкий, с хорошей электрикой и аккумулятором. Люди будут думать, что вы работяга, едущий по вызову, – сантехник или еще кто. С белым фургоном вы становитесь невидимкой.

Да.

А невидимка может много всего сделать.

Я рассказал Джастину Ф. Флауэрингу о Гейзенберговом принципе неопределенности, но он был не в настроении получать новые знания. Он вообще не воспринимает больше одной вещи зараз.

Я объяснил ему, что Гейзенберг считал, что сам факт наблюдения в научном эксперименте изменяет поведение рассматриваемых объектов. Я пытался донести до него, что то, что я наблюдаю за ним, в то время как он в сауне смотрит фильмы, в которых снималась моя покойная мать, незаметно влияет на него – так незаметно, что, наверно, не поддается измерению.

Но он вообще ничего не понял.

Он долго пробудет в этой сауне. Я слежу за временем. Сейчас он смотрит «Дьявольскую гонку». Она идет ровно девяносто восемь минут. Через минуту я спущусь вниз и решу, какой фильм будет следующим. У меня большой выбор – ведь она играла в стольких хороших фильмах. Думаю, что, если он посмотрит каждый фильм по нескольку раз, это будет большим подспорьем для его памяти.

В действительности вам, кроме белого фургона, нужно еще кое-что. Вам нужен белый фургон и жало.

Про жало я потом расскажу.

Верь, если суждено мне умереть,
То смерть я встречу, как мою невесту,
И радостно приму ее в объятия!

Актер скрылся в левой кулисе. Из правой кулисы вышел другой актер. Майкл и понятия не имел, кто из них кто. Он сидел в первом ряду бельэтажа театра «Глобус», но мысли его витали – в основном вокруг Аманды.

При упоминании о смерти, однако, его внимание вернулось к происходящему на сцене.

Зря он ее пригласил в театр. Надо было сходить куда-нибудь выпить, поужинать – куда-нибудь, где можно поговорить. А так он вынужден сидеть рядом с ней три бесконечных часа – и говорить нельзя, и на пьесе невозможно сосредоточиться. И сиденья жесткие.

Его мысли перетекали от Аманды к Глории Ламарк. Плохо, что он не был на ее похоронах, но как он мог прийти? Как бы посмотрел в глаза ее сыну, ее друзьям, зная, что виноват в ее смерти? Опять он просто скрылся от проблемы. Опять сделал то, от чего всячески отговаривал своих пациентов.

С Шекспиром у Майкла дела обстояли не очень хорошо. Ему нравились трагедии, он их неплохо знал, особенно «Короля Лира». Но пьесу «Мера за меру» он не знал вообще. Нужно было хотя бы пролистать ее – он так и собирался сделать, но руки не дошли. А теперь он не понимал, кто тут кто.

Один из персонажей был герцогом Вены. Другой, которого звали Анджело, был святоша, добивающийся смерти человека по имени Клавдио за то, что он переспал с его невестой. Больше всего текста было у женщины, которую звали Изабелла (сестра Клавдио? Не исключено).

В зале стоял особенный, присущий всем театральным залам запах. Он приходил с порывами прохладного воздуха откуда-то из-за сцены. Это был запах париков, старых костюмов, грима и закулисной суматохи. Он был знаком Майклу с самого детства, с того времени, как он маленьким мальчиком ходил смотреть пантомимы. Запах нравился ему. Но сегодня с ним смешался еще один – аромат духов Аманды. Те же духи, что и на

прошлой неделе, слегка мускусные, чувственные.

Аманда смотрела пьесу с восторгом ребенка, попавшего на цирковое представление. Она и в самом деле получала удовольствие! Смеялась над шутками, смысл которых ускользал от него, аплодировала после монологов. Она была поразительно раскованна и, кажется, хорошо знала пьесу. Майкл почувствовал себя неотесанной деревенщиной.

Тупой, скучный старпер. На скучной машине. Позабывший, как приручать птичек.

Она была прелестной. Более прелестной, чем в прошлый раз, хотя и более далекой, чем он рассчитывал. Вечер начался довольно прохладно, с формального рукопожатия. Он заехал за ней. Столь же формально она предложила ему выпить. Хотя времени у них было мало, он не отказался, – ему любопытно было взглянуть на ее квартиру.

Он удивился, увидев, как она живет. Он почему-то полагал, что она занимает убогую комнатенку на первом или вообще в подвальном этаже, тесную, темную, мрачную – такую, в какой он сам жил, будучи студентом. А вместо этого он попал в просторную, светлую квартиру на верхнем этаже, с великолепным видом на Хампстед, Сент-Джонс-Вуд и вообще весь Вест-Энд.

В квартире было много свободного пространства. Пол из полированного дуба, стены, наполовину обшитые светлыми деревянными панелями, такого же цвета двери, плинтусы и мебель. На стенах висели хорошие современные картины – изысканные и остроумные неоклассические сюжеты. Картин было немного. Одна из них Майклу особенно понравилась: пародия на «Рождение Венеры» Боттичелли. Венера выходила из потрепанного «кадиллака» на забитой машинах парковке. Кухня и вовсе оказалась стальным кулинарным полигоном в стиле хай-тек. Аманда сделала ему ледяной чилийский совињон в высоком бокале тонкого стекла.

Она была гораздо более элегантна, чем ранее – в своем кабинете и в студии, где он видел ее в образе сосредоточенного администратора, не заботящегося о производимом впечатлении. Сегодня она, под стать своей квартире, была мягкой, женственной и до сумасшествия привлекательной.

Майкл был готов к неожиданностям, но не такого масштаба. Люди часто кажутся другими, когда вы встречаетесь с ними во второй раз. Не говоря уж о том, что они по-разному выглядят в разной обстановке. Но он никогда и ни в ком не видел столь разительной перемены.

К тому же Аманда была умной и уверенной в себе девушкой.

Из-за всего этого Майкл начал чувствовать себя в высшей степени

неуверенно. Его вера в себя, похоже, взяла выходной, и он панически боялся, что не понравится ей, что потеряет ее. Такое с ним было впервые.

Последние три года все его коллеги и друзья так или иначе старались его с кем-нибудь познакомить, но он ничего не хотел слышать. После нескольких неудавшихся свиданий с женщинами, которых ему попросту навязали («Майкл, она тебе обязательно понравится! Вы можете стать такой прекрасной парой!»), он больше не соглашался на подобные эксперименты. Иногда ему казалось, что весь мир состоит из одних полусумасшедших разведенных дамочек, для которых верх остроумия спросить у него: «Откуда мне знать, что вы меня сейчас не анализируете?»

Кэти действительно была особенной. Очаровательная, теплая, заботливая, рассудительная, отличный товарищ, безупречная хозяйка, талантливый дизайнер. Она превратила их маленький дом в Патни в уютнейшее место на свете. Она сотворила чудо с их садом. Они были больше чем любовниками, больше чем друзьями – они были родственными душами.

Так какого черта он все это расколошматил?

В Аманде, впервые со времени смерти Кэти, он увидел некоторые похожие качества. Но он никак не мог использовать представившуюся возможность – его язык словно завязался узлом: двойным, или восьмеркой, или беседочным. Или всеми ими вместе. А мозг отупел.

Он стоял перед ней в ее прекрасной квартире и мямлил что-то про погоду, про пробки, про то, что в Лондоне уже негде нормально припарковаться. Если на прошлой неделе она и заподозрила, что он просто жалкий стареющий мозгочист в «вольво», то десять минут, проведенные им у нее, подтвердили это подозрение на сто процентов. Даже на сто десять.

Надо было приехать на мотоцикле. Но его красный «дукати» уже три года покрывался пылью в самом дальнем углу гаража. Он просто больше не мог на нем ездить.

По дороге в театр они говорили о переменах в лондонской архитектуре. Им обоим нравилось здание Ллойда и до зуда не нравилась башня в Канари-Уорф. Это было уже кое-что, хотя и не настоящий прогресс.

У Аманды были потрясающие ноги, но он не был уверен насчет ее юбки – то ли сейчас так можно, то ли она его провоцирует. Майкл и не подозревал, насколько отстал от моды.

Жалкий мозгоправ.

На сцене актер произносил монолог:

Но умереть... уйти – куда, не знаешь,
Лежать и гнить в неподвижности холодной,
Чтоб то, что было теплым и живым,
Вдруг превратилось в ком сырой земли,
Чтоб радостями жившая душа
Вдруг погрузилась в огненные волны,
Иль утонула в ужасе бескрайнем
Непроходимых льдов, или попала
В поток незримых вихрей и носилась,
Гонимая жестокой силой, вокруг
Земного шара...

Шанс реабилитироваться представился Майклу во время первого антракта. Они пробились сквозь толпу к бару и завладели пивом, которое он предусмотрительно заказал заранее. Они чокнулись. Глаза Аманды сияли.

– Ну, – легко сказала она, – как у тебя прошел день? Чем ты занимался?

– Утром ходил по парку и собирал собачьи фекалии. – Сказав это, Майкл спохватился, но было уже поздно. Да, неплохая тема для разговора на первом свидании.

– У меня была собака, – сказала Аманда с поразительным энтузиазмом. – Я всегда пользовалась совком с крышкой.

– Я собирал их не для того, чтобы сделать парк чище. – *Черт, куда меня несет?* – А для того, чтобы показать их пациентке.

Аманда ответила ему серьезным взглядом, к которому он не был готов.

– Она страдает обсессивно-компульсивным психозом.

– Обсессивно-компульсивным психозом?

Кто-то толкнул Майкла в локоть, и он пролил пиво. Пиво затекло ему в рукав. Он сделал вид, что ничего не заметил.

– Да. Она панически боится грязи... даже мысли о грязи. Я показываю ей собачьи фекалии в стеклянных банках. Это часть лечения.

Аманда просветлела. С непонятной горячностью спросила:

– Я могу включить это в свой фильм?

– Я должен спросить разрешения у пациентки. Не знаю, согласится ли она.

– Мы можем использовать актрису.

Майкл кивнул.

– И что ты заставляешь свою пациентку делать с этими фекалиями?

– Ничего. Она просто смотрит на них. Это типичный терапевтический прием. Встреча со своим страхом. У нее навязчивая боязнь заразиться чем-нибудь. Она боится дотрагиваться до дверных ручек, телефонов общественного пользования, она постоянно моет руки – за неделю она изводит не один кусок мыла. Ко всему прочему, она не может пройти по улице рядом с собачьими фекалиями. Ей приходится поворачивать обратно. Обычно в таких случаях начинают с простого – я стараюсь убедить пациента дотронуться до дверной ручки. Я пытаюсь убедить его в том, что его проблема коренится в мозгу и опасность заразиться вовсе не так высока.

Аманда улыбнулась и отпила пиво.

– Собачьи какашки в банках – это интересно.

Майклу нравилось, как она пьет пиво – большими глотками, с удовольствием. Ему нравилось, как она наслаждалась простыми вещами. Кэти ненавидела пиво.

«Я их сравниваю», – подумал он.

Аманда была простой и в то же время элегантной, с очаровательной сумасшедшинкой. Майклу уже не в первый раз захотелось узнать, какая она в постели.

У него возникла эрекция. Он очень хотел обнять ее за плечи или за талию, но боялся, что она сочтет, что он чересчур забегает вперед, и поэтому отстранялся всякий раз, когда они случайно касались друг друга.

Он хотел сделать какой-нибудь жест, приближающий его к ней, – дотронуться до руки или отвести со лба прядь светлых волос, падающих ей на глаза. У нее была очень загорелая кожа, а на руках веснушки и легкий светлый пушок – в высшей степени сексуальные.

Ты прекрасна. На полном серьезе – ты прекрасна. Мне нравится, как ты выглядишь, мне нравится твоя квартира. Я хочу узнать тебя получше. Я очарован. Я чертовски очарован.

– Я могу начертить тебе кривую привыкания, – сказал он.

– Что?

– Это такой график. Он строится в координатах «страх» и «время». В первый раз, когда я показываю пациенту банку с фекалиями, кривая имеет самый высокий пик. Во второй раз она будет ниже и так далее.

«Господи, я безнадежен, – неожиданно подумал он. – Великий совратитель. Беседую с красивой женщиной о дерьме в банках».

После того как они вышли из театра, Майкл сказал, что заказал столик

в «Плюще», на Ковент-Гарден.

– Ничего себе! – воскликнула Аманда. – Это один из моих самых любимых ресторанов. Откуда ты узнал? Ты что, экстрасенс?

Странное совпадение, между тем думала она. «Плющ» принадлежал к той же ресторанной сети, что и «Каприз», где ее покорила Брайан. «Плющ» был более демократичен, в нем было меньше показухи. И в Майкле было гораздо меньше показухи, чем в Брайане.

– Я же спец по мозгам, – невозмутимо сказал он. – Я все должен знать.

Она улыбнулась, посмотрела ему прямо в глаза и ничего не ответила. А потом Майкл отвлекся на «феррари» с откидным верхом, которое с шумом и помпой, словно красotka на званом вечере, проталкивался сквозь автомобильное столпотворение.

Ни Аманда, ни Майкл не заметили белого фургона, припаркованного на улице прямо напротив входа в ресторан.

Элегантная пожилая дама тоже не заметила белого фургона.

Такси остановилось перед красивым белым многоквартирным домом в стиле Регентства, с фасадом, глядящим на набережную. Оно вклинилось в промежуток между стоящими возле тротуара машинами, прямо перед белым фургоном. Было четыре часа дня.

Дама протянула водителю пятифунтовый банкнот, держа его пальцами в синей перчатке, и улыбнулась – любезно, но с некоторым напряжением, так как после недавней пятой подтяжки кожа на лице была натянута, как на барабане.

– Сдачу оставьте себе.

– Десять пенсов? Спасибо, дорогуша.

Не переставая любезно улыбаться, с сумкой универмага «Ханнингтонз» через локоть, дама направилась к подъезду. Она шла небольшими, тщательно выверенными шагами, с высоко поднятой головой. Ее шелковый шарф развевался на ветру.

Сзади послышался отчетливый звон упавшей на тротуар монеты.

– Возьми ее себе, старушенция! Тебе она гораздо нужнее, чем мне.

Дама развернулась к водителю такси и показала ему палец. Чтобы он не пропустил этого жеста, она еще покачала рукой вверх-вниз.

Ужасный, невежественный человек. Разве он не знает, кто она? Он что, в пещере живет? Он что, не смотрел телевизор вчера вечером? Не читал сегодняшних газет? Награда Британской академии кино и телевидения!

Ей вручили награду за выдающийся вклад в искусство кинематографии. Вчера вечером!

А этот кретин водитель не узнал ее! Он рассчитывал на чаевые! Мало того, что в газетных киосках сидят одни безграмотные иностранцы, так теперь и водители такси не узнают тебя. Он даже не предложил помочь донести покупки!

Дама зашла в дом, медленно, морщась от боли, поднялась на третий этаж и направилась по коридору к своей квартире. Ее удивило, что входная дверь открылась после первого поворота ключа: обычно она закрывала дверь на два поворота. «Наверно, забыла сегодня», – подумала она. Не в первый раз память подводит ее.

На полу под дверью лежало несколько новых поздравительных открыток, а в квартире стоял аромат свежих цветов, которые приносили с

самого утра.

– Кора Барстридж!

Ее радость оттого, что она услышала собственное имя, да еще произнесенное таким приятным голосом, была несколько омрачена тем, что голос доносился изнутри квартиры, а она только что заперла дверь и накинула дверную цепочку.

Повернувшись, она увидела высокого, красивого мужчину. Он протягивал ей руку для пожатия. Он выглядел так презентабельно, держал себя так дружелюбно, что, несмотря на возникшее беспокойство, Кора протянула руку и поздоровалась.

Она почувствовала, как что-то легко укололо ее в ладонь через перчатку.

Мужчина продолжал держать ее руку, продолжал улыбаться. У нее закружилась голова, но она еще смогла услышать, как он сказал:

– Меня зовут Томас Ламарк. Я хотел поговорить с вами о том, как вы украли роль у моей матери.

Он не отпускал ее до тех пор, пока она мягко не осела на пол.

Затем Томас достал из кармана небольшого размера жестянку, которую он купил часом раньше в магазине рыбных принадлежностей возле набережной. Он открыл жестянку и заглянул внутрь, сморщив нос от кислого запаха. В жестянке сплошной массой копошились белые извивающиеся личинки.

Он послал им воздушный поцелуй и закрыл крышку.

- Ну?
- Что «ну»?
- Да перестань! Как прошло?
- Что прошло?
- Твое свидание. Твое второе свидание.

Аманда услышала два заполошных гудка, затем телефон замолчал. На ней был желтый атласный пиджак и черная футболка. Она нажала кнопку вызова, и практически сразу ее ассистентка Лулу ответила.

Поток машин еле-еле полз вперед, временами останавливаясь совсем. На этот зеленый свет она перекресток точно не проедет. Слева к машине прижался грузовик, и его двигатель заглушал голос Лулу. Дизельный выхлоп бил прямо в лицо. Аманда повысила голос:

- Лулу, я буду через десять минут. Кто-нибудь уже появился?
- Нет.

Облегчение!

- Извинись за меня, если они приедут раньше.
- Конечно. Скажу, что у тебя было бурное свидание и...
- У меня не было бурного свидания, понятно?

– Ладно-ладно! Успокойся! Это не самый лучший способ начинать день. Нельзя начинать день со стресса. Не надо специально искать его. Он сам тебя найдет.

- Господи, Лулу, чего ты начиталась?

– Джорджа Джина Натана. Он пишет: «Ни один человек не может ясно мыслить, если его кулаки сжаты». У тебя кулаки сжаты?

- Пока нет, но скоро будут, – ответила она.

Связь снова прервалась. Аманда нервничала. Лулу была маленькая, пучеглазая, добродушная. Но иногда и она могла вывести из себя.

Она молча вела машину. Девять двадцать пять утра не самое лучшее время опаздывать куда-либо в Лондоне. Даже, наверное, самое худшее. А она еще хотела приехать сегодня пораньше – ей нужно было подготовиться к совещанию с двумя сценаристами «Англия телевижн», которые хотели обсудить идею сериала. А вместо этого она катастрофически опаздывала.

И виноват в этом был доктор Майкл Теннент.

Через пятнадцать минут Аманда, запыхавшаяся и покрасневшая –

ей пришлось пробежать добрых полмили от многоэтажного гаража на Поланд-стрит, где она поставила машину, – влетела в узкую дверь здания на Мэдокс-стрит. На первом этаже, в ряд других, была втиснута вывеска «20–20 Вижн продакшнз»: черное на белом, хай-тек. Другие вывески, гораздо менее стильные, принадлежали: одна – кадровому агентству; другая – фирме, занимающейся импортом итальянских ремней; третья, выполненная арабской вязью, – какой-то крохотной конторе на чердаке, в которой вел дела толстый, засаленного вида ближневосточный мужчина.

Дверь позади нее захлопнулась, отсекая вонь автомобилей, неподвижно стоявших на светофоре на Бонд-стрит. Аманда бегом преодолела два этажа по лестнице, которая была круче, чем северная стена Эвереста.

Это ты виноват, что я опаздываю, доктор Майкл Теннент.

Они ушли из «Баклажана» самыми последними. Она плохо помнила, что они ели. В основном они разговаривали. Потом она пригласила его к себе на чашечку кофе, и они проговорили до самого рассвета. В четыре двадцать утра, после неуклюжего рукопожатия и еще более неуклюжего поцелуя, Майкл уехал.

В будние дни ее будильник всегда звонил в семь. После ухода Майкла она перевела его на семь тридцать, выгадывая дополнительные полчаса сна. Непростительная ошибка. Она не раз убеждалась, что ей не стоит переводить часы, когда она устала, потому что она всегда делала это неправильно. Сегодня утром она панически вскочила с постели в четверть девятого, когда зазвонил телефон.

Это был Брайан. Он надеялся застать ее дома до того, как она уедет в офис. Он хотел видеть ее, без нее его жизнь была адом.

Она поблагодарила его за то, что он разбудил ее. Затем посоветовала пристегнуться к ракете «Скад» и улететь куда-нибудь подальше.

Едва она вошла, Лулу сунула ей в руку чашку кофе. Она с благодарностью взяла ее, сделала глоток и спросила:

– Они здесь?

– Они только что звонили. Застряли в пробке на М-4. Грузовик с двумя прицепами. Раньше чем через полчаса не появятся. Сегодня Бог тебя любит.

Лулу носила круглые очки, делающие ее и без того навывкате глаза еще выпуклей. У нее были черные непослушные волосы, которые она смазывала гелем и начесывала, отчего становилась похожей на дохлого ежа. В ней было четыре фута девять дюймов – еще немного, и ее можно было считать карлицей. Обыкновенно она носила армейские штаны и

тяжелые черные ботинки и из-за этого была похожа на убежденную лесбиянку, хотя в действительности с ума сходила по мужчинам и меняла их так часто, что Аманда сбивалась со счета.

– Ах да, – сказала Лулу. – Звонил Крис Пай с Би-би-си. Арч Дайсон из «Флекстех» хотел с тобой срочно поговорить. И только что звонил Брайан.

В «20–20 Вижн» работало десять человек, но сегодня в офисе было тихо. Двое владельцев компании вместе со всем персоналом были на съемках, и защищать крепость оставались только Лулу с Амандой. Благодаря Лулу это заведение не разваливалось на части. Официально она была ассистентом Аманды, фактически же – секретаршей, девочкой на побегушках, редактором и главным специалистом по сценариям.

«20–20 Вижн» специализировалась на документальных фильмах на злободневные темы: коррупция в строительной промышленности, производители оружия, добивающиеся снятия запрета на торговлю с некоторыми странами, правительственные игры с ядерными отходами. За все время своего существования компания собрала целую корзину наград, а три года назад номинировалась на получение «Оскара» за короткометражку о ядерной торговле русских с террористическими организациями.

Аманда не сказала Майклу Тенненту правду о том, какой именно фильм они собирались снять про психиатрию. Она сказала только, что он будет отличаться непредвзятым взглядом на современную психиатрию и ее методы. Это была неправда. Это было нападение на профессию. Они хотели показать, как психотерапия разрушает человеческие жизни; что весь мир впал в зависимость от нее; что психиатры и психотерапевты приобретают недюжинную власть над своими пациентами. Власть над их жизнью и смертью.

Аманда зашла в кабинет и, не садясь за стол, стала просматривать пачку свежей почты. Кабинет у нее был не очень-то: тесная комнатка с маленьким окном, открывающим вид на ржавую пожарную лестницу. Его оживляла только пара копий эротических картин Эгона Шиле и два помещенных в рамку постера двух ее фильмов – один о том, как фармацевтические компании препятствуют быстрому излечению язвы желудка, другой – об искусственном интеллекте.

В кабинет зашла Лулу.

– Итак, твое второе свидание. Как оно прошло?

Вопрос висел в воздухе, пока Аманда протискивалась за стол. Стул, у которого была плохая пружина, заскрипел.

– Это не было свидание. – Она пододвинула к себе клавиатуру, собираясь проверить электронную почту.

Лулу – руки в боки – стояла перед ней.

– А что же тогда это было?

– Рабочая встреча.

– Ага. Это твой голос так говорит. А твое лицо говорит совсем другое.

Когда идешь в ресторан с мужчиной в первый раз – это рабочая встреча. Когда во второй – свидание.

– В первый раз я ходила в театр. Я хотела побывать в «Глобусе», – сказала Аманда.

– А вчера вечером ты пошла в «Баклажан», потому что хотела побывать в ресторане?

Среди целого списка непрочитанных электронных писем было одно от Майкла Теннента. Аманда очень хотела открыть его теперь же, но ей мешало присутствие Лулу.

– И кроме того, – добавила Лулу, – он в твоём вкусе.

– Откуда ты знаешь? Ты никогда его не видела. – Лулу начала здорово ее раздражать. Надо прочитать письмо.

– Он старше тебя. Ты потеряла отца еще в детстве, и твоя мать больше не выходила замуж. Ты ищешь отца.

– Лулу, будь добра, оставь меня в покое на время, ладно? Мне нужно подготовиться к переговорам, пока никто не пришел.

– Сумасшедшая неделька выдалась. Понедельник – вручение наград Британской киноакадемии. Вторник – ночные похождения с мозгоправом. Тебе надо сделать глазную ванну. Ты же не хочешь, чтобы шишки из «Англии» думали, что ты не спала из-за встречи с ними?

Лулу нахально улыбнулась и печатным шагом вышла из комнаты.

Аманда вынула из ящика стола черновой вариант сценария и изложенную на отдельном листке идею фильма. Этот фильм должен был рассказать людям о том, как использование пестицидов в сельском хозяйстве угрожает экосистеме всей планеты. Она прочла первый абзац.

Затем открыла письмо Майкла Теннента. Оно было послано полчаса назад. В нем было всего два предложения:

«Я не видел тебя уже четыре часа. Я скучаю».

Иногда, сидя в своей комнате в свете компьютерного экрана, Томас Ламарк представлял, что греется в лучах тропического солнца.

Он подумал о том, что было бы интересно съездить в гости к своему другу, Юргену Юргенсу, из Клируотер-Спрингс, с которым он играл в шахматы через Интернет и которого никогда в жизни не видел. Он даже не знал, как тот выглядит.

Сегодня он писал ему письмо.

«Юрген!

Спасибо тебе за добрые слова о моей матери, они были бальзамом для меня. Я и не подозревал, как плохо мне будет без нее. Я всегда боялся, что, когда она умрет, я буду тосковать по ней, но все оказалось гораздо хуже, чем я предполагал: мне кажется, она была преградой, отделяющей меня от забвения, исчезновения, бездны. Теперь не осталось ничего.

Я постоянно спрашиваю себя, был ли я ей хорошим сыном, и в глубине души знаю, что не был. Я мог бы сделать гораздо больше, чем сделал, чтобы она была счастлива. Все, что я могу сделать сейчас, – воздать все почести, которые она заслуживает. Конечно, это не поможет ей, но, по крайней мере, позволит мне смириться с потерей.

Я очень зол сегодня. Я зол из-за того, что могила матери находится в ужасном состоянии. Я ходил к ней на кладбище – у меня были для нее хорошие новости – и был поражен тем, как плохо выглядит ее могила.

Во-первых, на ней все еще нет могильного камня – мне сказали, что его можно будет поставить только через несколько месяцев. Но разве она обязательно должна выглядеть так ужасно? Уродливой кучей грязи? Она совсем не похожа на могилу, это скорее садовая грядка, участок перекопанной земли. Я должен поговорить с кем-нибудь по этому поводу. Этого нельзя так оставить. Это проявление неуважения.

Я не позволю мамочке лежать в грязи, словно какой-нибудь картофелине.

На кладбище я встретил бородатого мужлана (ты

понимаешь, какой тип личности я имею в виду: куртка с капюшоном, рюкзак, носки, сандалии, агрессивное поведение), который стал мне объяснять, почему они копают могилы так глубоко. Он сказал, что разлагающееся человеческое тело очень заразно. Все эти выделяющиеся газы, химические вещества, бактерии. В некоторых почвах должно пройти не меньше ста лет, прежде чем труп перестанет быть угрозой здоровью людей.

Это мне крайне не понравилось. Она моя мать. Я хочу думать о ней как о любимом человеческом существе, а не разлагающемся трупе, опасном для здоровья.

Возможно, умирать сейчас стало политически некорректным поступком. Умерев, ты наверняка оскорбишь этим какое-нибудь чертово меньшинство.

Мы живем в странном мире.

Твой друг Томас».

Среда, 23 июля 1997 года

Мой единственный друг мертв. Как будто все огни в этом доме навеки погасли.

Внизу, в сауне, Джастин Флауэринг еще жив. То есть он показывает признаки жизни. Некоторое время назад он стонал, но потом перестал. В отличие от Тины Маккей я не жалею его. Может, я стал более черствым.

В комнате холодно. Холод обладает своей, особенной красотой. Передо мной находится вещь, тоже обладающая удивительной красотой. В ней такая мощь. Такая мудрость. Такой объем знаний. Эта машина так умна. Компьютеры достойны уважения, самого искреннего. Я уважаю свой компьютер, и он отвечает мне тем же. Он стократ возмещает все, что я в него вкладываю. Он дает мне все, что я хочу. Сегодня он даст мне врача, практикующего в Челтнеме, и одного из его пациентов.

Врача зовут Шиам Сандаралингем, а его пациентом будет доктор Теренс Джоэль. Доктор – тамил. Эта нация распространена на юге Индии. В Англии она не столь распространена, но известна.

По-моему, я еще не упоминал, что я великолепно умею имитировать голоса. Я часами развлекал мамочку, подражая голосам персонажей фильмов. Она обожала это. Мне достаточно услышать голос только раз – и все, он уже мой. Я мог бы сделать карьеру в качестве имитатора. Мне нравится один парень на телевидении, который отлично подражает голосам. Не могу сейчас вспомнить его имени. Поздно.

Должен признаться, у меня проблемы с памятью, которые я не могу отнести на счет усталости – потому что это происходит не только когда я устал. Я забываю события, имена, забываю, что хотел сделать. Иногда я чувствую себя так, будто из памяти выпали целые участки. А иногда все нормально.

Такие дела.

Электронный мир имеет одну особенность: он создает новую реальность. Если запись в компьютерной базе данных говорит, что вы существуете, – значит, вы существуете! Мы существуем

посредством записей о рождении, банковской истории, кредитной истории, записей о наличии водительских прав, почтового индекса. В настоящее время наши биологические тела являются не более чем «твердыми копиями» этих электронных данных. Мы переходим из эры человека биологического в эру человека цифрового.

С помощью этой новой технологии очень легко создавать людей. Даже слишком легко. Единственным необходимым условием для этого является элементарное умение взламывать компьютеры. Просто введите в цифровые записи нового персонажа. Придумайте ему кредитную историю, сведения об образовании, об обращении к врачам, может, для большего правдоподобия – пару штрафов за нарушение правил дорожного движения. И вот созданное вами существо может идти куда угодно, оперировать банковским счетом, иметь водительские права, паспорт, кредитную карту, телефон.

Все, что хотите.

Ну, например, всего несколько дней назад такого человека, как доктор Шиам Сандаралингем, проживающий в Челтнеме, не существовало. Как и доктора Теренса Джоэля.

А сейчас, в среду, 23 июля, в 3:30 утра, родился доктор Теренс Джоэль – впечатляющая личность. Родственник известного британского астронома сэра Бернарда Довелла доктор Теренс Джоэль, тридцати восьми лет, работает в Исследовательском институте Скриппса, а до этого, с 1986-го по 1995-й, занимал должность младшего профессора астрономии в Массачусетском технологическом институте, был членом Специального президентского консультативного комитета по поиску внеземного разума, учрежденного Рональдом Рейганом.

В 1993 году в журнале Nature была опубликована статья, в которой он утверждал, что существуют неоспоримые доказательства существования внеземной жизни.

Его последней машиной в США была «инфинити» девяносто четвертого года. В январе 1995 года он нарушил правила парковки и без задержки оплатил штраф. В июне 1995-го он переехал в Великобританию, чтобы занять должность консультанта в секретной службе прослушивания и слежения, подчиняющейся штаб-квартире правительственных средств связи.

В 1993 году он потерял в автокатастрофе жену. Машину вел он.

В настоящее время доктор Теренс Джоэль проживает в Челтнеме. В декабре 1995-го он подписал договор о пожертвованиях с Имперским институтом исследования рака сроком на пять лет, по которому он будет выплачивать 600 фунтов ежегодно. Он уделяет весьма большое внимание благотворительности.

Он стал членом местного шахматного клуба. Он ездит на шестнадцатиклапанном «форде-мондео» – машина худшего класса, чем «инфинити», но он считает, что она хорошо подходит для узких глостерширских дорог.

Недавно он прошел тест на коэффициент интеллекта. Его IQ – 175.

Адрес его электронной почты tgoel@aol.com

У него есть аккуратный веб-сайт.

С таким человеком, как доктор Теренс Джоэль, я легко мог бы подружиться. Уверен, что он сослужит мне хорошую службу. Но сначала я должен удостовериться, что он мне подходит. Я подвергну его самому серьезному испытанию из всех.

Я подброшу монету.

Майкл ехал в своем «вольво» по обсаженной рододендронами подъездной дорожке Шин-Парк-Хоспитал. По радио звучала Georgia on my Mind.^[1] Он сделал погромче и начал подпевать.

Время приближалось к восьми тридцати. Песня еще не закончилась, когда он поставил машину на стоянку. Он хотел дослушать ее и медлил выключить зажигание, закрыв окно на случай, если коллеги захотят проверить, почему он не выходит.

Он подумал, получила ли Аманда письмо. Он уже не раз спрашивал себя, стоило ли его вообще посылать.

Это был порыв. У него было особое чувство. И оно до сих пор такое. Он скучал по ней. Очень.

В его мыслях была Джорджия. Она была у него в душе, ритм песни совпадал с ритмом его сердца. Из-за хриплого тягучего голоса Рэя Чарльза по спине бежали мурашки.

Хорошее утро. Эта песня звучала у Аманды, пока они сидели и говорили. Он не слышал ее лет двадцать, а тут услышал дважды за одни сутки. Знамение?

Майкл не верил в знамения, но и не отрицал их. «Если Бог и существует, – подумал он, – у Него есть занятия получше, чем расставлять ворон в летящей стае определенным образом, или посылать черных котов перебежать кому-нибудь дорогу, или заставлять божьих коровок садиться на чьи-нибудь голые руки, чтобы люди подумали, что скоро выиграют в лотерею». А может, как раз только этим он и занимается – шутит шутки с людьми. Он отнял у него Кэти и теперь, возможно, собирается дать ему взамен Аманду. А может, и не собирается.

Мы для богов – как мухи для проказливых детей: они убивают нас для развлечения.

Он вошел в здание, и на него тут же накинута один из его коллег Пол Стрэдли, у которого был пациент, страдающий страхом рвоты.

– У него боязнь или фобия? – спросил Майкл, не сделав даже попытки скрыть свое раздражение. Все, чего он хотел сейчас, – это поскорей добраться до кабинета, проверить, не ответила ли Аманда на письмо, и выпить чашку крепкого кофе.

Пол Стрэдли, маленький нервный человек с беспокойным лицом и вечным беспорядком в прическе, одетый сегодня в коричневый

полиэстеровый костюм, который был ему короток, походил скорее на кабинетного ученого, чем на известного психиатра, перу которого принадлежит внушительное количество статей.

– Он боится есть – боится, что пища застрянет в пищевode. Он ест только жидкую пищу, но и ее по многу раз проверяет. Он теряет в весе, и я очень этим озабочен. – Стрэдли с отчаянием посмотрел на Майкла. Майкл всегда считал, что этот Стрэдли и сам немного тронутый и что психических проблем у него больше, чем у его пациентов. Большинство психиатров – такие.

Может, и он сам тоже.

Все мы брешем. Люди приходят к нам, платят по сотне фунтов в час, потому что думают, будто у нас есть ответы. Мы суем им в глотки какие-нибудь таблетки и заставляем говорить до тех пор, пока они сами не наткнутся на ответы. Или не устанут от всего этого.

«Или, – подумал он и почувствовал неожиданный укол вины, – не покончат жизнь самоубийством».

Майкл отодвинул Пола с дороги.

– Мы можем поговорить об этом позже?

Стрэдли неуклюже переступил с ноги на ногу и снова загородил путь.

– А когда?

– Не знаю. У меня намечается трудный день, и я уже опаздываю на обход.

– Может быть, за ленчем? В столовой?

Майкл неохотно кивнул, хотя собирался купить сэндвич и спокойно посидеть у реки.

Стрэдли посторонился. Майкл прошел через вестибюль и поднялся по большой лестнице. Вестибюль с колоннами и лепным потолком занимал большую часть первого этажа. Он имел такой величественный вид, что к нему, казалось, не имела никакого отношения сделанная под дерево стойка для записи на прием и множество пластиковых стульев перед ней.

Он навел на стационарных больных, проверяя их графики и спрашивая, как они себя чувствуют. Затем Тельма вручила ему список пациентов, записавшихся на прием.

В десять минут девятого в его кабинет ввалилась разношерстная компания, состоящая из двух медсестер, младшего врача и социального работника – они всегда появлялись раз в две недели для проверки. Комиссия отбыла в начале десятого.

Первый пациент еще не приехал. Хорошо.

Даже не сняв пиджака, Майкл сел за компьютер и проверил почту.

Двадцать восемь новых писем, в основном от коллег – психиатров и психологов. Один запрос о продолжительности доклада, который он собирался представлять в сентябре в Венеции. Одно письмо от брата Боба, который жил в Сиэтле, – обычная болтовня о жене (Лори) и двоих детях (Бобби-младший и Британи). В конце письма Боб спрашивал, не виделся ли Майкл с родителями.

Ответа от Аманды Кэпстик не было.

Но это ничего, еще рано, ведь он послал письмо ей в офис. Нечего волноваться понапрасну.

Пока нечего.

Ответ не пришел и в десять. И после ленча. И в пять вечера.

Зря он ей это послал.

Аманда – уверенная в себе и здравомыслящая молодая женщина. Ее не купишь на дешевые сантименты – они могут ее только оттолкнуть.

Последний на сегодня пациент должен явиться в пять пятнадцать. Четверть часа передышки. Майкл сделал несколько записей в карте только что ушедшего пациента и положил ее на свое место в шкаф.

В его голове все еще звучала «В моих мыслях Джорджия». И похоже, она еще не скоро смолкнет. «В моих мыслях Аманда».

В воздухе стоял сладкий аромат свежескошенной травы. Майкл зевнул, развернул вращающееся кресло к столу, уронил голову на руки и закрыл глаза. Его мысли вернулись к прошлой ночи – или, скорее, к нынешнему утру.

Она выглядела сногшибательно. Длинный блестящий пиджак леопардовой расцветки, шелковистая черная тенниска, длинная черная юбка, свободный золотой браслет на запястье. Ему показалось, что ее лицо с прошлой встречи стало еще красивее. Он попытался представить ее и, к своему удивлению, без труда смог создать перед мысленным взором четкое и полное изображение.

Он видел синие глаза, искрящиеся смехом. Белые зубы, ровные, крупные – они придавали рту чувственность и даже какую-то хищность. Из-за них ему очень хотелось поцеловать ее. Тонкие руки. Морщинки возле глаз, заметные только тогда, когда она улыбалась. Движение головы, которым она отбрасывала назад волосы. Ее аромат. «Келвин Кляйн». Он видел пузырек в ванной.

О чем говорил язык ее движений?

Она не бросилась в его объятия, это уж точно. Но в то же время никак не показала, что хочет увеличить дистанцию между ними. Она была

нейтральна – держалась в своем пространстве. Но не спускала с него глаз, а это хороший знак. Она тепло улыбалась, а ее смех был искренним и открытым.

Он чувствовал, что узнал о ней кое-что – по крайней мере, о ее личной жизни, а это интересовало его больше всего. У нее были какое-то отношения, о которых она не хотела говорить.

Зажужжал интерком. В приемной находился следующий пациент. Первая консультация.

В спешке Майкл открыл приготовленную им карту и просмотрел направление от личного врача этого человека, терапевта, о котором Майкл никогда не слышал. Доктор Шиам Сандаралингем, практикующий в Челтнеме. Но это неудивительно: в Англии несметное количество врачей, о которых он никогда не слышал.

Доктор Сандаралингем писал, что его пациент страдает клинической депрессией и сам попросил направить его к Майклу. Это тоже неудивительно: множество людей слышали по радио его передачу, читали его статьи и хотели попасть на прием именно к нему. Обычно он проводил первую консультацию, а затем, стараясь контролировать свою загруженность, оставлял себе только тех пациентов, которые особенно интересовали его, отсылая других к своим коллегам.

Новому пациенту было тридцать восемь.

Его звали Теренс Джоэль.

– Аманда, опиши мне доктора Майкла Теннента.

Аманда находилась в бирюзовой комнате своего психотерапевта. В ее прохладной тишине, отделенной от зрелого вечернего солнца жалюзи, она впервые за день ощутила спокойствие. Она откинулась назад в плетеном кресле, закрыла глаза и собралась с мыслями.

– Ну... он очень неоднозначен. Напоминает персонажа определенных фильмов – какого-нибудь ученого, легко справляющегося с экстремальными ситуациями. Например, Харрисона Форда в «Индиане Джонсе» или Джеффа Голдблума – в нем есть его холодность и уверенность.

Максина Бентам кивнула. Она, как обычно, сидела на полу возле дивана.

– Он снимался в «Мухе». И в серии фильмов про парк юрского периода.

– Да.

– Хорошо, Аманда. Давай рассмотрим эти роли. В «Мухе» он играет сумасшедшего ученого, превратившегося в человека-муху. В «Затерянном мире» – ученого, который борется с монстрами. Ты видишь в этом что-нибудь?

– Противоречие? Я должна увидеть противоречие?

– Я просто хочу, чтобы ты сказала мне, что ты в этом видишь.

Аманда постучала пальцем по зубам. Она пыталась избавиться от этой привычки, но не могла. Она была в ужасе от того, как в последнее время выглядят ее ногти.

– Думаешь, я частично воспринимаю его как человека, которого следует опасаться? И частично как человека, который решит все мои проблемы? Избавит меня от моего монстра? Излечит от Брайана?

– Думаю, твое сравнение с Джеффом Голдблумом любопытно.

– Нет, вовсе нет. Я просто описываю его внешность. Он высокий, темноволосый, недурен собой – у него вид интеллектуала. Возможно, в нем есть еврейская кровь, но совсем немного.

– Ты считаешь его добрым человеком?

Аманда кивнула:

– Он очень теплый. Мне... – Она поколебалась. – Мне тепло с ним, безопасно. Рядом с ним мне не приходится притворяться. Я могу быть с

ним собой. Собой. – Она нахмурилась. – Я глупости говорю?

Максина задумчиво посмотрела на Аманду:

– Нет. Продолжай.

– Не знаю, может, это из-за того, что он психиатр, но я чувствую, что он видит меня насквозь и мне нет смысла ему лгать.

– Лгать о чем?

Аманда потеряла шею. Ей было трудно говорить об этом.

– Утром он прислал мне письмо. Очень... – Она замолчала.

– Очень? – мягко подбодрила ее Максина.

– Очень хорошее!

– Что в нем было?

– Там было: «Я не видел тебя уже четыре часа. Я скучаю».

– Ты ответила?

– Нет.

– Почему?

Аманда снова постучала пальцем по зубам.

– Потому что... – Она пожала плечами. – Потому что я не знаю, что отвечать.

– Ты не знаешь, является ли он Джеффом Голдблумом из «Мухи» или Джеффом Голдблумом из «Затерянного мира»?

– Все не так просто.

Максина ждала продолжения, но его не последовало, и она сказала:

– В прошлый раз ты говорила, что Майкл Теннент тебе нравится, но ты не уверена, тянет ли тебя к нему. В этом отношении что-нибудь изменилось?

Аманда поерзала в кресле.

– Я не сказала ему всей правды. Я сказала ему, что мы делаем документальный фильм о психиатрии, но в действительности этот фильм должен нанести удар по психотерапевтической традиции, сложившейся в нашем обществе.

Максина Бентам удивилась:

– Включая меня?

Аманда покачала головой:

– Нет, конечно нет. – Она положила ногу на ногу, затем переменяла позу. – Господи, это, наверно, ужасно звучит! Фильм дискредитирует не хороших психотерапевтов, а тех, которые проходят трехмесячный курс обучения, заказываемый по почте, и потом называют себя гипнотерапевтами, энерготерапевтами и бог знает кем еще. К ним приходят люди и, основываясь на советах этих недоучек, принимают решения,

могущие полностью изменить их жизнь.

Взгляд Максины Бентам стал тяжелым.

– Доктор Теннент не подпадает под эту категорию. Он высококвалифицированный, признанный в научных кругах врач, – сказала она.

– Да. Но ведь психотерапия – это долгий процесс. Чтобы правильно проанализировать человека, нужно встречаться с ним от трех до пяти дней в неделю в течение нескольких лет. Радиопередача при таком подходе выглядит издевательством. Если у кого-то возникают психические проблемы, они думают, что достаточно поднять трубку телефона, позвонить – и все будет в порядке. Десять минут болтовни с доктором Майклом Теннентом – и вот они снова на коне. Он дискредитирует свою профессию. Он опускается до уровня шарлатанов. Высококласный специалист идет на поводу у неосуществимых желаний публики, которая мечтала мгновенно решить все свои проблемы.

Возникла долгая пауза.

– Аманда, тебе нужно прояснить кое-что. Я перестала понимать, в какой именно ситуации ты находишься.

Аманда всплеснула руками:

– Ты перестала понимать! Тогда что говорить обо мне? Я-то почти в него влюбилась!

Газонокосилки.

Майкл слышал их гул, визг вгрызающихся в траву лезвий, звон вибрирующего металла.

Газонокосилки – это один из недостатков лета. Шум старой большой «Атко» с цилиндрическим рюкзаком впереди и прикрепленными позади навесными дисковыми устройствами становился все ближе, пока, наконец, она не оказалась прямо под окном кабинета Майкла.

У Майкла болела голова, и он винил в этом недосып, хотя с не меньшим основанием мог бы винить несметное количество таблеток кофеина, которые он принимал, чтобы не заснуть.

Иди домой, косильщик. Уже почти полшестого. Разве тебе нечем больше заняться, кроме как косить траву в Шин-Парк-Хоспитал? Иди домой! Сделай одолжение.

Майкл сосредоточился на лежащей перед ним форме, которая была озаглавлена «Анкета пациента».

Ученая степень: доктор

Имя: Теренс

Фамилия: Джоэль

Домашний адрес: Глостершир, Челтнем, ул. Ройял-Корт-Уолк, д. 97, кв. 6

Телефон: 01973-358066

Семейное положение: вдовец

Род деятельности в настоящее время: специалист по средствам связи

Вы довольны тем, чем занимаетесь в жизни?

Если нет, то почему?

Где вы живете (в доме, квартире и т. д.)?

Вы владеете своим жильем или снимаете его?

Кто еще живет с вами? (перечислите)

Какую проблему(ы) вы хотите решить, обратившись к нам?

Что заставило обратиться за помощью именно сейчас?

Майкл перелистал страницы. На остальные вопросы, кроме первых, не было ответов. В своем направлении доктор Сандаралингом упомянул, что

этот Джоэль – доктор наук, а не медицины.

– Мультифокальные линзы.

Он с удивлением поднял глаза, думая, что ослышался.

– У вас мультифокальные линзы в очках, доктор Майкл Теннент?

– Да, – ответил Майкл и, вопросительно посмотрев на пациента, добавил: – А что?

Майкл внимательно рассматривал мужчину, ища знаки, которые бы свидетельствовали о том, что он взволнован и старается сохранять спокойствие, или враждебно настроен, или пытается что-то понять. В Теренсе Джоэле он ничего такого не находил.

Пациент свободно, расставив ноги, сидел на диване. Он смотрел на Майкла твердым взглядом, уперев руки в поверхность дивана по обе стороны туловища. «Может быть, чуточку излишне расслаблен, – подумал Майкл. – Будто в моем кабинете его самоуверенность возрастает». Это часто случается – человек заходит в приемную врача и сразу чувствует себя лучше.

«По части внешнего вида Джоэль даст любому сто очков вперед», – подумал Майкл. Статный, очень высокий, мощное сложение. С намазанными гелем волосами, в серой рубашке без воротника, стильном темно-сером льняном костюме и замшевых туфлях от Гуччи он выглядел как какой-нибудь гуру высоких технологий, нарядившийся для телевизионного интервью.

На первый взгляд он казался гораздо более нормальным и уверенным в себе, чем большинство приходящих к Майклу людей. Его голос отличался глубокой, мощной силой. «Бостон», – предположил Майкл, хотя и не особенно хорошо разбирался в акцентах. Единственным, что слегка не вписывалось в общее впечатление, был планшет для записей с прикрепленным к нему блокнотом, который Джоэль принес с собой и который лежал на диване рядом с ним. Он не выглядел человеком, который стал бы таскать с собой планшет. Как не выглядел и ортодоксальным ученым – хотя в Америке существовала плеяда исследователей, которые были вовлечены в производство.

– Даже без специальных очков многие вещи, на которые мы смотрим, преломляются в нашем восприятии. Мы этого не осознаем, но именно так и происходит. Вы когда-нибудь смотрите на звезды?

Майкл не знал, куда Джоэль клонит, но решил развить тему:

– Да, иногда.

– Не знаете, почему они мерцают?

– Нет. Научного объяснения я не знаю. Думаю, это связано с

расстоянием, отделяющим их от нас.

– Это не имеет ничего общего с расстоянием. Это связано с атмосферной влагой. Мы смотрим на звезды через мельчайшие капли влаги. Каждая капля – это призма, которая изменяет проходящий через нее свет. Мы смотрим на звезды через миллиарды призм.

Голос Теренса Джоэля звучал спокойно, что позволило Майклу сделать первый вывод относительно пациента. Спокойствие было деланым, будто Джоэль путем тотального контроля своего поведения хотел представить себя не тем человеком, каким он в действительности являлся.

– Спасибо, – сказал Майкл. – Я этого не знал. И, стараясь пошутить, добавил: – С сегодняшнего дня я буду смотреть на небо другими глазами.

– Мы часто подвержены иллюзии, доктор Теннент, что все четко видим, хотя в действительности это не так.

– Вы думаете, что это представляет для вас серьезную проблему?

– Это представляет серьезную проблему для всех.

Майкл бросил взгляд на анкету, затем снова посмотрел на Джоэля. Консультация должна идти своим чередом.

– Вы не очень много заполнили в анкете.

– Вы это заметили?

Удивление Джоэля было чрезмерным, и Майкл засомневался, искренне ли оно.

– Да. Вам не понравились вопросы?

– Нет, совсем нет. – Джоэль одарил его теплой обезоруживающей улыбкой.

Майкл продолжал внимательно наблюдать за ним, но пока его поведение не выдавало никаких секретов. Он решил двигаться дальше.

– Хорошо, Теренс. Расскажите мне, пожалуйста, какие причины побудили вас прийти ко мне.

– Это ваш «вольво» там снаружи? Серый?

Майкл взял небольшую паузу перед тем, как ответить. Он не хотел тратить время на не относящиеся к делу вопросы.

– Да, – наконец сказал он. – Может быть, вернемся к тому, почему вы хотели меня видеть?

– «Вольво» – крепкая машина. Мне говорили, что если и попадать в автокатастрофу, то в «вольво».

Майкл бросил быстрый взгляд на фотографию Кэти.

– Лучше вообще не попадать в автокатастрофу. – Он встретился глазами с Джоэлем и неожиданно почувствовал, как к щекам приливает краска.

Мог ли Джоэль знать об автокатастрофе? Вряд ли, хотя в свое время, спустя несколько месяцев после смерти Кэти, он сам написал для нескольких газет статьи, содержащие очень личные мысли об утрате близких людей. И пациенты не столь уж редко играли с ним в такие «игры разума», хотя не на первой консультации.

Доктор Теренс Джоэль сидел в расслабленной позе на диване, зная, что Майкл Теннент следит за каждым его движением, каждым взглядом, ищет ключи, ищет отмеченные едва заметным пунктиром входы в его психику.

Мечтать не вредно, доктор Майкл Теннент.

Затем, вслух, он сказал:

– Ненавижу вечеринки с коктейлями.

– Почему?

Доктор Джоэль посмотрел на Майкла пустым взглядом:

– Что «почему»?

– Почему вы ненавидите вечеринки с коктейлями?

– С чего вы взяли, что я их ненавижу? – спросил Джоэль с обезоруживающим удивлением.

– Вы только что сами это сказали.

Доктор Джоэль нахмурился:

– Нет. Ничего подобного я не говорил.

На первом листе медицинской карты, под датой 23 июля Майкл сделал первую запись своим капиллярным «паркером» (подарок от Кэти на годовщину свадьбы). Иногда, под воздействием определенных факторов, люди говорят вслух, не осознавая этого.

Томас Ламарк приложил большие усилия, чтобы скрыть улыбку. Похоже, все будет гораздо легче, чем он думал. *Может, ты и умен, доктор Майкл Теннент, но ты даже понятия не имеешь, насколько я умнее.*

Пока что единственным его проколом была Тина Маккей. Ничего страшного, конечно, но можно было обойтись и без этого. Он не проработал должным образом ее подноготную и не знал, что ее отец – такая большая шишка в правительстве. Он никак не мог предположить, что газеты поднимут такую шумиху по поводу ее исчезновения.

Каждый чертов день появлялась какая-нибудь статья о ней. Что думают ее друзья, что думает ее мать, что думает полиция. Тревога нарастала. А у полиции нет никаких зацепок!

Книгу завернули шесть редакторов. С пятью из них ничего не случится. Монета выбрала Тину Маккей.

Во всем виновата монета.

Какой у него грязный, захламленный, отвратительный кабинет. Как он

может здесь работать? Как тут можно вообще что-либо найти? Кипы бумаг, дискеты, журналы, папки – все просто валяется кругом безо всякой системы. Любой, вошедший сюда, подумает, что его хозяин переезжает, – но ведь он занимает этот кабинет уже семь лет.

Ты гораздо, гораздо хуже свиньи, доктор Майкл Теннент, и однажды – очень скоро – ты будешь визжать гораздо, гораздо громче свиньи.

Это произойдет еще до того, как я решу сделать тебе по-настоящему больно.

Перед тем как зайти в кабинет, Томас прошелся по зданию. С планшетом в руках он обошел его кругом, нашел все выходы, включая пожарные, осмотрел все доступные помещения. Если у тебя в руках планшет, то можно с уверенностью сказать, что к тебе никто не привяжется и не будет расспрашивать, какого черта ты тут делаешь.

Теперь у него в голове был план всего здания – лестниц, коридоров, дверей.

И он знал, что сегодня пациентов у доктора Теннента больше не будет. Было бы очень легко похитить его или убить после окончания консультации. Даже слишком легко. Но пока не время. Пока есть другие дела.

– Я бы хотел узнать что-нибудь о ваших родителях, Теренс. Они живы? Вопрос немедленно вызвал реакцию на лице Джоэля – похоже, Майкл задел какую-то глубинную струну.

Доктор Джоэль ничего не ответил.

Он пытался сохранить самообладание. Язык движений изменился – секунду назад он свидетельствовал о совершенном расслаблении, а теперь о том, что доктор Джоэль почувствовал угрозу. Он подался вперед и скрестил руки на груди, потом снова отвалился назад.

Майкл дал ему пару минут. Когда и по прошествии их Джоэль ничего не сказал, Майкл спросил:

– Вам трудно говорить о родителях?

– Мне ни о чем не трудно говорить, доктор Теннент, – ответил Джоэль, но загнанное выражение его глаз свидетельствовало об обратном.

Ключ ко всему лежал в его детстве, но Майкл не мог найти туда путь на первой беседе. В ответ на все дальнейшие вопросы о родителях Джоэль просто замолкал и начинал качаться взад-вперед на диване.

Майкл сменил тему с тем расчетом, чтобы подойти к вопросу о родителях с другой стороны. Он спросил у Джоэля о его работе.

– Боюсь, это секретная информация, – ответил тот.

Майкл посмотрел на незаполненную анкету:

– Вы вдовец. Может быть, вы хотите поговорить о вашей покойной жене?

– Вы задаете много вопросов, доктор Теннент.

– Вам это неприятно?

– Отчего же?

Майкл опять сменил подход:

– Чем же в таком случае я могу вам помочь? Какую проблему вы хотите решить, придя ко мне?

– Я оказался прав, верно? – сказал доктор Джоэль. – Вы задаете много вопросов.

В шесть часов Майкл пожал руку Теренсу Джоэлю, и тот сказал, что хотел бы прийти на следующей неделе, в это же время.

Майкл закрыл дверь, сел за стол и просмотрел свои записи. Он чувствовал себя не лучшим образом – пациент утомил и смутил его. Да, долгий был день. *Итак, доктор Джоэль, что мне с вами делать? Что там у вас в голове? Если хотите, чтобы я вам помог, вы должны открыться мне. Что я узнал о вас сегодня? На каждый мой вопрос вы отвечали своим. У вас чертовски сильное расстройство личности. Вы упрямы. Вы – контролирующийся себя сумасшедший. Вы высокомерны. Скрытны. Вполне возможно, что вас мучает какая-то навязчивая идея.*

Вашей ахиллесовой пятой являются ваши родители.

За стеной визжала газонокосилка. Черт, сколько же там травы?

Он перечитал направление от личного врача Джоэля. Клиническая депрессия. Похоже, здесь дело совсем не в депрессии.

Под своими записями он сделал еще одну – только для себя: «ПКМ». Это значило: псих, каких мало.

Он повернулся к компьютеру и опять – в сотый раз за сегодня – проверил электронную почту. Его сердце подпрыгнуло, когда он увидел, что Аманда Кэпстик ему наконец ответила. Он навел мышку на ее письмо и открыл его. Как и посланное им, письмо было коротким и простым. Оно состояло из одного предложения:

«Я тоже скучаю».

Детектив-констебль Гленн Брэнсон с подозрением оглядел новенький спортивный «ягуар» с откидным верхом, который ехал ему навстречу, в Брайтон. Дорога шла вдоль берега реки. Крыша «ягуара» была опущена, «дворники» мели по ветровому стеклу, хотя дождя не было, аварийные огни включены.

Он присмотрелся к водителю – плотному юнцу, который бросил на него нервный взгляд. Гленн был в гражданской одежде и ехал на обыкновенной машине, но, если этот юнец не чужд преступному миру, он все понял по косвенным признакам: марке машины, ее цвету, виду радиоантенны. Гленн заметил, что паренек не пристегнул ремень безопасности.

За короткое время работы в полиции Гленн заслужил уважение коллег. Несмотря на то, что детективом он был без году неделя, жизненный опыт у него был богатый – он пришел работать в полицию сравнительно поздно, в двадцать девять лет. Два года отбарабанил констеблем, сначала в пешем патруле, потом в автомобильном, затем подал заявление на перевод в уголовный розыск. После окончания стандартного двухлетнего испытательного срока он прослужил еще год в качестве временно исполняющего обязанности детектива-констебля, затем, всего лишь два месяца назад, прошел курс повышения квалификации и с отличием сдал экзамены на звание детектива-констебля.

В своей прошлой жизни Гленн десять лет проработал вышибалой в ночных клубах. Он был черным, в нем было шесть футов и три дюйма, весил он немногим меньше двухсот фунтов и был лыс, как метеорит. Он мало с кем не мог справиться, и ему за его работу платили столько, что он долго не решался бросить ее. И нашел в себе мужество уйти, только когда родился Сэмми. Он хотел, чтобы сын гордился им. И не хотел, чтобы его сыну когда-нибудь приходилось говорить, что его отец работает вышибалой.

Обычно Гленн был уверен в себе, но за время сдачи экзаменов он узнал, что такое нервы. Ему нужно было столько всего запомнить. Ему уже приходилось видеть, как легко полиция может потерять дело из-за незначительной ошибки в процедуре ведения следствия. В фильме «Шторм-10» Кирк Дуглас, цитируя Эйнштейна, сказал: «Небеса состоят из мелочей». Хорошая полицейская работа тоже состоит из мелочей.

Гленн был честолюбив и выстроил определенный план своей новой карьеры. Он подсчитал, что к сорока-сорока пяти годам сможет дослужиться до инспектора или даже старшего инспектора. И тогда Сэмми не будет краснеть за него. Он будет говорить: «Мой папа старший инспектор».

Так и будет, Сэмми, я тебе обещаю.

И все-таки с этим «ягуаром» определенно было что-то не так.

Пока день складывался удачно. С утра его похвалил шеф. У подозреваемого в ограблении ювелирного магазина в Брайтоне было железное алиби – в момент налета он был в Лондоне. Это утверждал человек, который сам провел в Лондоне весь тот день. Гленн вычислил номер мобильного телефона, зарегистрированного на одно из подставных имен подозреваемого. Просмотрев счет, он увидел, что с этого мобильного телефона через два часа после налета было сделано два звонка из разных зон по линии Лондон–Брайтон – первый звонок южнее, второй севернее.

Краденая машина добавит еще одно перо на его плюмаж. Сегодня его ждало еще одно дело – ему нужно было взять у хозяев ограбленной ночью квартиры заявление и опросить свидетелей происшествия. Это не займет больше часа, а затем, как он надеялся, он сдаст смену вовремя, в четыре часа, и успеет на сеанс в 16:45 в «Герцоге Йоркском». Там шел фильм пятидесятых годов, который он никогда не видел на большом экране. «У моря». Гленн ел, пил и дышал старыми фильмами, что, впрочем, не мешало ему заниматься полицейской работой и семьей.

Он развернул автомобиль, резко прибавил скорости, обогнал две машины и прижался сзади к «ягуару». Похоже, водитель не мог разобраться с управлением. Гленн нажал кнопку радиосигнала на автомобильной рации и сказал:

– Это чарли-отель сто сорок четыре.

Ему ответил женский голос с центральной диспетчерской:

– Чарли-отель сто сорок четыре.

Водитель «ягуара» не видел Гленна. Он так и не отключил «дворники».

– Я слеую за подозрительным спортивным «ягуаром», темно-синий, номер ромео пятьсот двадцать один америка-ноябрь-виктор, едет на запад по Хоув-Кингсуэй. Пришлите патруль для проверки.

– Спортивный «ягуар», темно-синий, номер ромео пятьсот двадцать один америка-ноябрь-виктор. Спасибо, чарли-отель сто сорок четыре.

Затем ожила его личная рация, висевшая на поясе. Диспетчер нескольких местных участков Рэй Данкли – Гленн видел его пару раз –

вызывал констебля в форме.

– Поступил звонок от жительницы номера три по Аделаида-Кресент. Она сообщает, что уже три дня не видела свою соседку Кору Барстридж.

Гленн наострил уши. Он пошарил на поясе, снял с ремня рацию и поднес ее ко рту.

– Прости, что вмешиваюсь. Это чарли-отель сто сорок четыре. Ты имеешь в виду актрису Кору Барстридж? Ту самую?

– Думаю, да.

– Я знал, что она живет где-то здесь! Я еду к номеру пятнадцать по Аделаида-Кресент для опроса свидетелей, могу проверить.

– Только если это тебя не затруднит, Гленн. Констебль в форме сможет заехать туда через пару часов.

– Все в порядке!

– Спасибо. Это очень кстати – у нас сегодня на одну машину меньше.

Гленн разволновался:

– Кора Барстридж! Ничего себе! Выдающаяся актриса. Ты видел ее в «Реках судьбы»? С Робертом Донатом и Кэри Грантом? Пятьдесят второго года?

– Я тогда еще не родился. Я помоложе тебя буду, Гленн.

– Ага, очень смешно!

– Соседка тебя впустит. Миссис Уинстон. Квартира семь.

В этот момент зашипела автомобильная рация – это центральная диспетчерская передавала описание «ягуара». Несколькими мгновениями позже Гленн свернул налево и выехал на Аделаида-Кресент. «Ягуар» продолжал медленно продвигаться по забитой машинами центральной улице Брайтона. Либо парнишка ничего такого не сделал, либо он хотел затеряться в потоке машин вместо того, чтобы соревноваться с полицией в скорости.

Гленн поставил машину прямо напротив дома номер 3 по Аделаида-Кресент. На этой улице располагались в ряд несколько величественных классических домов в стиле Регентства: портики с колоннами, высокие окна, белая краска, неизбежно выцветающая и шелушащаяся от пропитанного солью воздуха. «В таком вот великолепном, но потрепанном временем доме и должна жить звезда, подобная Коре Барстридж», – подумал Гленн.

Глядя на этот дом, думая о том, какая актриса живет в нем, он чувствовал волнение, к которому примешивалось чувство вины. Ему ведь должно быть все равно, кто она, он должен одинаково относиться ко всем – но, как ни крути, это имело значение.

Кора Барстридж!

Он мог без остановки назвать все ее сорок семь фильмов. «Безопасное прибытие». «Монашеская сюита». «Забудьте мистера Дидкота». «Мелодия пустыни». Комедии. Мюзиклы. Триллеры. Мелодрамы. Она так хорошо играла, была такой красивой, изящной и остроумной. Она и теперь великолепно выглядела и играла ничуть не хуже, чем в молодые годы. И естественно, он видел ее в понедельник на вручении награды Британской академии кино и телевидения, где она произнесла не совсем внятную речь. Ничего страшного – ее просто перекормили лестью.

«Ей, наверное, сейчас около шестидесяти пяти», – подсчитал Гленн. Удивительно, как хорошо она сохранилась. Он взглянул на окна и сглотнул комок. Ему очень хотелось, чтобы все закончилось благополучно.

Он позвонил в квартиру семь. Миссис Уинстон встретила его на третьем этаже. Это была приветливая пожилая дама – далеко за семьдесят – с аккуратно уложенными волосами.

У стены возле двери в квартиру Кору Барстридж стояли два букета. Коридор был мрачный и темный, в нем пахло кошками. Внутри здание оказалось гораздо менее впечатляющим, чем снаружи, и напоминало зал ожидания какой-нибудь захудалой железнодорожной станции. Все вокруг было бурым от старости.

– Эти принесли сегодня, – указала на цветы миссис Уинстон. – Еще восемь или девять прибыли вчера. Я положила их к себе во вторую ванную, чтобы они не завяли. И мне пришлось забрать ее молоко – вчера и сегодня утром.

– Я полагаю, вы звонили в дверь? – спросил Гленн.

– Да, последний раз – только что. И стучала тоже.

Гленн присел и заглянул в прикрытую латунной шторкой прорезь для писем. На полу лежало множество конвертов. Незаметно, не желая расстраивать миссис Уинстон, он втянул носом воздух. В нем был слабый намек на запах, который он так хорошо знал и которого так боялся. У него сжался желудок, он почувствовал прикосновение холодного ужаса. Этот отвратительный запах, запах тухлой рыбы.

Он услышал жужжание мух.

Он встал, вынул блокнот и задал миссис Уинстон несколько стандартных вопросов. Когда она видела Кору Барстридж в последний раз? Слышала ли какой-нибудь шум, доносившийся из квартиры? Часто ли к актрисе приходили гости? Была ли у нее домоправительница?

В ответ на последний вопрос миссис Уинстон, удивив его, сказала, что у Кору Барстридж было мало денег. К ней раз в неделю приходила

уборщица, и все.

– Я полагал, что она очень богатая леди, – сказал Гленн.

– Боюсь, что нет. В последние десять лет у нее было мало работы. И она несколько раз неудачно вложила деньги, а ее последний муж был игроком.

Гленн спросил у женщины, можно ли еще как-нибудь попасть в квартиру, и узнал, что со двора на стене дома есть пожарная лестница. Затем он попросил ее вернуться в свою квартиру – он не хотел, чтобы она увидела то, что он и сам боялся увидеть.

Он вызвал по рации отвечающего за этот участок сержанта, изложил ему факты и получил разрешение на проникновение в квартиру. Затем проверил пожарную лестницу – шаткое металлическое сооружение, заканчивающееся ржавой, но прочной на вид и запертой железной дверью. Добраться с нее до окон не было никакой возможности.

Он вернулся к квартире, некоторое время опять звонил в звонок, стучал и громко звал Кору Барстридж через прорезь для писем. Ничего.

В дверь был врезан вполне надежный современный замок, и Гленн понимал, что никакого смысла ковыряться в нем нет. Ключ к успеху был в применении грубой силы. Он несколько раз осторожно приложился плечом, затем – уже гораздо менее осторожно – правой ногой. Дверь чуть подалась, но замок не сдавался. Он поразмыслил, не вызвать ли по рации команду с переносным тараном, но не додумал эту мысль до того, чтобы снять рацию с пояса. Вместо этого он продолжал колотить ногой в дверь.

Стали открываться соседние двери, а из-за тех, что оставались закрытыми, доносились голоса. По лестнице поднимался молодой человек в футболке и шортах. Увидев Гленна, он вытаращил глаза и остановился.

– Полиция! – успокаивающе сказал Гленн.

Лицо молодого человека перекопилось от ужаса, и он кубарем скатился вниз по лестнице. Гленн мысленно отметил это – возможно, юноша хранил дома наркотики. Затем он повернулся и возобновил атаки на дверь.

Наконец замок поддался, но дверь, открывшись всего на несколько дюймов, была остановлена дверной цепочкой, которая оказалась очень крепкой и отлетела только после еще пяти-шести мощных ударов. Зайдя в квартиру, Гленн закрыл за собой дверь, чтобы не заглядывали любопытные, и остановился, борясь с дурнотой и нахлынувшей вонью. Он вынул из кармана тонкие резиновые перчатки и надел их.

Он стоял в небольшом коридоре. На одной стене – две изысканные абстрактные картины, изображающие парижские уличные сценки, на другой – две афиши в рамках. Кора Барстридж и Лоуренс Оливье в

спектакле «Время и семья Конвей» в театре «Феникс» на Чаринг-Кросс-роуд и Кора Барстридж, Анна Мэсси и Тревор Говард в спектакле «Веер леди Уиндермиер» в театре «Ройял» в Брайтоне.

Несмотря на то, что он был почти уверен, что случилось что-то плохое, он испытал благоговение – он находился дома у великой актрисы. Что-то неопределимое отличало это место от всех других, где он побывал за свою жизнь. Здесь словно бы висела волшебная радуга, это был другой мир, в который невозможно попасть, если ты не богат и не знаменит. Вечером он обязательно расскажет об этом своей жене, Грейс. Она не поверит, что он был дома у Кору Барстридж!

Гленн осторожно переступил через устилающую пол почту и прошел в большую гостиную, где на окнах были наполовину приспущены занавеси. О стекло бились две большие мухи. Комната была выдержана в стиле ар-деко. Увидев огромное количество афиш, постеров и фотографий, Гленн будто перенесся назад во времени. Над камином висело забранное под стекло письмо от принцессы с благодарностью за проведение благотворительного вечера в поддержку детского фонда.

Не комната, а сокровищница! Столько здесь всего интересного, как в музее.

В одном из углов стоял письменный стол, на котором яростно мигал автоответчик. Подойдя к столу, Гленн увидел записку, придавленную к поверхности стола статуэткой русалки. Записка была написана синими чернилами, дрожащей рукой:

Я больше не могу смотреть на себя в зеркало».

Без подписи.

Гленн прочел ее несколько раз. У него перехватило дыхание. Треск рации вернул его к действительности.

– Чарли-отель сто сорок четыре?

Он включил микрофон.

– Чарли-отель сто сорок четыре.

Это был сержант его подразделения.

– Гленн, ты будешь присутствовать на подъеме контейнера на Олдрингтонской пристани?

– Я в квартире Кору Барстридж. Думаю, придется здесь задержаться.

– Она собирается показать тебе один из своих многочисленных фильмов? – пошутил сержант.

– Вряд ли, – мрачно ответил Гленн.

Он вернулся в коридор и пошел по нему дальше. Вонь и жужжание мух усиливались. Запах будто уплотнял воздух, утяжелял его. *Не вдыхай его. Ты дышишь смертью.*

Дойдя до одинокой двери в конце коридора, Гленн замедлил шаги. Остановился. Комната была темной, но он знал, что она здесь. Не открывая дверь полностью, он нашарил на стене выключатель, включил свет и только после этого открыл дверь.

Комната освещалась большой люстрой ар-деко и подходящими по стилю настенными светильниками. Изысканные обои. Пушистые тапочки на белом ковре на полу. Она лежала на массивной кровати, отвернув от двери лицо. На голове у нее было что-то блестящее, похожее на шапочку для душа. Над кроватью висело облако мух, и еще больше их ползало по занавескам. Ее руки лежали поверх одеяла, кисти выступали из рукавов розового шелкового халата. Даже с того места, где стоял Гленн, от двери, он видел, что они синие.

Вздохнув, несмотря на ужасную вонь, Гленн, обойдя туалетный столик, зеркало которого очерчивала сплошная рама лампочек, зашел с другой стороны кровати, чтобы увидеть ее лицо.

И здесь он сломался.

На голове у нее была не шапочка для душа, а пластиковый пакет из «Уэйтроуз». Он полностью закрывал голову и был завязан на шее поясом от халата.

Руками в перчатках Гленн развязал узел и снял пакет. Вверх взвилось облако мух. Он застыл в немом шоке. Ее рот был открыт, будто в крике. Лицо сине-черного цвета. По тому, что осталось от губ и глаз, ползали личинки. Он отвернулся, едва подавив позыв рвоты. *Кора, нет. Нет. Зачем ты это сделала? Господи, ну зачем ты это сделала?*

Потом она говорила своей подруге Сэнди, что ошибалась насчет его. Этот человек, который все эти недели всегда выбирал ее кассу и так странно смотрел на нее, был совсем не Лайам Нисон!

Но ведь он, в конце концов, вполне мог оказаться Лайамом Нисоном. Только две недели назад она обслуживала Пэтси Кенсит. А несколько месяцев назад – Лиз Херли. Она не совсем уверена, но вроде бы прямо перед Пасхой был Билли Коннолли. Сюда, в «Сейфуэй» на Кингс-роуд, приходит множество звезд, но почему-то они предпочитают подходить к другим кассам, не к ее.

Но в этот раз она взглянула вверх и увидела мужчину, которого убежденно считала Лайамом Нисоном (он всегда платил наличными, поэтому она не могла узнать его имя из кредитной карты). Он улыбался ей. На нем была желтая рубашка поло, застегнутая на все пуговицы, и коричневый пиджак от Армани.

– Привет, Трейси, – как обычно, сказал он.

И как обычно, она покраснела. Люди иногда обращались к ней по имени – его легко можно было прочесть на ее нагрудном бедже, – но у этого мужчины был такой голос... Красивый голос с безукоризненным английским выговором. «Трейси» в устах этого человека звучало совсем по-особенному. У нее неожиданно вылетело из головы, англичанин Лайам Нисон или американец.

– Собираюсь сделать настоящий крабовый суп, – сказал мужчина и показал рукой на невероятно ровный, будто по линейке выверенный ряд упаковок, лежащих на конвейере начиная с таблички «Следующий покупатель». – Это для моей девушки.

Ему понравилось, как она кивнула в ответ, – она считала само собой разумеющимся, что у него есть девушка и он не жалкий одиночка, пытающийся завязать знакомство. Он почувствовал себя хорошо, когда сказал, что у него есть девушка. Он ощутил себя нормальным человеческим существом.

– Вы когда-нибудь ели крабовый суп? – спросил он.

Трейси сморщила нос и нажала кнопку, приводящую конвейер в движение.

– Я не очень люблю крабов – они страшные.

– Моя мать тоже не любила крабов. Она их ненавидела. Не позволяла

их покупать. Даже в виде консервов.

– Я могу есть крабовую пасту, – сказала Трейси. – В сэндвичах.

Первой на кассу прибыла большая бутылка свежавыжатого апельсинового сока. Трейси поднесла ее к устройству считывания штрихового кода, протянула Томасу Ламарку несколько пластиковых пакетов, затем пробила четыре авокадо и упаковку выращенных в Англии помидоров.

– Английские помидоры самые лучшие, – сказал он. – Некоторые импортные помидоры подвергают воздействию радиации, чтобы убить микробы. Вы об этом знали?

Трейси покачала головой.

– С радиацией нужно обращаться очень осторожно. Она может плохо влиять на гены. Вас беспокоит радиация, Трейси?

Девушка с опаской взглянула вверх, будто проверяя, не облучают ли ее радиацией с помощью какого-нибудь спрятанного устройства.

– Я тоже люблю английские помидоры, – сказала она.

Следующими были крабы. Она не видела их под белой непрозрачной крышкой контейнера, но все равно ее передернуло, когда она подносила к сканеру мокрую этикетку, которую наклеивали в рыбном отделе.

Томас наблюдал за кассиршей. Ему было жаль ее. Внешностью и поведением она напоминала ему его девушку, которая была у него в Высшей медицинской школе. Лиз. Он помнил, как неловко он себя чувствовал, когда привел Лиз домой, чтобы познакомить с матерью, и как мать заставила его понять, что она ему не пара.

Да, она была ему не пара. Худышка с тонкими светлыми волосами и симпатичным, но пустым лицом. Ее очень портили зубы – они были неровные, и она не слишком хорошо за ними ухаживала. В последнюю неделю их общения он увидел затяжку у нее на колготках. А за неделю до этого заметил, что у ее блузки грязный воротник.

– Вы знаете, что Кора Барстридж умерла?

– Кто?

– Актриса. Кора Барстридж. Об этом писали утренние газеты.

Трейси покачала головой в знак того, что ей об этом ничего не известно, поднесла к сканеру картонку с яйцами, полученными от кур с деревенских птичников, затем склонила голову набок и приоткрыла рот.

– Это та, которая в понедельник получила награду?

– Да, награду Британской академии кино и телевидения.

– А, тогда знаю. Так она умерла. Жаль. – У нее вырвался смешок. – Не очень-то это справедливо – получить награду и тут же умереть.

За яйцами последовали четыре манго.

– Вам нравятся фильмы Глории Ламарк?

– Кого?

– Глории Ламарк, – тихо повторил Томас.

– Никогда о ней не слышала, – сказала девушка.

Она в молчании пробила оставшиеся продукты, затем помогла сложить их в пакет. К ее удивлению, мужчина протянул ей кредитную карту. На ней стояло имя: Теренс Джоэль.

В то время как она ждала, пока распечатается чек, Томас вынул из кармана монету и подбросил ее.

– Орел или решка? – спросил он.

Трейси удивленно посмотрела на него, затем пожала плечами и сказала:

– Решка.

Он выложил монету на запястье и посмотрел на нее. Решка. Он положил монету обратно в карман.

– Вам повезло, милая. Сегодня у вас счастливый день!

Он вынул из кармана узкий белый конверт и отдал его девушке.

– Возьмите. Отложите пока. Потом откроете.

Трейси смущенно взяла конверт и положила его на полку под кассой.

– Ч-что это?

– Откроете попозже и увидите.

Томас подписал чек, сложил продукты в тележку и покатил ее к выходу.

Трейси провожала его взглядом. Никто пока не подходил к ее кассе и не мешал делать это. Теренс Джоэль. Не Лайам Нисон. Что в конверте? Мужчина стоял на тротуаре с пластиковыми пакетами в руках и махал рукой такси.

«У Лайама Нисона, наверное, был бы личный водитель», – подумала Трейси.

Она посмотрела через плечо на торговый зал. Никто не шел к кассе и не обращал на нее внимания. Такси отъехало. Она посмотрела на конверт. На нем от руки было написано ее имя.

Трейси открыла конверт и обнаружила в нем четыре пятидесятифунтовых банкнота и записку без подписи, на простой бумаге, в которой говорилось:

«Спасибо за то, что всегда мне приветливо улыбались – с вашей стороны это добрый поступок. Это для вас, купите себе

что-нибудь. В мире недостаточно доброты».

Снаружи дом номер 14 по Провост-авеню не представлял собой ничего особенного: обыкновенный отдельно стоящий дом тридцатых годов, с пригородным фасадом «под Тюдоров», очень похожий на остальные дома в этом тихом медвежьем углу под названием Барнс, в юго-восточном Лондоне, всего в нескольких сотнях ярдов от Темзы и паре миль от кабинета Майкла в Шин-Парк-Хоспитал. Но внутренность дома была полностью перестроена, жилая площадь разделена на три части и располагалась на разных уровнях. В одной части, где была сейчас Аманда, в то время как Майкл возился на кухне, находились кресла, расставленные так, чтобы было удобно беседовать; в другой – большой полукруглый диван, и она предназначалась для просмотра телевизора; третья представляла собой отливающую сталью столовую.

Из кухни доносился чудесный запах.

На полках было множество трехмерных головоломок – пазлов. На больнично-белых стенах висели небольшого размера современные картины – отличающиеся тонкой техникой сложные абстракции, некоторые из которых напоминали кошмары, некоторые, напротив, умиротворяли своей меланхоличностью, а одна пленила Аманду спокойной красотой в духе картин Хокни.

Майкл сказал ей, что головоломки собрал он. Но чьи же это картины? В какой-то мере они будоражили ее любопытство, в них было смешение контрастов, как и в самом Майкле.

Аманда хотела узнать побольше о Кэти, но в то же время что-то подсказывало ей, что эту тему лучше оставить в покое. Во время предыдущих свиданий Майкл всячески уклонялся от разговоров о ней. При упоминании о Кэти в нем пробуждались печаль и вина, с которыми он, похоже, до сих пор не смог справиться. Ее фотография на каминной полке замечательного современного камина как будто подчиняла себе всю комнату.

Аманда встала с кресла и, подойдя к фотографии с бокалом калифорнийского вина, взгляделась в нее. Цветная фотография в серебряной раме. Красивая женщина со светлыми, достигающими плеч волосами, в поднятых надо лбом солнцезащитных очках сидит на красном, пышущем мощностью мотоцикле.

Аманда пристальнее всмотрелась в ее лицо. Она красива, спору нет, но

в ее красоте присутствует какая-то холодность, высокомерие... «Даже, – подумала Аманда, – некая жесткость».

Майкл принимал душ всего лишь час назад и уже был весь липкий от пота. Кухня, на которой еще утром не было ни пятнышка, представляла собой кошмарное зрелище.

«Небеса в раковине»!

Эта надпись нахально пялилась на него со страницы рецепта. Под ней значилось: «Гребешки на вертеле с горячей базиликовой подливой». На фотографии, изображающей то, на что должно быть похоже готовое блюдо, расплывалось большое пятно от пролитого уксуса. На кухонном столе лежала страница, выдранная из старого номера «Таймс». Рядом располагались собранные на вертеле ингредиенты блюда. Майкл еще раз придирчиво на них посмотрел, затем обреченно вздохнул и отправил все в духовой шкаф.

Он находился в состоянии тихой паники.

Четыре больших свежих гребешка. Оливковое масло. Листья базилика. Четыре ломтика вяленой ветчины. Один зубок чеснока. Один небольшой помидор. Уксус. Зелень. Лепестки красной и белой роз. Два деревянных вертела.

На фотографии все выглядело так соблазнительно, что было понятно – воспроизвести эту красоту в точности не удастся. Это была не еда, а выставка цветов в Челси. Даже деревянные вертела вживую выглядели хуже, чем на фотографии.

И как всегда, в рецепте не написали самого главного. Нужно готовить гребешки уже завернутыми в ветчину или ветчина добавляется после?

Мучаясь сомнениями, Майкл позвонил матери, которая очень хорошо готовила. Он старался говорить как можно тише, чтобы Аманда не услышала его. Мать не знала этого рецепта, но посоветовала сначала испечь гребешки, потом передумала. Он уже жалел, что решился на эксперимент. Лучше бы он приготовил какое-нибудь проверенное временем блюдо – жареный перец с анчоусами или овощной суп с креветками.

Еще со студенческих времен Майкл добывал рецепты, покупал к ним продукты и экспериментировал. Но в последние три года он мало готовил, потому что не для кого было, и растерял навыки. Когда была жива Кэти, по субботам он готовил ужин, если только они не собирались куда-нибудь идти. Они оба любили вкусную еду.

После ее смерти он перебивался ланчами в столовой и разогретыми блюдами из супермаркета.

Но сегодня ему было для кого готовить, и он с самой среды обдумывал меню. Он не хотел ударить в грязь лицом. Было бы гораздо проще отвести Аманду в ресторан, но он хотел показать ей себя с этой стороны. Он гордился тем, что умеет хорошо готовить.

Но он совершенно не был готов к тому, что у него разыграются нервы.

В статье, посвященной механизмам оценки женщинами мужчин, которая была опубликована в «Британском психиатрическом журнале», говорилось, что женщины гораздо выше оценивают мужчин, которые умеют готовить, это усиливает их влечение. Старая, еще доисторическая закономерность, связанная с восприятием мужчины как добытчика. Из-под тонкой листы цивилизации всегда проглядывают наши первобытные корни.

Он улыбнулся, спросив себя, как бы повела себя Аманда, если бы он встретил ее в дверях в набедренной повязке и с суковатой дубиной в руке. Он надел толстые матерчатые варежки и проверил баранину под красносморозинным соусом. Рецепт назывался «Барашек Розмари». Пироги с картофелем и пастернаком, горошек и острый морковный суп-пюре находились уже в подогревочном отделении духового шкафа.

Он нырнул в гостиную, чтобы проверить, как там его гостя.

В этот момент Аманда стояла перед камином с фотографией Кэти в руке и не слышала, как в комнату вошел Майкл. Неожиданно ее предплечье оказалось в тисках его пальцев. Он буквально вырвал фотографию у нее из рук:

– Не трогай ее вещи!

Это был отданный ледяным голосом приказ.

Аманда ошарашенно посмотрела на него.

Его лицо напоминало тучу, и на какую-то секунду ее охватил ужас. Ей было больно от его хватки.

Он отпустил ее и осторожно поставил фотографию на место, потом повернулся к ней, закрыв собой фотографию, и вымученно улыбнулся. Его гнев улегся так же быстро, как вспыхнул.

– Прости, – неуверенно сказал он. – Я...

– Ничего.

Майкл снова был спокоен.

– Прости. Мне жаль. У меня заскок насчет...

– Все хорошо, – сказала Аманда.

Майкл беспомощно смотрел на нее, и ей вдруг стало жаль его в этом

белом фартуке с рассыпанными по нему музыкальными нотами, красной рубашке с открытым воротом и синих брюках. Ей нравился его вид – так он выглядел более уязвимым.

– Мне надо стараться жить дальше, – сказал он. – Но это чертовски тяжело. – Он смотрел в стену. – Иногда мне кажется, будто я живу в мавзолее.

Его взгляд метался от картины к картине.

– Мне нравятся эти картины.

– Их написала Кэти.

– Все?

– Все, что висят в этой комнате. Она называла их «Коллекция. Состояние мозга». Может, она так видела меня.

– Она была очень хорошим художником, – сказала Аманда, чувствуя, что не выдерживает сравнения.

Майкл все еще чувствовал неловкость после своей вспышки.

– Да, – сказал он. – Но она не принимала свой талант всерьез. Говорила, что это просто хобби.

Аманда спросила, чтобы сменить тему:

– Может быть, мне помочь тебе на кухне?

– Нет. Я все уже сделал и присоединюсь к тебе через секунду.

Он подошел к открытым на балкон стеклянным дверям и с беспокойством выглянул наружу.

– Как ты считаешь, нам действительно стоит есть на воздухе? Может быть, для этого слишком прохладно?

– Будет здорово поесть на воздухе.

– Вино не кончилось?

Аманда показала бокал, который был наполовину полон.

– Нет. Спасибо.

– Знаешь, какая разница между оптимистом и пессимистом? – спросил Майкл.

– Какая?

– Оптимист говорит, что его бокал наполовину полон. Пессимист – что наполовину пуст.

– Тогда мой бокал наполнен до краев, – сказала Аманда.

Из проигрывателя компакт-дисков звучала увертюра к «Фигаро». Майкл прислушался к музыке, и на него нахлынули эмоции. Ну почему он не дал посмотреть ей на чертову фотографию? Остается надеяться, что он ничего не испортил. Надо было уехать отсюда, вот и все. Повести Аманду в ресторан. А здесь всюду Кэти.

Но он не хотел продавать дом. Это означало бы окончательный разрыв с Кэти, а он еще не был к нему готов. Пока не был. До настоящего момента, когда Аманда вот так и сидит на диване, а в ушах звучит увертюра к «Женитьбе Фигаро». И в сердце.

Наверное, она недавно вымыла волосы: они переливались глубоким шелковым блеском. Ее лицо было удивительно красивым, и ему нравилась одежда, которая была на ней: белый атласный пиджак поверх черного топа на бретелях, блестящие черные брюки, туфли на высоких каблуках, которые на женщине менее стильной смотрелись бы вульгарно, а на ней выглядели просто сногшибательно.

Ему нравился ее запах.

Он улыбнулся, еще раз оценив ситуацию: Аманда, свободно расположившаяся на большом темно-синем диване, увертюра к «Фигаро», ароматный летний воздух. Удивительное мгновение. Он закрыл глаза и мечтательно взмахнул руками, будто вторя музыке.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что Аманда смотрит прямо на него.

– Я бы хотел умереть, слушая Моцарта, – сказал он.

Аманда тщательно обдумала его реплику.

– Ты часто думаешь о смерти?

– Все время. Ты, кстати, тоже.

– Я?

– Все думают. Неосознанно, но тем не менее. Это основополагающая часть человеческой психики. Даг Хаммерсхойльд, бывший Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, как-то сказал: «Любая наша мысль, любое действие формируется под влиянием того, как наш разум видит свою судьбу, а тело – свою смерть. В конце концов, ответы на все вопросы, задаваемые нам жизнью, определяются тем, как мы относимся к смерти»..

– Ты в это веришь?

– Абсолютно. Нами движут инстинкты выживания. Вспомни о десятках решений, которые приходится ежеминутно принимать во время того, как ведешь машину, идешь по улице, переходишь дорогу. В ресторане, рассматривая меню, не просто выбираешь ту пищу, которой можно набить желудок. На твой выбор влияют разнообразные мысли о диете – о том, что полезно есть и что вредно. Словом, выбираешь ту еду, которая позволит тебе прожить как можно дольше.

– Никогда об этом не думала.

– И не нужно. Большую часть времени твой мозг делает это за тебя. –

Он похлопал ладонью по голове. – Твой серый друг. – Он помолчал и добавил: – Прости, что рассердился на тебя. Я не хотел.

Она улыбнулась:

– Я вела себя глупо.

– Нет, ты просто проявила любопытство, на которое имеешь полное право.

Он ушел обратно в кухню. «Сначала зажарить гребешки, – решил он. – Потом завернуть их в ветчину». Жизнь – рискованное занятие. Так какого черта?

Аманда села. Ее рука болела там, где Майкл схватил ее. Наверное, будет синяк. Еще до того, как взяться за фильм, она слышала, что психиатры – странный народ. Те, с которыми она встречалась, похоже, нуждаются в лечении не меньше, чем их пациенты.

Есть ли у Майкла темная сторона? Или потеря близкого человека так повлияла бы на любого?

Томас Ламарк также думал о смерти. Перед этим он думал о белых фургонах. Теперь же он размышлял о смерти доктора Майкла Теннента.

Он думал о том, что белые фургоны хороши днем, когда их никто не замечает. Можно стать сантехником, мясником или подвозчиком газет – да кем угодно. Пишешь на борту название фирмы, и никто не обратит на тебя внимания. Так же как никто не обращает внимания на водителей автобусов или рабочих, кладущих асфальт на дороге, или дворников, метущих улицу перед входом на станцию метро.

Вечером все иначе. Ночью в фургонах разъезжают преступники. Остановись на тихой жилой улочке в десять вечера, и глазом не успеешь моргнуть, как какая-нибудь подозрительная старуха или менеджер-параноик позвонит в полицию.

Поэтому он и взял на сегодня у доктора Джоэля его темно-синий «форд-мондео».

«Мондео» стоял на Провост-авеню. Из него был отлично виден дом, в котором жил доктор Майкл Теннент. И «альфа-ромео» Аманды. Крыша на машине не поднята. Это означало, что она не собирается оставаться на ночь.

Перед лицом Гленна Брэнсона щелкнули пальцы. Он не обратил на это никакого внимания.

Ему сказали:

– Эй, есть кто дома?

Он этого не услышал.

Его глаза наблюдали за Корой Барстридж на экране телевизора, но его разум был далеко. В темной комнате. Пластиковый пакет из «Уэйтроуз». Записка.

«Я больше не могу смотреть на себя в зеркало».

Эти слова впечатались в его мозг. Он видел их во сне вчера ночью и позавчера. Он видел съеденное лицо Кору Барстридж. Он никогда не забудет этих слов. Никогда.

– Твой чай. На столе. Остывает.

Он посмотрел на Грейс, послал ей воздушный поцелуй. Он любил ее больше жизни, у нее было терпение десятка святых.

– Две минуты, ангел, хорошо?

Сэмми, который сидел на полу и с сосредоточенностью оперирующего на сердце хирурга собирал цирк из деталей «Плеймобил», спросил:

– А мама правда ангел?

– Для меня да.

Гленна удивила скорость, с какой телевидение отреагировало на смерть Кору Барстридж, откликнувшись чередой передач о ней. Он как раз смотрел одну из них – нарезку кадров из ее фильмов. Только что выступал Дирк Богард, говорил о том, что она была настоящей звездой. А теперь шла сцена из фильма с их участием – он в медицинском халате, играет врача, и молодая Кора Барстридж с лицом представляющим собой сплошную маску из шрамов.

– Не вешай носа, малышка, через несколько дней будешь как новенькая! – говорил Дирк Богард.

Кора посмотрела на него.

– Я больше не могу смотреть на себя в зеркало, – сказала она.

Между Гленном и телевизионным экраном возникла Грейс:

– Может, поставить ужин обратно в духовку? Кажется, я начинаю

ревновать тебя к твоей новой подружке.

Гленн не слышал ее. Он застыл в кресле.

– Папа, если мама ангел, то, значит, Иисус ее любит?

Он не слышал и сына. У него в ушах звучал только голос Кору Барстридж. На экране шла сцена из фильма «Зеркало на стене» 1966 года. Фильм рассказывал о модели, которая была обезображена в результате автокатастрофы и несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством, но ее вытащил с того света психиатр, которого играл Джеймс Мейсон. Он вернул ей самоуважение и цель в жизни. В конце фильма он женится на ней.

Я не могу больше смотреть на себя в зеркало.

Совпадение? Невозможно!

– Гленн, я пожарила тебе бифштекс. Он остынет!

– Иду.

Он перемотал пленку назад и проиграл эту сцену снова. Закрыв глаза, послушал, как Кора Барстридж сказала эту фразу, и перенесся на два дня назад, во вторник, в ее квартиру, обставленную мебелью ар-деко. К записке на туалетном столике.

Он сосредоточился и попытался представить себе ее спальню, на третьем этаже дома по улице Аделаида-Кресент, совсем рядом с эспланадой Хоува, идущей по берегу Ла-Манша.

Стоп-кадр.

Так называют полицейские детективы феномен запоминания места преступления. Дом, квартира, комната отеля, участок леса или тротуара, машина – все подлежало запоминанию стоп-кадрами. Различные кадры, отражающие различные мелочи: волоски, кусочки кожи, волокна ткани.

Стоп-кадр.

Это было самоубийство. Она набросила цепочку на дверь, написала записку, приняла таблетки, а потом...

Мысль о том, что Кора Барстридж сделала потом, была мелью.

До того как его дед вышел на пенсию и переехал жить в Англию к родителям Гленна, он служил первым помощником капитана на грузовом пароходе, который курсировал по всем Виндвордским островам, доставляя запасные части к двигателям на один остров, забирая сахарную свеклу с другого и сгружая гробы на третьем. Гленн любил слушать его рассказы о приключениях, но больше всего ему нравилось, когда дед рассказывал о мелях.

Старик говорил Гленну, что суда редко тонут на глубокой воде. Чаще всего их забирают мели. Самые большие волны бывают там, где глубина

меньше всего. Самые опасные скалы – не те, которые видно, а подводные рифы, верхушки которых располагаются на глубине всего нескольких футов. Мели.

Гленн боялся мелей, но он снова и снова просил деда рассказать о них. Они волновали его, это был его личный монстр – монстр, так никогда и не поборотый до конца.

Темное, яростное течение. Острый, увенчанный пеной коралл, могущий распороть брюхо корабля, как жестянку с сардинами. В детстве мели вызывали в Гленне такой страх, что он иногда просыпался по ночам оттого, что метался в постели и выкрикивал предупреждения шкиперу. С пробуждением страх отступал, как вода при отливе, оставляя его высоко на берегу дрожать от пережитого ужаса.

Самоубийство. Слово билось внутри его головы, как темная волна.

Самоубийство.

Он попытался представить себе последние несколько минут ее жизни. Вот она пишет записку. Снимает тапочки. Ложится в постель. Надевает пакет на голову и закрепляет его на шее поясом от халата. Кошмарная мутность пластика перед глазами.

О чем думала Кора Барстридж в свои последние минуты, пока сознание не покинуло ее? Что заставило ее сделать это?

Он разговаривал с ее дочерью, живущей в Лос-Анджелесе, беседовал с парой ее друзей. После последней подтяжки у Кору Барстридж была глубокая депрессия. Она тяжело переживала свое старение, и церемония вручения награды Британской киноакадемии только усилила испытываемые ею чувства ненужности и отчужденности.

Ее не произвели в дамы и не вручили никакой другой правительственной награды потому, что, как она сама выразилась, Букингемский дворец косо смотрел на ее интрижки с тремя известными политическими деятелями и еще более косо – на ее антимонархические взгляды.

«Они решили дать старой вороне хоть что-то – только чтобы не каркала» – так она описала свои чувства после вручения награды одному из своих близких друзей.

Одинокая, без денег, стареющая, покинутая своим третьим и последним мужем больше десяти лет назад, погруженная в депрессию, Кора Барстридж с большой долей вероятности могла считаться кандидатом в самоубийцы.

«Так почему же, – спросил себя Гленн Брэнсон, поднимаясь с кресла и направляясь на встречу с холодным бифштексом и ледяной женой, –

почему же это не дает мне покоя?»

«Это доктор Теннент. Глория, не могли бы вы мне позвонить? Боюсь, я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

Щелк.

Томас нажал клавишу перемотки на автомобильной магнитоле, затем клавишу воспроизведения и снова прослушал запись голоса доктора Теннента, которую он скопировал с кассеты автоответчика на обычную кассету.

Щелк.

Он сглотнул. До белых костяшек сжал рулевое колесо. Хорошо бы вырвать его из приборной панели и забить им Майкла Теннента до смерти.

Он снова проиграл пленку.

Субботний вечер. Десять часов. Большая луна. Звезды мигают – значит, много влаги в воздухе. Он сидел в «форде-мондео» доктора Джоэля. Доктор Джоэль не возражал против того, что Томас позаимствовал его. Машина была чистой – когда он только тронулся сюда, на ней не было ни единого пятнышка. С кожаными сиденьями бежевого цвета. Она была оборудована магнитолой «Филипс» с двумя деками – кассетной и под компакт-диски – и тучей всяких электронных устройств. Повсюду торчали какие-то кнопки со странными символами. Иероглифы для карликов с лупами. Что они, черт побери, означают?

Единственным, что было написано на нормальном человеческом языке, было слово «Airbag»^[2] в центре рулевого колеса.

Томас уже устал глядеть на собачье дерьмо на тротуаре, хотя оно и валялось в темном месте между двумя фонарями. Он разглядывал его уже не меньше часа. По внутренней части ветрового стекла ползла муха. Мухи едят собачье дерьмо. Мухи едят дохлых птиц. Если бы не мухи, дохлые птицы валялись бы повсюду. Томас ничего не имел против мух – с мухами все в порядке. У него была причина так считать. Он ненавидел дохлых птиц. Дохлым птицам не повезло.

В тот день, когда умерла его мать, у них в саду лежала дохлая птица. И дохлая птица была рядом с Версаче, когда он умер. Может, они посланники Высшей силы? Нет никаких доказательств в защиту того, что они ими не являются.

Уже было слишком темно, чтобы кто-нибудь мог рассмотреть его лицо за стеклами машины. У него была «Таймс», он был готов прикрыть ею лицо, если кто-то пойдет мимо. Никто в этом районе не взглянет во второй раз на человека, который сидит в дорогой машине и читает «Таймс». Но пока еще никто мимо не прошел, кроме старика с лабрадором, который нагадил на тротуар.

В газете была статья про пропавшего редактора Тину Маккей – заявления полиции, ее матери, ее теряющегося в догадках дружка. Никаких зацепок, никаких улик, никаких следов ее синего «фольксвагена-гольф» со вмятиной на заднем бампере. Их и не должно быть. Он разобрал его у себя в гараже и вывез потихоньку в белом фургоне на разные свалки. Он даже выгадал на этом две сотни фунтов и потратил их на цветы на могилу матери.

Статья о Коре Барстридж гораздо более обширная. Панегирик длиной в 2324 слова. Написана бывшим кинокритиком, а теперь театральным критиком Перегрином Верноном.

Перегрин Верной однажды разнес в пух и прах игру его матери в пьесе Сомерсета Моэма. Это было в 1986 году, когда она пыталась вернуться на сцену. Она играла деспотичную богатую аристократку. Перегрин Верной написал, что режиссер поступил бы умнее, если бы пригласил на эту роль дикую свинью, а не Глорию Ламарк. «Она выглядела бы лучше и меньше ошибалась бы в тексте» – так он выразился.

Томас отчетливо помнил лицо критика на фотографии, расположенной рядом с его колонкой. Галстук-бабочка, седые волосы, обрюзгшее, покрытое лопнувшими капиллярами лицо завсегдатая ресторанных застолий. И слезы матери, когда она прочитала статью.

На праздновании премьеры она была такой красивой, он так гордился ею. Ее игра была удивительна – не только во время представления, но и после него, во время празднования. Великая актриса возвращается, все приветствуют ее – это было что-то! Триумф! Там были все. Ллойд Уэбберс. Гарольд Пинтер. Пол Скофилд. Питер Холл. Камерон Макинтош. Эдди Кулукундис и Сюзан Хэмпшир. Роберт Фокс. Ванесса Редгрейв. Мэгги Смит. Джоан Плоурайт. Сэр Майкл Хорден. Альберт Финли. Джуди Денч. Билл Кенрайт. Все!

В тот вечер в глазах у матери стояли слезы радости. А утром, после того, как она прочитала «Мейл» с ужасными откровениями Вернона, – от нее ничего не осталось.

Джек Тинкер, штатный критик, был в отпуске, и вместо него рецензии писал Перегрин Верной. Сквозь слезы мать снова и снова повторяла, что

Джеку Тинкеру понравилось бы, что он никогда бы не сказал таких слов.

А теперь Перегрин Верной написал 2324 хвалебных слова про Кору Барстридж.

«Вызывает возмущение тот факт, что Кора Барстридж никогда не была удостоена официальной награды со стороны правительства страны, в то время как ее заслуги перед ней неисчислимы. Во время Второй мировой войны она беззаветно служила своей стране, спасая Лондон от немецких бомб... занимала достойнейшее место в британском кино и театре... мы потеряли одну из величайших актрис, когда-либо рождавшихся в этой стране, и потерю эту уже никогда не восполнить...»

Гнев Томаса возрастал. Перегрин Верной был не прав. Конечно, существует вызывающий возмущение факт, но совсем не тот, по поводу которого он измарал столько бумаги. Ему надо напомнить о нем. Надо выплатить ему долг.

Глупец, зачем тебе понадобилось писать эту статью? Я же забыл про тебя! Забыл, без дураков!

«Альфа-ромео» Аманды Кэпстик все еще стоял возле дома Майкла Теннента. Крыша по-прежнему была опущена. Два часа назад по телевизору в прямом эфире показывали розыгрыш национальной лотереи. Его мать презирала лотерею и презирала людей, покупающих лотерейные билеты. Томас задумался, покупает ли билеты доктор Майкл Теннент. Он снова включил запись.

«...Боюсь, я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

Щелк.

Перемотка.

Щелк.

Он снова включил запись.

Томас ненавидел лотерею. Ненавидел эти глупые разноцветные шары, крутящиеся в стеклянном барабане. Лотерея дает людям ложную надежду. Проигрываешь – расстраиваешься. Выигрываешь – жизнь превращается в ад. Лотерея никогда не выведет тебя из заколдованного круга несчастья. Как голос доктора Теннента на пленке. Обещает то, что никогда не сможет дать.

На пассажирском сиденье рядом лежала еще одна кассета. Скоро он ее проиграет.

Мухи уснули на ночь. Даже та, которая ползла по стеклу, бросила попытки добраться до свободы. По крайней мере, на время. Он вытащил из кармана монету, подбросил ее, поймал, но не стал пока смотреть.

Доктор Майкл Теннент, будете ли вы еще здесь утром?

На деревянном столе, под пологом из виноградных листьев ровным пламенем – вечер был безветренным – горели две свечи. Аманда доедала баранину. Поджаристая снаружи, сочная внутри, она была напитана пикантной сладостью красносмородинового соуса. Майкл оценил качество ее приготовления как «почти высший класс».

– Ты замечательно готовишь, – сказала Аманда. Она хотела, чтобы он улыбнулся. Он становился совершенно другим, когда улыбался: из серьезного, погруженного в свои мысли человека он превращался в живого и общительного.

Аманде нравился вечер. Происшедший ранее инцидент был почти забыт, и она восторженно слушала занимательные истории из врачебной практики Майкла. Он ошеломительно хорошо выглядел: волевое худощавое лицо, темные волосы, небольшие очки в черепаховой оправе, мощные мышцы, легко угадываемые под красной рубашкой. Ей нравился запах его одеколона и манера говорить.

Она наблюдала за ним, разрезая баранину. Рукава его рубашки были закатаны до локтей. Ей нравились его сильные руки с длинными пальцами. «Руки хирурга», – назвала бы их ее мать.

Аманда подумала, что и впрямь хотела бы иметь отца, похожего на Майкла. Максина Бентам неоднократно говорила ей, что ее влечение к Брайану было обусловлено поиском отца. Может быть, это правда, может быть, именно поэтому она сидит здесь с Майклом Теннентом, волнуясь не меньше, чем на первом свидании в своей жизни, когда ей было семнадцать лет.

Майкл отвел глаза: он всегда смущался, когда ему делали комплименты. Затем он посмотрел Аманде прямо в глаза и тихо сказал:

– Ты сегодня очень красивая.

Страх перед общением с другими женщинами, кроме Кэти, был забыт – может быть, помогало вино или прошедшее со времени ее смерти время, но скорее всего дело было в Аманде. Между ними возникла какая-то магическая связь. Что-то настолько хорошее, что казалось невозможным. Что-то настолько хорошее, что не могло продлиться долго.

Песня, которая звучала у него в голове в последние дни, «В моих мыслях Джорджия», снова вернулась, и неожиданно он понял почему: кто-то слушал ее – может быть, соседи или кто-нибудь в машине на улице.

Их глаза встретились. В круг света влетел мотылек, покружился и исчез в темноте. Майкла притягивали глаза Аманды, они лучились жизнью, искрились, будто на дне их зрачков играли светлячки. Они неотрывно смотрели друг на друга, зачарованные этим тягучим мгновением, которое длилось и длилось, не подчиняясь законам времени.

Выражение лица Аманды изменилось, в нем был теперь намек на улыбку – теплую, а не насмешливую. Какие удивительные глаза. Майклу хотелось протянуть руку через стол и коснуться ее – но пока было нельзя, время не пришло.

Вечер тепло обнимал его лицо. Он доносил до Майкла запах ее духов. Здесь, в его саду, в окружении экзотических растений, они были наедине друг с другом в их особом, освещенном колеблющимся светом свечей тайном мире, отчего волнение возрастало, обещая начало какого-то прекрасного, волшебного путешествия.

Аманда моргнула, но не отвела глаз. Чуть нахмурила брови, будто увидела что-то, и взяла бокал.

Но вместо того, чтобы протянуть бокал к Майклу и чокнуться, она подвинула бокал ближе к себе. Ее волосы мягкой дугой обрамляли лоб. Тонкая золотая цепочка на шее блестела в свете свечей. Она неловко улыбнулась и жестом, выражающим неуверенность, водворила на место прядь выбившихся из прически волос.

Потом снова взялась за бокал, и Майкл увидел, что у нее обкусанные ногти. *Аманда, что тебя беспокоит?*

Аманда была рада, что темнота скрадывает румянец, вспыхнувший на ее щеках, – свидетельство вины, которую она принесла с собой и от которой хотела избавиться. Сейчас или никогда...

– Слушай, – сказала она. – Я...

В небе, разворачиваясь для посадки в Хитроу, пролетел самолет. Она подождала, пока утихнет рев его двигателей.

Майкл почувствовал, как изменился тон ее голоса, как в него вкрались нотки страха. Неужели она хочет огорошить его известием, что любит другого? Или сказать, что пересмотрела свое отношение к нему после инцидента с фотографией? Не полетит ли к чертям весь чудесный вечер?

– Я не была с тобой до конца честной, Майкл. – Она прижимала бокал к груди, как ребенок – игрушку.

Ему не понравилось, как она произнесла его имя.

– Я... – Аманда неловко улыбнулась и отодвинула бокал. – Я должна признаться, что... – Она поколебалась, затем продолжила: – Что я впервые встретилась с тобой только для того, чтобы разнести тебя в пух и прах в

своем фильме. – Она закусила губу.

Майкл удивился.

– Ты можешь выставить меня за дверь, – сказала она. Он почувствовал обиду и недоумение.

– Но зачем?

– Ты со своим радиошоу идеально вписывался в концепцию моего фильма о псевдопсихиатрии. Я не сказала тебе этого, когда пришла за разрешением на съемки.

– Почему?

Она виновато посмотрела на него и подперла ладонями подбородок.

– Потому что ты не согласился бы участвовать в съемках. Я хотела развенчать твою передачу, показать всю абсурдность десятиминутной телефонной психотерапии. – Просительно глядя на него, она добавила: – Пожалуйста, не сердись на меня, – и потянулась за сумочкой. – Не возражаешь, если я закурю?

– Я не знал, что ты куришь.

– Я и не курю. Бросила полгода назад. – Аманда дрожащими пальцами открыла сумочку и вынула оттуда пачку «Силк-Кат». – Они на крайний случай. Сейчас крайний случай. – Она прикурила от изящной позолоченной зажигалки.

Когда облако дыма достигло Майкла, он глубоко вдохнул его. Он бросил курить пять лет назад и не курил даже после смерти Кэти, но по-прежнему любил запах сигаретного дыма.

– Стряхивай пепел в кустарник, – сказал он.

– Спасибо. – Она нервно затянулась и продолжила: – Я говорю тебе это потому, что за то короткое время, которое я тебя знаю, я поняла, что ошибалась насчет тебя. Ты действительно стараешься помочь своим радиопациентам. – Она настойчиво посмотрела Майклу в глаза, пытаясь придать вес своим словам. – Ты хороший человек. Если ты хочешь, чтобы я ушла, скажи – и я уйду.

– А ты сама хочешь уйти?

– Нет.

Возникла долгая пауза. Аманда снова затянулась, затем запрокинула голову и выпустила дым в небо.

– Я могу сказать в свое оправдание только одно: если бы я не пришла к тебе с мыслями облить тебя грязью, мы бы никогда не встретились. Это была бы большая потеря для меня. Я думаю, ты замечательный человек. Я серьезно. Ты особенный.

Их глаза снова встретились, но Майкл тут же отвел взгляд – настолько

его смутила глубина чувств, прозвучавшая в словах Аманды.

– Я не особенный, – сказал он. – Я просто верю, что все мы – все люди, которым посчастливилось быть здоровыми и в своем уме, – должны сделать что-то полезное в жизни. Мы должны попытаться хоть чуточку изменить мир, сделать так, чтобы к нашему уходу он был бы хоть немного лучше, чем он был, когда мы только пришли в него. Вот и все. Я не могу принять каждого, кто хотел бы прийти ко мне, поэтому стараюсь сделать все возможное для моих радиопациентов. Думаю, ты не права. Мы все же приносим облегчение некоторым из них.

Аманда снова затянулась сигаретой.

– Да, теперь я уверена, что это так. – Она бросила окурок под куст. Опять повисло молчание, затем она сказала: – Ты не появишься в моем фильме. Обещаю.

Майкл задумчиво улыбнулся. Она была слишком хороша, чтобы на нее можно было сердиться.

– Майкл, ты простишь меня за то, что я обманула тебя?

Вместо ответа, он взял ее за руки. Они легко скользнули в его ладони. Он ожидал, что они будут нежными и мягкими, и ошибся – казалось, будто Аманда много работала руками. Это взволновало его, как намек на то, что в ней есть еще не открывшиеся ему стороны.

Через мгновение они уже стояли напротив друг друга. Его руки были у нее на талии, а ее лежали у него на плечах.

Он был одурманен запахом ее духов, волос, кожи. Он привлек ее ближе к себе, обнял крепче. Их губы соприкоснулись. Едва ощутимо. Мимолетный поцелуй.

Майкл снял руки с ее талии и дотронулся до ее лица. Он чувствовал, что касается самого ценного из всего, что только есть на земле. Аманда не отрывала от него глаз, в них читалось беспредельное доверие. Она улыбнулась и провела рукой по его волосам. Потом откинула голову, и Майкл начал целовать ее подбородок, шею, краем сознания понимая, что она расстегивает пуговицы его рубашки, стараясь добраться до его обнаженного тела.

Их губы соединились, он почувствовал во рту ее язык, поглаживающий его язык и нёбо за верхними зубами, в то время как ее пальцы нашли его соски и теребили их, дразня и побуждая его к более решительным действиям.

Он засунул руки под ее топ и коснулся ее кожи. Она со вздохом прижалась к нему. Он нащупал застежку бюстгалтера, расстегнул ее, взял в ладони ее груди, большие, тяжелые, шелковистые.

Она сводила его с ума. Он наклонился и нашел губами ее сосок.

Вдруг она отстранилась от него, сделала шаг назад и посмотрела вверх, в небо.

– Мне нужно кое-что сделать, – сказала она. – Две минуты! – И бросилась в дом.

Он в недоумении последовал за ней, но прежде, чем он успел что-либо спросить, она была уже у входной двери.

Ноэль Ковард! Чертов драматург. Томас Ламарк вспоминал это имя уже час и наконец вспомнил. В одной из его пьес был монолог о «могуществе дешевой музыки».

Глория Ламарк любила оперу. Большую оперу. Томас понимал могущество великой музыки – опер, хоралов, церковных песнопений. Музыкальная мысль Вагнера несравненно выше, чем бессмысленный стук по клавишам Рэя Чарльза. То же касается и Берлиоза, Верди, Перголези, Штрауса, Гуно, Малера, Чайковского.

Кассета с Georgia on my Mind все еще торчала из кассетной деки. Томас вынул ее, положил на сиденье рядом и вставил кассету, переписанную с автоответчика, – с записью голоса доктора Майкла Теннента.

Ты любишь дешевую музыку, доктор Майкл Теннент. Она вызывает у тебя эрекцию? Может быть, ты из-за нее глупеешь, доктор Теннент? Я дам тебе послушать дешевую музыку. Всю, что только существует в мире. Но ты не будешь думать о Джорджии. Ты будешь думать только обо мне.

В доме доктора Теннента открылась дверь. Томас замер. Из дома вышла женщина – подстилка психиатра. Вид у нее был растрепанный. Она спешила. «Что происходит?» – подумал Томас.

Женщина добежала до машины, отключила сигнализацию, забралась в салон, оставив дверь открытой. Томас отчетливо видел свет в салоне. Она вставила ключ в замок зажигания, потом нажала какую-то кнопку. Крыша машины поднялась. Раздался звук удара от соприкосновения крыши и корпуса машины. Женщина подняла руку и защелкнула внутренний замок, фиксирующий крышу в поднятом положении. Затем, к его удивлению, она выбралась из машины и закрыла ее.

В дверях появился доктор Теннент: рубашка расстегнута и выправлена. Женщина подошла к нему, он взял ее за руки, и они поцеловались, прямо на улице, перед открытыми дверями.

Томас почувствовал, как все внутри его завязывается узлом. К горлу

подкатил комок. Он его сглотнул и, закрыв глаза, преградил путь наворачивающимся слезам.

Зачем ты так со мной поступаешь, доктор Майкл Теннет? Почему ты терзаешь меня? Ты хоть знаешь, какая это для меня мука?

Ни черта ты не знаешь.

Неожиданно Аманда оторвалась от Майкла и прошептала ему на ухо:

– Кто-то за нами наблюдает. Через дорогу.

Майкл бросил взгляд в указанном направлении и увидел свет в нескольких окнах соседних домов. Он не был знаком со своими соседями, и ему было все равно, кто на них смотрит. По правде говоря, он сейчас бы и бровью не повел, даже если бы над ними кружила целая флотилия летающих тарелок и пришельцы толпились у иллюминаторов с биноклями. Эта женщина свела его с ума, он хотел ее, желание жгло его. Кроме нее, для него ничего не существовало во всей вселенной.

Они зашли в дом обнявшись, и он ударом ноги захлопнул дверь.

– Теперь, чтобы нас увидеть, ему понадобится рентгеновское зрение, – сказал он.

Аманда расстегнула последние две пуговицы у него на рубашке. Ее поразило, какая волосатая у него грудь. На теле Брайана не росли волосы, и волосатые мужчины раньше ее пугали, но это было в прошлом. Она прижалась к Майклу, с жадностью поцеловала – в ней просыпалось что-то звериное, дикое. Внизу живота будто разожгли костер. Его мягкие губы отвечали на ее поцелуи с той же первобытной силой.

Она едва могла стоять на ногах. От него будто исходили мощные электрические разряды.

– Люби меня, Майкл, – прошептала она.

Мысли вихрем завертелись у Майкла в голове. Он так давно не занимался любовью. Он отчаянно хотел Аманду, но боялся, что у него ничего не выйдет, что он все испортит. Он посмотрел ей в глаза и увидел в них доверие, удивительное, невозможное доверие.

Дрожащими пальцами он старался расстегнуть бюстгальтер, забыв, что уже сделал это. Повинуясь движению его руки, бюстгальтер упал на пол. Он хотел снять с нее всю одежду, почувствовать ее обнаженной в своих руках. Она прижималась к нему, терлась бедрами о его восставший член. Он мог проникнуть в нее прямо сейчас, там, где они стояли, но придержал себя. Он хотел по-настоящему заняться любовью с этой женщиной. Он хотел, чтобы их первый раз был полон чувства, хотел, чтобы она проснулась в его объятиях, в его постели.

Он начал беспокоиться, долго ли сможет сдерживаться. *Остынь немного. Просто остынь.*

На них снизошла удивительная тишина. Они были в вакууме, в каком-то другом мире, где ничего, кроме них, не существовало – только они и магия чувств, движущих ими. Мягкость ее рта, теплота ее плоти, ее запахи: духов, шампуня, кожи, звук ее дыхания, мерцающие синие колодцы ее глаз, текучесть ее светлых волос растревожили Майкла, на глаза у него навернулись слезы. Ничто, ничто на свете не сравнится с этой красотой, этим совершенством, этой естественностью.

Он провел руками по ее телу, сверху вниз, и оказался у нее в трусиках. Опустившись на колени, он нежно освободил от них ее ягодички, довел их до колен и дал упасть вниз по лодыжкам.

Перед его лицом оказался светло-пушистый лобок. Он прижался к нему лицом, вначале мягко, затем жестче, легкое покалывание волос о кожу было похоже на ласку. Он зарылся лицом еще глубже, языком ощущая сладкую плоть ее бедер, всем существом впитывая дурманящий мускусный запах. Он достиг влажных складок, погрузил в них язык.

Аманда тихонько застонала и выгнулась назад.

Майкл надавил жестче, смакуя ее изысканный тайный вкус и аромат. Этот аромат будто пришел с другого конца вселенной, из другой галактики. На земле не найти ничего столь же сладостного. Он трепетал. Он пил ее, молясь о том, чтобы время остановилось, чтобы это мгновение никогда, никогда не завершалось.

Она нежно подняла его с колен и поцеловала в губы, ощущая вкус самой себя. Расстегнула пряжку его ремня и пробралась ему в брюки, чувствуя под пальцами завитки лобковых волос. Ей нравился звук его дыхания, когда она играла языком с его соском.

И вдруг она наткнулась на камень.

Это поразило ее. Она отдернула руки, будто от электрического тока, но сейчас же вернула их обратно, не веря, что он может быть таким твердым, таким большим. Он был чудесен, устрашающ, нереален. Это был он. Это был Майкл. Держа его в руках, она держала в руках Майкла. Она до боли хотела его и в то же время боялась, что просто не сможет, не сможет вместить его в себе.

Внизу живота пылал факел желания.

Не отпуская его, она опустилась на колени, поцеловала пупок Майкла, проследила языком контуры мышц его живота. Его руки ритмичными рывками двигались сквозь ее волосы. Его запах был потрясающим – теплый, животный запах пота и горячей кожи. Она стянула вниз его боксерские трусы и медленно, с наслаждением поднесла огромный, невероятный член ко рту. Его кончик был влажен, она лизнула раз, другой,

забираясь языком внутрь, влажность была сладкой, она провела языком вперед и назад, она могла слышать, как ему хорошо, могла ощущать это через его ладони, обхватившие ее плечи, могла определить это по меняющемуся ритму его дыхания. Она доставляла ему наивысшее удовольствие, и ей нравилось знать об этом. Он был в ее руках, в ее власти, она мучила его, она дарила ему счастье.

Она наслаждалась каждой секундой.

Она взяла его в рот, так далеко, как только смогла.

Господи, Майкл, как ты велик!

Она обхватила его яички, нежно сжала их, почувствовав, как он отвечает на ее призыв. Она достигла непознанного пространства, путешествовала по неизведанной вселенной, чувствуя себя вне тела и времени.

Она парила, не касаясь земли, покоясь в руках у Майкла, теперь уже на постели, на большой постели. Она почувствовала, как с ее ноги снимают туфлю, и открыла глаза. Майкл был с ней, обнаженный. Он целовал пальцы ее ног, посылая волны наслаждения вверх по ее телу.

Его язык проследил контуры ее голени, затем забрался под колено, где кожа так тонка, и двинулся выше, пока не вошел в нее.

Она руками прижала к себе его голову, какой-то отдаленный стон звучал вокруг нее, может быть, он исходил из нее, она не знала этого и не хотела знать. Имел значение лишь этот миг, ничего не было до него, ничего не будет и после. Она находилась во власти дикого, первобытного существа, которое полностью обладало ею. Она на секунду открыла глаза и, как в момент вспышки, увидела картину на стене (натюрморт с яблоками), маленький столик, еще одну картину (обнаженные мужчина и женщина касаются друг друга), опущенную занавеску, горящую лампу рядом с постелью, голову Майкла, где-то внизу, творящую с ней невысказанное.

Она закрыла глаза, и волны наслаждения затопили все ее существо...

Теперь лицо Майкла было над ней. Он входил в нее, она вбирала его в себя, вцепляясь пальцами ему в спину.

Майкл отчаянно пытался сдержать себя, пытался сконцентрироваться, вспомнить все, что он когда-то знал, – хотя он никогда не был особенно искусным любовником, – такие вещи, как, например, необходимость удерживать вес на локтях, входить медленно, думать о том, что могло бы хоть немного отвлечь – о чем-нибудь скучном или неприятном, о чем угодно, только бы остудить себя, чтобы продержаться чуть дольше, пусть на несколько минут, лишь бы доставить ей удовольствие. Он очень хотел

доставить ей удовольствие, он не думал о себе, было не время, он просто хотел, чтобы это продлилось подольше, чтобы это стало для нее чем-то особенным.

Я даже не вспомнил о презервативе.

Она ничего не сказала.

Их глаза встретились. Он продвинулся еще глубже. Она улыбалась, она доверчиво смотрела на него, и это доверие придало ему уверенности. В его жизни никогда не было ничего подобного, он мог сдержаться, мог сдержаться!

Она принимала его в себя. Его самость. Этого большого, невероятного зверя-змея, который рвался все глубже, распространяя свою силу до самых дальних границ ее существа. Это был сказочный сон, с которым ничто не сравнится...

О-Майкл-о-Майкл-о-господи-Майкл!

Он проникал все глубже. Она не могла, не могла принять его дальше, он был уже в самом центре ее тела. Она и этот человек-зверь, Майкл, были теперь слиты воедино и плыли, преодолев земное притяжение, в пространстве, наполненном звездами. Поршень все разгонялся, всезатопляющие волны наслаждения накатывали непрерывно, пока внутри ее не взорвалась бомба. Мгновением позже этот взрыв освободил и Майкла. Ее уносило, кричащую от наслаждения, в темную огромную воронку забвения, которое, казалось, будет длиться вечно.

Прошло несколько минут, прежде чем она начала приходить в себя. Она не могла поверить, что ей может быть настолько хорошо. Он все еще был внутри ее, все еще жесток, как камень. Прошло еще какое-то время, прежде чем они смогли вымолвить слово.

«Восточный массаж – звоните Вики!»

«Соскучились по наказаниям – звоните мисс Плетти!»

«Для по-настоящему чувственного массажа звоните Карле».

«Воплотите свои фантазии. Очаровательная Дивайна удовлетворит любой ваш каприз».

Через двадцать минут после того, как Томас Ламарк отъехал от дома Майкла Теннента, он позвонил по указанному в карточке номеру. Он испытывал неловкость, поскольку никогда не делал этого раньше. Ответил женский голос. Он был самым обычным, но, возможно, это удастся как-нибудь изменить.

– Я видел вашу рекламу, Дивайна.

– Где вы взяли мой номер? – Голос звучал устало.

– В телефонной будке, откуда я звоню. В начале Эрлс-Корт-роуд.

– Вы хотите встретиться?

– А вы сейчас свободны?

– У меня есть час, если подъедете прямо сейчас.

– Какого цвета у вас волосы?

– Рыжие.

– У вас... у вас есть светлый парик? Длинные золотистые волосы.

Волнистые.

– Хотите, чтобы я его надела?

Через две минуты Томас нажимал кнопку домофона рядом с узкой дверью, зажатой между букмекерской конторой и кафе. Он назвал ее, когда дверь открылась, вошел внутрь и поднялся наверх по узкой, плохо освещенной лестнице.

Дверь на верхней площадке была открыта. В дверном проеме стояла женщина, гораздо моложе, чем можно было ожидать, судя по голосу – самое большее двадцать пять. Она оказалась более полной, чем он себе представлял. У нее было дружелюбное невыразительное лицо – не красивое, но и не уродливое. Длинные волосы имели цвет платины. На ней

был атласный, свободно запахнутый халат кремового цвета.

– Томас?

Он смотрел на ее грудь.

– Да.

Женщина придирчиво оглядела его, затем пригласила пройти внутрь и закрыла дверь.

Он оказался в небольшой комнате, освещенной красной лампой под шарообразным тканевым абажуром. На стенах и на потолке располагались большие зеркала. На узкую кровать было наброшено покрывало с узором в виде свечей, на полу лежал довольно затертый красный ковер. Окно, которое было открыто, защищали от любопытных взглядов жалюзи. На туалетном столике стоял электрический вентилятор.

– Томас, ты не хочешь выпить?

– Нет, спасибо.

– Может быть, кока-колы?

– Нет, ничего не надо. – Он чувствовал себя не в своей тарелке. В комнате одуряюще сильно пахло духами, которых он не любил. Он совсем не так все себе представлял.

– Давай сразу обговорим финансовую сторону дела, хорошо, Томас? Я беру сто фунтов в час, но, если тебе захочется чего-нибудь необычного, это будет стоить дополнительных денег.

Ошеломленный такой прямотой, Томас вынул из кошелька два пятидесятифунтовых банкнота и отдал их женщине. Взамен он получил презерватив в упаковке из фольги.

Она развязала пояс халата, позволила ему распахнуться и приглашающе откинулась назад.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала, Томас? Может быть, небольшой массаж вначале?

Ее груди и близко не походили на грудь его матери. Они были большие, круглые, слишком выдающиеся вперед. И совсем не выглядели настоящими. Их соски вызывали ужас – длинные, похожие на темно-коричневые окурки.

На лобке у нее росли густые, не ведавшие бритвы волосы.

Он перевел взгляд на ее парик, затем опять на лобок.

У его матери волосы были светлые – в последние годы тронутые сединой, но все же светлые.

А эти, черные, они были ужасны.

– Что-то не так, Томас?

– Черные волосы. На лобке.

Она улыбнулась:

– Прости, малыш, но парика для них у меня не нашлось!

Ему не нравилось, что она над ним насмехается. Он неожиданно понял, что совершил ошибку, придя сюда. Он совсем не так это себе представлял. И совсем не такого хотел. В фильмах он видел, что это происходит в огромной, сверкающей убранством комнате, с большой ванной, хрустальными подсвечниками и шампанским во льду.

И эта женщина совсем не похожа на его мать.

Своим дешевым париком она оскорбляла ее память.

– Ты можешь говорить по-другому? – спросил он.

– По-другому?

– Ты знаешь актрису Глорию Ламарк?

Она покачала головой.

В нем начал подниматься гнев.

– Ты хочешь, чтобы я говорила как леди, да, Томас? Она говорила как леди? – Женщина сымитировала выговор тех, кто принадлежит к высшему обществу. – Я должна говорить вот так?

– Скажи мне, что хочешь потрогать мой паровозик, – сказал Томас с ноткой отчаяния в голосе.

Вернувшись к своей обычной манере разговора, женщина спросила:

– Твой что?

Он покраснел.

– Мой паровозик. Скажи, что хочешь потрогать мой паровозик.

– Паровозик? Что ты называешь паровозиком, малыш?

Он показал на ширинку:

– Ну, это. Член.

– И ты называешь его паровозиком? – Секунду женщина не могла в это поверить, затем хрипло рассмеялась.

Томас смотрел на это отвратительное существо с мерзким сладким запахом, с окурками вместо сосков, с жирной плотью и исходил яростью. Он сунул руку в карман и вынул монету.

Подбросил, поймал, выложил на ладонь.

Женщина заметила, как в воздухе что-то мелькнуло, и спросила:

– Что это?

– Решка, – сказал он. – Решка, Дивайна. Тебе несказанно повезло. – Он повернулся, быстрыми шагами вышел из комнаты, сбежал вниз по лестнице, выскочил на улицу и, не сбавляя скорости, дошел до угла, где стоял «форд-мондео» доктора Джоэля.

Что со мной не так?

Машина дрожала от звуков хорала, которые занимали весь диапазон – от самых низких голосов до самых высоких. Они лились из колонок, словно из загробного мира, словно зов мертвых. Они запечатывали уши Томаса, пульсировали в его сердце.

Он ехал, окруженный облаком ярости, как одержимый, в чьей душе поселились демоны. Ему нужно было убить кого-нибудь, не важно кого – мужчину, женщину, наркомана, бездомного алкоголика.

И в этом будет виноват доктор Майкл Теннент.

Кровь будет на твоих руках, доктор Теннент.

Все еще ощущая тошнотворный запах духов проститутки, он ехал в сторону Вест-Энда. Его снедало беспокойство: что, если психиатр разглядел его лицо? Что, если его сука записала номер машины?

Нет. Они просто посмотрели в его сторону, и все. Они не видели его лица, они не записали его номер. Они не обратили на него внимания. Они видели только друг друга. Даже если и так, он все равно проявил небрежность. Глупость.

Почему они с Дивайной не смогли обратить внимание друг на друга?

Почему ты смеялась надо мной, Дивайна?

Да что, черт возьми, со мной не так?

На Кингс-роуд движение было плотным. Ему пришлось сбросить скорость и лечь в дрейф, став звеном в длинной цепочке автомобилей, будто в аттракционе с игрушечными машинами в парке развлечений.

Его трасса называлась «Виртуальный Лондон».

Мимо проносились ублюдки. Некоторых из них захватило групповое вращение, будто они попали в водоворот или вихрь, другие, словно стадо, толпились перед входными дверями клубов. Их влекло к ним, как пену к морскому берегу. Куда ни посмотри, везде одни фланирующие ублюдки. *Давайте сойдите с тротуара, доставьте удовольствие.*

Он проехал Слоун-сквер, пересек Белгрейвию, выехал на Гайд-парк-Корнер и двинулся дальше по Пикадилли. Теперь он ехал быстро, притормозив только возле Эроса из-за вновь уплотнившегося движения. Дело шло все лучше и лучше, он нашел ритм, нашел способ непрерывно обгонять медленные автомобили. Это легко, все, что нужно, – уверенность. Влезай в малейшую щель! И не обращай внимания на раздраженные гудки

и мигание фар!

Он проехал перекресток на двусмысленный желтый, разогнался по Шафтсбери-авеню, тротуары которой были заполнены детьми и дебилами, лезущими под колеса. Он хотел услышать звук удара тела о бампер, увидеть, как какой-нибудь урод перелетает через капот и врежется в ветровое стекло. Он прижался ближе к тротуару, но ничего не произошло. Он ехал прямо сквозь людей, но их там будто и не было.

Он не верил своим глазам, думал, что его мозг шутит с ним шутки, как это иногда случалось. Может быть, его не было в темно-синем шестнадцатиклапанном «форде-мондео» Теренса Джоэля, может быть, он сидел дома за своим компьютером и играл в компьютерную игру, пробираясь по виртуальному Лондону.

Это просто игра!

Я неуничтожим!

Он обогнал неподвижное такси, на последнем мигании желтого пролетел перекресток, повернул налево на Тоттнем-Корт-роуд. Зеркала заднего вида вспыхнули. Какой-то ублюдок позади ехал на дальнем свете. Он услышал сирену – короткий двухнотный взыв, затем снова вспыхнули фары: дальний свет – ближний свет. На последнем ближнем свете он увидел в зеркало ритмичные проблески синего и, почувствовав вспышку гнева на самого себя, включил поворотник и съехал к тротуару. Фары приблизились.

Сосредоточься!

Он что, ошибся насчет доктора Теннента и его шлюхи? Или какой-нибудь сосед запомнил номер и позвонил в полицию?

Он опустил стекло и наблюдал в зеркало, как из остановившейся позади него машины выбрался полицейский, надел фуражку и с фонарем в руке направился к нему.

Луч фонаря ударил Томасу в лицо, ошелолив его, затем погас. Он мигнул – беспокойно, но стараясь сохранять спокойствие. Полицейскому было где-то двадцать пять, а выглядел он даже моложе. Томас обратил внимание на то, что он близко наклонился к нему, скорее всего стараясь уловить запах алкоголя.

– У вас что, дома пожар, сэр?

Он изумленно посмотрел на полицейского. Он так удивился вопросу, что почти забыл применить бостонский акцент своего друга доктора Джоэля – ведь он ехал в его машине.

– Пожар?

Полицейский заметил его акцент. Казалось, он смягчился, но едва-

едва.

– Куда вы так торопитесь, сэр?

Томас говорил наиболее приятным из своих голосов:

– Извините меня, офицер. Похоже, я заблудился. Я еду домой, в Челтнем, и, кажется, кружу на одном месте. – Он дополнил свое объяснение подходящей улыбкой.

– С такой ездой вы завершите вечер в больнице. Или собьете какого-нибудь прохожего. Вы пили сегодня?

Тем же голосом:

– Нет. Я придерживаюсь убеждения, что езда на автомобиле и алкоголь несовместимы.

– При всем уважении, сэр, но даже пьяный вел бы машину лучше. Это ваш автомобиль?

– Да.

– На кого он зарегистрирован?

– На меня.

– Как ваше имя?

– Доктор Джоэль. Доктор Теренс Джоэль. – Томас продиктовал имя по буквам.

– Доктор Джоэль, ваша манера вождения заставляет меня заподозрить, что вы находитесь под воздействием алкоголя, поэтому я собираюсь подвергнуть вас тесту на наличие спирта в крови. Выйдите, пожалуйста, из машины.

Томас подчинился. Офицер указал ему на близко проезжающие автомобили и отвел на тротуар. Томас видел, что в полицейской машине сидит еще один офицер, женщина. Она что-то передавала по рации. Возможно, они проверяют его водительские права. С этим у него все в порядке.

– Вы являетесь гражданином Великобритании, доктор Джоэль?

– Да.

Проходящие люди оборачивались и смотрели на них, и это не нравилось Томасу.

– Вы владеете выданными в Великобритании водительскими правами?

– Да.

Вокруг собрались ротозеи. Они его раздражали. Еще его раздражала вонь автомобильных выхлопов. И полицейский. У него было широкое костистое лицо боксера легкого веса.

Полицейский осветил фонарем пассажирское сиденье «форда-мондео».

– Откуда вы едете, доктор Джоэль?

Томас решил держаться как можно ближе к правде.

– Из Барнса. Ездил в гости к друзьям.

– Вы здорово отклонились от короткой дороги, если направляетесь в Челтнем.

Томас мысленно выругался.

– Ну... понимаете, я легко теряюсь в Лондоне.

Офицер открыл дверь со стороны пассажира и взял лежавшие на сиденье кассеты. В свете салона он рассмотрел одну из них и повернулся к Томасу.

– Вы поклонник Рэя Чарльза?

– Да.

– Georgia on my Mind – великая песня. – Офицер улыбнулся холодной мимолетной улыбкой.

Томас спросил себя, означает ли она что-нибудь. Неужели они знают, что он весь вечер следил за доктором Теннентом?

– Что на второй кассете, сэр? Что на ней записано?

– Рабочие материалы.

– Где вы работаете?

– Я ученый... Работаю на правительство. Информация на пленке – секретна. Я вынужден просить вас, чтобы вы немедленно положили ее на место.

Офицер был слегка обескуражен. Он положил кассеты обратно на сиденье. Томас наслаждался моментом. Он запустил руку в карман и сжал пальцами лежащую там монету. Затем, уже около полицейской машины, когда офицер вынимал аппарат для получения алкогольной пробы, он подбросил ее и поймал в ладонь.

Решка.

– У вас сегодня удачный день, офицер, – сказал он.

Тест на алкоголь ничего не показал. Полицейский попросил Томаса подуть в аппарат еще раз, но снова безрезультатно. Поэтому он прочитал Томасу короткую лекцию о безопасности дорожного движения и отпустил его, подробно рассказав, как выехать на М-4.

Кладбище располагалось почти по дороге.

Было половина первого ночи. Томас взял фонарь, который доктор Джоэль держал в бардачке автомобиля. Кладбищенские ворота были закрыты, и ему пришлось перелезть через них. С краю было светло, так как сюда доходил свет уличных фонарей, но далее вглубь территория кладбища

темнела, словно озеро в безлунную ночь.

Он включил фонарь, миновал автомобильную стоянку, часовню и быстро пошел по ухоженной широкой тропе.

Новые могилы располагались дальше. Ему не нужно было вглядываться в могильные камни, их обозначал блеск слюды цветочных букетов, запах цветов и недавно потревоженной земли.

Целых пять минут быстрой ходьбы понадобилось, чтобы достичь нужного ряда, в котором находилась могила матери. Он молча стоял, освещая землю и траву лучом фонаря, и его злоба росла.

Сука.

Она была здесь, под землей, жесткая и безмолвная – такая, какой он в последний раз держал ее в своих руках, такая, как и все остальные здесь. Мертвая. Недвижная. Больше не человек. Труп.

Он некоторое время молча смотрел в землю, затем вдруг закричал:

– Ты, глупая сука, зачем тебе понадобилось умирать?! Зачем?! – Его голос сорвался на визг. – Зачем?! Зачем?! Зачем?!

Он упал на колени. По небу ползла луна, почти полная, но не совсем. Она была похожа на погнутую монету.

Он прижался лицом к земле и втянул воздух носом, пытаясь уловить хоть слабый отголосок духов «Шанель номер пять». Ничего. Пахнет лишь землей и травой. Он встал с колен, пнул траву, отправив кусок дерна лететь в темноту.

Ну и лежи здесь, сука. Мне все равно.

Затем выкрикнул:

– Лежи здесь всю чертову ночь!

Страх барабанной дробью ворвался в сон Майкла.

Сумрак был ужасающе громким, оглушительным, давящим. Майкл угодил в него, мгновенно перейдя из глубокого сна в настороженное бодрствование.

В спальне кто-то был. Он слышал шаги по полу, смутно видел остановившуюся у окна темную фигуру.

О господи.

Он вспомнил о машине, стоявшей вечером у его дома. Этой машины испугалась Аманда...

Аманда?

Все возвращалось.

Здесь была Аманда, они занимались любовью...

Где она? Он провел рукой рядом с собой и ощутил только простыню. Страх пронзил все его существо. *Позвонить в полицию. Найти какое-нибудь оружие.*

Повторяющееся металлическое лязганье. Латунные кольца занавесок бьются друг о дружку. В комнату ворвался вертикальный столб дневного света, на фоне которого стоящая у окна фигура казалась призраком.

Обнаженная женщина. Аманда.

Он испытал такое облегчение, будто всю комнату залило солнце. Майкл, боясь пошевелиться, молча смотрел на нее, вдыхая оставшийся от нее в постели мускусный запах.

Занавески снова сошлись вместе, но не слишком плотно – между ними осталась узенькая, льющая оранжевый свет щель.

– Никого нет, – сказала Аманда, повернувшись к нему, будто почувствовала, что он проснулся.

Она скользнула обратно в постель и в его объятия. От утренней прохлады ее спина покрылась гусиной кожей. Они обнимали друг друга и целовались, лежа на одной подушке. Ее дыхание было мятым – она, наверное, только что почистила зубы. Он надеялся, что изо рта у него не слишком скверно пахнет. Он наслаждался ощущением обнаженного тела, прижатого к нему.

– Ты волнуешься о той машине? – спросил он.

– Да нет. Я просто хотела удостовериться, что это не...

– Не твой бывший?

– Я не смогла его хорошенько рассмотреть, но думаю, это не был Брайан. Хотя и допускаю, что он мог за мной следить.

– У меня есть бинокль. Если эта машина появится снова, мы сможем хорошо ее рассмотреть.

Аманда вздернула брови и улыбнулась.

– Ты что, любишь подглядывать за соседями? Зачем тебе бинокль?

– Для наблюдения за скачками.

– Ты любишь скачки? Без препятствий или с препятствиями?

– С препятствиями. Кэти любила... – Он оборвал себя, не желая ничего вспоминать и досадуя на себя за то, что упомянул имя жены.

Повисла неловкая пауза, и, чтобы скрасить ее, Аманда осторожно убрала прядь волос с его лба.

– Расскажи мне о себе, – сменила она тему. – У тебя есть братья или сестры?

– Есть брат. Он на три года старше.

– Чем занимается?

– Металлург. Работает в Сиэтле, на «Боинге».

– Вы с ним близки?

– Нет, не особенно. Мы нормально ладим, когда приезжаем друг к другу в гости, но мы не очень хорошо друг друга знаем – три года все же большая разница для мальчишек.

Аманда нежно поцеловала его в глаза. Он обнял ее крепче, и она сама прижалась к нему, как бы успокаивая. Ее рука скользнула вниз по его животу, добралась до паха и начала очень нежно его поглаживать.

– А родители живы?

– Да. – Он тяжело дышал от нахлынувшей истомы.

– Чем они занимаются?

«Сказочная женщина», – подумал Майкл. С ней он узнал, как по-настоящему занимаются любовью. Рядом с ней он ощущал незнакомое ему доселе чувство покоя и умиротворенности. И в то же время никто так не возбуждал его.

Кажется, я влюбляюсь в тебя, Аманда Кэпстик. Кажется, я по уши, безнадежно влюбляюсь в тебя.

– Мой отец на пенсии. Он работал врачом общей практики в Лимингтоне, городке на краю Нью-Фореста. А мать была его секретаршей.

Сладко-мучительная ласка продолжалась.

– Красивое место. Ты там вырос?

Сквозь сжатые зубы:

– Да.

– Он еще занимается медицинской практикой?

Легкие втягивают воздух со свистом. *Ты сводишь меня с ума!*

– Нет. Ему уже восемьдесят четыре. Он поздно женился. В основном плавает на своей лодке. Мать занимается садом, играет в бридж и беспокоится обо мне.

– Моя мать тоже обо мне беспокоится, – сказала Аманда. – Для родителей мы всегда маленькие дети.

– Да. Все переворачивается только в самом конце, когда они превращаются в беспомощных детей. – Он погладил ее по волосам. – А теперь ты расскажи о своих родителях.

– Отец был художником. Он бросил мать, когда мне было семь, и уехал в Индию, чтобы медитировать на горе и ждать просветления. Он попал там в автокатастрофу на своем мотоцикле и умер от заражения крови в больнице в Дели.

– Мне жаль.

– Я едва его знала, он всегда где-то пропадал. А мать – она сумасшедшая. – Аманда улыбнулась. Он видел ее лицо будто в тумане. – По-хорошему сумасшедшая, очень милая, но невозможно эксцентричная. Живет в Брайтоне, ей сорок четыре, и она еще не решила, чем ей лучше заняться в жизни.

– Она вышла замуж во второй раз?

– Нет. У нее было много любовников, в основном неудавшихся художников, или актеров, или писателей. По образованию она художник-график, но ее всегда тянуло к другим вещам. Сейчас она болеет фэн-шуй. Большие компании платят ей огромные деньги за то, что она расставляет мебель в их офисах.

– Здесь все в порядке с точки зрения фэн-шуй?

– Думаю, она одобрила бы устройство твоего дома.

– Большое облегчение слышать это.

– Тебе бы она понравилась. Она всем нравится. – Аманда помолчала, затем добавила: – Думаю, ты бы ей тоже понравился.

Снова возникла пауза, но на этот раз в ней не было неловкости, а было волшебство для них обоих. Майкл лежал не шевелясь, не веря, что все это происходит в действительности, что Аманда Кэпстик с ним, обнаженная, в его объятиях, прижалась к его восставшему члену, а на его лице – ее теплое мятное дыхание.

– Ты беспокоишься о Брайане? – спросил он. – Он склонен к насилию? – Майкл говорил, а его пальцы бежали по животу Аманды вниз, чтобы зарыться в нежные волосы.

– Он подлый. Но я не думаю, что он объявится здесь в три часа ночи с топором в руках, – это не его стиль.

– Я неплохо умею обороняться от топора, – сказал Майкл. – Однажды на меня напала пациентка.

– Почему? Что случилось?

Ему хотелось заняться любовью.

– Потом.

– Нет, сейчас! – Аманда так сильно его сжала, что он задохнулся, затем улыбнулся и поцеловал ее в лоб.

– Ну хорошо, хорошо! Я был экспертом по делу об опекунстве. Засвидетельствовал в суде, что мать-ответчица не в состоянии заботиться о своих детях. Спустя год она встретила меня на автостоянке с топором, какие используют дровосеки.

– Она поранила тебя?

– Хотела оттяпать мне ногу, но к счастью, попала в «дипломат». А потом мне удалось отнять у нее топор.

– Я и не знала, что психиатрия – это контактный вид спорта, – сказала Аманда.

Майкл улыбнулся:

– Я тоже, до этого случая.

Помолчав секунду, Аманда спросила:

– Почему ты стал психиатром? Ты всегда хотел им стать?

Этот вопрос часто задавали Майклу.

– В детстве я сильно интересовался биологией и медициной, – ответил он, – частично, видимо, из-за того, что отец был врачом. Получил диплом по психологии, но потом решил, что психиатрия – гораздо более связанная с биологией наука. Я всегда интересовался природой человека, задавался вопросом, что же движет нами. Психиатрия – естественная комбинация науки о теле и науки о разуме. Я бы хотел, чтобы отношение обывателей к психиатрии было чуть более теплым. – Он одарил ее двусмысленным взглядом.

– Я думаю, оно и так чересчур теплое, – сказала она. – И с каждым мгновением становится все теплее и теплее.

– В действительности мы находимся в самом низу медицинской цепочки. Мы – последний рубеж, и к нам обращаются тогда, когда все другие средства исчерпаны. Нам доверяют немногим больше, чем торгующим змеиным жиром шарлатанам.

– Ты сердись на меня за то, в каком свете я хотела выставить тебя в своем фильме?

– Ты когда-нибудь слышала о том, что если ухватить мужчину за причинное место, то получишь в придачу полную власть над его разумом и душой? – улыбнулся Майкл.

Их глаза встретились, и Аманда, долго не раздумывая, нырнула под простыню и приникла к этому самому месту губами.

– Я не слышала об этом, но догадывалась, – оторвавшись на мгновение, ответила она.

– Открой свой подарок!

Она и сама не могла усидеть на месте! Лучи апрельского солнца плескались, словно рыбки, в глубине ее изумрудных глаз.

– Ну, давай, Том-Том, открой его, открой! С днем рождения!

Она волновалась даже больше, чем он сам!

Складки ее шелкового халата тихо зашелестели, длинные волосы заструились, когда она потянулась к нему через стол. В пепельнице на столе тлела сигарета.

Подарок предназначался Томасу, но он знал, как много для нее значит, чтобы подарок ему понравился. Она хотела, чтобы он ему понравился! И он знал, как она рассердится, если этого не случится.

На дни рождения Томас всегда надевал свой лучший костюм с галстуком, однотонной рубашкой и черными туфлями. И теперь в этом костюме он сидел за большим столом в комнате для завтраков, которая смотрела окнами на сад, защищенный от соседских взглядов высокими деревьями и густым ухоженным кустарником.

Ему нравилось гулять там, но мать редко разрешала ему это. Она много раз объясняла ему, какие опасности его там поджидают. В кустарнике могут прятаться плохие люди, которые схватят его и унесут навсегда. Солнечный свет может сжечь человеческую кожу. Лондонский воздух очень вреден для легких. Там встречаются кусачие и жалящие насекомые, а от собачьих экскрементов можно ослепнуть. С неба падает ужасная дрянь, когда самолеты опорожняют свои туалеты. Она разлетается мельчайшей пылью и медленно опускается прямо на людей.

В подвале их дома был тренажерный зал и сауна, и они посещали их каждый день. Им совершенно незачем было выходить на улицу, кроме исключительных случаев, как сегодня, – сегодня они собирались в «Музей науки». Только нищие и плохие люди без крайней необходимости выходят на улицу. И только плохих детей, которых не любят папа и мама, отправляют в школу, где им приходится учиться вместе с толпами других детей, вместо того чтобы к ним каждый день приходил учитель, такой как мистер Гудвин.

Под руководством матери Томас каждый вечер молился Богу, благодарил Его за то, что Тот создал его хорошим и дал ему любящую мать. Он просил Бога помогать ему каждый день находить что-нибудь новое,

отчего его любовь к матери должна возрастать.

На столе лежали три открытки. Одна была от бабушки Ламарк, и на ней был нарисован слон, несущий в хоботе воздушный шарик. Внутри открытки был прикреплен скрепкой десятифунтовый банкнот. Вторая была от тети Стеллы, в ней был книжный купон на пять фунтов. На открытке была нарисована большая шестерка и ниже написано слово «сегодня!».

Он не знал, что другим детям дарят на дни рождения игрушки. Никто никогда не говорил ему этого, и у него не было возможности узнать это каким-либо способом: в тех книгах, которые ему разрешали читать, не упоминалось ни об игрушках, ни о днях рождения.

Он не знал и того, что их домашней прислуге – кухарке (миссис Дженнер), горничной (Эльвире), камеристке (Ирме), дворецкому (Даннингу), секретарю (Эниду Дитерингу), садовнику (Ламборну) и учителю мистеру Гудвину – было запрещено дарить ему в день рождения открытки или подарки. Тот же запрет распространялся и на Рождество.

Стукнула дверь, и Томас обернулся на звук. У двери почтительно стоял Даннинг, пожилой учтивый мужчина во фраке, с гладко зачесанными назад волосами. По знаку Глории Ламарк он обратился к Томасу:

– Доброе утро, господин Томас. С днем рождения.

– Спасибо, Даннинг, – откликнулся Томас.

Дворецкий обратился к матери:

– Когда вы будете готовы, госпожа?

– Том-Том, сегодня у тебя будет особый завтрак, который бывает только на дни рождения. Ты рад? – спросила Томаса мать.

Он кивнул. Конечно, он рад! Каша, бекон, яйца, помидоры, печеные бобы, жареный хлеб, гренки, мармелад! *Поощрительный* завтрак, который он получал только тогда, когда исключительно хорошо себя вел. В остальное время он ел скучные швейцарские мюсли из коробки, на которой был изображен нудный старик в очках.

– Чему ты больше рад – подарку или завтраку?

Томас поколебался. Если он даст неправильный ответ, то, возможно, лишится и того и другого.

– Подарок. – В его голосе была неуверенность, смешанная с надеждой.

Какой радостью вспыхнуло ее лицо! Томас просиял. Похоже, сегодня будет хороший день!

– Ты можешь угадать? Можешь, Том-Том? Угадай, что это.

Квадрат со стороной в два фута, толщиной чуть больше двух дюймов, завернутый в кремовую бумагу и перевязанный голубой лентой. Тяжелый. Он перевернул его в руках. Твердый и тяжелый.

Нет, он не мог догадаться. В самом деле не мог.

Его мозг исследовал варианты. Что может находиться в плоской коробке? На Рождество мать подарила ему конструктор «Меккано», он тоже был в плоской коробке и очень тяжелый. В инструкции, прилагавшейся к набору деталей, рассказывалось, как построить подвесной мост. А он построил из него клетку. Он ловил пауков и сажал их туда, чтобы посмотреть, сколько они смогут прожить без еды и воды. Некоторые жили очень долго.

Может быть, это еще один конструктор.

Зажегшись надеждой, он развязал ленту, и она упала на пол.

– Не рви бумагу, Том-Том, она нам еще пригодится.

– Хорошо, мамочка. – Он развернул обертку, тщательно следя за тем, чтобы она даже не помялась, затем снял ее, открыв подарок.

Это была фотография в серебряной раме. Его мать, в длинном платье и черных перчатках, разговаривала с другой женщиной, также в длинном платье и перчатках.

– Это принцесса Маргарет! Разве это не замечательный подарок, Том-Том?

Он ничего не ответил.

– Я подумала, что лучше всего повесить ее над твоей кроватью, чтобы ты видел ее каждое утро, когда проснешься. Правда, там ей самое место?

Томас смотрел в стол, скрывая свое разочарование.

– Это та премьера, о которой я тебе рассказывала. Это было еще до твоего рождения. Мы сняли этот фильм, чтобы собрать денег для «Оксфам». Они помогают детям, которым меньше повезло в жизни, чем тебе. Принцесса Маргарет сказала мне, что обожает мои фильмы! Ты бы хотел когда-нибудь встретиться с принцессой?

Томас не понимал до конца, что такое принцесса.

– Да.

– Тогда тебе нужно быть хорошим очень долгое время. Принцессы ни за что не придут на встречу с плохим мальчиком. Ты не смотришь на фотографию. Она тебе точно нравится?

Томас посмотрел на фотографию и кивнул.

– Принцесса очень расстроилась, когда я оставила свою карьеру для того, чтобы родить тебя, Том-Том, – ведь это означало, что она больше не увидит новых фильмов с моим участием. Она спрашивала меня, ценишь ли ты эту жертву, и я сказала ей, что ты чудесный сын и очень ценишь это. Я была права, когда ответила так, Том-Том, разве нет?

Он кивнул.

– Ты ведь ценишь это, да, Том-Том?

Почти шепот:

– Да.

Глория Ламарк взяла фотографию, повернула ее к себе и всмотрелась в нее.

– Это было семь лет назад. Я до сих пор так же красива? – В ее голосе была почти тоска.

Зрелище печали на лице матери заставило Томаса позабыть о своем разочаровании. Он не выносил, когда его матери было грустно.

– Ты сейчас еще красивее, – сказал он.

Она протянула к нему руку, пахнущую хвоей. Он взял ее своими маленькими ручками и поцеловал.

– Я рада, что тебе понравился подарок, – сказала мать. И улыбнулась.

Томас улыбнулся в ответ и сжал ее руку. Он был счастлив.

Наконец-то успокоился. Пыль на фотографии. Томас вытер ее тряпкой и отступил назад. Его мать разговаривает с принцессой Маргарет. Старая фотография. Одна из десятков, развешанных по стенам его комнаты. Он долго не смотрел на нее.

Долго? Сколько?

Где ее сняли? По какому случаю?

Память опять подводила его. Кто-то будто наудачу вырывал из нее страницы. Бесплезная чепуха никогда не забывалась: он с фотографической точностью мог вспомнить электронные схемы плат всех бывших у него компьютеров, каждую микросхему, переключатель, проводок, гайку, винт, спайку. Полностью бесполезные знания. А необходимые вещи исчезали. Такие, например, как этот репортер, Джастин Флауэринг, который был его гостем, который нуждался в его гостеприимстве, его внимании, его заботе. Он забыл о нем вчера и не принес ему еды и воды.

Одну стену комнаты полностью, от пола до потолка, занимали полки с научными и медицинскими книгами и книгами по технике. На трех остальных стенах не было ничего, кроме фотографий матери.

На столе стоял мощный микроскоп и набор заключенных в стекло образцов клеток животных и человека. Ему нравилось изучать невидимое глазу. Возможно, когда-нибудь он предпримет какое-нибудь биологическое исследование. Он не слишком уважал Дарвина и предпочитал ему своего тезку, Карла Ламарка. Когда-нибудь он всерьез этим займется. Ему нравился процесс исследования. Часы, дни, месяцы, годы наблюдений, экспериментов, терпения.

Процесс исследования символизировал собой порядок.

Внизу, в кухне, звякнул звонок микроволновой печи.

Томас подошел к окну – высокий и уверенный в себе, хозяин этого дома – и выглянул из-за занавесок, которые никогда не открывал, чтобы в комнату не проникли молекулы дерьма и мочи, которые сбрасывают с самолетов. Рассвет размывал темноту. Он слышал, как по улице проехало такси, видел сквозь перила галереи его габаритные фонари.

Воскресенье.

У тебя сегодня выходной, доктор Теннетт? Ты отдыхаешь? Трахаешь свою мокрехвостку?

Его внимание привлекла еще одна фотография матери – самая любимая. Мать лежала на диване в неглиже, сквозь которое ясно видна была ее грудь. В одной руке она держала бокал шампанского, в другой – сигарету, вставленную в длинный мундштук. Она смеялась.

Он попытался вспомнить, когда они последний раз смеялись вместе, но эта страница была вырвана.

Губы высохли. Нужно выпить воды или еще чего-нибудь. Интересно, у матери в могиле тоже сухо?

Он спустился в кухню и вынул из печи пиццу «Сан-Марко» с копченной в дыму ветчиной и грибами. Он подозрительно оглядел красные помидорные ломтики, разлегшиеся на тающем сыре. Они были похожи на помидорную кожуру, которую он когда-то видел в собственной рвоте.

Он понюхал их. Они ничем таким не пахли. Он уже давно ничего не ел и не пил. За двенадцать часов до начала своего дежурства у дома Майкла Теннента он отказался от воды и пищи, чтобы не прерывать наблюдение и не бегать по нужде.

«Ничего не есть». Такие таблички иногда висели на кроватях больных в палате. Он помнил это еще с тех времен, когда был студентом. Однажды он повесил такую табличку на кровать одного ворчливого старика и не снимал ее пять дней. Никто ничего не сказал.

В кухне висели электрические часы, с четким щелчком отсчитывающие секунды. Жужжали холодильник и морозильный шкаф. Из-за этого шума ему казалось, что в голове у него устроили гнездо шершни. Одна длинная неоновая лампа перегорела, ее нужно было заменить. И надо было разгрузить посудомоечную машину – он не помнил, когда ее запустил, но на панели управления мигал огонек, свидетельствующий об окончании моечного цикла. В раковине и сушилках для посуды были сложены грязные тарелки. Он не помнил, когда они успели накопиться, – еще одна вырванная страница.

Он разрезал пиццу на четыре части, положил один кусок на пластиковый поднос, поставил туда же кувшин с водой и спустился с подносом в подвал. Включив свет в тренажерном зале, прошел через него в сауну. Открыл дверь. Его встретил порыв горячего воздуха, пропитанного запахом экскрементов. Джастин Флауэринг, в том же костюме и вызывающем галстуке, в каком был на похоронах его матери, лежал в том же положении, привязанный к стене. Только галстук его теперь был весь в засохшей крови, а кистей рук не было вовсе.

Глаза его были закрыты, лицо вытянулось, кожа приобрела восковой оттенок, волосы свалялись. Он сильно потерял в весе.

– Джастин, я принес тебе пиццу с копченой ветчиной и воды.

Никакого ответа.

Томас положил поднос, мельком оглядел почерневшую, прижженную культю, затем сравнил ее с другой культей. Обе заживали хорошо, и он был рад этому. Никакого признака гангрены.

– Заживает, Джастин, – сказал он, потом пощупал пульс. Слабый. Кожа липкая.

Он распрямылся, размышляя, не поставить ли репортеру капельницу с солевым раствором, чтобы вдохнуть в него жизнь. Может быть, принимая во внимание все, чему он научился здесь, он станет хорошим репортером.

Но он отвлекал Томаса от главного. Томас напомнил себе об этом. Джастин Флауэринг отвлекал его от главного. Он не мог позволить себе, чтобы сердце диктовало ему свою волю.

Я бы хотел, чтобы тебе было лучше, Джастин, но это невозможно. Возникает слишком много сложностей. Мне придется тебя отпустить. Мне жаль.

Он поднялся по лестнице, прошел в свою комнату, вынул из ящика стола шприц, затем спустился в кухню и вынул из холодильника пузырек с кураре. Для него не представляло сложности достать что угодно из медицинских препаратов. Он распечатывал бланки рецептов, скопированных с бланков его личного врача, на компьютере, затем заполнял их от руки. Легче легкого.

Вернувшись в подвал, он ввел достаточное количество кураре в вену на руке репортера, и стал ждать, сидя на сделанной из сосновых дощечек скамейке.

Через несколько мгновений глаза Джастина открылись. Шок. Его тело задергалось. Он пытался вдохнуть. Его губы, потрескавшиеся и опухшие, раскрылись и дрожали, соединенные ниткой слюны.

Томас смотрел на него, испытывая смятение.

– Ты снова с нами, Джастин! – сказал он бодро. Перед смертью это существо заслуживало хотя бы нескольких мгновений доброты.

Репортер захрипел. Его лицо начало чернеть, а тело – синеть. Он бился в агонии.

– Я здесь, Джастин, с тобой, – приговаривал Томас, взяв его за запястье. – Я с тобой.

Джастин Флауэринг бился в агонии полных две минуты. Его глаза вылезали из орбит, он издавал высокие гортанные звуки. Затем он затих. Томас продолжал держать его запястье еще минуту после того, как исчез пульс.

Теперь надо подготовить репортера и отнести его к месту упокоения, где уже находилась Тина Маккей. Томасу очень не хотелось заниматься сейчас грязной тяжелой работой, но он знал, что нужно сделать это до того, как он забудет о Джастине, до того, как тот начнет разлагаться.

Но вначале он отнесет поднос с пиццей обратно на кухню. Ей незачем пропадать. Мать учила его бережно относиться к еде.

Спустя три часа, выдохшийся, но довольный проделанной работой, Томас с подносом, на котором лежало четыре куска пиццы, вошел в комнату матери («Теперь незачем стучать», – с радостью подумал он) и сел на ее кровать, затем лег на нее, намеренно не сняв ботинок. Поднос едва держался у него на коленях.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале, вмонтированном в балдахин. Затем в зеркале на противоположной стене. И на боковых стенах. С подушек поднимался запах его матери, смешиваясь с запахом пиццы. Он взял кусок пиццы, и с него потек растаявший сыр, словно лава со склона вулкана. На покрывало посыпались крошки. Он улыбнулся своему отражению самоуверенной улыбкой. Затем закрыл глаза и попытался воспроизвести в памяти лицо матери, но вместо этого увидел дешевый парик и куст черных лобковых волос той женщины, Дивайны.

Надеюсь, ты видишь это, мамочка!

Надеюсь, ты видишь, что я лежу на твоей кровати, разбрасывая кругом крошки и думая о других женщинах!

Надеюсь, ты сходишь с ума от злости.

Его руки пахли резиной, а в одежду и волосы въелся неприятный запах дезинфицирующей жидкости. Он надел защитный костюм, но запах проник сквозь него. Как и запах бальзамирующего состава. Он не привык работать руками, но этого нельзя было избежать – ведь у него в доме остались гости.

Надо заменить лампу на кухне.

Его мать каждую неделю диктовала список покупок. Раньше по магазинам ездил Даннинг или кто-нибудь из прислуги, но в последние несколько лет, когда они жили только вдвоем, он делал это сам.

Томас любил ходить за покупками. Ему нравилось видеть, что те вещи, которые он видел в телевизионной рекламе, существуют в действительности. Их можно было купить! Его до сих пор охватывало смешанное с чувством вины волнение, когда он брал с магазинной полки то, что всего полдня назад видел по телевизору.

Он попытался припомнить недельный список своих обязанностей. Страница была на месте, но она была не такой четкой, как электронные

схемы компьютерных плат.

Постричь траву.

Пропылесосить ковры.

Помыть посуду.

Постирать белье.

Покормить рыб.

Он помнил о том, что надо покормить рыб, но у него кончился корм. Не было никакого смысла в том, чтобы разводить рыб в садовом пруду. Его мать никогда не выходила в сад, поэтому не видела их. Зачем в таком случае они ей были нужны?

Надо купить корм для рыб.

«Здесь все изменится, как только... – Его мысли застопорились, будто автомобили под красным светом. Он подождал, пока свет сменится на зеленый. – Как только...» Он не мог сдвинуть мысль с места. Он потерял нить и стал вспоминать, какая мощность у лампы, которую нужно купить для кухни.

Он сосредоточился на списке. Список – это очень важно. Нужно вычистить дом, подготовить его. Скоро у него будет новый гость.

Только монета точно знала – когда.

Но у него было чувство, что это случится сегодня вечером.

– Сорок пять, – сказала Аманда.

Ответ Майкла потонул в реве колонок громкоговорителя.

– Я тебя не слышу! – прокричала она.

Солнце нещадно палило. Их окружало жгущее глаза облако пыли. Рев колонок сменил разрывающий барабанные перепонки рев двигателей пятнадцати больших, уже пыльных гоночных машин. Толпа, раздавленная подобно губке, теперь снова притекла к трассе, зажимая их со всех сторон. Майкл вытянул шею, но увидел только опустевшую трассу. Стадион весь провонял отработанным топливом и жареным луком.

– Значит, Брайан на пятнадцать лет тебя старше, – сказал он.

Она, прикрыв уши ладонями, ответила:

– Может, я без ума от старичков!

Он посмотрел на нее и улыбнулся. Она шутила, но это вполне могло оказаться правдой. После ухода отца у ее матери было несколько мужчин, неудавшихся творцов, представителей разных творческих профессий. У нее не было брата, только сестра. Получается, что в детстве рядом с ней не было сильного мужчины, у которого она могла бы перенимать опыт. В своем бывшем дружке, Брайане, она определенно нашла образ отца. А может, и в нем самом тоже.

Комментатор, голос которого из-за колонок казался гласом Божьим, объявил:

– Ждем только машину под номером двенадцать. – Затем уже более человеческим голосом он прибавил: – Мы рады приветствовать среди участников Дэйва Сполла, вернувшегося на трассу после пятилетнего перерыва. Двенадцатый номер готов. Лидирующая машина пошла! Старт гонок имени Лена Уордла состоялся!

Майкл видел приближающийся блеск металла. Промелькнул блестящий красный корпус лидирующей машины, преследуемой пятнадцатью машинами, выстроившимися в плотную, но бессистемную формацию, похожую на косяк рыбы.

Лицо Аманды горело от возбуждения.

– Давай, Дэйв Сполл! – кричала она. – Давай, четыреста тридцать второй!

Майкл с беспокойством вытянул шею, стараясь через проволочную сетку ограждения увидеть желтую «тойоту» Дэйва Сполла. В гонке

участвовало четыре желтые машины, и было нелегко определить, какую из них пилотировал его пациент.

Он консультировал Дэйва в течение четырех лет. Когда-то тот был чемпионом Великобритании в гонках тюнингovaných серийных машин, а в обычной жизни разрабатывал механические станки. Он страдал от тяжелой депрессии после ужасной катастрофы, произошедшей пять лет назад в одном из заездов гонок на выживание, когда ремни его соперника не выдержали нагрузки и он вылетел через проем лобового окна (стекла в нем не было) прямо под колеса машины Дэйва Сполла. Дэйв убил его – семнадцатилетнего паренька, только недавно начавшего участвовать в таких гонках.

Когда Дэйв пришел к Майклу на первый прием, он не мог ездить даже по обычным дорогам. Майкл медленно вернул его психику к нормальному состоянию, и сегодня Дэйв снова принял участие в гонках. Он попросил Майкла прийти, сказав, что будет увереннее себя чувствовать, если будет знать, что его доктор находится на трибунах.

Майклу нравился Дэйв, он был тронут его просьбой. Аманда с радостью приняла приглашение поехать на гонки вместе. Истборнская гоночная трасса находилась всего в получасе езды от дома ее сестры, куда она собиралась отправиться вечером того же дня, чтобы отпраздновать четвертый день рождения ее маленькой племянницы Леоноры.

Лидирующая машина достигла стартовой линии и свернула с трассы на боковую дорожку. За ней тут же разверзся ад. На первом повороте две машины столкнулись, одна из них перевернулась, и ей в бок въехала третья машина, которая, в свою очередь, пострадала от удара в задний бампер четвертой машины. Дэйв Сполл объехал место аварии и на первом круге держался на пятом месте.

Аманда взволнованно тискала руку Майкла. Он сжал ее в ответ, испытывая чудесное чувство тайного слияния с ней посреди бушующей толпы, под нещадно палящими лучами солнца. Она сногшибательно выглядела в обыкновенных голубых джинсах и белой футболке, и Майкл гордился восхищенными взглядами, которыми одаривали ее мужчины.

Дэйв Сполл шел на пятой позиции и на втором, и на третьем круге. Он справлялся. Майкл видел, как он повернул голову к трибунам. Неужели он пытается разглядеть его среди мелькающих лиц? *Сосредоточься на трассе, Дэйв, пройди этот круг. Не пытайся выиграть, просто дойди до финиша!*

На четвертом круге, на повороте, его попытался обогнать соперник. Обгоняющая машина поравнялась с ним, объезжая поворот по более

широкой дуге, приклеилась к нему бортом и начала оттеснять его к барьеру. Пальцы Аманды впились Майклу в ладонь – она была с ним в паддоке,^[3] жала Дэйву Споллу руку, а затем забросала его целой кучей технических вопросов, чем несказанно удивила Майкла, который не подозревал в ней таких познаний.

Две машины ехали, соприкасаясь бортами, всю прямую, затем, к облегчению Майкла, Дэйв Сполл сбросил скорость и дал сопернику обогнать себя. Аманда перестала терзать руку Майкла.

Майкл взглянул на нее, она ободряюще улыбнулась в ответ:

– Все будет хорошо. У него все получится.

И у него получилось. Он финишировал шестым и без повреждений. Они пробились через толпу к паддоку, где Дэйв Сполл назвал Майкла великим четырехглазым сукиным сыном, обнял его и расцеловал в обе щеки. Затем он поцеловал Аманду, посетовал, что психиатры всегда отхватывают самых красивых девчонок, и, обратившись к Аманде, сказал, что она в любое время может прийти и поковыряться вместе с ним в его машине. Следующие десять минут они провели за обсуждением преимуществ суперкомпрессоров перед турбокомпрессорами.

Они ушли из паддока до того, как начался последний заезд. Аманда хотела избежать скопления машин на выезде со стадиона – она уже и так опаздывала на праздник. Когда они, держась за руки, шли к автостоянке, Майкл сказал:

– Ты меня поразила. Откуда ты столько знаешь про автомобили?

Аманда пожалала плечами. Это движение Майкл находил очаровательным. Она делала так каждый раз, когда Майкл говорил ей комплименты. Она будто не очень привыкла к ним.

– Брайан с ума сходил по машинам. Я постоянно ходила с ним на вечеринки, где все мужчины были такие же, как он. Они не обращали на меня никакого внимания, потому что единственное, что их интересовало в такие моменты, – это разговоры о двигателях. Я решила, что хочу на равных общаться с ними, поэтому выучила о двигателях все, что можно.

Майкл покачал головой и улыбнулся.

– Бесподобно! Ты необыкновенная.

Аманда опять пожалала плечами:

– Оказалось, что двигатели и в самом деле интересная тема для разговора.

Она была полна сюрпризов. Он постоянно натыкался на что-нибудь новое в ней. Они остановились на полдороге и обнялись. В ее глазах отражалось небо. Сердце Майкла ликовало. Он подумал, что невозможно

чувствовать большее счастье, чем чувствовал он в этот момент.

Он хотел сказать это прямо сейчас. *Аманда Кэпстик, я люблю тебя.*

И с трудом удержал рвущиеся слова. Слишком рано. Даже после их невероятной ночи – четыре раза! – было слишком рано. Меньше всего на свете он хотел спугнуть ее.

Он и сам боялся своего счастья.

Он смотрел на Аманду, выезжающую со стоянки на своей маленькой красной «альфе», на клубы пыли, взметывающиеся из-под колес, смотрел, как она машет на прощание рукой, такая веселая и беззащитная, – и боялся, что случится что-нибудь ужасное и лишит его этого счастья, как уже случилось однажды, когда умерла Кэти.

И как бы в ответ на его страхи темное облако закрыло солнце, как старый брезент новую машину.

Суббота, 27 июля 1997 года

У Аманды Кэпстик был пес по кличке Олли.

Как трогательно.

На ее веб-сайте есть его цветная фотография. Коричневый кокер-спаниель, высунув язык, сидит на галечном пряхе.

Может быть, он там нагадил, и какой-нибудь восьмилетний мальчишка влез в его дерьмо пальцами, затем потер глаз и получил паразита, который заражает сетчатку, вызывая воспаление и в конечном итоге приводя к слепоте.

Но что Аманде Кэпстик до этого? Женщина, впустившая в себя доктора Теннента, не станет беспокоиться о детях, которые могут ослепнуть.

Вот несколько слов мудрости для тебя, доктор Теннент, от поэта, который никогда не использовал заглавные буквы, – е.е. каммингса:

чуть больше будь осторожен с любовью,
чем со всем остальным.

Ты можешь задаться вопросом, почему меня заботит твоя жизнь, доктор Теннент. Ты можешь спросить, почему меня интересуют твои отношения с женщиной, вывешивающей в Интернете фотографии своего дохлого пса.

Si vis pacem, para bellum. Хочешь мира – готовься к войне.

Ты врач, поэтому должен знать латинский. Это сказал Юлий Цезарь. Ты готовишься к войне, доктор Майкл Теннент?

Во время похода во Францию Юлий Цезарь убил два миллиона галлов. Это говорит тебе что-нибудь о человечестве, доктор Теннент? Это помогает тебе понять состояние твоих пациентов? Ты черпаешь знания из истории для использования их на консультациях? Ты применял их, когда лечил мою мать? Когда потом позвонил ей и оставил сообщение на автоответчике?

Боюсь, я расстроил тебя сегодня утром. Нам необходимо поговорить.

Боюсь, я расстрою тебя, доктор Теннент. И жало мне в этом поможет.

Несколько дней назад я написал, что скоро расскажу о жале. Это очень простое приспособление. Будучи врачом, ты, наверное, знаешь о кураре. Гвианский яд – кураре – содержит алкалоид курарин. Южноамериканские индейцы добывают его из растения, произрастающего в тропических лесах. Они обмазывают им кончики стрел. Этот алкалоид вызывает почти мгновенный паралич. Паралич мышц, отвечающих за дыхание, мы можем определить в первую очередь по цианозу – он означает, что жертва испытывает недостаток кислорода. Жертва может выдохнуть, но не может вдохнуть. Далее следует асфиксия с летальным исходом.

Знаешь, естественный физический мир отличается особым изяществом. Математические формулы. Природное равновесие. Теорема Гёделя особенно изящна. И теорема Пифагора. В настоящей науке изящным должен быть каждый эксперимент, каждое решение. Я сделал себе жало. Оно представляет собой иглу от шприца, аккуратно срезанную на четверть дюйма ниже кончика и вставленную в небольшой полый резиновый шарик. Я приклеиваю жало к ладони с помощью не раздражающего кожу и легко отмывающегося клея, затем наполняю шарик кураре.

Что может быть более изящным, чем рукопожатие с будущей жертвой?

Если доза кураре четко выверена и введена под кожу, дыхательные мышцы поражаются в последнюю очередь. Но на всякий случай, как и в прошлые два раза, я возьму с собой переносной сердечно-легочный реанимационный аппарат. Это избавит меня от ненужных потерь времени, требующегося на ручную кардиопульмональную поддержку жизненных функций.

Я должен предпринять все возможные меры предосторожности. В конце концов, на карте человеческая жизнь.

Мне будет очень жаль, если смерть придет раньше времени.

Длинное одноэтажное здание с серыми, покрытыми штукатуркой с каменной крошкой стенами, с крытым местом для стоянки, куда помещается машина скорой помощи или небольшой грузовик. Две колонны с распахнутыми железными воротами между ними. Автостоянка, принадлежащая компании «Тармак», отделяющая здание от дорожной развязки, которая охватывает своей петлей чумазый Викторианский виадук и супермаркет «Сейнзбериз». Большая унылая вывеска рядом с выложенными из кирпича колоннами безрадостно гласит: «Морг Брайтона и Хоува».

Дождь еще больше сгущал краски, но даже в самый солнечный летний день это место выглядело кошмарно.

Гленн Брэнсон никогда не боялся привидений: он считал, что живые гораздо опаснее мертвых. Обычно детектив-констебль спокойно относился к трупам, но сейчас на стальном столе, освещенный четырьмя мощными лампами, лежал не просто труп.

Возможно, Кора Барстридж в конце жизни тосковала по свету сценических прожекторов, но эти большие светильники, на тяжелых цепях подвешенные к высокому потолку, не воодушевили бы ее. Слишком большим унижением для нее казалась эта холодная комната с дренажными желобами на полу, серыми кафельными стенами с ярко-фиолетовыми предохранительными крышками на электрических розетках, раковинами из нержавеющей стали и стальным вспомогательным столом, на котором в ряд были разложены хирургические инструменты и электрическая дисковая пила.

На еще одном вспомогательном столе лежали бумаги – несколько бланков, включая стандартный, заполненный Гленном в квартире Кору Барстридж.

Гленн старался держать себя в руках. Его желудок вел себя так, будто его заставили переваривать цемент. Гленн тяжело сглатывал, пытаясь справиться с запахом, который был гораздо хуже канализационного. Он смотрел куда угодно, только не на тело. Помощник патологоанатома, жизнерадостная полная женщина лет сорока пяти, только что закончила набивать череп Кору Барстридж мятой бумагой и теперь ставила на место ее затылочную кость.

Содрогаясь от отвращения, Гленн посмотрел на представителя

коронера Элеонору Уиллоу, красивую черноволосую женщину, которой можно было дать от тридцати до тридцати пяти лет. На ней был элегантный серый костюм и жемчужные серьги. Она одарила его мимолетной улыбкой. Он стал смотреть на остальные два стола для вскрытия, которые, по счастью, были пусты.

На дальней стене висела аспидная доска, разграфленная на столбцы: «мозг», «легкие», «сердце», «кишечник», «почки», «селезенка». Перед ней стояли электронные весы. Патологоанатом Найджел Черч, отвернувшись ото всех, наговаривал информацию в диктофон, который держал рукой в перчатке.

– Петехиальное кровоизлияние в белки глаз, – говорил он. – Ничего необычного, принимая во внимание смерть от удушья.

Гленн всегда считал, что для своей мрачной профессии Черч недопустимо хорошо выглядит. Вот и сегодня красотой лица, здоровым блеском рыжеватых волос, удивительно хорошо сидевшим на нем голубым хирургическим костюмом он походил скорее на актера, играющего роль. При других обстоятельствах он был бы достойной парой Коре Барстридж.

«Да, – мрачно подумал Гленн, – если бы здесь был театр или съемочная площадка». Несмотря на то, что он уважал доктора Черча, он был разочарован тем, что тот не счел необходимым вызвать патологоанатома из министерства внутренних дел для более тщательного вскрытия.

Он дрожал от холода. На улице шел дождь, и он промок, несмотря на то, что бегом бежал от машины до здания. Стараясь отвлечься, он стал думать о фильмах с участием Кору Барстридж. Вспомнил, как она швырнула пепельницей в Стэнли Бейкера, который играл изменника-мужа в «Она всегда носила алое». Увидел ее в открытом спортивном «мерседесе» на лос-анджелесской автостраде. «Мерседес» то вливался в поток движения, то принимался обгонять его, а она страстно целовалась с Питером Селлерсом. Фильм назывался «Калифорнийская красавица».

А теперь она лежала на сверкающем стальном столе, разрезанная от шеи до лобка. Рана поддерживалась в открытом состоянии специальными зажимами. Были видны ее желтоватые кишки. В мрачном соблюдении благопристойности на ее лобок был положен большой треугольник плоти, состоящий из грудины и передних ребер. Ее груди, когда-то так разрекламированные в «Храме удовольствий», свисали по обе стороны от тела, распластываясь по поверхности стола. Рядом лежала серо-коричневая масса, бывшая когда-то ее мозгом.

Ее ноги, о красоте которых некогда ходили легенды, исчертили вены.

На большом пальце правой ноги висела бирка с именем. Ее предплечья казались слишком тонкими, а плечи, наоборот, были мясистыми и все в складках.

Гленн едва смог заставить себя взглянуть на ее лицо. Почерневшее, изуродованное, оно будто в насмешку было обрамлено роскошными платиновыми волосами. Гленн был рад, что наихудшая часть процедуры – срезание затылочной кости и удаление мозга – была произведена до его приезда.

Наконец он взял себя в руки и осмотрел покойную надлежащим образом. Он чувствовал себя в каком-то смысле обязанным ей. Своими фильмами она доставила ему много приятных минут, и теперь он всеми возможными способами хотел отплатить ей.

Он размышлял о ее смерти весь вчерашний день и большую часть ночи, пытаясь понять, что же беспокоит его, почему он не может принять версию самоубийства.

Он просто не верил в нее, вот и все. Возможно, так было из-за того, что он знал, кто она, из-за кошмара, произошедшего с ее лицом. А возможно, и потому, что он, по существу, новичок в искусстве полицейского расследования, и, когда опыта будет больше, он станет спокойно принимать то ужасное, что люди иногда с собой делают.

Я здесь из-за тебя, Кора. Я здесь, чтобы добраться до истинных обстоятельств твоей смерти. И я буду рыть, пока все не станет предельно ясно. Обещаю тебе это.

Скрепя сердце он стал наблюдать, как патологоанатом нарезает мозг его кумира ломтями, внимательно рассматривая их и складывая на весы, потом по локоть засунул руку во вспоротую грудную клетку и вытащил легкие. Он положил их на вспомогательный стол. Они сочились кровью цвета машинного масла.

Патологоанатом положил каждое легкое по очереди на весы, продиктовал их вес, затем засунул их вместе с нарезанным мозгом в белый пластиковый пакет. Затем он удалил мочевой пузырь, взвесил его на руке и, будто обращаясь к Гленну, сказал:

– Мочевой пузырь содержит среднее количество мочи. Мы возьмем немного на анализ. – Он разрезал пузырь и налил мочу в пробирку.

Гленн присутствовал на многих вскрытиях, поэтому знал процедуру наизусть. Доктор Черч вынет все внутренности, и они окажутся в белом пакете. Пакет завяжут и поместят обратно в тело. Затем грудную клетку зашьют толстыми нитками.

Борясь со слезами, Гленн вышел, прошел в выкрашенную розовой

краской комнату отдыха, сделал себе чашку сладкого чая и позвонил на службу, чтобы проверить, нет ли для него сообщений. Ничего срочного – покамест тихий понедельник.

Выпив чай, он вернулся в помещение для вскрытий. Доктор Черч в эти минуты работал над кишечником, забирая образцы жидкостей для анализа. Гленн остался до конца вскрытия, но не поделился с патологоанатомом и представителем коронера своими мыслями. Ничем не подкрепленные домыслы здесь никого не интересовали. Кроме того, это непрофессионально.

Доктор Черч и представитель коронера улаживали формальности над бумагами, помощник патологоанатома вышла сделать телефонный звонок. Гленн подошел к Коре Барстридж и стал молча смотреть на нее. Он не знал, что он надеялся увидеть. Было очень мало шансов на то, что доктор Черч что-либо пропустил. Ее глаза были закрыты.

– Есть одна незначительная неувязка, – сказал патологоанатом, подходя к Гленну. – Трупные мухи. В вашем отчете сказано, что, когда вы обнаружили ее, на ее голове был пластиковый пакет, плотно закрепленный на шее. Как в таком случае под него могли проникнуть мухи?

Гленн удивленно посмотрел на доктора Черча. Хороший вопрос. Он должен был сам об этом подумать.

Снова посмотрев на мертвую актрису, Гленн мысленно вернулся к тому моменту, когда нашел ее. Так ли плотно пакет был примотан поясом к ее шее? Может быть, были щели?

– Мясные мухи чувят труп человека за две мили, – с жутким апломбом сказал только что вошедший в комнату еще один помощник патологоанатома – щеголеватого вида молодой человек с диккенсовскими бакенбардами.

– Да, но как они могли попасть внутрь пакета? – отозвался доктор Черч.

На какой-то момент в Гленне загорелась надежда, которую тут же уничтожил человек с бакенбардами:

– Уж они бы пробрались. Возможно, после смерти кожа съежилась, и между шеей и пакетом образовались щели.

– Окна были закрыты, – сказал Гленн. – Как они попали в комнату?

Щеголь одарил его дружелюбным, но в то же время презрительным взглядом:

– Им не надо ни дверей, ни окон – не то что нам. Они влезут в любую щель.

– Спасибо, – сказал Гленн. – Я понял вашу мысль.

Он попросил представителя коронера прислать ему копию патологоанатомического отчета и отбыл. Он был рад выбраться наружу, пусть даже под проливной дождь. Скоро он вернется на службу, к бесконечным телефонным звонкам, клацанью компьютерных клавиатур, запаху кофе и пустому трепу и грубым шуткам коллег.

К живым.

По понедельникам Майкл принимал в Высшей медицинской школе при больнице Принцесс-Ройял-Хоспитал. Еще будучи студентом, он решил для себя, что и носа не покажет на Харли-стрит^[4] и никогда не станет одним из сытых котов, населяющих эту улицу, – преуспевающих врачей, обслуживающих исключительно богатых пациентов. Он хотел стать психиатром для всех, а не одних богачей, и в Принцесс-Ройял он претворял свою мечту в жизнь.

Пациенты направлялись к нему национальной службой здравоохранения. Чаще всего это были бедные люди, подверженные депрессии в гораздо большей степени, чем обеспеченные классы общества. Его работа здесь оплачивалась более чем скромно, но он находил удовлетворение в том, что в его жизни работа для денег и работа для людей находились в равновесии. Шин-Парк, радиопередача и статьи для «Дейли мейл» позволяли ему сносно существовать в этом мире. У него не было желания стать богачом, но его устраивало, что ему не приходится забивать голову денежными вопросами.

Сегодня утром ему и без этого было чем забить себе голову.

С улицы, которая находилась двумя этажами ниже его кабинета, доносился вой сирены «скорой помощи». В окно барабанил дождь. Кабинет был больше, чем надо, – Майкл предпочитал уютный кабинет в Шин-Парк-Хоспитал. Когда-то эта комната была гостиной в огромном особняке – об этом свидетельствовали высокие потолки с лепными карнизами, большой камин с абсурдно маленьким и тусклым газовым огоньком в глубине, антикварная мебель, роскошный шезлонг и два викторианских кресла напротив стола, элегантность которых превосходила удобство.

Перед Майклом сидела Люсинда Райан, бывшая топ-модель, которая теперь была настолько обеспокоена своей фигурой и цветом лица, что постоянно делала себе кровопускание, чтобы избавиться от «лишней крови».

Майклу она нравилась, но сегодня консультация шла вяло. Он незаметно поглядел на маленькие настольные серебряные часы. Это был рождественский подарок от Кэти. Или, может быть, подарок на день рождения – он уже не помнил точно. С недавних пор подробности их совместной жизни будто скрывались под поверхностью воды. Субботняя ночь была ясным подтверждением того, что он начал отпускать ее.

Сегодняшним утром ему было трудно сосредоточиться. Люсинда смотрелась в карманное зеркальце. Он поднес пальцы к носу и бесшумно понюхал их. На них все еще оставался запах Аманды.

– Я опять это делала, – сказала Люсинда. – Но это помогает, ведь правда? Лицо стало не такое красное. У меня теперь две донорские карточки. – Она с гордостью улыбнулась. – Случайно удалось достать вторую, так как в первой они сделали ошибку в адресе. Если я буду ходить в разные больницы, то этого никогда не обнаружат.

Майкл сделал запись в медицинской карте. Ему не нравилось, как Люсинда выглядела.

– Хорошо, давайте сегодня на этом закончим. Когда будете выходить, пожалуйста, подойдите к моему секретарю. Мне бы хотелось, чтобы вы сделали несколько анализов.

На лице женщины отразилось беспокойство.

– Мне кажется, что вы чересчур бледны. Я хочу удостовериться, что постоянная кровопотеря не приносит вашему организму вреда.

– Они просто возьмут кровь на анализ?

– Да.

Люсинда чуть приободрилась.

Как только она вышла из кабинета, Майкл повернулся к компьютеру и вышел в Интернет. За два часа, в течение которых он не проверял почту – в последний раз он сделал это незадолго до девяти часов, – в его ящик пришло около дюжины свежих писем. К его разочарованию, все они были не от Аманды.

Он очень хотел получить весточку от нее. Хотел увидеть ее имя на экране, прочесть, что она написала, услышать ее голос.

Вчера она обещала, что позвонит, как только вернется домой от сестры, просто чтобы узнать, как дела, и чтобы он не беспокоился. Она не позвонила. Может быть, попала в аварию? Вероятнее всего, однако, что она вернулась домой позже, чем рассчитывала, – стояла хорошая погода, и дороги с побережья до Лондона были забиты машинами.

Но она могла позвонить на мобильный.

Он не спал до половины второго, лежал с открытыми глазами в кровати, которая пахла ею, и думал о ней, вспоминал каждую подробность их свидания в воскресенье. Она же не хотела от него избавиться?

Неужели она соврала ему, что едет к сестре, и вместо этого поехала к Брайану?

Не может быть. Все, что она говорила о Брайане, было сказано от чистого сердца. Майкл понимал, что, несмотря на огромный опыт в

психиатрии, он не слишком хорошо разбирается в женщинах, но все же ему казалось невероятным, что после такой ночи любви, какая была у них, Аманда захотела переспать со своим бывшим.

Если только она не стала заложником чувства вины. Но это также маловероятно.

Он хотел позвонить ей в полпервого ночи и узнать, все ли с ней в порядке, но не рискнул, так как боялся надоест. Вместо звонка он отправил письмо по электронной почте. Скорее записку:

«Привет. Надеюсь, ты добралась без приключений. Я скучаю по тебе».

Он мечтал, проснувшись утром, найти в почтовом ящике ответ. Он проверил его еще раз перед тем, как уйти на работу, и еще раз уже в кабинете.

Его захлестнула огромная темная волна. Сколько еще он будет ждать? Он не хотел обременять ее своим беспокойством, но также не хотел играть в игры. За простой первобытной искрой, вспыхнувшей при первой встрече между мужчиной и женщиной, следует огромное количество разнообразнейших любовных коллизий, но он не желал тратить на них время. Он просто хотел еще раз услышать ее голос.

Он поднял трубку и набрал рабочий номер Аманды.

Звучный женский голос ответил, что у нее с утра деловая встреча и в офисе ее не ждут до обеда. Когда его спросили, не желает ли он оставить сообщение, он поколебался, но затем, поблагодарив, сказал, что перезвонит.

Он почувствовал облегчение. *Деловая встреча.* Наверное, она вернулась поздно и не стала ему звонить, а утром сорвалась на службу, не проверив электронную почту.

Майкл предупредил секретаря, чтобы его соединяли, если позвонит Аманда Кэпстик, и подошел к двери, чтобы встретить следующего пациента.

Надо еще подождать до перерыва на ленч. До той поры она обязательно позвонит.

Она не позвонила.

«Даже с завязанными глазами человек сразу определит, что он в полиции», – подумал Гленн Брэнсон. Покрытые линолеумом полы, ободранные коридоры, доски объявлений вроде тех, что вывешивают в любой больнице, школе или другом жестко организованном учреждении. Вот только запах специфический.

В полиции пахнет иначе, чем в больнице. Здесь не слышны детские голоса, как в школе. Здесь своя собственная энергетика. Ни на секунду не замолкающие телефоны, тихий говор, могильный юмор, сосредоточенность, общее для всех дело. Гленну здесь нравилось.

Понедельник – футбольный день. Все разговоры вертелись исключительно вокруг сыгранных в выходные матчей. Стол позади Гленна занимал Гэри Ричардсон, бывший профессиональный футбольный вратарь, оставивший спортивную карьеру из-за травмы колена. Теперь он был детектив-констебль, как и Гленн. И тренировал сборную команду близлежащих участков. Высокий, мощный, намазанные гелем и зализанные назад волосы. Сейчас он возмущался:

– И что творилось в субботу, во имя Господа? Я имею в виду нападающего. Катастрофа, мать ее! Они уже сейчас – худшая команда в лиге!

На столе Гленна, нетронутый, лежал бутерброд со свиной грудинкой. Сквозь салфетку, в которую он был завернут, проступил жир. Был полдень. Гленн уже час как находился на своем рабочем месте. Хорошо сидеть в теплой компании, слушать разговоры, видеть живых людей. Гленн любил футбол, но сейчас он думал о другом.

Его все еще мутило после морга. Надо бы поесть, подпитаться энергией, он приехал в морг в полдевятого и еще не завтракал – но в горло ничего не лезло. Он мог только пить приторно-сладкий – как обычно – чай.

Детективы-констебли располагались на втором этаже полицейского отделения Хоува, в узкой комнате, где вдоль длинных стен стояли двенадцать столов – по шесть с каждой стороны. В дальнем конце отделенный шкафами для бумаг находился большой овальный стол для совещаний по профилактике правонарушений.

Сразу при входе в комнату располагалась рабочая зона с единственным на всех компьютером, древней электрической печатной машинкой и телевизором. В центре комнаты в потолок был вмонтирован монитор

внутренней полицейской сети, по которому целый день показывали обновляющиеся раз в сутки описания разыскиваемых преступников, с пометками, являются ли они особо опасными или вооруженными, номера подлежащих задержанию машин и т. д. – все, о чем должны быть осведомлены сотрудники полиции Суссекса, включая фактические и запланированные показатели раскрываемости.

В данный момент на экране монитора яркими буквами было написано:

«Общий показатель раскрываемости преступлений. Июнь 1997. 26,2 %».

– Так вот, вызывают меня в субботу в полчетвертого утра, – рассказывал один из коллег Гленна. – Двое гомиков вечером решили устроить себе ужин при свечах, чтобы создать «романтическую атмосферу». Ну, после того, как они получили от «романтической атмосферы» все, что хотели, они уснули. Сожгли к чертовой матери и свою квартиру, и еще три верхние. Была и жертва. Знаете кто? Кошка! Парень одной из квартир выкинул кошку из окна, и она погибла.

На улице Гленн влез в лужу, и у него промокли ноги. Костюм тоже был влажный. Из кондиционера шел холодный поток воздуха. Из окон сквозило.

Он взглянул в окно. Вид не очень-то: асфальтовая крыша нижнего этажа, автостоянка, гаражи. Ветки деревьев мотаются на ветру. Из ворот выезжает патрульная машина, «дворники» работают вовсю, смахивая дождь с ветрового стекла. Какой-то бедняга в пластиковом плаще проехал на велосипеде. Капюшон развевался за его головой, словно парус.

Петехиальное кровоизлияние в белки глаз. Ничего необычного, принимая во внимание смерть от удушья.

Патологоанатом сделал свое заключение. Личный доктор Коры Барстридж сказал представителю коронера, что она долгие годы принимала антидепрессанты. Вывод напрашивался сам собой. Гленн уже сейчас знал, что их молодой, подающий надежды коронер Вероника Гамильтон-Дили скажет на дознании, подводя итоги проделанной работы. Покойная была стареющей одинокой актрисой, которая не могла смириться с увяданием красоты, снижением доходов, отсутствием какой бы то ни было надежды. *Самоубийство в порыве отчаяния.*

Гленн глотнул чаю и тоже с отчаянием посмотрел на стопку папок и бланков на столе и канцелярской этажерке. Он не любил бумажной работы. «Перечень содержимого папки». «Информация по обвиняемому». «Информационный бланк решения по делу». «Перечень улик с

описанием». «Бланк заявления о доследовании». «Список свидетелей». «Список вещественных доказательств». «Предостережения». Бесконечные бланки. Многие часы бумагомарания, которое никогда не кончалось. Все в отделе были перегружены бумажной работой. Это было и хорошо и плохо.

Отдел состоял из трех групп, по четыре детектива в каждой, и возглавлялся детективом-сержантом, у которого был отдельный кабинет. В каждой группе – трое мужчин и одна женщина. Сандры Дэнгем из их группы сейчас не было – она брала показания у жертвы изнасилования, готовясь к слушаниям в суде. Еще один их детектив, Майк Харрис, работал за столом напротив, а через узкий проход сидел Уилл Гуппи, последний член их команды и штатный шут отдела.

У худого как жердь, подстриженного под спецназ Гуппи чувство юмора было сродни его чудовищному вкусу в выборе галстуков. Ему нравилось считать себя культурным человеком. На стене рядом с его столом висел рисунок, на котором под двумя большими квадратами красовалась подпись: «Яйца Пикассо».

Людей в комнате пока было немного. Все соберутся к двум часам, к еженедельному рабочему совещанию, во время которого детективы докладывали о том, что они сделали за прошедшую неделю. Такие совещания хороши, когда неделя не прошла даром. У Гленна она не прошла даром: в пятницу посадили на два года мелкого квартирного вора, которого он поймал, а еще за ним числилась крупная дичь – парень, который в промышленных масштабах грабил ювелирные магазины.

Его мысли вновь вернулись к Коре Барстридж. Трупные мухи. Кошмарное зрелище ее лица под пластиковым пакетом. Ужасный конец. Быть любимицей всего света и покончить с жизнью в одиночестве, съеденной мухами.

Гленна передернуло.

Он подумал о патологоанатоме, спрашивающем, как могли мухи попасть внутрь пакета.

За последние три недели две актрисы практически одного возраста покончили с собой. Сначала Глория Ламарк, затем Кора Барстридж. Он услышал о смерти Глории Ламарк случайно, когда приехал в дом свидетеля за показаниями. Позднее он попытался узнать подробности, но о ней упоминала только «Таймс». Бедная Глория Ламарк. Что же с ней произошло? В свое время она много снималась, и некоторые из ее фильмов были просто отличными, но в середине шестидесятых годов ее карьера сошла на нет – как раз тогда, когда взошла звезда Кору Барстридж. «Когда-то они были соперницами на кинематографическом небосклоне, –

вспомнил он. – Описанию их борьбы было уделено много места в книгах о кинематографе прошлых лет».

Гленн помнил, насколько красива была Глория Ламарк. Ее называли «английской Мэрилин Монро», и в них действительно было сходство. У Глории было то же сочетание невинности и шарма, что и у Мэрилин. Он помнил, как невинно она улыбалась в «Двойном нуле» с Майклом Редгрейвом и Гербертом Ломом, вытаскивая кошелек из кармана Майкла Редгрейва, когда они обнимались на танцевальной площадке.

– Гленн, это ты на прошлой неделе науськал патруль на «ягуар» на побережье? – не поворачивая головы, спросил Уилл Гуппи.

– На прошлой неделе? – В первое мгновение Гленн не мог понять, о чем разговор.

– Да ладно прикидываться! Я ехал в машине с тем патрулем, и мы его тормознули.

Теперь Гленн вспомнил. Он радировал о подозрительном «ягуаре» по дороге к Коре Барстридж.

– Вспомнил! Ну и что?

– Тоже мне полицейская ищейка! Знаешь, кто был за рулем?

– Кто?

– Старина Гленн Драри, вот кто! Гленн Драри, который только что запродавался в «Ньюкасл юнайтед» за семь миллионов фунтов. Возможно, в этом году он станет лучшим нападающим Англии, а ты доложил, что он стырил свои собственные новые колеса. Неплохо!

– Надеюсь, он играет в футбол лучше, чем водит машину, – невозмутимо ответил Гленн.

Он собрался отхлебнуть еще чаю, но тут зазвонил телефон. Он взял трубку и услышал голос диспетчера:

– Гленн, у меня тут детектив-констебль Ройбак из Большого Лондона, хочет, чтобы кто-нибудь из Хоува ему помог. Могу я соединить его с тобой?

– Конечно.

Полиция Большого Лондона считала себя аристократией и часто вела себя высокомерно по отношению к провинциалам. Но этот детектив был исключением. У него был вежливый, доброжелательный голос.

– Здравствуйте, – сказал Ройбак. – Не могли бы вы оказать мне услугу? Мне нужна помощь в розыске пропавшей женщины. Ее зовут Тина Маккей. Тридцать три года, шеф-редактор лондонского издательства. Ее не видели с раннего вечера прошлой среды 9 июля. Она должна была прийти на свидание и не пришла.

Гленн открыл свой блокнот.

– Мне знакомо ее имя. Нам присылали ее фотографии. Об ее исчезновении много писали, верно?

– Да. Она довольно известная персона в издательском мире. В последний раз ее видели выходящей из редакции около семи вечера того дня. Она забрала машину из находящейся поблизости многоэтажной стоянки – там у нее был контракт на парковку. Сторожа отвлекла сигнализация, включившаяся одновременно у двух машин. Он видел ее машину, выезжающую со стоянки, но только издали, и не мог рассмотреть, кто за рулем. После этого никто о ней ничего не слышал.

– Это расследование убийства?

Краткая пауза.

– У нас нет тела, но можно считать, что да. Таким образом мы пытаемся повысить интенсивность расследования.

– Чем я могу помочь?

– Сейчас я занимаюсь ее платежами. Она подала стандартную заявку на возмещение расходов за неделю, заканчивающуюся 4 июля. Существует квитанция за бензин от гаража на Олд-Шорэм-роуд в Хоуве, датированная 29 июня.

Гленн пролистнул дневник.

– Это было воскресенье?

– Да. На бланке в графе комментария она указала: «Ленч, Роберт Мейсон». Никто из сотрудников издательства и родственников Тины Маккей не знает человека по имени Роберт Мейсон. Похоже, она никому о нем не рассказывала.

– Если она заявила о возмещении расходов, значит, это связано с ее работой, – сказал Гленн.

В ответе прозвучала ехидная нотка:

– Только в том случае, если она не мошенничала с расходами.

– Как можно? Это немыслимо в наше время! – с пафосом возразил Гленн.

Детектив Ройбак засмеялся:

– Ну конечно немыслимо. А раз так, то и не мечтай, парень, смотаться на денек на пляж за мой счет.

– Мне не нужно, – сказал Гленн. – Жизнь здесь и так сплошной пляж.

– Везет. Если понадобится помощь с загорелыми купальщицами, дай мне знать. Я примчусь в мгновение ока.

– Буду иметь в виду. Но учти, ты последний в очереди.

– Все равно спасибо, дружище. Ладно, к делу. Проверишь этого Роберта Мейсона, чтобы мы могли сбросить его со счетов?

- Есть еще что-нибудь на него?
- Нет. Извини.
- Да ладно. Кстати, как тебя по имени?
- Саймон. Саймон Ройбак. А тебя?
- Гленн Брэнсон.
- Случайно, не родственник Ричарда?
- Хотелось бы им быть!

Ройбак сказал, что пришлет факсом полный отчет по расследованию, дал свой прямой рабочий номер, мобильный номер, поблагодарил Гленна и повесил трубку.

Гленн ввел имя Роберта Мейсона в компьютерную базу данных суссекской полиции, но там на него ничего не было. Он открыл телефонную директорию и, к своему ужасу, обнаружил там не меньше ста пятидесяти Мейсонов.

«Сукин сын!» – подумал Гленн. Ройбак скинул на него целый вагон неблагодарного мартышкина труда. Он просмотрел список. «Р» в инициалах присутствовало у пятнадцати человек. Пятнадцать – куда ни шло.

В ожидании факса от Ройбака он думал о Коре Барстридж.

Через пару дней образцы крови и других жидкостей будут проанализированы в лаборатории. К тому времени – к началу следующей недели – придет отчет патологоанатома. Если доктор Черч не обнаружит ничего подозрительного, тело выдадут родственникам для захоронения.

У него есть неделя на то, чтобы убедить себя в том, что это самоубийство.

А он пока даже не знает, с чего начать.

Трубку телефона сняла та же самая женщина.

– Здравствуйте еще раз, – сказал Майкл. – Я могу поговорить с Амандой Кэпстик?

Раздражение.

– Она еще не вернулась. Может быть, оставите сообщение?

– Нет, спасибо, я перезвоню.

Он повесил трубку.

Было час дня. Его следующему пациенту было назначено на два. От недостатка сна Майкл чувствовал себя разбитым. Она позвонит, конечно, она позвонит. Она сейчас занята – она говорила ему, что у нее бешеная работа. Просто ее утренняя встреча началась позже, чем она рассчитывала, вот и все.

Он выглянул в окно. С неба все еще лило. Он все равно решил выйти на улицу, так как был голоден и хотел подышать свежим воздухом. Он выйдет на полчаса и, вернувшись, обнаружит в почтовом ящике сообщение от нее.

Он снова проверил почту. Пришел еще десяток новых писем, но он даже не заметил от кого – его глаза искали одно-единственное имя.

Он взял с собой основную часть «Таймс», сине-желтый зонт, какой можно увидеть только на полях для гольфа, – его кто-то забыл в приемной год назад и так и не пришел за ним, – положил в карман плаща мобильный телефон, предупредил Анджелу Уитли, своего секретаря в Принцесс-Ройял-Хоспитал, что выйдет ненадолго, и попросил дать Аманде Кэпстик номер его мобильного телефона, если она позвонит.

Он направился вниз по Тоттнем-Корт-роуд, затем перешел на другую сторону улицы, свернул на Кливленд-стрит и встал в конец короткой очереди, ведущей к окошку его любимого сэндвич-бара. Ломтик поджаренного хлеба и тарелка овсянки, которые он съел на завтрак, давно переварились. Он понимал, что своим мрачным настроением он частично обязан низкому уровню сахара в крови.

– Не тревожься, все устроится!

Майкл поднял голову и с удивлением обнаружил, что подошла его очередь. Через окошко ему улыбнулся невозможно веселый грек – он выглядел так, будто у него на лотерейном билете только что совпали все шесть цифр. Майкл сухо улыбнулся в ответ:

– Вам, грекам, хорошо. Вашими проблемами занимался Байрон.

Грек продолжал улыбаться с видом победителя лотереи.

– А у вас для этого есть господин Блэр. – Он произнес это имя так, словно оно принадлежало божеству.

– Он не поэт.

– Зато хороший премьер-министр, верно?

– Ему досталась спокойная страна.

Майкл заказал сэндвич с тунцом и салатом, банан и кока-колу, которую обычно пил только при похмелье. Дождь почти прекратился, и он с коричневым пакетом с едой дошел до Риджент-парка и быстрым шагом спустился к озеру.

Каждый раз, когда он видел на аллее женщину со светлыми волосами, в нем вспыхивала надежда, и он старался рассмотреть ее получше, на случай если это была Аманда. Наперекор всякой логике, он убеждал себя, что такого рода совпадение может иметь место.

Он нашел лавку совсем рядом с водой, защищенную от дождя густой листвой большого каштана, сложил плащ и сел на него – вспоминая тот день, когда Кэти затащила его в «Симпсонс», потому что не могла уже терпеть его изношенный старый. Она называла его нищенским тряпьем. Тогда у него тоже был перерыв на ленч.

Он проверил, работает ли мобильник. На экране было пять черточек – самый сильный сигнал. Если кто-нибудь позвонит, он обязательно услышит.

Он развернул сэндвич, начал есть и одновременно проглядывать газету, но не мог сосредоточиться ни на одной статье, пока не увидел заголовок:

«ТРАГИЧЕСКАЯ ТАЙНА ПРОПАВШИХ ЛЮДЕЙ

Согласно отчету, опубликованному на этой неделе национальной службой по поиску пропавших, за прошлый год в Великобритании исчезло 249 762 человека. Исходя из данных, накопленных за последние десять лет, 34 % из них уже никогда не вернутся в свои дома.

Недавно кошмар исчезновения близкого человека обрушился на прикованную к инвалидному креслу мать троих детей Паулетту Флауэринг.

Ее сын Джастин, девятнадцатилетний журналист-стажер, исчез двенадцать дней назад. В последний раз его видели выходящим из редакции газеты „Милл-Хилл мессенджер“, в

которой он работал в течение полугода.

„Джастин говорил, что его работа очень нервная, – заявила его мать. – К тому же его расстраивало негативное отношение к нему некоторых сотрудников редакции. Он дважды убежал из школы, но оба раза звонил мне через пару дней, чтобы сообщить, что с ним все в порядке. Я очень тревожусь о нем“».

Майкл откусил сандвич и стал читать дальше. Самый большой процент пропавших приходился на детей подросткового возраста, но исчезало также много взрослых самых разных профессий и уровня доходов. Уже три недели числилась пропавшей шеф-редактор одного из лондонских издательств – Майкл вспомнил, что в прессе поднялась большая шумиха по поводу ее исчезновения. По центральным каналам в новостях показывали фотографию привлекательной темноволосой женщины.

Среди исчезнувших за последний год оказалось внушительное количество успешных, хорошо зарабатывающих профессионалов: банковских менеджеров, адвокатов, агентов по продаже недвижимости, один пилот гражданской авиации и... один психиатр.

«Мы считаем, что некоторые из этих людей сами организовали свое исчезновение, – заявил Дик Джарвис, бывший старший суперинтендент национальной службы по поиску пропавших, ныне вышедший на пенсию. – Двумя самыми распространенными причинами таких исчезновений являются желание получить страховую выплату или заключить еще один брак при действительном существовании. В связи с этим можно вспомнить нашумевший случай с министром почт Джоном Стоунхаусом, который в 1974 году оставил свою одежду на пляже в Майами в качестве доказательства того, что он утонул. В действительности же он жив и здоров и проживает в Австралии под другой фамилией».

Майкл доел сандвич и снова проверил мобильный телефон. Все пять черточек-индикаторов силы сигнала были на месте, заверяя его в том, что прием в этой зоне отличный.

Наверное, Аманда решила остаться на ленч с теми, с кем у нее была встреча. До двух она не объявится, так что незачем волноваться.

Но не волноваться Майкл не мог.

Он вернулся в кабинет ровно в два. Аманда не позвонила и в два пятнадцать. В приемной ждал пациент, двадцативосьмилетний брокер, который работал по восемнадцать часов в сутки, зарабатывал полтора миллиона в год и удивлялся, отчего он страдает от приступов паники.

Майкл попросил секретаршу впустить его. По крайней мере, ему будет чем занять мысли на следующие сорок пять минут. До трех часов.

К тому времени Аманда обязательно вернется к себе в офис.

Иначе и быть не может.

Пациент, которому было назначено на четыре тридцать, опаздывал. На остаток дня у Майкла было запланировано еще два пациента, короткое совещание и осмотр двух стационарных больных. Вечером, дома, ему нужно было написать еженедельную статью в «Дейли мейл» и утром послать ее факсом в редакцию газеты. Десять часов утра, вторник – крайний срок. Опоздаешь – редактор взбесится. Майкл не любил опаздывать. Опаздывать непрофессионально.

Он и представить не мог, что Аманда может вести себя непрофессионально, поэтому его встревожили слова обладательницы звучного голоса на другом конце линии:

– Очень жаль, но она еще не вернулась. Вы уже звонили сегодня. Я узнаю ваш голос.

– Да. Меня зовут доктор Теннент. Аманда собиралась включить меня в ваш документальный фильм, посвященный психотерапии.

Голос потеплел:

– Доктор Теннент! Ну конечно! Я Лулу, ее ассистентка.

– Очень приятно, Лулу. У вас нет номера ее мобильного телефона? Я бы хотел дозвониться до нее.

– Конечно, я дам вам ее номер, но боюсь, это вам ничего не даст. Я уже звонила и попала на автоответчик.

Несмотря на проведенную вместе ночь, Аманда все еще была для Майкла незнакомкой, и ее личный мир – дом и работа – представляли для него неизвестную территорию. Он понимал, что не имеет никакого права вторгаться в ее жизнь, но не верил, что она намеренно ему не звонит.

– Лулу, – сказал он, – как вы думаете, с ней все в порядке?

Лулу поколебалась.

– Я уже и сама начала беспокоиться.

Щупальца мертвящего страха обвили Майкла при этих словах.

Лулу продолжала говорить:

– На сегодняшнее утро у нее была запланирована важная встреча на Би-би-си, и я только что узнала, что она не пришла на нее... и не позвонила. Она должна была приехать в офис к двенадцати, на совещание, но о ней до сих пор ничего не известно. Обычно она очень щепетильна насчет опозданий. Надеюсь, в выходные с ней не случилось ничего ужасного – авария или что-нибудь такое...

Паниковать пока было рано, но Майкл не мог избавиться от ощущения, что случилось страшное. Он не знал, насколько доверительными были отношения Аманды с Лулу, и понимал, что нельзя раскрывать подробности ее личной жизни сотрудникам, поэтому постарался держаться как можно нейтральнее.

– Мы с Амандой... – он поколебался, – виделись в воскресенье днем. Мой пациент принимал участие в гонках серийных машин в Арлингтоне – это возле Истборна. Аманда сочла, что для фильма будет полезно, если она...

Лулу спасла его от необходимости продолжать:

– Да, она говорила мне, что собирается встретиться с вами. Она ждала этой встречи.

Майкл мог бы поклясться, что в ее голосе присутствовала юмористическая нотка, будто Аманда рассказала ей что-то такое, о чем Лулу сейчас не собиралась распространяться.

– Где-то в половине третьего она уехала со стадиона. Она собиралась поехать к сестре, которая живет возле Хитфилда.

– В общем, – сказала Лулу, – если она не вернется до конца рабочего дня, я заеду к ней домой и проверю, не лежит ли она без сознания под дверью или еще что-нибудь. – После короткой паузы она без особой уверенности добавила: – Наверняка всему этому окажется какое-нибудь простое объяснение. Может быть, она перепутала что-нибудь и забыла о встрече на Би-би-си. Она недавно купила новый телефон и жаловалась на качество приема. Убеждена, все разрешится наилучшим образом.

Но голос ее говорил об обратном.

Майкл мучился от бессилия. Он не знал, стоит ли ему на данном этапе что-либо предпринимать.

Он ухватился за последнюю соломинку.

– Послушайте, Лулу, – сказал он. Ему помогало то, что теперь он знал имя девушки: это как будто бы вводило его в круг личных знакомств Аманды. – Она когда-нибудь прежде забывала о встрече?

– Нет, – ответила Лулу. – Никогда.

Трубку взяла женщина. Вежливый голос.

Он должен быть тактичным. Возможно, у Тины Маккей была любовная интрижка, о которой совсем не обязательно знать родственникам.

– Простите за беспокойство. Меня зовут Гленн Брэнсон, я детектив-констебль полиции Хоува. Мне нужно задать вам несколько рутинных вопросов. Проживает ли в вашем доме мистер Роберт Мейсон?

– Роберт Мейсон? Нет. Вы, возможно, имеете в виду Дэйва Мейсона?

– Нет, мы ищем Роберта Мейсона.

– Тогда ничем не могу вам помочь. Моего мужа зовут Дэйв Мейсон.

– А вы, случайно, не знаете Роберта Мейсона?

Короткая пауза, затем:

– Нет, не знаю. – Прозвучало не слишком обнадеживающе, но, по крайней мере, искренне.

Гленн поблагодарил женщину, повесил трубку и зачеркнул одну фамилию на фотокопированной странице телефонного справочника. Девятый номер. Шесть фамилий можно сбросить со счетов. Один номер не ответил, еще два стояли на автоответчиках, голосовая запись которых не открывала имени владельца. Он в который раз выругался в адрес Ройбака, звалившего на него это задание.

На часах было пятнадцать минут пятого. Гленн только что вернулся на службу с ареста предполагаемого наркодилера, бывшего чемпиона по кикбоксингу. Они поехали на задание целой командой, так как ожидали, что тот окажет сопротивление, но увидели жалкую стареющую развалину в наркотическом ступоре. Бывший чемпион не доставил им никаких неприятностей.

Гленн набрал десятый номер в списке. Вычеркнул его. Затем оставшиеся шесть. В десять минут шестого он попробовал один из номеров, по которым не дозвонился ранее. На этот раз вместо автоответчика он услышал эмоциональный мужской голос с американским среднеатлантическим выговором:

– Здравствуйте! Роберт Мейсон!

Гленн представился, затем спросил, знакомо ли ему имя Тины Маккей.

– Тина? – Жизнерадостность тут же покинула Роберта Мейсона. – Да, конечно. Несколько недель назад у нас с ней был ленч. Как ужасно, что она пропала. Я читал об этом в газетах. Вы еще не нашли ее?

– Боюсь, что нет. Я могу приехать к вам и задать несколько вопросов? Это не займет много времени.

– Конечно. Хотите прямо сейчас? В семь часов мне нужно уехать.

Гленн обещал жене быть дома в шесть тридцать и посидеть с Сэмми. По понедельникам Грейс посещала вечерние занятия по английской литературе. Но Гленн не стал отказываться от встречи, а просто сказал:

– Нет проблем.

Интуиция подсказывала ему, что Роберт Мейсон не имеет никакого отношения к исчезновению Тины Маккей, и через двадцать минут, когда он приехал к нему, это полностью подтвердилось. Мейсон – молодой человек тридцати с чем-то лет, был музыкальным продюсером. Он занимал огромную, роскошную квартиру с видом на море, совсем недалеко от дома, в котором жила Кора Барстридж. Он впервые увидел Тину на презентации книги и пригласил ее на воскресный ленч, один из тех, которые он устраивал каждую неделю, чтобы «знакомить друг с другом людей искусства». Все просто.

Тупик.

По дороге домой Гленн медленно проехал мимо дома, в котором жила Кора Барстридж. Дождь прекратился, и сквозь плывущие над Каналом облака проглядывало вечернее солнце. Был отлив. На зеленом от водорослей волнорезе в ряд сидели чайки. По блестящему мокрому песку, начинавшемуся там, где кончался галечный пляж, взад и вперед ходил старик с металлодетектором. Этот вид открывался и из квартиры Кору Барстридж.

Он посмотрел вверх, на эркер спальни актрисы на третьем этаже, и задумался, есть ли там сейчас кто-нибудь. Ее дочь Эллен? Та, которой он звонил в Лос-Анджелес, чтобы сообщить страшную весть. Она очень расстроилась, ее горе было худшего рода, отягченное грузом вины – когда человек понимает, что уже слишком поздно сделать все то, что он должен был сделать и откладывал на потом.

Я еще с тобой, Кора. Я еще дерусь за тебя. Я рядом с твоим домом, сижу в машине. Я думаю о тебе днем и ночью. Я любил тебя не за твою красоту, а за твой талант. Ты многое дала мне, и я приложу все силы, чтобы дать тебе хоть что-то взамен.

Обещаю.

Он построил с Сэмми башню из «Лего», затем уложил его в постель и прочел ему рассказ Роальда Даля. Сэмми, отсмеявшись над рассказом, закрыл глазки и уснул с улыбкой на лице.

Грейс оставила ему ужин в микроволновке, так что осталось только

включить таймер. Но, вернувшись домой с занятий, все еще полная впечатлений от Грэма Грина, она обнаружила на полу кучу деталей «Лего», а на диване – Гленна, углубившегося в толстый том «Патологоанатомического вскрытия трупов» доктора Найджела Киркема.

В микроволновке все еще стояла куриная запеканка с грибами, помидорами, турецкими бобами и картофелем, теперь мертвецки холодная.

Стараясь держать себя в руках, Грейс одарила мужа снисходительной улыбкой, устроилась рядом с ним, потерлась щекой о его щеку и спросила:

– Интересная книга?

В ответ он только посмотрел на нее стеклянным, затуманенным взглядом.

Майкл печатал конспект статьи для «Дейли мейл»:

«Симптомы психического расстройства включают в себя: изменения в восприятии, чаще всего визуальные и вкусовые. Например, цветы могут пахнуть горелым мясом. Сладкая пища кажется горькой;

иллюзии. Галлюцинации. Простые: больной слышит удары и свист. Сложные: больной слышит голоса, видит лица, картины иллюзорного мира (разработать подробнее);

расстройства мышления: мании, навязчивые идеи, непоследовательность мышления, расстройство памяти, странные убеждения, паралогия. Для паралогии существует специальное немецкое слово: *Vorbeireden* – „мимоговорение“. Больной как бы витает вокруг разговора, но не может точно попасть в него».

Майкл скрестил на груди руки. Вдохновение не приходило. Статья получится дерьмовой. стакан стоял нетронутый. Он посмотрел на часы в углу экрана. Семь тридцать. Лулу, ассистентка Аманды, так и не позвонила. Хотя обещала, что позвонит после того, как заедет к Аманде домой. Почему?

Он в который раз набрал домашний номер Аманды. Послушал ее голос, записанный на автоответчик. Он вызвал в нем острую сосущую тоску.

«Привет. Простите, что не могу сейчас подойти к телефону. Оставьте сообщение, и я вам перезвоню!»

Он не стал оставлять сообщение. Вместо этого набрал номер ее мобильного телефона. Гудков не последовало – он опять, как и много раз до этого, попал на автоответчик.

«Вы позвонили Аманде Кэпстик. Оставьте сообщение, и я обязательно вам перезвоню!»

Он повесил трубку. *Лулу, почему ты мне не позвонила?*

Он просмотрел то, что только что напечатал. Сумбур. Обычно, когда он садился за компьютер, происходило чудо: являлась муза, и слова лились сами собой.

Может, поехать к Аманде?

Но Лулу там наверняка уже была.

Он взял телефон, набрал справочную и спросил номер полицейского управления Суссекса.

В полицейском управлении ему ответил диспетчер. Майкл поинтересовался, может ли кто-нибудь дать ему информацию об автокатастрофах, произошедших в графстве за последние двадцать четыре часа. Его соединили со службой контроля дорожного движения. Дружелюбный мужской голос повторил:

– Аманда Кэпстик? Одну минуту, сэр. – И после короткой паузы: – Никто с таким именем не попадал в аварию в Суссексе, сэр. Это данные за последние сорок восемь часов.

– Спасибо. А нет ли у вас, случайно, списка больниц, при которых функционируют отделения скорой помощи? Возможно, ей просто стало плохо в дороге.

Оператор назвал несколько больниц, куда, по его мнению, стоило бы позвонить. Майкл позвонил в первые две и собирался звонить в третью, когда объявилась Лулу. Ее голос едва пробивался сквозь рев музыки, несмотря на то, что она кричала в трубку изо всех сил:

– Майкл Теннент? Привет. Извините за шум. Я в пабе – единственное место, где я смогла найти телефон. На моем мобильном сдох аккумулятор. Я ездила к Аманде. Долго звонила, но бесполезно. У одного из соседей был ключ, он открыл, и мы вошли. Ее машины тоже нигде нет – я обошла все улицы в округе, поэтому абсолютно уверена. – Лулу помолчала. – Я позвонила ее сестре. Аманда уехала от нее в девять, в Лондон. Сестра сказала, что она выглядела очень счастливой.

Эти слова были для Майкла пыткой. *Очень счастливой.* Они напомнили ему, как Аманда уезжала со стадиона и махала рукой – такая веселая, такая уязвимая.

Очень счастливой.

Он вспомнил недавно виденный фильм, «Исчезновение», в котором у парня на станции техобслуживания автомобилей пропала девушка – или жена? – и он ее так и не нашел.

Такое случается.

Но только не с Амандой. Пожалуйста, только не с ней. Это просто не может случиться, наверняка есть простое объяснение, которое они с Лулу проглядели.

Только какое?

– Я связался с суссекской полицией, – сказал Майкл, – и начал обзванивать больницы. Потом проеду по маршруту, которым должна была

следовать она, возвращаясь в Лондон, и проверю все полицейские участки и больницы. – Он поколебался. – Если только не... ее бывший мужчина...

– Брайан?

– Да.

– Я уже звонила ему, сегодня днем. Он сказал, что ничего не знает.

– Мне показалось, что Аманда беспокоилась из-за него. Возле моего дома некоторое время стояла машина, и она очень разнервничалась.

– Не думаю, что она с ним.

– Правда? – Майкл смутился. – Хорошо.

– Я сейчас отправляюсь домой, – сказала Лулу. – У меня есть номера некоторых ее друзей – я буду звонить им. Позвоните мне, если что-нибудь узнаете. У вас есть мой домашний номер?

– Да, вы мне его дали. Вы тоже звоните, если выясните что-то новое. Лулу обещала.

Через два часа Майкл позвонил Лулу. Он ничего не узнал ни в полиции, ни в больницах. Лулу также ничего не узнала ни у друзей Аманды, ни у сестры, которой позвонила во второй раз, ни у матери, ни у Брайана, с которым она также связалась вторично.

Майкл вышел прогуляться – ему нужно было проветрить мозги. Когда он вернулся, на автоответчике сообщений не было.

Он разогрел в микроволновке лазанью с морепродуктами и уныло съел ее перед телевизором, по которому шли «Новости в десять». Затем он вернулся за компьютер и добил статью. Она рассыпалась под его взглядом и читалась отвратительно, но все же это была статья – а большего он от себя сегодня не ждал. В первом часу ночи он отправил ее факсом в «Дейли мейл».

Затем снова набрал номера домашнего и мобильного телефонов Аманды, в который раз услышал ее записанный на автоответчик голос. На всякий случай он набрал ее рабочий номер и тоже попал на автоответчик – на этот раз говорящий голосом Лулу.

Он принял две таблетки парацетамола и лег в постель.

В три часа утра он положил под язык таблетку мелатонина.

Но уснуть так и не смог.

Томас Ламарк посмотрел на приборную доску темно-синего «форда-мондео» доктора Джоэля, проверил каждый прибор в уже ставшей привычной последовательности.

Одометр показывал, что он проехал сто девять миль с того момента, как сегодня в семь утра покинул Холланд-Парк. У него оставалась ровно половина бака бензина. Давление масла в норме. Температура в норме. Скорость равнялась нулю. Обороты двигателя держались возле пятисот.

Ни одна из ламп предупредительной сигнализации не горела.

Хорошо.

Длинная лампа дневного света, подлежащая замене, лежала рядом с ним на пассажирском сиденье. Кассета с записью голоса доктора Теннента находилась в магнитоле. Он скоро прослушает ее. Раз в полчаса – достаточно.

Просто чтобы не забыть.

Томас снова проверил приборы. Все в норме. Он посмотрел в зеркало заднего вида. Задний вид тоже в норме. Он восстановил в памяти все, что сделал, выйдя из дому. Проверил замки на окнах. Проверил замки на дверях. Включил сигнализацию. Занес в дом молоко. Запер парадную дверь. Так он боролся с провалами в памяти. С помощью периодических проверок.

Позже он поищет магазин, в котором продаются лампы дневного света. Но не для этого он в полдевятого утра, во вторник, сидел в машине доктора Джоэля, ожидая смены сигнала светофора на окраине прелестного курортного городка Челтнема. Он проехал сто девять миль не для того, чтобы купить лампу дневного света.

Зеленый. Он еще раз взглянул на светофор – просто чтобы удостовериться. Стоящая позади машина загудела. Томас посмотрел в зеркало заднего вида. Лицо человека в этой машине ему не понравилось. Он посмотрел на светофор в третий раз. Определенно зеленый. Он тронулся.

Сегодня он обычный служащий, добирающийся из дома в офис. Обыкновенный человек в обыкновенной машине. Остановившись на следующем светофоре, Томас бросил взгляд направо. Еще один обыкновенный человек в костюме – с рыжими волосами и печальным лицом. Томас позавидовал ему. Нормальный, едущий на работу человек. С

нормальной жизнью. У него есть друзья. Возможно, даже жена. И дети. Томас кивнул ему. «Я точно такой же, как ты, – хотелось ему сказать. – Я обычный человек. Я еду на работу. Я нормальный, с головой у меня все в порядке. Я такой же, как ты. Я нормальный».

Человек в костюме не видел его и не кивнул в ответ. Сигнал светофора сменился, и он выбыл из жизни Томаса. Томас снова проверил приборы и тоже двинулся вперед. До сегодняшнего утра он был в Челтнеме только один раз, но карта города была отпечатана у него в голове, и он точно знал, как проехать туда, куда ему было нужно.

Возле элегантного, но обветшалого П-образного георгианского здания, с террасой, с фасадом из котсуолдского камня, горевшего мягким золотом в свете утреннего солнца, находилась обширная автомобильная стоянка. Тротуар был расчерчен резными тенями, отбрасываемыми деревьями. Солнце уже пригревало. По всей видимости, день будет хорошим.

Его наручные часы показывали 8:40, часы в машине – 8:42. Он вспомнил афоризм: «Человек, имеющий одни часы, всегда знает точное время, в то время как имеющий двое часов никогда его не знает».

Томас включил запись голоса Майкла Теннента и внимательно ее прослушал. После того как она закончилась, он сказал:

– А сколько часов имеешь ты, доктор Майкл Теннент?

В девять он выбрался из машины и прошел до дома номер 20. Ступени, ведущие к входной двери, загадили птицы. Когда-то давно дверь покрасили зеленой краской, которая теперь почти вся облезла. На стене рядом с дверью располагалась панель домофона – она была в гораздо лучшем состоянии, чем само здание. Возле вертикального ряда кнопок располагался вертикальный ряд табличек с названиями фирм. Томас нажал на кнопку, надпись рядом с которой гласила: «Челт. центр бизнес-комм. лтд.».

В динамике раздался хорошо поставленный мужской голос:

– Да?

Теренс Джоэль представился. Он толкнул отпертую дверь и оказался в просторном вестибюле, стены которого были выкрашены выцветшей кремовой краской, на полу лежал выцветший красный ковер. Бедное освещение. В воздухе – запах неудавшегося бизнеса.

Прямо перед Томасом была лестница, направо – ненадежно выглядывший лифт. На деревянном щите на стене – перечень фирм, находившихся в здании. «Челтнемский центр бизнес-коммуникаций» – на втором этаже. Под щитом стоял столик с почтой. Томас взглянул поближе. В основном рассылки на адрес фирмы с каким-то иностранным названием.

Где-то наверху звонил телефон, который никто не брал.

Томас решил подняться по лестнице.

Почему же никто не поднимет трубку?

Рядом с лестницей на стене висело зеркало – хорошее зеркало в позолоченной раме, но с пыльной, давно не знавшей тряпки поверхностью. Томас посмотрел на свое отражение, дотронулся до волос. Сегодня он был в одежде Теренса Джоэля. Доктор Джоэль был работающим в Англии американцем. Разница в наружности американца и англичанина незначительна. Изучив их по телевизионным программам и фильмам, Томас знал, что американцы чаще, чем англичане, носят обручальные кольца.

У доктора Джоэля на руке было простое золотое обручальное кольцо.

Одет доктор Джоэль был в льняной, надлежащим образом измятый костюм кремового цвета, темно-синюю – почти черную – рубашку с воротником на пуговицах, желтый галстук и матовые кожаные туфли на толстой резиновой подошве. Томас придерживался мнения, что американцы предпочитают практичную обувь стильной.

По его мнению, он выглядел неплохо. Даже хорошо – Теренс Джоэль не мог выглядеть по-другому.

Он вдруг рванулся к зеркалу. Вгляделся. Шок. Как он мог не заметить этого раньше?

Он снял пиджак. На левом плече отсутствовала узкая полоска ткани – всего лишь в несколько ниток толщиной и меньше дюйма длиной. Должно быть, зацепился за что-нибудь. Когда вылезал из машины?

К счастью, прореха была едва заметна: ее скрывала подкладка того же цвета. Нужно хорошенько присмотреться, чтобы обратить на нее внимание. Доктор Джоэль ученый. Ученые всего мира, как правило, несколько небрежны в одежде. Если бы доктор Джоэль порвал пиджак, он не стал бы слишком беспокоиться на этот счет.

Томас кивнул, и отражение повторило его движение.

– Да. Ерунда.

Вперед по коридору. Вторая дверь направо. Красивая латунная табличка с названием фирмы. «Это даже стильно, – подумал Томас. – Такую табличку можно увидеть на двери адвокатской конторы». Однако стильность, начавшись дверной табличкой, ею же и заканчивалась.

Дверь вела в единственную крошечную комнату с телефонным коммутатором, древним компьютером и с не менее чем двадцатью автоответчиками. Одна стена от пола до потолка была занята массивом деревянных полок с квадратными ячейками – такие полки обычно можно

увидеть позади стойки портье в отелях. В стеклянном кофейнике, в окружении грязных кружек, кипел кофе. Под потолком плавали сизые кольца сигарного дыма, не спеша вытекая на улицу сквозь щели в опущенных для защиты от дневного света жалюзи.

В углу стояла одинокая клюшка для гольфа. Рядом с ней на полу лежал дешевый чемодан с открытой крышкой, из которого высыпались не вмещавшиеся в него папки с бумагами. На стене висело несколько пыльных сертификатов, один из которых провозглашал владельца этой комнаты «членом коммерческой палаты Челтнема».

Сам владелец «Челтнемского центра бизнес-коммуникаций» выглядел так, будто его давным-давно посадили за смехотворно маленький и захламленный стол, а затем расставили вокруг него всю остальную мебель. Среди горой наваленного на столе мусора Томас заметил билет национальной лотереи с двумя цифрами, обведенными кружком.

Согласно деревянной табличке, стоявшей на том же столе, владельца фирмы звали Николас Р. Лаббингс, он имел степени бакалавра коммерции и магистра управления бизнесом. Рядом с табличкой в круглой металлической пепельнице с выбитой на боку эмблемой «Мартини» тлела порядком пожеванная сигара. Не вставая с кресла, Лаббингс мог дотянуться до коммутатора, компьютера и шкафа, заполненного толстыми папками.

Это был очень полный человек лет сорока пяти, которому, как считал Томас, не помешала бы ванна и немного свежего воздуха. У него была большая квадратная голова с отвисшими брылами щек, увенчанная короткими аккуратными, набриолиненными, старомодно постриженными волосами. Его пивной живот вываливался из рубашки так, что казалось, будто пуговицы на ней вот-вот оторвутся.

Лаббингс долго смотрел на Томаса равнодушным взглядом, затем его глаза сверкнули – он узнал его. Томас как-то видел по телевизору документальный фильм, в котором с корабля с помощью портового крана сгружали слона. Поднимающийся с кресла Лаббингс напомнил ему этого слона.

– Доброе утро, доктор Джоэль! Рад видеть вас снова! – Он схватил руку Томаса с таким воодушевлением, будто после многолетней разлуки встретил дядюшку-миллионера, сильно сжал ее и улыбнулся широчайшей улыбкой, несмотря на ранний час распространяя вокруг себя запах бренди.

– Доброе утро, мистер Лаббингс, – сухо ответил Томас.

– Ну как, мир добр к вам в это прекрасное утро? – Очередной шквал алкогольного перегара. Лаббингс выпустил руку Томаса, с трудом вылез из-

за стола и пригласил его сесть на круглый обшарпанный кожаный табурет.

Томас не счел нужным ответить на вопрос. Вместо этого он сказал:

– У вас для меня посылка.

Зазвонил телефон. Лаббингс втиснулся обратно за стол и дважды щелкнул по клавиатуре. На экране возникла надпись. Прочитав ее, Лаббингс поднял трубку и сказал:

– «Импорт-экспорт лимитед». Доброе утро.

Томас молчал и смотрел.

– Нет, боюсь, его нет в офисе. Может быть, вы оставите сообщение? – Прижав трубку плечом к уху, он напечатал сообщение с поразившей Томаса скоростью.

Лаббингс повесил трубку, и телефон тут же зазвонил снова. Толстяк извиняющимся жестом поднял палец, снова щелкнул по клавиатуре и, читая с экрана, сказал:

– «Спортивные автомобили Челтнема». Доброе утро.

Томас остановил взгляд на рядах полок. Во многих из них были письма и посылки. На полу возле стола стоял серый мешок «Королевской почты», из него на ковер высыпалось множество конвертов. Рядом выстроились несколько стопок корреспонденции. Похоже, Лаббингс сортировал почту по различным компаниям, которые арендовали у него адрес и телефон.

– «Форд-гранادا-скорпио», пробег не больше пятидесяти тысяч миль? – переспросил Лаббингс. – Боюсь, что никого из наших продавцов сейчас нет на месте. Я могу записать ваш номер, и вам перезвонят через несколько минут. – Лаббингс с ужасающей скоростью напечатал номер, преувеличенно вежливо поблагодарил звонящего и обратил внимание на Томаса. – Обычно в такую рань звонков меньше. Так, посылка... да, действительно. Прибыла вчера. Вы ведь звонили, доктор Джоэль? Могу я предложить вам чаю? Кофе?

– Просто отдайте посылку.

– У меня есть новая брошюра. Дополнительные услуги, которые вас могут заинтересовать. Ее можно просмотреть за минуту.

Он сунул Томасу грязно-серый листок, подошел к полкам и секунду в раздумье смотрел на них.

– Ах да!

Он нырнул за свой стол и вытащил большую квадратную коробку с надписью «Хрупкое» на боку. Она была адресована доктору Теренсу Джоэлю, почтовый ящик номер 2876, Челтнем, Глостершир GL78 RS.

– Теперь мы можем обрабатывать вашу электронную

корреспонденцию, доктор Джоэль. И голосовую почту. По-моему, мы раньше не предлагали услугу голосовой почты, верно?

– А по-моему, предлагали, – сказал Томас. – Но я должен идти. Меня ждут.

– Конечно! Рад был встретиться с вами, доктор Джоэль. Если вам понадобится провести конференцию, вы также можете обратиться к нам. Если желаете, я покажу наш зал для конференций.

– В другой раз.

– Конечно. Естественно. Заглядывайте в любое время – мы всегда вам рады. В конце концов, это ведь ваш офис! – Лаббингс издал отрывистый глупый смешок.

Томас вернулся в машину. Коробка была тяжелее, чем он ожидал. Ему ужасно хотелось открыть ее. Но на улице нельзя. Он положил коробку в багажник, закрыл его и проверил надежность замка. Потом сел в машину, опять вышел из нее и еще раз удостоверился, что багажник закрыт.

Прежде чем двинуться, он снова проверил багажник.

– Вас что-то гнетет сегодня, доктор Теннент, – сказал старик. – Я вижу, что вам трудно сосредоточиться.

Майкл сидел в удобном кресле в своем кабинете в Шин-Парк-Хоспитал. Напротив него на диване, с негнущейся спиной, сидел бывший надсмотрщик концентрационного лагеря. Сходство с мумией стало больше, чем две недели назад.

Майкл и без Германа Дортмунда знал это. Сегодня ему совсем не хотелось видеть этого пациента в своем кабинете. Он вообще не хотел никого видеть. И меньше всего это омерзительное существо.

Он хотел, чтобы консультация поскорей закончилась и Дортмунд ушел. Он взглянул на часы. Девять тридцать. Еще пятнадцать минут – и у него будет передышка. Он сможет позвонить в офис Аманды, чтобы узнать, нет ли каких известий. А если их нет, он уже знал, что будет делать. У него щипало глаза от усталости, но из-за высокого уровня адреналина он функционировал на все сто процентов.

– Давайте поговорим о вас, – не желая отвлекаться, сказал Майкл.

Дортмунд был одет как обычно – как провинциальный английский джентльмен. На нем был костюм из твида, явно слишком теплый для этого солнечного летнего утра, рубашка в клетку, перехваченный скромной золотой булавкой галстук, свидетельствующий о членстве в Национальном тресте,^[5] и коричневые замшевые ботинки.

Он смотрел на Майкла маленькими холодными глазами.

– В прошлый раз, когда я был здесь, – сказал Дортмунд своим гортанным высокомерным голосом, – я рассказал вам о своей способности предчувствовать несчастье. Я сказал вам, что вы потеряете любимую женщину. – В углах его змеиных губ застыли две капельки слюны. В его голосе сквозило самодовольство. Даже удовлетворение. – Это о ней вы сейчас беспокоитесь, доктор Теннент.

Майкл молча смотрел на него. Как и в прошлый раз, он не хотел оживлять извращенные фантазии старика, расспрашивая его о подробностях, но в то же время не мог просто отмахнуться от его замечания, поэтому спросил:

– Вы что-нибудь хотите добавить к сказанному?

Не шелохнувшись и не отведя взгляда, Дортмунд ответил:

– Нет.

Майкл подумал, что старик играет в игры.

– Почему вы считаете, будто я беспокоюсь о ком-то?

– Я думал, что плачу вам, чтобы вы помогли *мне*, доктор Теннент.

– Так и есть, но на нашей первой консультации вы говорили, что пришли ко мне в надежде искупить вину за то, что вы делали в Белсене. И это вы, а не я предложили новую тему. И так?

– Это не имеет для меня большого значения. Это просто наблюдение, не больше.

Майкл разорвал зрительный контакт, взглянув в карту Дортмунда, – он давал старику возможность продолжить.

Пауза затягивалась. Майкл посмотрел на часы. Оставалось десять минут.

– Я прочел в «Таймс», что умерла Глория Ламарк, – наконец сказал Дортмунд. – Актриса. Она была вашей пациенткой – как-то я вместе с ней сидел в приемной. Я помню ее по фильму «Два нуля» с Майклом Редгрейвом.

Майкл вскинул глаза. Во взгляде старика был упрек – или это ему только показалось? Он не втянет его в обсуждение смерти Глории Ламарк.

– Я сказал ей, что мне понравилось, как она играла в этом фильме, – продолжил Дортмунд. – Она обрадовалась. Актрис легко обрадовать. Достаточно потешить их самолюбие. Впрочем, я думаю, вы это и без меня знаете, доктор Теннент.

– Вы видели «Список Шиндлера»? – спросил Майкл.

Дортмунд отвел глаза. Майкл понимал, что это удар ниже пояса. Этот старик и так находился на грани сумасшествия, его пожирала вина за те зверства, которые он чинил во время войны. Но Майклу было все равно. Если этот полумертвый нацист решил поиграть с ним, пусть не думает, что нашел себе безответного противника.

Дортмунд не сказал ни слова до самого конца приема. Затем он взялся за полированный набалдашник своей трости, поднялся с дивана, бросил Майклу сухое «до свидания» и ушел, будто перешагнув через собственную тень.

Майкл сердито захлопнул папку и поставил ее в шкаф. «Сброшу Дортмунда коллегам», – подумал он. Он держал его у себя только потому, что интересовался им, хотел разобраться, что творилось в голове Дортмунда тогда, много лет назад, во время Второй мировой войны.

Рождается ли человек специально для совершения зла? Или рождается *способным* совершать его? Или что-то происходит с ним, пока он еще ребенок? Или это происходит уже во взрослом возрасте?

И что вообще есть зло? Почему мы не осуждаем христиан, убивших во имя веры во время Крестовых походов несметное количество мусульман, и осуждаем нацистов, убивавших евреев, цыган и калек?

Нужно ли находиться в здравом уме, чтобы быть по-настоящему злым? А если так, то каким нужно быть – сильным или слабым?

Он поднял трубку и набрал номер офиса Аманды. Ответила Лулу. Она только что звонила Аманде на домашний и мобильный, ее сестре, матери и Брайану – по-прежнему безрезультатно.

Сердце Майкла кровоточило, но голос оставался спокоен. Он сказал:

– Лулу, я звоню в полицию.

Полицейское отделение Брайтона находится на склоне крутого холма. С виду это обыкновенное офисное сооружение, каких много в любом городе. Стекло и бетон, запятнанные грязью и изъеденные солью, которую приносит дующий с Канала ветер. Это не шедевр архитектуры, но и не бревно в глазу города, хотя размеры его впечатляют. В Англии это второй по загруженности полицейский участок.

Высеченный над входом герб придает зданию властное величие. В этой части города живут разные люди. Некоторым из них не нравится ходить вдоль длинной стеклянной стены, за которой ничего не увидишь. Многие вообще предпочитают не появляться на этой улице.

Офис коронера Брайтона и Хоува располагается на первом этаже, из его окон открывается вид на автостоянку для сотрудников и спортивный зал.

Гленн Брэнсон находился сейчас в большой комнате без перегородок, в которой работали представители коронера. Он стоял перед столом Элеоноры Уиллоу, присутствовавшей на вскрытии Кору Барстридж.

– Так зачем, вы говорите, вам нужен ключ?

– Из Лос-Анджелеса скоро приезжает дочь Кору Барстридж. Я подумал, не надо ли там подчистить – удостовериться, что в квартире не осталось ничего, что расстроило бы ее, – солгал Гленн.

Элеонора Уиллоу вскинула брови.

– Хорошо, я дам вам ключ, если вы считаете это необходимым.

– Вы ведь не собираетесь посылать туда криминалистов?

– Нет, – сказала она. – Вам не придется беспокоиться об отпечатках пальцев. Патологоанатом вполне уверен в заключении. Мы просто ждем результатов анализов крови, мочи и жидкости, обнаруженной в желудке.

Элеонора Уиллоу встала из-за стола, открыла картотечный ящик и вынула оттуда коричневый конверт, на котором от руки было написано: «Кора Барстридж. Квартира 7, дом 93, Аделаида-Кресент, Хоув».

– Только верните мне лично в руки.

– Ну конечно.

Дверь, которую Гленн выбил во вторник, уже починили, и только царапины на ней свидетельствовали о том, что ей был причинен ущерб. Язычок замка легко отошел в сторону при повороте ключа, и Гленн

бесшумно проскользнул внутрь, плотно закрыв за собой дверь. Он был рад, что его никто не видел.

Он не хотел, чтобы его отвлекали. Он хотел подумать. Ему нужен был стоп-кадр.

Он уже выяснил, насколько возможно, как проходил последний день жизни Кора – от миссис Уинстон, ее соседки, которая, похоже, не спускала с нее глаз. Утром Кора дала интервью местной газете под названием «Ивнинг Аргус». Чуть позже пришел фотограф. После интервью Кора отправилась за покупками. Она сказала миссис Уинстон, что хочет купить подарок своей маленькой внучке, которая живет с ее дочерью в Америке, – что-нибудь не очень тяжелое, что можно послать почтой. Миссис Уинстон посоветовала купить что-нибудь из одежды. В Рождество Кора собиралась к дочери. Она еще не видела внучки и очень ждала этой поездки. Она ни о чем другом и говорить не могла. Внучка еще маленькая, ей всего три месяца. Ее зовут Британи.

Кора Барстридж покинула квартиру около часу дня, и миссис Уинстон, которая в тот день навещала собственную дочь, больше ее не видела.

Гленн стоял и думал. Запах практически выветрился, остался только слабый намек на него. Хотя, возможно, это у него в голове.

Он попытался представить себя Корой Барстридж. Люди, составляющие психологический портрет преступника, называют это «влезть в шкуру». Он набросил на дверь дверную цепочку, которую также починили. Затем, еще «в шкуру» Кора Барстридж, прошел по коридору. Он устал. Он был рад получить награду Британской киноакадемии, но все же он устал от этого лондонского торжества, и больше того – в последние годы он сильно устал от жизни.

Он устал от старости, от безденежья, одиночества. Его будущее, словно ржавые рельсы, уходило в темный туннель.

Со стены, с афиши фильма «Время и семья Конвей», стоя плечом к плечу с молодым Лоуренсом Оливье, на него смотрел его гораздо более молодой вариант.

Прошлое. Оно ушло и никогда не вернется. Ты получил награду Британской киноакадемии за заслуги в области кинематографа, ты сказал свое слово и теперь должен тихо сидеть дома, не мозя никому глаза. Если тебе повезет и твоя жизнь оборвется раньше, чем тебя все забудут, по тебе сослужат поминальную службу в какой-нибудь красивой лондонской церкви.

У него была награда Британской киноакадемии. Он вернулся домой и задумался о том, что денег остается все меньше и меньше – их уже не

хватает даже на постоянную прислугу. Можно, конечно, уехать в Калифорнию к дочери, и потихоньку стареть в том городе, где тебя когда-то любили, и стать одним из тысяч проживающих там бывших знаменитостей.

Друзей остается все меньше и меньше.

Единственной отдушиной в его жизни является внучка Британи, которую он еще не видел и которая живет от него на расстоянии семи тысяч миль. И он покупает ей подарок, таким образом отмечая получение награды.

Но где же этот подарок?

Гленн прошел в гостиную, залитую ярким солнечным светом. Свет играл на узорной раме зеркала. Сверкал на серебряном портсигаре на кофейном столике. Мигал красный огонек автоответчика на письменном столе в нише рядом с окном. Гленн подошел к нему. Судя по счетчику, в автоответчике было одиннадцать новых сообщений. Он нажал на кнопку воспроизведения и прослушал их все.

Сообщения были дописаны в дополнение к тем, которые он прослушал во вторник, но не стал стирать. Просьбы об интервью, поздравления от друзей – все они пришли во вторник вечером, до того как новость попала в прессу. Одно сообщение пришло в среду утром: коммерческое предложение от Брайана Уиллоубая из фирмы «Эверест Дабл-Глэйзинг», занимающейся продажей пластиковых окон с двойным стеклопакетом. Он сообщал, что в фирме начали действовать летние скидки.

В комнате было жарко. Пластиковые окна. В квартире уже были пластиковые окна. По набережной, постепенно разгоняясь, ехал грузовик. Пластиковые окна почти полностью заглушали шум. Из-за них мухи не могли вылететь наружу. Одна муха билась о стекло. Еще несколько дохлых лежали на подоконнике. Гленн не зря пришел: по крайней мере, дочь Кору не увидит этого.

Мухи не давали ему покоя.

Он посмотрел в окно, на широкий оживленный променада, на галечный пляж, на мокрый песок. Бьющиеся о берег волны. Отлив. Он вспомнил своего деда. *Мели.*

Там, где мели, самая опасная вода. Там, где мели, самые опасные скалы – они находятся неглубоко под поверхностью и видят тебя, а ты их не видишь.

Что я не вижу сейчас?

Он снова стал Корой Барстридж.

В прошлый вторник здесь было так же жарко? Открыл бы я окно?

Он взялся за ручку, но окно было заперто на замок. *Где у меня лежит ключ?*

Кора заботилась о своей безопасности. Пожилые люди часто плохо переносят холод. Похоже, она ничего не имела против такой жары. Позже он вернется к окнам, а сейчас... *Купил ли я подарок? Куда положил его? Отправил ли его прежде, чем покончить с собой?*

Он увидел пакет. Большой темно-синий пластиковый пакет, застегнутый сверху. На его боку было написано: «Ханнингтонз».

Гленн открыл пакет. Внутри был розовый детский комбинезончик. Он вынул его и развернул. Маленькие ручки, маленькие ножки. Вышитое на груди большими буквами слово «Ползи!».

Он положил его обратно в пакет. «Ханнингтонз» – лучший универмаг в Брайтоне. Конечно. Британи – только лучшее. Баловать ребенка – это привилегия бабушки. У Гленна на этот счет был большой опыт. Мать Грейс с ума сходила по Сэмми.

Он вернулся к окну. Его мысли обгоняли одна другую. *Я Кора Барстридж, я страдаю от депрессии и собираюсь покончить с собой. Вчера вечером мне вручили награду Британской киноакадемии. В знак этого я покупаю детский комбинезончик, чтобы послать его своей внучке Британи, которая живет в красивом доме в Беверли-Хиллз, в Палм, к северу от Уилшира. Я стараюсь представить себе, как Британи будет в нем выглядеть.*

Я прихожу домой. Почему я совершаю самоубийство, не отослав подарок?

Бессмыслица какая-то.

Гленн обернулся, посмотрел на темный коридор, ведущий к спальне, и содрогнулся – в его мозгу возникла картинка того, что он увидел там в прошлый вторник.

Вокруг него сгустился воздух. Тишина. У него было чувство, что Кора еще незримо присутствует в своей квартире. Она еще не ушла. Говорят, что душа умершего не покидает своего дома до похорон. Только после похорон она отправляется в другой мир.

Вокруг тени. Может, одна из них – Кора?

Неужели она злится на него за то, что он пришел сюда?

Я вторгаюсь в чужую жизнь, в чужую смерть только потому, что мне не сидится на месте и я хочу побродить по дому великой актрисы Кору Барстридж.

Это неправда!

Я пришел сюда, чтобы помочь тебе, Кора.

Он снова заглянул в пакет из «Ханнингтонз». На дне пакета лежал чек. Наряд маленькой Британи стоил пятьдесят семь фунтов.

Сумасшедшая сумма!

Я трачу пятьдесят семь фунтов – большую для меня сумму – на детский комбинезончик. Я хочу, чтобы девочка ползала в нем по всему дому, лепеча что-то по-своему. Я собираюсь послать его ей, а несколькими неделями позже получить целую пачку фотографий Британи в новом наряде. Я поставлю некоторые из них на камин, некоторые – на кухню. А некоторые буду даже носить с собой в сумочке.

Гленн положил чек обратно в пакет. Затем вытащил из кармана резиновые перчатки и надел их. Кора Барстридж не совершала самоубийства.

Это ясно как божий день.

Провал в памяти. Темнота в голове. Темнота вокруг.

Темнота в ушах, в глазах, во рту, в легких. Она дышала темнотой. Обоняла темноту.

Она безостановочно двигала глазами, но не видела ничего, куда бы ни посмотрела – вверх ли, вниз, влево или вправо.

Она осознавала, что лежит на спине – и все.

Изнеможение. В кости будто залили свинец. Не в силах бороться с силой притяжения, она неподвижно лежала, вынесенная на темный пляж бодрствования последней волной отступающего сна.

Дыхание.

Аманда просыпалась. «Гипнагогическое или гипнопомпическое», – пришло ей на ум. Состояния пробуждения. Гипнагогическими называют ненормальные состояния при засыпании или во время сна, гипнопомпическими – при пробуждении. А может, наоборот.

Она попыталась определить, где находится. Где темнота может быть такой темной?

Ей было холодно, но ее кожа была потной. Влага выступала на теле, одежде, волосах. Она дрожала. Холодно, жарко, холодно, жарко.

Лихорадка.

Темнота пахла бетоном и еще чем-то – вроде антисептика, но не антисептиком. Ей был знаком этот запах, давно знаком. Она узнала его, но не вспомнила, что это может быть.

Я мертва?

Надо делать все по порядку.

Аманда закрыла глаза. Ресницы мягко соприкоснулись в тишине. Затем открыла их. Никакой разницы. Темнота. Боль в горле. Темнота. Она моргнула. Темнота.

Слишком жарко.

Я знаю этот запах.

Спокойствие постепенно сменялось паникой. Неужели она ослепла ночью? Такое случалось. Люди засыпали и просыпались уже слепыми. Инсульт. Отслоившаяся сетчатка. Аманду окончательно охватила паника, она попыталась нащупать выключатель. Столик стоит справа от кровати. На нем стакан воды, носовой платок, наручные часы, часы-радио и лампа.

Ничего. Пальцы наткнулись на холодное, шершавое, твердое... В

мозгу, как в калейдоскопе, бешено вращались панические мысли.

Камень? Бетон?

Аманда снова моргнула, затем зажмурила глаза и прислушалась к ударам сердца. Оно билось в груди, чередуя расслабление и напряжение, и вибрация от его ударов распространялась по всему телу. Кровь шумела в ушах, будто к ним были прижаты витые морские раковины.

Господи, пожалуйста, только бы я не ослепла.

Она прислушалась, стараясь услышать хоть какой-нибудь звук вне ее, чье-нибудь дыхание. Майкла? Брайана? Она протянула руку в темноту, ища живое тело, но ее пальцы встречали лишь холодный шершавый камень.

Кто-нибудь, скажите мне, где я. Что произошло? Я в больнице? Что это за запах, который напоминает о больнице и в то же время не о больнице? Я в больнице? Только бы я не ослепла.

Тело говорило ей, что она лежит на матрасе, рука – что матрас лежит на каменном полу. Запах может дать ей ответ. Она сосредоточилась на нем – сладком, вязущем запахе, от которого щипало глаза и горло.

Где-то здесь должен быть выключатель. Или звонок. В больницах всегда есть звонки. Над кроватью. Она подняла руку, но не нащупала ничего: ни стены, ни выключателя, ни звонка. Черная пустота.

Уши болели, в них звенело. Из-за паники в них повысилось давление, как при взлете на самолете или погружении с аквалангом. Она зажала нос пальцами и подула в него. Уши прочистились, но страх срывал пломбы и с других внутренних механизмов. Она хватала ртом воздух, колени начали колотиться друг о друга. перевозбуждение.

Успокойся. Подумай.

Вокруг было тихо, как в могиле.

«Попробуй вспомнить, – сказала себе Аманда. – Шаг за шагом». Но откуда начать? С какого момента? Они с Майклом были в постели, занимались любовью, потом...

Возле дома стояла машина. Человек в ней следил за ними.

Брайан?

Она задрожала. Прикусила зубами палец. Осознание того, что в этой темноте есть что-то живое – пусть даже это всего лишь собственный палец, – успокоило ее.

Надо помочиться, а я не знаю, где здесь туалет. Господи, не дай мне ослепнуть.

Аманда отложила мысль о туалете на потом. *Сейчас главное – понять, где я нахожусь. Тогда я вспомню, где здесь выключатель и туалет. Я не ослепла, здесь просто темно. Не ослепла.*

Можно начать с одежды. Она дотронулась до левого запястья. Нам нем были часы «Ролекс», которые Брайан подарил ей несколько лет назад. Она пожалела, что циферблат у них не светится. Затем она провела ладонью по груди. Футболка. Джинсы «Версаче» – она чувствовала под рукой характерную металлическую эмблему. Ее любимый ремень, купленный на Менорке два года назад. Чулок нет. На ней черные туфли на плоской подошве.

Когда она была в этой одежде? Вчера? С Майклом, на гонках. Память постепенно возвращалась. Затем она поехала к Ларе. Леоноре исполнялось четыре годика. На празднике фокусник вытащил белого кролика из стеклянной банки из-под варенья.

А потом?

Она поехала...

Провал.

Ее рука ощущала пустоту и камень. Желание помочиться усиливалось. Надо собраться с силами, встать. Это уже смешно.

Может, я сплю?

Да. Сплю. Отлично. Слишком живой сон. Сейчас я проснусь.

Она перекатилась на бок, сползла с матраса на пол, поднялась. Потеряв из-за темноты равновесие, покачнулась и упала, жестко врезавшись в бетон и поцарапав руку о шершавую поверхность.

Господи.

Голова кружилась. Она опять встала на колени, затем, на этот раз гораздо медленнее, поднялась во весь рост. *Так, спокойно. Не падай. Умница.*

Горло болит.

После праздника я отправилась в Лондон. Приехала домой, поставила машину, взяла сумочку, закрыла машину, открыла дверь подъезда, зашла в вестибюль, проверила почту – хотя было воскресенье.

А потом?

Опять провал.

Засвеченная пленка.

В голове плескалась темная густая жидкость. На ум пришел лоток, в котором плавал лист фотобумаги, на нем проступало изображение. Мужчина, спускающийся с ведущей к ее квартире лестницы. Высокий, красивый, рука протянута для пожатия. Широкая искренняя улыбка – улыбка старого друга, хотя она не могла вспомнить, как его зовут и видела ли она его раньше.

– Аманда! Рад тебя видеть! Как ты здесь оказалась?

Он пожал ей руку. Она почувствовала укол в ладонь. Может быть, он носил кольцо с камнем и оно повернулось на пальце камнем вниз.

– Я здесь живу.

Это было последнее, что она сказала.

Затем пустота.

Северная часть Лондона. Плотный полуденный поток машин. Застигнутые врасплох неожиданной переменой погоды люди спешат на ленч: снятые пиджаки, ослабленные узлы галстуков, потные подмышки. Все как у него самого. Следы вчерашнего дождя исчезли, и широкая улица, разделяющая два ряда старых викторианских домов, была сухой, как пустыня.

Рубашка Майкла прилипала к груди. Только на спине между лопатками ощущалась прохлада – там не мог высохнуть скопившийся пот. Он полз в своем «вольво» вверх по Росслин-Хилл позади вонючего грузовика, с раскрытым «эй-зетом» на коленях, ругая себя за то, что при покупке машины не поставил кондиционер. Он опустил оконные стекла, открыл люк в крыше и запустил на полную дующий в лицо вентилятор. Поток воздуха перелистывал страницы атласа и каждые несколько секунд открывал и захлопывал брошюру, лежащую рядом с мобильным телефоном на пассажирском сиденье.

Брошюру привезла ему Лулу. Это была реклама компании «20–20 Вижн» с двумя фотографиями Аманды. Под одной из них, двух дюймов в высоту, было напечатано ее краткое резюме, другая демонстрировала съемочную группу в действии, и лицо Аманды разобрать на ней было совершенно невозможно.

Куда же ты пропала, Аманда? Что с тобой случилось?

Возможно, она лежит сейчас в перевернутой машине в канаве. А может быть, ее похитил Брайан и убил в припадке ярости. Ревность заставляет людей совершать страшные вещи. Может быть, она утонула? Или потеряла память. Иногда люди теряют связь с реальностью.

Или...

Майкл усилием воли подавил мысль о том, что Аманду мог похитить какой-нибудь псих. Фред и Розмари Уэст за решеткой, но на свободе разгуливают другие монстры, которые ничуть не лучше.

Господи, Аманда, только бы с тобой ничего не случилось.

Было без десяти минут час. Тельма оказала ему большую услугу: ей удалось перенести три консультации на другое время и тем самым создать окно в три с половиной часа, после чего он должен принять Теренса Джоэля, которому она не смогла дозвониться. Майкл рассудил, что он вернется вовремя. Никогда в жизни он не подводил пациента.

Въехав на вершину холма, Майкл прямо через дорогу увидел здание полицейского участка: величественное здание красного кирпича, над которым возвышался флагшток без флага. Полиция Хэмпстеда территориально была ближе всего к квартире Аманды, и детектив, с которым он разговаривал по телефону, предложил ему заехать и написать заявление. Он почему-то не захотел принять заявление по телефону.

Майкл припарковался в переулке и сунул в карман мобильный телефон в надежде, что тот с минуты на минуту зазвонит и он услышит голос Лулу, сообщающий, что Аманда наконец появилась и что все в порядке.

Он застегнул воротник, поправил галстук, вылез из машины и надел легкий темно-синий пиджак в тон брюкам. Прихватив с собой брошюру, он вошел в участок и направился к конторке, на которой стояла табличка: «Все вопросы сюда». На той же конторке стоял звонок, а рядом табличка: «Звоните, к вам подойдут». На стене рядом висели два плаката. На одном надпись: «Преступник, мы идем за тобой!» На другом цветная фотография маленького мальчика и над ней слова: «Пропал ребенок. Вы видели его?»

За конторкой располагалось несколько столов с телефонами, но за ними никого не было. Вообще в помещении, кроме него, находился только один человек – на стуле возле стены сидела угрюмого вида девушка с не менее угрюмой собакой («Помесь колли с боксером», – подумал Майкл) на коротком поводке.

Он нажал кнопку звонка, который подпрыгнул у него под рукой и оглушительно зазвенел. Через несколько секунд открылась дверь, и к конторке подошла женщина-констебль.

– Вам назначено?

– Да, меня пригласил детектив-констебль Гилпин.

– Ваше имя?

– Доктор Теннент.

– Понятно. Сейчас посмотрю, на месте ли он. Мне кажется, он выходил. – Женщина взглянула на список телефонов, подняла трубку и набрала номер. После короткой паузы она сказала: – Привет, это Сью с вахты. Роджер там? Я так и думала. К нему пришел доктор Теннент. Ему назначено. – Она кивнула, затем повернулась к Майклу: – Боюсь, он выехал на место преступления. Вам обязательно нужно видеть детектива-констебля Гилпина или кто-нибудь другой также может вам помочь?

– Я хочу заявить об исчезновении человека, – сказал Майкл, проглотив подступивший к горлу комок злости. У него срочное дело. Аманде может грозить смертельная опасность. За время работы психиатром у него было несколько пациентов, у кого пропали дети, и он слишком хорошо знал, как

мало может полиция сделать, чтобы найти пропавшего человека, если нет четких доказательств преступления.

Минуты через две дверь снова открылась и пропустила огромного мужчину в желтой рубашке с открытым воротом. На вид ему было тридцать с небольшим, он обладал телосложением игрока в регби, но страдал от избытка веса и жары. Майкл заключил это, увидев пот, текущий по его щекам и шее. У него были очень коротко стриженные светлые волосы и большое, слегка дряблое, немного детское, миролюбивое лицо.

Он вопросительно посмотрел на Майкла:

– Доктор Теннент?

– Да.

– Должен перед вами извиниться. Детектива-констебля Гилпина срочно вызвали. Может быть, я смогу вам помочь. – У него был мягкий, добрый взгляд и тихий голос, но тем не менее он не был похож на человека, не умеющего постоять за себя.

– Спасибо. Я хочу заявить об исчезновении человека. Это очень серьезно. Произошло явно что-то плохое.

Офицер вскинул брови.

– Простите. Вы, случайно, не тот доктор Теннент, который выступает по радио?

– Да, тот самый. – Майкл был рад, что детектив узнал его: возможно, благодаря этому его воспримут более серьезно.

Офицер улыбнулся:

– Моей невесте очень нравится ваша программа. Она никогда ее не пропускает.

– Спасибо, – сказал Майкл.

– Она вас очень уважает. Она будет в восторге, когда узнает, что я видел вас. Хотите кофе или чаю?

– Кофе, если можно, – ответил Майкл. Затем, хотя он обычно пил кофе без сахара, попросил: – С сахаром и сливками.

Они прошли в крохотную комнату, в которой было невыносимо жарко. Единственное окно с матовым стеклом, которое располагалось под самым потолком, не открывалось. В комнате стоял затхлый запах табачного дыма. Офицер включил вентилятор, сел напротив Майкла за металлический стол, открыл блокнот и достал из кармана шариковую ручку. Комната напомнила Майклу радиостудию – она даже выкрашена была в тот же коричневый цвет. Вентилятор впустую гонял по кругу горячий воздух.

Записав основные данные Аманды, офицер спросил:

– Находилась ли мисс Кэпстик в состоянии депрессии? Не страдала ли

она от какого-либо психического расстройства?

– Нет. Уверен, что нет.

Глядя Майклу в глаза, детектив спросил:

– Перед ее исчезновением вы не ссорились с ней?

– Конечно нет! Даже наоборот. Мы... – Майкл поколебался, затем решил, что офицер должен знать правду. – Я думаю, мы оба никогда в жизни не были более счастливы, чем в нашу последнюю встречу.

– Хорошо. Расскажите, что случилось в тот день, когда вы видели мисс Кэпстик в последний раз.

Майкл рассказал все, что смог вспомнить. Это оказалось весьма трудоемким делом, так как ему приходилось постоянно останавливаться и ждать, пока детектив запишет информацию. Майкл отдал ему брошюру с фотографиями Аманды.

Офицер посмотрел на фотографии и сказал:

– Очень красивая молодая леди. – И вернул брошюру Майклу.

– Вы не оставите ее у себя? – удивился Майкл.

– Пока еще рано, сэр.

Майкл со злостью посмотрел на него:

– Что вы имеете в виду?

– Сэр, при всем уважении, с момента исчезновения мисс Кэпстик еще не прошло сорока восьми часов. Конечно, мы хотим помочь, но поверьте, это не такой уж долгий срок. Мисс Кэпстик не страдает психическим расстройством. Исходя из имеющейся информации можно заключить, что она просто захотела побыть немного одна.

– Сорок восемь часов – достаточно долгий срок для того, чтобы истечь кровью, если она попала в аварию, или быть убитой, если ее похитили.

Офицер отложил ручку и, наклонившись вперед и внимательно глядя в лицо Майкла, спросил:

– А что, по-вашему, могло произойти?

От такого пристального взгляда Майклу стало не по себе. Он знал, что будет у полиции на подозрении: ведь он одним из последних видел Аманду и сам заявил о ее исчезновении.

Майкл рассказал детективу о Брайане, о том, что возле его дома стояла незнакомая машина, которая обеспокоила Аманду. Офицер все записал.

– Как вы считаете, у нее не было врагов?

– Она никогда не говорила о них.

– Она появляется в кадре в документальных фильмах, которые снимает? В качестве интервьюера или рассказчика?

– Не знаю. А что?

Офицер пожал плечами:

– Маньяки часто выбирают себе в жертву знаменитостей. Я бы на вашем месте пока не беспокоился.

– Мне очень трудно не беспокоиться. Аманда мне не чужой человек. Даже если бы она хотела навсегда порвать со мной, она никогда бы не пропустила рабочую встречу, не связавшись со своим офисом.

– Сэр, такое случается чаще, чем вы думаете. Люди исчезают и появляются через несколько дней с вполне понятными и извинительными объяснениями. Уверен, что, будучи психиатром, вы встречали таких людей.

Майкл с неохотой признал, что действительно встречал их. Он молча смотрел на детектива. Он не позволит ему прохладиться. Необходимо, чтобы полиция незамедлительно принялась за поиски Аманды Кэпстик. Незамедлительно.

– Так что вы собираетесь делать? Вы вообще что-нибудь собираетесь делать? – настойчиво спросил он.

– На данной стадии мы распространим сведения о мисс Кэпстик среди полицейских подразделений Суссекса и Лондона, уведомив их, что она считается пропавшей. – Он ободряюще улыбнулся. – Доктор Теннент, я лично возьмусь за это. Вы можете быть уверены, что ваше заявление станет известно каждому полицейскому. Но большего мы сделать пока не в состоянии.

– А когда вы окажетесь в состоянии сделать больше? – спросил Майкл, разочарованный и злой. – Когда обнаружите ее труп?

Офицер слегка покраснел.

– Сэр, каждый год мы регистрируем двести пятьдесят тысяч заявлений на пропавших людей. Большинство из них сами возвращаются домой. Уверен, что с мисс Кэпстик все в порядке и она тоже вернется. – Он запустил пальцы в нагрудный карман и вынул оттуда визитную карточку. – Если у вас возникнет необходимость связаться со мной, в любое время звоните мне на прямой рабочий телефон или на мобильный. – Он перевернул карточку и написал на ней несколько цифр. – Это мой домашний номер, сэр, лично для вас. Пожалуйста, позвоните, если у вас появятся дополнительные сведения или соображения.

Майкл взял карточку.

На ней было напечатано:

«Детектив-констебль Саймон Ройбак».

Платья. Туфли. Шляпные коробки. Парики. Шелковые шарфы. Шкатулки. Две комнаты квартиры Кору Барстридж были забиты только этим. Гленн и представить себе не мог, что у актрис столько одежды.

В коробке на комодке он нашел украшенные бриллиантами антикварные часы «Картье», и еще много других драгоценностей было разложено по шкафам.

В квартире было чисто – насколько чисто может быть в антикварной лавке. Никаких следов того, что здесь побывал кто-то чужой. Но эти следы появились, когда Гленн открыл дверь чулана в дальнем углу кухни.

Здесь был беспорядок. Два ведра лежали на боку. Рукоятка ковровой щетки брошена на ящик с бутылками шерри. Тряпки вместо того, чтобы висеть на крючках, валялись на полу. Совок и щетка стояли не в углу, а лежали на опрокинутой жестянке «Брассо», из которой вытекла полировочная жидкость.

Вверху, над головой Гленна, был виден свет. Он просачивался из слегка приоткрытого люка, ведущего на чердак.

Может быть, кто-то находится там прямо сейчас?

Гленн замер.

Крышка люка была всего лишь в футе над его головой. Он легко мог, подняв руку, дотронуться до нее обтянутыми перчаткой пальцами. Он затаил дыхание и прислушался. Затрещала рация, висящая на ремне. Он выключил ее и снова прислушался. Ничего. Где-то внизу едва слышно играла музыка. Пианино. Похоже, в квартире этажом ниже.

Он потянулся вверх и слегка приподнял крышку. Коре понадобилась бы стремянка. Где же она? Когда ты поднималась туда последний раз, Кора?

Гленн поднял крышку еще выше. В тусклом свете он видел стропила крыши. С виду они были в хорошем состоянии. Некоторые листы кровли слегка провисали – но и все. Осторожно сдвинув деревянную крышку в сторону, он взялся руками за края люка и подтянулся вверх.

Когда его голова поднялась над люком, он увидел человеческую фигуру, нависающую над ним и холодно глядящую вниз.

Тело моментально покрылось мурашками. Он непроизвольно отпустил руки и грохнулся вниз. *Черт, черт. Господи боже мой.*

С мечущимся в груди сердцем он попятился из чулана. Перед глазами

у него стояла угрожающая фигура: холодная улыбка, блестящие губы, длинные светлые волосы, черное шелковое платье до пят.

Герой, да приди же в себя!

Это просто манекен, хоть он и выглядит так, будто только что появился из фильма ужасов.

Точно! Ну конечно! «Госпожи сейчас нет». Один из лучших фильмов Кору Барстридж, кровавый триллер, в котором она играет жертву маньяка, а маньяка – Энтони Перкинс, звезда «Психо». В кульминационной сцене она одевает манекен так, чтобы он был похож на нее, и ставит его в комнате позади тюлевой занавески, а сама прячется за дверь и ждет, когда маньяк войдет, чтобы разделать его мясницким топором.

Гленн снова зашел в чулан и подтянулся наверх. Во второй раз манекен произвел такое же жуткое впечатление, как и в первый. Гленн долго смотрел на него, пока не убедился, что он не двигается, что это не привидение.

Лицо манекена было выполнено очень тщательно: оно повторяло лицо Кору в мельчайших деталях и казалось ужасающе реальным.

– Хорошая шутка, Кора, – прошептал Гленн, хотя ему было совсем не весело.

Он забрался на чердак, упираясь ногами в стены чулана. «Вот как тряпки оказались на полу, – подумал он. – А может, и совок со щеткой и банкой „Брассо“».

Не вставая с колен, он огляделся. Чердак освещался единственной лампочкой, висевшей на шнуре недалеко от него. Большая бутылка из-под воды. Разбросанные повсюду чемоданы и кофры. Фотографии или картины, завернутые в коричневую бумагу и перевязанные шнуром. Все покрыто толстым слоем пыли. Манекен тоже был весь в пыли, в его парике паук сплел паутину.

Это было собрание реликвий Кору Барстридж. Гленн был бы не прочь покопаться в нем, но у него не было на это времени. Он поднялся и сосредоточился на первоочередной задаче.

Возможно, Кора была здесь и забыла выключить свет. Хорошо. Гленн снова «влез в шкуру» Кору Барстридж. *Зачем мне сюда лезть? Я только что вернулся домой из магазина с детским комбинезончиком для Британи. Люди шлют мне цветы, звонят, поздравляют с получением награды. И вот я откладываю в сторону подарок для внучки, достаю лестницу и забираюсь на чердак. Что же я ищу?*

Опять что-нибудь для Британи? Что-то, о чем мне напомнило получение награды?

Гленн вынул из кармана небольшой фонарь, включил его и провел лучом по чемоданам и картонкам. Пыль, паутина, мышинное дерьмо. Ни один из этих чемоданов не открывали по крайней мере несколько месяцев, а может быть, и лет.

Ступая только на балки и стараясь не удариться головой о низкие стропила, он направился в темную часть чердака, куда не доставал свет маленькой желтой лампочки. По пути он обернулся и посмотрел на манекен. Душа опять ушла в пятки. Затем он въехал своей лысой головой в большую паутину, отшатнулся и с отвращением смахнул ее с себя. Он почувствовал, как паук пробежал у него по шее, и наугад шлепнул ладонью:

– Сволочь! Брысь!

Он поднял плечи и встряхнулся. В этот момент луч фонаря ухватил что-то, что Гленн сначала принял за уснувшего на подпирающем крышу деревянном столбе мотылька.

Избавившись наконец от паука, он подошел ближе и пригляделся. Это была свисающая с гвоздя тонкая полоска ткани. На высоте плеча Гленна.

Он пригляделся внимательнее. Тонкая полоска ткани кремового цвета. Могла ли Кора зацепиться за гвоздь? Но в ней всего пять футов. Гвоздь был бы на уровне ее головы.

Гленн оставил все как есть и пошел дальше, к четырехугольнику света, видневшемуся в дальнем конце чердака. Подойдя ближе и посветив фонарем, он понял, что это старый пожарный выход, которым, наверное, уже много лет не пользовались.

Дверь пожарного выхода запиралась изнутри на навесной замок. Только крепившаяся к двери замочная петля теперь свободно болталась на замке, и в ней торчали четыре ржавых шурупа. А в двери на их месте зияли четыре отверстия.

Эта дверь была выбита, и выбита совсем недавно.

В 1966 Би-би-си запретила показ документального фильма о гипотетическом взрыве водородной бомбы на территории Британии, снятого режиссером Питером Уоткинсом. Фильм назывался «Военная игра». В него были включены кадры теней на стенах домов в Хиросиме, которые в действительности были тем, что осталось от десяти тысяч людей, испарившихся в ядерном взрыве. Там были также кадры с другими людьми, которым повезло еще меньше – они кричали и метались в слепой агонии, в то время как с их тел слезала кожа.

Запрещенная «Военная игра» не была забыта и стала хитом архаусных и домашних кинотеатров, где собирались знаменитости. Глория видела ее на закрытом просмотре в Национальном кинотеатре, куда можно было попасть только по приглашению. После этого, как и многие люди, которых до смерти испугал этот фильм, она решила построить под домом противорадиационное бомбоубежище. Она планировала вырыть его ниже существующего подвала и снабдить его бетонными стенами толщиной в три ярда.

Как и все, кто строил такие убежища, Глория Ламарк хранила это в тайне. При ядерном нападении каждый, кто знает о твоём убежище, убьёт тебя для того, чтобы попасть туда первым. Она хорошо замаскировала его. Лестница, расположенная в дальней части холла, вела в маленький спортзал с велоэргометром, гантелями, гребным тренажером и беговой дорожкой. За деревянной дверью – сауна. Вход в убежище находился под сауной и представлял собой толстую железную дверь, какие можно увидеть в банковских хранилищах.

За первой железной дверью располагалось помещение с камерой слежения. Вторая, тоже запирающаяся, железная дверь выходила на спиральную лестницу и вела в само убежище, занимавшее, таким образом, третий подземный этаж.

Убежище состояло из нескольких комнат, герметично отделенных друг от друга железными дверями, подобно отсекам подводной лодки. Если одна комната пропустит радиацию, остальные все равно останутся незараженными. Убежище было оборудовано вентиляцией, которая могла подключаться к работающей от генератора воздухоочистной установке. Также была предусмотрена возможность монтажа водоочистной установки. Глория Ламарк рассчитывала, что они с Томасом при необходимости

смогут существовать под землей многие месяцы, питаясь консервами и утоляя жажду заблаговременно заготовленными запасами воды.

Стоимость строительства оказалась астрономической. Когда в 1965 году строительство было завершено, страхи Глории поутихли, и она решила не проводить в убежище канализацию, делать запасы воды и пищи и отказалась от монтажа воздухоочистной установки. Вместо этого она поставила на двери наружные замки и иногда держала там Томаса, когда он был плохим мальчиком. Она прекратила наказывать его таким образом, когда ему исполнилось пятнадцать, и начиная с 1975 года ни разу не спускалась в убежище. Возможно, она забыла о нем.

Но Томас помнил.

И сейчас в одной из герметичных комнат убежища, находящейся на тридцать футов ниже уровня земли, в темноте, оглушенная собственным сердцебиением, лежала Аманда Кэпстик.

Она только что снова упала. Споткнулась о матрас. И теперь лежала тихо, прикинув ухом к каменному полу, прислушивалась. Но темнота оказалась громкой. Она всасывала в себя звук ее дыхания и возвращала его, стократно усилив. Кровь в ушах пульсировала. Аманде казалось, что она состоит из сотни пульсов, приводимых в движение ударами сердца. Пульсы, мысли и боль – вот что отделяло ее от окружающей пустоты. И еще желание помочиться.

Она снова поднялась. С каждой секундой ее способность ориентироваться в пространстве улучшалась. Она отчаянно пыталась понять, где находится.

По порядку.

Начиная с этой невозможной темноты. Понять, ощутить ее. Определить, что это за знакомый резкий запах. Стоять прямо было трудно. Несколько секунд на ногах – и Аманда теряла ориентацию. Она опиралась на стену или спотыкалась о матрас и падала.

Даже в самом темном месте должен быть какой-то свет – из-под двери, из щели между ставнями, в потолке. Здесь же света не было и не было никакого спасения от всеобъемлющей черноты.

Аманда дотронулась до себя, проверяя, существует ли она еще, состоит ли из плоти и крови. Провела рукой по волосам. Еще жива. Определенно еще жива.

Как-то она снимала сцену в палате, где лежали люди, пережившие инсульт. Некоторые из них казались пленниками в собственном теле – они оглохли, ослепли и не могли говорить, в то время как их сознание функционировало совершенно нормально.

Может, и она так же?

Если бы я могла найти сумочку. Там есть зажигалка.

Настоятельная необходимость помочиться начала заглушать все остальные мысли. Аманда перебарывала ее, но делать это было все труднее. Как раз сейчас мочевого пузыря снова схватило, и так сильно, что по щеке у нее сползла слеза. Она прислонилась к стене, скрестила ноги и стояла так, обливаясь потом.

Наконец приступ прошел. Следующие несколько минут можно жить.

Если бы меня парализовало и я лежала в больнице, мне ввели бы катетер.

Она снова позвала на помощь, однако попытка закричать заканчивалась приступом боли в мочевом пузыре, выметающим из головы все мысли.

Туалет. Господи, здесь должен быть туалет.

Найти туалет, а потом... А потом что-нибудь придумается.

У нее сильно болела левая рука – последний раз она очень неудачно упала. Правой рукой Аманда начала ощупывать стену. Методично. *Я должна делать все по порядку.* Каждый раз она продвигалась вперед на дюйм и ощупывала стену сверху донизу. До самого пол и затем куда достанет рука. Холодный шершавый камень.

Раз я попала сюда, значит, здесь должен быть выход.

В голове теснились сумасшедшие мысли. Не связан ли со всем этим доктор Теннент? Или Брайан? Кто был тот человек, который спускался по лестнице и пожал ей руку?

Она снова споткнулась, потеряла контакт со стеной, попыталась вновь ее нащупать и, вскрикнув, упала на каменный пол, лицом в матрас – сырой, заплесневелый, пахнущий старьем. Она обшарила весь пол, каждый дюйм, в поисках сумочки. Ее там не было.

– Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне!

Снова на колени. Встать. Успокоиться. Несколько раз глубоко вдохнуть. Удерживать равновесие, не волноваться, делать все по порядку. К стене. Все сначала.

Аманда шарил руками по холодному камню, стараясь убедить себя в том, что это просто ночной кошмар, как с поездом, который давит тебя, или с убийцей, который приближается, а ноги отказываются бежать.

Но переполненный мочевого пузыря настойчиво уверял ее, что она не спит. Да, это не сон. Она снова привалилась к стене и скрестила ноги, ругаясь сквозь стиснутые зубы.

Я не обмочусь. Я не стану мочиться на пол. Ни за что на свете.

– Вы знаете что-нибудь о шалашнике, доктор Теннент? Вы интересуетесь орнитологией?

В саду больницы опять стрекотала газонокосилка. Майкл всю дорогу от Хампстеда пробирался среди плотного потока машин, и это не прибавило ему хорошего настроения. И теперь лицемерие доктора Теренса Джоэля, сидящего на диване в расслабленной позе, в костюме кремового цвета, также не прибавляло ему хорошего настроения.

На каждый вопрос Майкла он отвечал своим вопросом. Майкл снял пиджак, но все равно истекал потом. В кабинете было невыносимо жарко. Жара чуть скрашивалась запахом свежескошенной травы, проникающим через окно, но теперь его заглушал сильный аромат одеколona доктора Джоэля.

– О беседковой птице? Нет, не знаю. Орнитология – одно из ваших увлечений?

Рычание газонокосилки становилось все сильнее. Майкл отпил воды из стакана и взглянул в медицинскую карту американца.

– Что, по-вашему, значит увлечение, доктор Теннент? В какой момент познания, которыми вы обладаете, превращаются в увлечение?

– И в какой же? – спросил Майкл.

Джоэль вытянул руки вдоль тела, откинулся назад и задумчиво уставился в потолок.

– *Ptilonorhynchus violaceus*. – Он посмотрел на Майкла и, отвечая на его вопросительный взгляд, сказал: – Шалашник атласный. Вы что-нибудь слышали об атласном шалашнике?

– Боюсь, что нет.

– Он смешивает частицы ягод с углем, получая таким образом краску. Он строит шалаш – или беседку, отсюда его второе название: беседковая птица – девяти футов в высоту, состоящую из многих комнат. Он каждый день подравнивает траву вокруг беседки, украшает беседку цветами и мертвыми насекомыми. Затем он строит из палочек ведущую к его дому улицу, делает из травинки кисть и раскрашивает эту улицу краской, полученной из ягод с углем. Это единственное живое существо на земле, за исключением человека, которое делает орудия труда и украшает свой дом. Это достойно восхищения, разве нет, доктор Теннент?

– Да, – осторожно ответил Майкл, так как по-прежнему не мог понять,

куда клонит пациент. Он ждал продолжения рассказа.

Доктор Джоэль смотрел в потолок. Майкл взглянул в свои записи, сделанные на предыдущей консультации. Джоэль беседовал с ним о линзах. Он объяснил, почему мерцают звезды. Кажется, ему нравилось разговаривать об отвлеченных предметах. Майклу приходилось прикладывать максимум усилий для того, чтобы концентрировать внимание. «Аманда... – безостановочно проносилось у него в мозгу. – Аманда, любовь моя, где ты? Где ты?»

– Вы обладаете какими-либо познаниями в области орнитологии, доктор Теннент?

– Вы только что спрашивали меня об этом. Нет, боюсь, что не обладаю.

Майкл сделал пометку в медицинской карте. Похоже, Теренс Джоэль периодически забывал, о чем говорил. Защитный механизм.

Томас Ламарк внимательно следил за доктором Теннентом. *У тебя сегодня не слишком хороший день, да, доктор Майкл Теннент? Ты считаешь меня жалким психопатом, который забывает, что он только что сказал. Ты не можешь дождаться окончания консультации. Ты здорово волнуешься за свою подстилку, Аманду Кэпстик. И поверь, волнуешься не зря. По правде говоря, на твоём месте я бы сходил с ума от волнения.*

И это у тебя еще впереди.

– Вы знали, что многие виды птиц составляют пару на всю жизнь? – спросил доктор Джоэль.

Майкл ответил не сразу, надеясь, что Джоэль продолжит мысль.

– Нет, я этого не знал.

– Если они теряют свою пару, они чахнут и умирают. – Джоэль смотрел Майклу прямо в глаза.

Снова поглядев в записи, Майкл вспомнил, что на прошлой консультации Джоэль затронул тему автомобильных аварий. Майкл тогда еще задался вопросом, не знает ли он о Кэти. Теперь его занимал похожий вопрос. «Нет, – наконец решил он. – Скорее всего, нет». Он сам связывает эти вещи.

– Как вы думаете, доктор Теннент, степень печали шалашника-самца будет зависеть от того, от чего именно умерла его самка?

Помня об ахиллесовой пяте Джоэля – его родителях, Майкл ответил:

– Не знаю. Давайте поговорим немного о вас. Вы пришли ко мне потому, что страдаете от депрессии. В прошлый раз мы не слишком сильно продвинулись в этом вопросе. Я хотел бы узнать о вас немного больше. Может быть, вы вкратце расскажете мне о своей жизни?

– Сначала я хочу спросить у вас кое-что, доктор Теннент. Это не дает мне покоя.

– Пожалуйста.

– В одной статье я прочитал, что слишком многие люди, принадлежащие к поколению, выросшему на видеоиграх, убеждены, что способны хладнокровно убить человека. Я тоже принадлежу к этому поколению, и мне кажется, что наша «цивилизованность» – это всего лишь тонкий слой лака, покрывающий звериную природу человека, для которой убийство – естественно. Вы с этим согласны?

Майкл был полон решимости разговорить пациента. Он вернул ему его вопрос:

– Вы действительно так думаете?

Джоэль закрыл глаза.

– Я бы хотел еще поговорить о шалашнике. Жизни птицы угрожает множество опасностей. Например, она в полете может не заметить высоковольтных линий электропередачи, коснуться провода и погибнуть от электрического разряда. – Он открыл глаза, вперил взгляд в психиатра и продолжил: – Шалашник может запутаться в силке, расставленном птицеловом, который зарабатывает на жизнь, продавая птиц зоопаркам. За шалашника могут дать приличное вознаграждение. Представим, что в силок попала самка. Ее супруг, шалашник-самец, в это время находится где-то в другом месте, собирая корм. Что для него будет ужаснее, доктор Теннент, – увидеть трупик своей супруги? Или если она просто не вернется к нему?

Майкл поерзал в кресле. Глаза Джоэля неотрывно глядели на него. Господи, если бы этот человек знал, насколько он близок к истине! Майкл просто был не в состоянии ответить на этот вопрос. Пациент оглушил его им, будто кувалдой по голове.

Аманда! Аманда, милая! Позвони! Позвони, скажи, что у тебя все в порядке. Господи, Аманда, позвони!

Прикрываясь медицинской картой, Майкл незаметно поглядел на часы. Еще двадцать минут. Он хотел позвонить Лулу – просто для того, чтобы услышать ее голос, почувствовать близость к Аманде.

Томас Ламарк едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. Отлично! Ребенком он любил ловить насекомых – для этой цели хорошо подходили мухи, лучше всего мясные, – затем прищипливать их за одно крыло к столу и смотреть, как они бьются, пытаются взлететь, но не могут.

– Давайте... – начал Майкл и замолчал. Он потерял мысль. Пытаясь совладать с собой, он спросил: – А как *вы* думаете, что будет ужаснее?

Теренс Джоэль сунул руку в карман пиджака, вынул оттуда монету, подбросил ее и, поймав в ладонь, прикрыл ее другой рукой.

– Орел или решка? – спросил он.

Майкл не знал, стоит ли отвечать, но любопытство взяло верх.

– Ну хорошо, – сказал он. – Решка.

Теренс Джоэль убрал руку, прикрывающую монету.

– Повезло.

– Если бы выпала решка, то не повезло бы?

Джоэль улыбнулся:

– Нет, тоже бы повезло. Только мне.

– Это золотая монета? – спросил Майкл.

– Семейная реликвия. – Джоэль положил монету обратно в карман.

– С ее помощью вы принимаете решения?

– А как вы принимаете решения, доктор Теннент?

Консультация летела ко всем чертям. Перед ней Майкл просмотрел свои прежние записи. Всю прошлую беседу Джоэль изливал поток не связанных друг с другом и несущественных для процесса лечения бессмысленностей, и они ничего не достигли. То же самое он делал и теперь. Он избегал настоящего разговора. Отгораживался от него. Говорил о чем угодно, кроме того, что было необходимо.

Может быть, в этом и состояла его проблема. Его одолевала навязчивая идея о смерти. И еще одна, связанная с потерей близкого человека. Кроме того, он обладал искаженным видением реальности. Где коренятся причины этому? Может быть, он потерял любимого человека?

Почти наверняка.

– Теренс, мне бы хотелось, чтобы вы рассказали мне о вашем детстве, – сказал Майкл, намеренно называя пациента по имени. – Давайте поговорим о вашей семье, о том, как вы жили, когда были ребенком.

Джоэля будто выключили. Он съежился и так и остался сидеть без движения, словно восковая фигура в галерее искусств, рядом с которой стоит табличка: «Человек на диване».

Что бы Майкл ни говорил после этого, он не мог вывести его из этого состояния. Джоэль просто не реагировал. Наконец Майкл сказал:

– Время нашей беседы истекло.

Джоэль встал и молча, не глядя в сторону Майкла, пошел к двери.

– Если вы подойдете к моему секретарю в приемной, она назначит вам следующую консультацию, – сказал Майкл ему в спину в тайной надежде, что больше никогда не увидит доктора Джоэля.

Томас Ламарк записал день и время следующего приема в черный ежедневник в кожаном переплете. Он был доволен. Беседа прошла хорошо. Даже отлично.

По дороге домой, сидя за рулем синего «форда-мондео», он прокрутил ее в голове. Он не мог дождаться момента, когда попадет в свой шалаш. Он вел машину аккуратно, не желая повредить содержимое лежащей в багажнике коробки, которую он забрал в конторе в Челтнеме.

Ему не терпелось открыть ее.

Майкл продолжал думать о докторе Джоэле весь остаток дня. С этим человеком явно что-то не так. Его врач поставил ему диагноз «клиническая депрессия», однако Джоэль совершенно не вел себя как человек, страдающий от депрессии.

При депрессии самооценка человека понижается. Он перестает следить за своей внешностью. Теряет навыки взаимодействия с другими людьми.

У доктора Джоэля очень высокая самооценка. Он выглядит безукоризненно. Никакая у него не депрессия.

Но что-то с ним не так, и сильно не так. Какая-то темнота. Он сумасшедший.

Боль в мочевом пузыре стала невыносимой. Скоро ее уже невозможно будет терпеть.

Вдруг ее руки нащупали провал в стене. Дверь!

Как, спрашивается, я могла пропустить ее раньше?!

Она не могла ее пропустить – она обошла комнату кругом много, много раз.

Кто-то открыл ее!

Господи. Неужели здесь, в темноте, кто-то есть?

Бедро Аманды свело судорогой, боль поднималась вверх до самых почек, от нее колело в груди. Она шагнула в дверной проем и пошла вперед маленькими мучительными шажками.

Когда она зашла в этот новый объем темноты, химический запах стал еще резче. От него резало в глазах, першило в горле и болело в груди. И в этом пространстве было еще кое-что.

Присутствие человека.

– Кто здесь? – спросила она таким сиплым и сдавленным голосом, что сама испугалась.

Ответом ей была оглушительная черная тишина.

Она продолжала пробираться вперед, идя вдоль каменной стенки. Затем вдруг, несмотря на осторожность, она споткнулась обо что-то твердое, неловко переступила, потеряла стену и, взмахнув руками, упала, но не на пол.

– Простите, – сказала Аманда. – Простите, я...

То, на чем она лежала, не двигалось. Она дотронулась рукой до чего-то мягкого, пушистого.

Химический запах был невыносимым.

Шерсть! Аманда вздрогнула. Она упала на какое-то мертвое животное. Она отдернула руку и случайно дотронулась до чего-то холодного, резиноподобного. Она сразу поняла, что это.

Человеческое лицо.

Вскрикнув не своим голосом, она отдернула руку, вскочила и бросилась назад, к дверному проему, ведущему в первую комнату. Теперь она вспомнила, узнала этот запах – так пахло в школьной биологической лаборатории. В этом химикате хранились лягушки и другие животные.

Формалин.

Аманда наступила на второе тело и закричала во всю мощь легких.
Темнота не вернула ей никаких других звуков, кроме ее собственного панического крика.

По ее ногам потекла теплая струйка, но ей было уже все равно.

Непосредственным начальником Гленна Брессона был детектив-сержант Билл Дигби, занимавший крохотный кабинет через коридор от комнаты детективов.

Полдень вторника застал его в угрюмом настроении.

Дигби был тихим, вдумчивым человеком. Высокий, крепкого телосложения, он носил по-военному узкие усы и совсем не следил за волосами, торчавшими у него во все стороны. Он мог показаться старомодным, в особенности по сравнению с некоторыми своими молодыми и стильными подчиненными. Он и действовал старомодно: спокойно, методично, без всякой паники и спешки – кроме разве тех случаев, когда его вызывали на место преступления. Тогда он начинал двигаться с совсем другой скоростью. Сержанта, как и многих других опытных полицейских офицеров, расследование убийства захватывало так, будто он был зеленым новичком. Он зачерствел на работе – да, но не потерял к ней интереса.

Некоторые детективы из молодых считали Билла Дигби слегка туповатым – но только те, кто плохо его знал. Он увлекался игрой в скраббл и даже выиграл несколько региональных турниров. В работе он был так же трудолюбив, настойчив и методичен, как в этой игре. Он никогда не делал свой ход, не убедившись, что именно это действие в данных обстоятельствах способно принести максимальную пользу.

Детектив-сержант отслужил в полиции двадцать пять лет. В него стреляли, его резали, один раз чуть не уволили из полиции за нарушение процессуальных норм. Как-то родственники грабителя, которого он упек на двенадцать лет, разбив окно, забросили ему в гостиную кирпич с привязанной дохлой кошкой.

Он все пережил. Полицейская работа требует принятия жестких и не всегда справедливых решений. На экране его компьютера появлялась информация о каждом происшествии в графстве, требующем вмешательства полиции, – в среднем каждые шестьдесят секунд. За последний год было зарегистрировано почти пятьсот тысяч происшествий.

Большинство из этих происшествий не стоили внимания. Старшим офицерам, имеющим в своем распоряжении ограниченные ресурсы, постоянно приходится принимать решения о том, какие происшествия необходимо расследовать, а какие можно проигнорировать. О работе

полиции судят по результатам. Статистика. Количество доведенных до суда дел. Количество обвинительных приговоров. Борьба за улучшение качества жизни граждан. Борьба с преступностью. Останови айсберг. Или пройди по воде. Выбирай, что больше по душе. Так иногда думал Дигби, поставленный перед необходимостью выбрать одно-единственное из равно неприемлемых решений.

В основном детективы работают по мелочи: кражи, ограбления, нанесение телесных повреждений, мошенничество. Но иногда попадает что-нибудь действительно серьезное, и, когда это случается, нужно показать себя в лучшем свете – тогда можно рассчитывать на повышение. И в любом случае, взяв крупную рыбу, можно быть уверенным, что принес пользу обществу.

Операция «Стрельба по тарелкам» была как раз одним из таких серьезных дел. Старший детектив-инспектор Гейлор, начальник полицейского отделения Хоува, дал в ней Дигби полную свободу действий и, не сомневаясь в его способностях, даже не назначил наблюдающего детектива-инспектора.

Используя сеть информаторов, завязанных на напарника Гленна Майка Харриса, Билл Дигби за три года собрал всю информацию, касающуюся крупной группировки торговцев наркотиками, которые ввозили кокаин через Шорэм, местный коммерческий порт. Расфасованный в водонепроницаемые пакеты и снабженный низкочастотными передатчиками, кокаин по ночам сбрасывался за борт судов, затем его, также по ночам, собирали ныряльщики.

Изобретателем этой схемы был Тэм Гивелл, валлиец и известный в округе педофил, негодяй, которого Дигби уважал за талант преступника, но которому отводил место в самом низу социально-пищевой цепочки – где-то между ленточным червем и плесневым грибом. Только Гивелл был еще отвратительнее.

Месяц назад в рамках операции «Стрельба по тарелкам» был проведен рейд, во время которого были схвачены все члены наркогруппировки. У Дигби было достаточно всего на Гивелла, чтобы быть уверенным, что тот запоет на суде, как птичка. Гивелл или выходит чистеньким из дела об импорте и распространении наркотиков, становится главным свидетелем обвинения и сдает полиции всех, кого нужно, либо садится в тюрьму по обвинению в растлении малолетних. Гивелл прекрасно знал о том, какой прием после такого обвинения окажут ему в любой британской тюрьме.

Несмотря на все мольбы Дигби, тупица адвокат Гивелла убедил судью разрешить выпустить его подзащитного под залог. А в прошлое

воскресенье сосед Гивелла сообщил, что из пентхауса, где тот проживал один, доносится невыносимый запах. Приехавшая полиция обнаружила его разлагающийся труп. Он был изрублен в куски мачете, а его язык был вырезан изо рта и заменен его же гениталиями.

И теперь детектив-сержант, глядя на фотографии места преступления, размышлял, насколько труднее будет из-за смерти Гивелла упечь за решетку остальных членов банды.

Его мысли были прерваны стуком в дверь. Он оторвал взгляд от фотографий, но сказать ничего не успел: дверь открылась, и в кабинет заглянул детектив Гленн Брэнсон.

– Есть секунда для меня, сержант?

Дигби жестом пригласил Гленна войти, и тот, едва поместившись в комнату, сел на стул для посетителей, стоящий перед более чем скромным столом сержанта. Заинтересовавшись, он наклонился и заглянул в фотографии.

– Тэмми Гивелл?

– Он самый, – сказал Дигби и, несмотря на дурное настроение, не смог удержаться от заgrabной остроты: – Я всегда говорил, что у него вместо головы член.

Гленн устоял перед искушением ответить сержанту шуткой такого же качества. Откинувшись на спинку стула, он сказал:

– Кора Барстридж. На прошлой неделе.

Сержант кивнул, сразу все вспомнив.

– Я совсем не убежден, что это самоубийство. Я тут провел небольшое расследование...

– Кто разрешил? – прервал его Дигби.

– Это в нерабочее время, сержант. У меня сегодня выходной. Я был в ее квартире сегодня утром.

Дигби вскинул брови. По его мнению, Гленн был хорошим парнем, въедливым, но иногда этот зеленый детектив проявлял чересчур много энтузиазма.

– Хорошо, продолжай.

Гленн выложил свои соображения о детском комбинезончике, купленном Корой для внучки, выбитой чердачной двери, рассказал о том, что патологоанатом засомневался насчет мух. Затем добавил:

– Я поспрашивал в тех квартирах, мимо которых преступник должен был пройти, направляясь к пожарному выходу. Одна леди сказала мне, что в начале прошлой недели, во вторник или в среду, видела мужчину с планшетом, спускающегося сверху.

– Когда умерла Кора Барстридж?

– Патологоанатом не может точно сказать. Но так как на ее лице присутствовали личинки в первой стадии развития и мухи, он полагает, что она была мертва около двух дней к тому моменту, как я ее нашел. Иными словами, она умерла во вторник. Во вторник утром ее видели в последний раз, когда она отправилась за покупками.

– Показания этой «одной леди» не отличаются особой точностью, – сказал Дигби.

– Верно, сержант, но я поговорил с управляющим домом, в котором жила Кора Барстридж, и он сказал, что три последние недели у них не было никакой инспекции и он не посылал туда ни одного из своих работников. Он настаивал на том, что его людей там быть не могло.

– Здание имеет сертификат пожарной безопасности?

– Да. Выдан 19 ноября прошлого года.

– Тогда почему пожарный выход был закрыт на висячий замок?

– По плану при эвакуации он не должен использоваться. У них есть еще один, более новый, находящийся в более удобном месте.

Дигби скривил рот и пощупал языком щеку.

– Дверная цепочка была накинута, так?

– В том-то и дело! – сказал Гленн. – Цепочка была накинута, а все окна заперты. Убийца – если Кору Барстридж действительно убили – мог выйти из квартиры только одним путем: через чердак. В спешке он не до конца закрыл чердачный люк и забыл выключить свет. Кроме того, ему пришлось выбить пожарную дверь.

Дигби собрал со стола фотографии Тэма Гивелла, выровнял пачку, постучав ею о стол, и отправил ее в конверт.

– В прошлый четверг мы обыскали ее квартиру. Почему мы тогда не заметили, что люк на чердак открыт?

Гленн пожал плечами:

– Я и сам задаюсь тем же вопросом. Возможно, просто пропустили.

– Кора Барстридж очень известная леди, Гленн. Ее смерть широко обсуждалась в прессе. Какой-нибудь придурок мог залезть в ее квартиру, зная, что там никого не будет.

– Из ее вещей ничего не пропало, сержант. А в квартире есть драгоценности, дорогие часы, украшения. Ручаюсь, что воры там не побывали. Квартира чистая.

– Ты мог спугнуть вора, когда зашел.

– Это возможно.

– Итак, ты полагаешь, что убийца проник в квартиру через входную

дверь и ушел через чердак и пожарный выход. Ты уверен, что он не попал в квартиру через чердак?

– Снаружи на пожарной двери нет никаких следов взлома. Но понадобится кто-нибудь из криминалистов, чтобы подтвердить это. Было бы хорошо, если бы криминалисты прочесали всю квартиру и чердак, сержант. На чердаке на гвозде я обнаружил полоску ткани. Это знак того, что кто-то передвигался там в спешке. Может быть, там найдется еще кое-что.

Дигби молча обдумывал просьбу Гленна.

– Ты же знаешь, сколько стоит криминалистическая экспертиза, верно, Гленн?

Гленн знал. Проверка в лаборатории одного предмета одежды или волокон ткани – двести фунтов. Обработка отпечатков пальцев – полторы тысячи фунтов. Если команда криминалистов прочешет всю квартиру Кору Барстридж, это будет стоить казне минимум десять тысяч фунтов.

– Да, сержант, знаю. Но думаю, что найденные улики оправдают затраты.

– Ты присутствовал на вскрытии. Патологоанатом нашел что-нибудь на теле?

– Нет, сержант.

– Ты еще не видел результаты анализов?

– Нет.

Дигби покачал головой:

– У нас целая гора работы со «Стрельбой по тарелкам». Гивелл ведь мертв. Я не могу дать разрешение на выезд команды криминалистов на эту квартиру. У нас есть отчет врача покойной, в котором говорится, что она страдала от депрессии, предсмертная записка, запертая изнутри дверь. Из квартиры ничего не украдено. Того, что ты сказал, Гленн, недостаточно, чтобы убедить меня, что это не самоубийство. Кора Барстридж не была немощной – если бы кто-нибудь пытался убить ее, она бы сопротивлялась. Остались бы какие-нибудь признаки борьбы в квартире или на теле.

– Ей было много лет, – сказал Гленн.

– Но она могла сама ходить за покупками. Все эти вопросы ты можешь поднять на дознании, если сочтешь нужным, пока же нет никаких причин считать ее смерть подозрительной.

Гленн разочарованно пожал плечами. Он знал, что спор продолжать бессмысленно. По крайней мере, пока. Но он твердо решил, что будет копать дальше.

– Завтра утром у тебя что-нибудь есть?

– Нет, сержант.

– Хорошо. Составишь компанию Майку Харрису – он едет в Лутон, чтобы привезти информатора по делу Гивелла. Парень мотает срок в тамошней тюрьме, и мы забираем его на вечерок для разговора. Вы должны быть там в девять, значит, назад вернетесь к одиннадцати.

Гленну нравился Майк Харрис. Он был опытным детективом. У него было чему поучиться. Кроме того, подумал Гленн, по дороге можно все хорошенько обдумать. В четверг для опознания тела приезжает дочь Кору Барстридж. Она остановится в квартире матери.

Если он хочет, чтобы криминалисты что-нибудь нашли, необходимо сделать так, чтобы они оказались там завтра.

– Ты вымыл свой паровозик?

Том-Том сидел в овальной розовой ванне. Над пеной виднелась только его голова. Пена – это поощрение. Она была похожа на снег, только еще легче, еще мягче. Он брал ее целыми горстями и подкидывал вверх.

– Да, мамочка.

Мать стояла рядом с ванной в белом шелковом халате, распахнутом спереди. Томас видел ее выступающие вперед груди с большими красными сосками. Видел поперечную черту внизу ее живота, где ее разрезали, чтобы он мог родиться. И густой светлый кустик волос еще ниже.

– Дай-ка я посмотрю, Том-Том. Мама должна убедиться, что ты его хорошенько вымыл.

Томас занервничал. Что сегодня: наказание или поощрение?

Мать наклонилась над ним. Ее грудь коснулась его щеки и так и осталась на ней прохладной тяжестью. Она опустила руки на дно ванны, скрытое слоем пены, и нащупала лежащее там мыло. Он почувствовал, как скользкое твердое мыло скользит по внутренней поверхности его бедер, и это взволновало его.

– Молодец, Том-Том. Какой хорошенький чистый паровозик. Мамочка помоеет его еще чуть-чуть.

Сегодня поощрение.

Облегчение. И растущее волнение.

Ее мыльные руки массировали его член, оттягивали крайнюю плоть назад, затем возвращали ее на место, закрывая головку. Она намылила руки еще больше и продолжала эти движения, а он твердел и рос под ее пальцами.

– Какой большой паровозик. Когда ты вырастешь, у тебя будет большой и красивый паровозик, Том-Том.

Томас возбужденно захихикал. Он любил, когда мать улыбалась. Он отчаянно хотел, чтобы она никогда не переставала улыбаться ему.

Белый шелковый халат соскользнул с ее плеч и неслышно упал на пол. Он смотрелся белой лужей на розовом ковре. Она стояла перед ним обнаженная – массивные груди, треугольник густых светлых волос, намечающийся избыток плоти на животе. Он был там, лежал, свернувшись калачиком, внутри ее.

Теперь его член был твердый как камень. Он гордо показал его матери,

зная, что ей это понравится, и она вознаградила его легким поцелуем в лоб.

– Хороший мальчик, Том-Том. Я люблю тебя.

Он смотрел на нее в ожидании, что она скажет это еще раз. Она не сказала, но не перестала улыбаться, и это было хорошо.

Она шагнула в ванну и села напротив него. Ее колени оказались выше уровня пены.

– Ну, как там твой паровозик, Том-Том?

Он хотел, чтобы она еще раз дотронулась до него, хотел испытать то блаженное чувство, которое пронизывало его, когда она держала его в своих руках. Она намылила руки и снова взяла его, играя с ним жестче, чем прежде. Он испытывал блаженство, когда ее мыльные пальцы двигались вверх-вниз.

Она отдала ему мыло. Он взял его своей маленькой ручкой.

– Теперь тебе надо помыть мамочку, Том-Том, – сказала мать.

Он наклонился вперед и стал медленными круговыми движениями намыливать ее живот, затем его ладошка поднялась вверх, к грудям, скользя вокруг сосков, массируя их, и снова вернулась к мягкой плоти ее живота.

Она выгнула спину, немного приподнимаясь в ванной, и из пены перед ним поднялся кустик ее волос, теперь почти черный, оттого что мокрый. Он прижал к волосам мыло, медленно провел им вниз и вглубь, касаясь теперь ее бархатного «секретного места». Того места, о котором знал только он.

И он поклялся, что никому о нем не расскажет. Никогда.

– Ты кошмарно выглядишь, Майкл.

– Со мной все нормально.

– Нет, я серьезно. Ты ужасно выглядишь. Ты что, болен?

Чего ты торчишь в моем кабинете? Я не хочу, чтобы ты торчал в моем кабинете. Исчезни, оставь меня в покое, уйди с глаз долой.

Вот что подумал Майкл, когда его коллега, Пол Стрэдли, вошел к нему, в то время как он набирал номер Лулу. Но он этого не сказал. Просто положил трубку и ответил:

– Устал.

Стрэдли внимательно посмотрел на него:

– Ты уверен?

– Я врач, как-никак! – отрезал Майкл.

Эта вспышка обескуражила коротышку психиатра, на котором сегодня был еще более жалкий, чем обычно, костюм. Однако он тут же нашелся:

– Я тоже врач, Майкл. – В его голосе было больше авторитетности, чем в его наружности.

Возникла короткая недружественная пауза. Пол укоризненно посмотрел на коллегу и продолжил:

– Ты в четверг обещал поговорить о моем пациенте, который боится рвоты. – Выражение лица Майкла не изменилось. – Я рассказывал тебе о нем. Он боится есть твердую пищу, боится, что еда застрянет у него в пищеводе. Это же твоя область.

– Да, – сказал Майкл, припоминая.

– Может быть, поговорим о нем завтра за ленчем?

– Подожди, я проверю ежедневник.

Сев за компьютер, Майкл открыл свой ежедневник. Он уже несколько дней не заглядывал в него. Завтра вечером у него радиошоу – черт, только этого ему сейчас не хватало. Однако он надеялся, что на радиостанции пойдут ему навстречу и объявят о исчезновении Аманды. А в субботу – вот это сюрприз! – он принимает участие в благотворительном турнире по гольфу для любителей и профессионалов, организованном благотворительным обществом психического здоровья.

Майкла уговорил принять участие в этом турнире его лучший друг, Ник Сэндфорд, с которым он во время учебы в медицинском колледже жил четыре года в одной комнате. Они знали друг друга еще с конца

шестидесятих, когда оба учились в одной начальной школе. Тогда они друг друга ненавидели. В финале школьных соревнований по боксу, когда им было по двенадцать лет, Майкл послал Ника в нокаут, чем немало порадовал присутствовавших на матче многочисленных учителей и родителей.

Но когда они случайно встретились в Кингз-Колледже, у них сразу же возникла симпатия друг к другу. Годы изменили их обоих. Ни тот ни другой не мог точно вспомнить, почему прежде они так не любили друг друга. Майкл считал, что, возможно, из-за того, что Ник был хулиганом. Ник полагал, что Майкл раздражал его своими спортивными результатами. Как бы то ни было, в колледже между ними возникла настоящая дружба.

После получения диплома врача Ник некоторое время проработал в фармацевтическом гиганте «Бендикс Шере», а затем основал свою собственную компанию, производящую непатентованные лекарственные средства. Он был уже мультимиллионером. Они оба любили быстрые мотоциклы – однако Майкл после смерти жены потерял к ним интерес. Но они все еще играли вместе в гольф.

Ник и его жена Сара очень помогали Майклу в течение всех трех лет, протекших со дня смерти Кэти.

Что касается завтрашнего дня, то Майкл, не желая терять ни минуты своего времени, собирался отменить все консультации и сосредоточиться на Аманде.

Стрэдли с беспокойным видом смотрел на Майкла.

– Ну что, Майкл?

– Завтра в час. Встретимся в ресторане, – решительно сказал Майкл.

– Отлично.

Майкл не смог придумать никакого другого способа, как вышвырнуть Стрэдли из кабинета. В конце концов, ленч можно отменить завтра утром. А сейчас ему во что бы то ни стало нужно было позвонить Лулу до того, как начнется запланированная на четыре пятнадцать консультация.

Стрэдли еще не закрыл за собой дверь, а Майкл уже схватил трубку и набрал номер Лулу. Ее голос звучал устало, из него полностью исчезли чеканные нотки, свойственные современной успешной молодой женщине. Час назад, по дороге из Хэмпстеда, позвонив ей по мобильному телефону из машины, Майкл уже успел рассказать о своем неутешительном разговоре с детективом-констеблем Ройбаком.

– У меня ничего нового. А у вас? – спросила Лулу. В последнее время она всегда так начинала разговор, услышав его голос.

Они еще ни разу не виделись, но Майкл уже представлял ее себе.

«Опрятная, – думал он, – и высокая, судя по голосу. Довольно консервативная – бархатная лента на голове, тесно-синяя двойка, под ней джемпер. Жемчуг».

– Тоже ничего. Послушайте, можете для меня кое-что сделать? Перешлите мне, пожалуйста, факсом или электронной почтой список адресов и телефонов всех членов семьи и друзей Аманды, включая Брайана Трасслера.

Лулу ответила, что сейчас же этим займется.

Имя Брайана Трасслера темным комом всплывало в сознании Майкла. Он не мог забыть, как испугалась Аманда, когда увидела стоящий на другой стороне улицы автомобиль.

Брайан Трасслер.

Она с тобой, Брайан Трасслер? Если ты держишь ее силой, Брайан Трасслер, клянусь, я оторву тебе голову.

Майкл повесил трубку и в задумчивости стал смотреть на экран компьютера. Тельма еще не сообщила, что явился пациент. Он вошел в Интернет, открыл сайт «Альта-Виста» и набрал запрос на поиск: «пропавшие люди».

Это был выстрел по очень большой площади, но для Майкла это не имело значения: он был решительно настроен использовать все возможности для того, чтобы найти Аманду.

Через несколько секунд на экране появилось сообщение, гласящее, что найдено 257 891 совпадение с его запросом. Первые десять относились к людям, пропавшим на территории Соединенных Штатов.

Он изменил запрос, сузив область поиска: «пропавшие люди – Великобритания».

Дверь снова открылась, и в кабинете опять появился Пол Стрэдди.

– Майкл, судя по тому, как ты выглядишь, у тебя что-то стряслось. Я даже думаю, что ты не в состоянии как следует сосредоточиться на работе. Хочешь поговорить об этом? Что произошло? Я – твой коллега, ты можешь обсудить это со мной.

Майкл вздохнул. Почему бы и не рассказать?

– Кое-кто, кого я знаю... друг... пропал без вести. Я беспокоюсь о ней, поэтому так паршиво выгляжу. Вот и все.

Пол кивнул. Выражение напряженности на его лице исчезло.

– Тебе нужна национальная служба по пропавшим людям. Ты звонил им?

– Никогда о них не слышал.

– Это надо сделать.

Раздался звонок. Тельма сообщила, что пришел пациент. Стрэдли удалился.

Майкл попросил секретаршу отменить все консультации на завтрашний день.

Аманда, подтянув колени к груди, лежала на матрасе. Она оттащила его как можно дальше от...

Них.

Мертвых. Не людей, не трупов, не тел, *пожалуйста, нет.*

Кто они?

В последний раз она молилась во втором классе. Она не могла верить в Бога, который никогда не отвечал на ее молитвы. В среду, 24 ноября 1979 года, она узнала результаты теста по математике. Тест она провалила.

Это был не такой уж важный тест. Господь мог с легкостью даровать ей хорошую оценку за него. Вместо этого он предпочел не услышать ее молитву. С тех пор она ни разу не молилась. До этой минуты.

Она зарылась лицом в ладони, закрыла глаза, несмотря на абсолютную тьму, и прошептала:

– Господи, пожалуйста, дай мне знать, что это всего лишь плохой сон. Пожалуйста, помоги мне хоть чем-нибудь.

У нее болело горло. И голова. Она отчаянно старалась понять, где она и почему тут оказалась.

Она чувствовала почти заглушённый формалином запах своей мочи. Ужасно хотелось пить – так сильно, что Аманда почти решилась лизнуть пол. *Люди пьют свою мочу. На ней можно протянуть несколько дней. Дура. Я потратила ее впустую.*

Ее мысли перескочили на Майкла. У него такие сильные руки. Он такой умный и решительный. Ей было с ним хорошо и безопасно.

Майкл, теперь, когда я тебя нашла, не говори мне, что я тебя навсегда потеряла. Не говори мне, что я так и умру здесь, не увидев тебя больше.

Компания Брайана Трасслера как-то снимала фильм о выживших в различных катастрофах. Они беседовали с людьми, спасшимися с парома «Зеебрюгге», с двумя девушками, которые выпрыгнули с самолета, упавшего в Индийский океан, и другими. И все эти люди проявили одни и те же качества. Силу воли. Решимость. Желание выжить.

Способность сохранять спокойствие и мыслить перед лицом смерти.

Аманде пришло в голову, что, возможно, она попала в аварию, ее приняли за мертвую и заперли в каком-нибудь хранилище в морге. Но этой версии противоречил расстеленный на полу матрас.

Все версии, лежащие на поверхности, были исчерпаны, и теперь она выдумывала новые, стараясь сохранить контакт с реальностью и сосредоточиться.

Она старалась не обращать внимания на шорох, который услышала несколько минут назад, – это могла быть мышь или, хуже того, крыса.

Она обследовала стены в обеих комнатах в поисках выхода. На некотором протяжении стены в той комнате, где лежали тела, камень сменялся металлом. Скорее всего, это была дверь, но Аманда не смогла открыть ее.

«Здесь должна быть вентиляция, – подумала она. – Ведь откуда-то поступает воздух».

Но откуда?

Она встала и сложила матрас вдвое. У нее сильно болела ушибленная при падении рука. Она прислонила матрас к стене – *осваиваясь в темноте* – и вскарабкалась на него. Это дало ей два лишних фута высоты. Сохраняя равновесие, она вытянула руки насколько возможно вверх и ощупала каждый дюйм стены, затем слезла с матраса, передвинула его ровно на две длины своей стопы и повторила то же самое.

Сойдя с матраса, она задумалась, затем стянула футболку и бросила ее на пол. Теперь она будет знать, когда пройдет полный круг.

Она прошла первую стену целиком, когда ее рука наткнулась на что-то, что на ощупь полностью отличалось от бетона.

Металлическая решетка.

Затаив дыхание, Аманда прижала к ней ладонь. Движение воздуха. Вентиляционное отверстие!

Она замерила указательным пальцем, как импровизированной линейкой, нижнюю сторону решетки. Примерно двадцать четыре дюйма. По вертикали немного меньше – около двадцати дюймов.

Можно ли пролезть в такое отверстие?

Как решетка прикреплена к стене? Аманда провела пальцами по углу решетки и нашла небольшую выпуклость, не больше четверти дюйма в поперечнике. Шуруп.

Она медленно провела обеими руками по краям решетки. Десять шурупов.

Неожиданно матрас поехал. В поисках опоры Аманда вцепилась в стену. В следующую секунду она уже летела вниз, головой вперед. Лоб жестко, с глухим стуком, врезался в бетонную тьму.

– Боюсь, я не смогу позвать его к телефону. Он на обсуждении сценария и просил его не беспокоить.

– Это очень срочно, – сказал Майкл. – Мне нужно сказать ему всего несколько слов.

Голосом секретарши Трасслера можно было резать стекло, словно алмазом.

– Может быть, вы скажете мне, в чем дело? Возможно, в этом случае я смогла бы помочь вам.

«Да уж, смогла бы, – зло подумал Майкл. – Спроси своего босса, не похищал ли он Аманду Кэпстик?»

– Я по личному делу. Пожалуйста, сообщите ему, что я на линии. Меня зовут доктор Теннент.

Майкл надеялся, что его имя знакомо секретарше, но, судя по ее ответу, оно ей ровным счетом ни о чем не говорило. Она определенно не была ни читателем «Дейли мейл», ни слушателем «Ток-радио».

– Я сообщу о том, что вы звонили, после совещания, но оно продлится еще как минимум два часа.

Майкл посмотрел на часы. Ровно пять.

– Не могу поверить, что вы не можете передать ему записку.

– Мне жаль, но мистер Трасслер запретил его беспокоить по какому бы ни было поводу.

Она что, прикрывает его?

– Хорошо, я буду в офисе еще около часа. После этого можно звонить по мобильному. Я дам вам свои рабочий, мобильный и домашний номера. – Используя весь свой врачебный опыт, Майкл попытался вызвать в секретарше сострадание. – Пожалуйста, убедите своего босса связаться со мной сегодня же. Я психиатр. Это вопрос жизни и смерти. Он может обладать жизненно важной информацией.

Секретарша поколебалась, казалось, ее удалось смягчить, но она сказала:

– Не могли бы вы уточнить, что вы имеете в виду?

Майкл задумался. Аманда встречалась с Трасслером. Но даже в теперешних обстоятельствах он не мог обсуждать личные обстоятельства Аманды с кем попало.

– Простите, но это было бы нарушением конфиденциальности.

Секретарша почти сдалась:

– Давайте ваши номера, доктор Теннент. Я посмотрю, что смогу сделать.

Следующий час Майкл потратил на телефонные разговоры с матерью и сестрой Аманды и ее тремя ближайшими друзьями, чьи имена и телефоны дала Лулу. Он договорился встретиться со всеми ими завтра утром. Сначала он должен был приехать к ее матери в Брайтон в девять часов. По телефону добиться чего-либо от них было нельзя: если они прикрывали ее, то легко могли соврать, однако это не так-то просто сделать, глядя в глаза.

Брайан Трасслер не перезвонил. По тому, как Аманда отзывалась о нем, он отзванивал только тогда, когда ему светили деньги или секс.

Майкл решил навестить его. Немедля.

Около семи часов вечера Майкл, пробившись сквозь плотное движение на центральных улицах, отыскал Бедфорд-стрит, где находилась компания Трасслера, которая называлась «Меззанин продакшнз». Стоянка располагалась прямо напротив офисного здания, рядом с книжным магазином. Она была небольшая, но место для машины Майкла нашлось. Майкл резко затормозил, не проверив зеркало заднего вида, и его с негодующим воплем объехал велосипедист.

Он задом въехал на стояночное место и выключил двигатель, оставив работать вентилятор, чтобы воздух обдувал ему лицо, хотя он был почти таким же горячим, как и снаружи.

В щель между двумя припаркованными напротив машинами Майкл отлично видел входную дверь «Меззанин продакшнз». Снаружи здание выглядело вполне на уровне: матовые стекла, стильное сочетание дерева и штукатурки. Он набрал заблаговременно внесенный в записную книжку телефона номер. После нескольких звонков трубку подняла мисс Они-не-пройдут.

– Он все еще на совещании. Я передала ему ваше сообщение, – сказала она тоном, призванным лишить Майкла уверенности в том, что Трасслер ему когда-либо позвонит.

– Скажите ему, пожалуйста, что я теперь вне офиса и абсолютно доступен по мобильному телефону. – Чувствуя недостаток в аргументации, Майкл добавил: – Я не буду занимать линию. Вы ведь сказали ему, насколько это важно?

– Да, доктор Теннент.

«Таким голосом в самый раз отваживать слишком назойливого

продавца пластиковых окон», – подумал Майкл. Он сбросил вызов. По крайней мере, выяснилось, что Брайан Трасслер все еще в конторе.

Майкл чувствовал себя разбитым, в голове у него шумело. Он набрал номер офиса Аманды в надежде, что Лулу все еще там. Он не ошибся.

– Лулу, вы, случайно, не знаете, какой у Брайана Трасслера автомобиль?

Мимо машины Майкла пробежал человек в джинсовых шортах и наушниках. У него было такое суровое выражение лица, будто он направлялся на битву.

– Ну, у него есть «порше», «бентли»... э... «ренджровер», мотоцикл «харлей-дэвидсон». Но два месяца назад у него за вождение в пьяном виде отобрали права. На три года – повторное правонарушение. Он едва сумел избежать тюремного заключения. – Затем, как бы по секрету, она сказала: – Думаю, об этом мало кто знает.

Майкл поблагодарил Лулу, повесил трубку и положил телефон рядом с «дипломатом» на пассажирское сиденье.

Был хороший вечер. Солнечный свет переливался теплыми мазками на тротуаре через дорогу. В кафе поблизости столики были выставлены на улицу, и все они были заняты. Еще дальше у дверей паба с кружками в руках толпились посетители.

Заметив движение за стеклянной дверью в здание «Меззанин продакшнз», Майкл устремил все свое внимание туда. Из здания вышли двое молодых мужчин. Один, в футболке и джинсах, нес под мышкой большую коробку для киноплёнки. Другой, в яркой рубашке и лайковых велосипедных шортах, закрыл дверь. Они несколько секунд постояли, разговаривая, затем разошлись. Мужчина в шортах, дойдя до фонарного столба, остановился и отцепил велосипед.

Майкл надеялся, что в здании один вход, которым пользовались офисные сотрудники. По крайней мере, раз Трасслер не имел права садиться за руль, он не поставил машину на заднем дворе, где за ней невозможно проследить.

Вид пьющих людей в кафе и возле паба напомнил Майклу, что и он сам хочет пить... и есть. За рабочий день он выпил стакан воды и чашку чаю и съел два бисквита, поданные Тельмой. Кроме этого и чашки кофе в участке в Хэмпстеде, он ничего не ел с самого утра, однако выходить сейчас из машины для перекуса нельзя – можно пропустить Трасслера.

Не упуская из виду входную дверь, он вытащил из «дипломата» свой «Мак» и загрузил его. Затем подсоединил модемный кабель к мобильному телефону, вошел в Интернет и открыл веб-сайт компании «Меззанин

продакшнз».

Страница загружалась бесконечно долго. Он уже начал думать, что зависла машина или прервалась связь, когда на экране появилось изображение. Он щелкнул мышью по иконке с подписью «Биография директора». После еще одной бесконечно долгой задержки на экране появилась цветная фотография Брайана Трасслера, а под ней – длинный список его телевизионных заслуг.

Несмотря на то, что Майкл помнил, как выглядит этот человек, он снова внимательно взгляделся в его лицо на фотографии. У Трасслера была запоминающаяся внешность – скорее всего, его нетрудно будет узнать. Коротко стриженные реденеющие волосы с несколькими жалкими прядями через лысину. Черная рубашка без воротника, схваченная по вороту запонкой с драгоценным камнем. Самодовольный, с претензией на щеголеватость стареющий мошенник. *Аманда, что ты в нем нашла?*

Майкл понимал, что она никогда не сможет ответить на этот вопрос, потому что люди вообще редко понимают, какие силы тянут их друг к другу. Можно, конечно, строить более или менее правдоподобные догадки – например, что она нашла в нем образ отца, – но это все равно будет всего лишь одна деталь сложного целого.

Открылась дверь, и на улицу вышла женщина – каштановые волосы, уложенные в шикарную, но старомодную прическу, шелковый шарф, наброшенный на плечи, костюм, демонстрирующий отменный вкус его владелицы. Как раз такая женщина могла бы планировать жизнь Трасслера и тайно сохнуть по нему. Она бы отлично сумела отшить по телефону приставалу психиатра, но едва ли сумела бы найти настоящую любовь.

Женщина проверила, сработал ли автоматический замок на двери, затем поправила шарф и удалилась быстрым выверенным шагом.

Майкл отсоединил модемный кабель от мобильного телефона, выключил его, чтобы сбросить настройки, затем снова включил и набрал номер Трасслера. На этот раз трубку никто не поднял. Вместо этого, после шести звонков, включилась голосовая почта. Голос секретарши.

«Вы позвонили по телефону Брайана Трасслера. Пожалуйста, назовите свое имя и номер телефона, и мы вам перезвоним».

Майкл сбросил вызов. Итак, эта женщина почти наверняка была секретаршей. Означало ли это, что совещание окончилось, или у нее просто закончился рабочий день?

Он стал думать, что делать: попытаться войти в здание или продолжать наблюдать из машины. И тут дверь снова открылась. Из нее вышли трое мужчин и женщина. Один мужчина с «конским хвостом»,

другой бритый, третий с черными, блестящими, зализанными назад волосами. Женщина – на вид лет тридцати, безупречная красавица – придержала дверь для четвертого мужчины в костюме кремового цвета. Короткие редеющие волосы, несколько прядей поперек обширной плечи. Он что-то говорил с начальственным видом, размахивая руками.

Это был Брайан Трасслер.

В уединении своей комнаты Томас наконец открыл коробку. Содержимое ее было тщательно упаковано. Каждая деталь лежала в своем полистироловом отделении. Два объектива глядели на него из-под нарезанной бумаги, словно какой-нибудь ужасающе огромный жук.

– Отлично, – прошептал он.

Опустил лицо в коробку. Бумага зашуршала, словно сено. Как будто сегодня Рождество. Прохладные пластиковые ободки линз коснулись его щек, как два поцелуя.

Это для тебя, мамочка. Это все ради тебя. Ты рада? Надеюсь, что рада.

В коробке, в конверте, лежала также копия чека на сумму одна тысяча девятьсот сорок фунтов, подтверждающая снятие денег с золотой «Мастер кард» доктора Джоэля и зачисление их на счет компании «Сибер мейл».

Томас положил чек в черный бумажник из крокодиловой кожи, за подкладку. Просто на всякий случай – вдруг прибор не будет работать и его придется отослать обратно. Затем над решеткой камина он сжег наклейку, указывающую на то, что получателем посылки является доктор Теренс Джоэль. От «форда-мондео», припаркованного в гараже рядом с «альфаромео» Аманды Кэпстик, избавиться было нельзя, но в остальном он старался, чтобы ничто в его доме не указывало на то, что он имеет какое-либо отношение к доктору Джоэлю из Челтнема. Белый фургон находился на многоэтажной автостоянке по долгосрочному договору аренды парковочного места.

Томас принес снизу пылесос и тщательно убрал пепел с решетки. Никаких грязных каминов в этой комнате. Он хотел, чтобы в ней не было ни пятнышка, как в операционной. Ему так нравилось. Ковер, стол, компьютер, кресло, книги, фотографии матери. Никаких насекомых. Никаких бактерий. Глухие занавески и двойные рамы защищали комнату от наполненного миазмами лондонского воздуха. Лучше уж страдать от жары, чем отравлять организм. Никакой грязи.

Но теперь эта комната больше не была стерильно чистой – по всему полу валялась оберточная бумага из коробки. Это выводило Томаса из себя. *Эта сука, Аманда Кэпстик. Это она виновата.* Если бы она не позволила доктору Тенненту слить в себя семя, ему не пришлось бы покупать эту штуку, а если бы он не купил ее, на сером ковре не валялась бы сейчас

нарезанная бумага.

Скоро он уберет ее при помощи пылесоса, но не сейчас. Он еще не закончил.

Ему надо прочитать инструкцию. Он вытащил ее из целлофановой обертки. На титульной странице было напечатано: «Очки ночного видения AN/PVS. Модель F5001».

Такую модель он и заказывал. Хорошо.

Томас читал внимательно, запоминая все рисунки. Затем он вынул очки из коробки. На такой прибор было приятно смотреть, его было приятно держать в руках. Он поднес его к глазам. Запахло резиной, из которой был сделан наглазник. Очень удобно. Плотно прилегает к лицу. Конечно, пока еще ничего не видно: сначала нужно установить литиевую батарею.

Он помнил, как называется каждая часть прибора. Кнопка включения ИК-осветителя. Индикатор заряда батареи. ИК-осветитель. Объективы F/1.2. Индикатор включения ИК-осветителя.

Красота.

Скорее бы воспользоваться очками. Это будет нечто особенное.

Томас вытащил из коробки оголовье, состоящее из нескольких ремней. Его волнение возрастало. Он присоединил оголовье к очкам и, держа в голове рисунок из инструкции, надел их. Один ремень вкруговую опоясывает голову, словно повязка, прижимая очки ко лбу. Второй пропускается под подбородком и застегивается, третий охватывает шею. Четвертый ремень – собственно, их два: слева и справа от головы, чуть впереди ушей – соединяет головной ремень с шейным.

Замечательно! Он встал, еще ничего не видя, но уже весь в предвкушении. Оголовье было очень удобным. Он мог бы спать в этих очках!

Жаль, что ты меня не видишь, мамочка!

Он поднял руки, чтобы снять очки, и вздрогнул от резкой боли в правой руке. В нем снова зажглась злоба на Аманду. *Из-за тебя я повредил руку, сука.*

Она была такой тяжелой! Как такое худое и невысокое существо может быть таким тяжелым? Ему было совсем нелегко вытащить ее на улицу и посадить в «альфа-ромео», да еще делая вид, что они прижимающиеся друг к другу любовники. Он вывернул руку, затаскивая ее в эту чертову машину.

Но ожидающее его удовольствие заставило забыть о боли. Да. Опыт обещает быть интересным. Томас снял очки, встал на колени, вынул из коробки литиевую батарею и зарядное устройство, вставил батарею в

небольшой отсек, расположенный в нижней части очков, затем подключил зарядное устройство и нажал кнопку включения. Загорелся огонек индикатора. Он улыбнулся.

Ракета пошла!

Аманда услышала звук открывающейся двери.

Движение.

Кто-то был в этой темноте кроме нее. Подавив инстинктивное желание позвать на помощь, она, лежа на полу, затаила дыхание и вслушалась в окружающее пространство.

За исключением барабанного боя ее сердца – тишина.

Затем неожиданное движение – будто кто-то сделал шаг. Всплеск воды. Скрип-визг прочертившей пол резиновой подошвы.

Томас чуть не опрокинул ведро и молча выругал себя за неуклюжесть. *Черт возьми, чуть не упал. Черт! Ты, глупая сука, ты хоть понимаешь, сколько неудобств ты мне доставляешь?*

Она была так близко, что он мог дотронуться до нее. Но он не хотел до нее дотрагиваться. Он не хотел дотрагиваться до того, с чем сношался доктор Теннент, по крайней мере пока. Он еще не готов к этому. От нее воняет грязью и мочой. Она здесь всего два дня и уже превратила комнату в свинарник. Эта вонь пробивается даже сквозь запах формалина. И почему эта сука лежит на полу, а не на матрасе?

Надо было вчера принести ей пищи, воды и какую-нибудь емкость для отправлений. Вылетело из головы.

Он видел ее в зеленом свете. Маленькая красная полоска индикатора батареи показывала, что у него есть десять минут. Эту батарею нужно было заряжать в течение двадцати четырех часов, но он не мог ждать так долго. Он едва вытерпел четыре часа.

Самое главное, что очки работали. Он мог ясно различить выражение страха на ее лице.

«Нет, не на ее лице, – поправил он себя. – Просто на лице».

Эту ошибку он допустил с редактором, Тиной Маккей, и газетчиком, Джастином Флауэрингом. Они были для него людьми, и он испытывал сожаление по поводу того, что ему пришлось с ними сделать. Это существо он будет держать на расстоянии. *Это не человек, а животное. Животное.*

И совсем как животное, когда услышит какой-нибудь звук, существо подняло голову и всмотрелось в темноту широко раскрытыми от страха глазами.

Оно не следит за собой: огромная шишка на лбу, волосы в беспорядке – все спутаны, давно не видели расчески. Он хотел сказать ему, что плохо выглядеть неприлично, но сдержался и продолжал молча наблюдать. Оно даже футболку надело задом наперед.

Он подумал о том, какое грязное оно по сравнению с его матерью. Он любил быть рядом с матерью, когда она сидела перед зеркалом, и расчесывать ее длинные светлые локоны и играть с ними. Иногда она сидела перед зеркалом без одежды, и он стоял рядом также обнаженный. Он расчесывал ей волосы, а потом она благодарила его, делая что-нибудь хорошее с его паровозиком.

Ставя на пол второе ведро, Томас намеренно шаркнул ногой. Теперь существо смотрело прямо на него, и он подумал, не виден ли в темноте его силуэт. Но это было, конечно, невозможно. Эти очки не пропускали наружу и фотона света. Военный образец. Сказочно! Он был невидим.

Может, оно слышит его дыхание. Прислушивается к нему? Неслышно ступая, Томас сделал несколько шагов вправо. Существо продолжало смотреть вперед, на то место, откуда он только что ушел.

Страна слепых...

– Кто здесь? – сказала оно.

Жалкий каркающий голос.

– Кто здесь? Пожалуйста, помогите мне.

Он бесшумно отступил во вторую комнату, прошел мимо тел Тины Маккей и газетчика. Затем остановился и оглянулся.

Смердящее существо на полу, замерев, поворачивало голову короткими, резкими движениями.

– Кто здесь? – снова позвало оно.

Дверь захлопнулась. Эхо металось по подzemелью, пока его не поглотила темнота.

Затем вдруг, ошеломительно яркий, вспыхнул свет.

Вскрикнув от боли и шока, Аманда зажмурилась и закрыла глаза руками. Глазные мускулы свела судорога. Через прижатые к лицу ладони пробивалось красноватое свечение.

Она медленно, боясь нового приступа боли, убрала руки от глаз и несколько раз моргнула. Боль в голове мешала думать. Приспособившись к освещению, огляделась. Она находилась в квадратной – примерно двадцать на двадцать футов, высотой около десяти футов – комнате без окон, освещенной четырьмя светильниками, вмонтированными в потолок. Стены, пол и потолок из ровного серого бетона. Никаких других, кроме

двери, выходов или предметов. Она посмотрела на отдушину над тем местом, где лежал матрас. Единственная возможность выбраться, не считая двери. Отверстие достаточно большое для того, чтобы в него пролезть, – только бы найти способ отвернуть шурупы, крепящие к стене вентиляционную решетку.

Аманда сжала руками голову, отгоняя боль, но, случайно задев лоб, чуть не вскрикнула. Направо располагалась открытая дверь в неосвещенную комнату, где находились трупы. Затем ее внимание привлекли два пластиковых ведра и поднос недалеко от двери.

Одно ведро, похоже, было пустым. В другом, через край которого была перекинута фланелевая тряпка, была пенная вода. Рядом лежало аккуратно свернутое полотенце бежевого цвета и нераспечатанный рулон туалетной бумаги. На подносе стояла большая пластиковая бутылка с водой, пластиковый стакан, две бумажные тарелки, на одной из которых лежали несколько ломтей хлеба из муки грубого помола, а на другой – толсто порезанный сыр. И прямо на подносе несколько крошечных помидоров-черри и яблоко. Ножа нет. Ничего, что бы она могла использовать в качестве отвертки.

Аманда бросилась к бутылке, схватила ее обеими руками и стала жадно пить. Она не успевала глотать, и вода текла у нее по подбородку.

Она остановилась только тогда, когда бутылка опустела на три четверти, но не из-за того, что напилась. Она могла бы выпить все и не напиться, но неизвестно, когда ей принесут еще. Надо ограничивать себя, надо...

Время.

Я могу посмотреть, сколько времени.

Время и дата.

7:55. Вт. 28. Июль.

Еще глоток воды – на этот раз маленький. Она задержала воду во рту, смакуя каждую ее каплю. Два дня.

Господи боже мой. Два дня. Семь пятьдесят пять вечера или утра?

Почему никто не ищет меня? Она посмотрела на еду, схватила кусок сыра и хлеба и, глотая слезы, затолкала их в рот, неистово работая челюстями.

Майкл, ты хоть знаешь, что я не дома и не на работе? Лулу, ты спрашиваешь себя, куда это я запропастилась?

Господи, да кто-нибудь вообще заметил мое отсутствие?

Она отпила еще глоток воды, затем съела еще хлеба и сыра, съела помидор – такой спелый, сладкий, умопомрачительно вкусный помидор.

Даже это небольшое количество еды придаст ей сил. *Думай.*

Сегодня вторник. Утро или вечер вторника. Два дня. Сорок восемь часов. *Лулу, ты ищешь меня? Ты что-нибудь сказала Майклу? Не думаешь же ты, что я лежу дома с чертовой мигренью?*

Что вы, черт возьми, там все делаете?

Вы что-нибудь делаете? Делаете что-нибудь?

Свет погас.

И какую-то секунду Аманда в гневе, а не в страхе смотрела в обступившую ее темноту.

Брайан Трасслер распрощался со своими партнерами. Похоже, совещание прошло удачно.

Мужчина с «хвостом» поднес к уху мобильный телефон и отошел в сторону. Брайан Трасслер тоже вынул из кармана мобильник, набрал номер и направился вдоль по улице. Он выглядел донельзя довольным собой. В кремовом костюме, фиолетовой рубашке без ворота и белых туфлях он имел еще более скользкий вид, чем на вывешенной на сайте фотографии. Майкл сразу его возненавидел.

Он открыл дверь и стал вылезать из машины, как вдруг Трасслер сорвался на бег, отчаянно махая притормозившему на перекрестке такси.

Майкл недолго думая захлопнул дверь и завел мотор. К счастью, он не потерял такси из виду – ярко-зеленая машина остановилась на светофоре, регулирующем Т-образный перекресток, выходящий на Странд. Подрезав фургон, он выехал со стоянки, набрал скорость и занял место непосредственно позади такси, у которого мигал правый сигнал поворота.

Схватив телефон с пассажирского сиденья, Майкл позвонил на домашний номер Лулу. В это время сменился сигнал светофора, и ему пришлось вести машину одной рукой, преследуя такси в плотном движении вечернего Странда.

После четырех гудков включился автоответчик Лулу. Такси проехало светофор на желтый сигнал, а Майкл – долей секунды позже – уже на красный. Они остановились на следующем светофоре, перед вокзалом Чаринг-Кросс. Майкл позвонил Лулу на мобильный. Три гудка, и затем – к его великому облегчению – он услышал ее голос на фоне шума толпы, звона стекла и оглушительно громкой музыки.

Сигнал светофора сменился. Они выехали на Трафальгарскую площадь, и тут между ним и такси попытался вклиниться «мерседес». Прижавшись вплотную к заднему бамперу такси, Майкл выжал «мерседес» из их ряда.

– Привет, Лулу. Это Майкл.

Она его не слышала.

Такси набирало скорость, и Майкл чуть поотстал – на случай, если водитель заметил его. Повысив голос, он сказал:

– Это Майкл! Мне нужен домашний адрес Брайана Трасслера.

– Э... Господи, дом четыре, Уэст-Кресент, – выкрикнула она в ответ. –

Риджент-парк... Олбани-стрит, знаете?

– Да. Спасибо. Есть какие-нибудь новости?

– Нет. А у вас?

Что-то слишком веселый сегодня у Лулу голос. Никто не имеет права веселиться, пока Аманда не найдена.

– Нет, – сказал он.

Они остановились на светофоре у дворца Сент-Джеймс. Впереди Букингемский дворец. Флаг не поднят, значит, королевы в нем нет – развлекается где-нибудь? Похоже, все в этом чертовом городе сегодня развлекаются.

С Майклом поравнялся БМВ с откидным верхом. За рулем блондинка с развевающимися на ветру волосами. Майкл почувствовал острый укол тоски – она напомнила ему Аманду. Кроме нее, в машине были еще две хорошенькие девушки. Они смеялись над какой-то шуткой. Они хорошо проводили время. С другой стороны от машины Майкла остановился серый «ягуар», в нем сидели парень и девушка – невозможно красивые, будто сошедшие с рекламы шоколада. Девушка целовала парня. Майкл чуть не выкрикнул им, что сейчас не время развлекаться, развлечения могут подождать, сейчас всем нужно сосредоточиться, чтобы найти Аманду.

Брайан Трасслер ехал не домой.

Зеленое такси должно было повернуть направо и выехать на Парк-Лейн, но вместо этого оно направилось по Гросвенор-Кресент к Белгрейв-сквер. Майкл не успел последовать за ним, отрезанный автобусом.

– Черт, ублюдок, да уйди ты с дороги! – зло прошептал Майкл и резко перешел в крайний правый ряд, даже не посмотрев, есть ли там кто-нибудь. Ему было все равно. Он мог только сделать по Гайд-парк-Корнер полный круг и молиться.

Первый перекресток он пролетел на красный свет. Шины выли. Затем он втиснулся между двумя машинами, вынудив посторониться мотоциклиста, обогнал еще одну машину, опять попытался втиснуться в ряд, отгоняя сигналом черное такси, претендовавшее на то же место. В последний момент такси поотстало, и он завершил круг во внешнем ряду, чуть не столкнувшись с выезжающим с Виктории автобусом. Майкл резко затормозил и, пропустив его, повернул налево.

Здесь движение было не таким убийственным, и он надавил на педаль газа, с каждой секундой приближаясь к Белгрейв-сквер. Его глаза метались в поисках бутылочно-зеленого такси. Первый съезд с площади, второй, и вот он заметил его, когда оно сворачивало на Чешем-Плейс, направляясь к Слоун-стрит.

Майкл осадил «вольво», едва не переехав белую линию, отмечающую выезд на перекресток. По Белгрейв-Плейс двигался непрерывный поток машин, но Майкл не мог терять времени. Он вывел нос «вольво» на дорогу, добившись того, что одна из машин остановилась с сердитым гудком, и вдавил в пол педаль газа. Передние шины взвизгнули, потеряв на миг и снова обретя сцепление с дорогой, рулевое колесо взбрыкнуло у него в руках, и в следующий момент он уже летел по Чешем-Плейс. Внимательно следя за дорогой, чтобы не сбить пешехода или велосипедиста, он еще раз увидел промельк такси Трасслера – на светофоре, после которого Чешем-Плейс переходила в Понт-стрит.

Такси петляло переулками Челси, направляясь в Фулем, и преследовать его теперь было легче. Они выехали на Фулем-роуд, миновали светофор на Боуфорт-стрит возле кинотеатра «Эй-би-си», затем такси неожиданно притормозило и повернуло налево, и затем почти сразу же опять налево, и они оказались в дорогом жилом районе. Выдерживая дистанцию, Майкл наблюдал, как бутыльно-зеленая машина подтянулась к обочине и остановилась.

Майкл припарковался в некотором отдалении позади стоящего на обочине «сааба». Отсюда ему было все прекрасно видно. Трасслер вышел из машины, расплатился с водителем и стал копаться в карманах. К удивлению Майкла, он вытащил оттуда связку ключей.

Неужели это его тайное логово? Может быть, как раз здесь он держит Аманду...

Его домыслы были прерваны тем, что дверь распахнулась и из дома выбежала красивая женщина с длинными каштановыми волосами. Она бросилась Трасслеру на шею и страстно его поцеловала.

Майкл с удивлением смотрел, как Трасслер целует ее в ответ, прямо здесь, на пороге. Они не могли оторваться друг от друга. Казалось, еще немного, и женщина начнет срывать с него одежду. Наконец их губы разъединились, они прошептали что-то друг другу, улыбнулись и, прежде чем скрыться в доме, снова бесстыдно поцеловались, словно старшекласники.

Майкл тупо смотрел на эту сцену, пытаясь осмыслить происходящее. Это что, его новая подружка? Или Трасслер изменял и Аманде, как изменял жене? Раз у него есть ключи от дома, значит, это его любовное гнездышко? Или просто эта женщина дала ему ключи? Если так, то они уже давно встречаются. Но как давно? С тех пор, как Аманда рассталась с ним, или еще раньше?

Как бы то ни было, теория Майкла о том, что Трасслер мог похитить

Аманду из ревности, приказала долго жить. Вряд ли он способен любить кого-нибудь до такой степени, чтобы причинить ему вред.

Майкл подождал еще двадцать минут. Он открыл свой «Мак» в попытке написать что-нибудь к докладу, который должен был читать через две недели, но не смог сосредоточиться.

Трусивший мимо бирманский кот неодобрительно посмотрел на него и скрылся, приподняв заслонку в нижней части гаражной двери. Потом прошла женщина в дизайнерских джинсах и с панковой прической на голове. Ее тащила вперед целая свора йоркширских терьеров, рвущихся с поводков. К одному из домов подъехал пыльный «порше». Из него со страдальческим видом вылез мужчина лет тридцати, в полосатых брюках и красных подтяжках, и тут же нырнул в салон за «дипломатом».

Майкл подождал, пока он зайдет в подъезд, затем вылез из машины и, подойдя к дому Трасслера, позвонил в дверь.

Никакого ответа. Он выждал немного, затем снова позвонил, на этот раз более настойчиво. И еще два звонка, один за другим.

Наконец за дверью послышались шаги. Дверь открылась. На него недовольно смотрела женщина Трасслера.

– Что вам угодно?

Легкий акцент – вполне возможно, итальянский. Красивая. Не такая красивая вблизи, как издали, но словно облитая сексуальностью, которую только усиливал смазанный макияж, распущенные волосы и отсутствие белья под халатом, края которого она придерживала рукой.

– Мне нужно поговорить с Брайаном Трасслером, – сказал Майкл.

В глазах женщины мелькнула паника. Плотнее запахнув халат и скрестив руки на груди, она сказала:

– С кем?

– С Брайаном Трасслером.

Женщина покачала головой:

– Простите, но вы, наверное, ошиблись. – Она сделала шаг назад, собираясь закрыть дверь.

Она была так убедительна, что Майкл на секунду засомневался, не ехал ли он за каким-нибудь посторонним человеком, но лишь на секунду.

– Я так не думаю, – твердо сказал он. – Слушайте, это очень важно. Я займу всего две минуты его времени.

– Простите, но вы ошиблись домом. – Женщина попыталась захлопнуть дверь у него перед носом, но Майкл подался вперед и поставил ногу между косяком и дверью.

Вспышка злости.

– Убирайтесь!

Майкл толкнул дверь, расширив щель на несколько дюймов. Женщина была сильнее, чем выглядела, и сопротивлялась изо всех сил. Но он продолжал давить, открывая дверь шире и шире.

– Убирайтесь!

Теперь на лице – смесь злости и страха. И сильный запах дорогих духов. Каких – Майкл не мог вспомнить. Они смотрели друг другу в глаза. Женщина злилась, но и нервничала тоже. Наконец она сдалась и отступила в сторону.

Прямо напротив двери была лестница. Майкл устремился по ней. Женщина крикнула, предупреждая:

– Брайан! Брайан!

Он добежал до площадки и распахнул дверь справа, но за ней находилась пустая кухня-столовая. В конце короткого коридора была открытая дверь, откуда доносилась музыка. Он зашел в комнату.

Приглушенный свет. Горящая свеча на прикроватном столике. Двухспальная кровать, застеленная черным шелковым постельным бельем. На ней, прикрывая руками член, как жалкую пластилиновую поделку, лежал Брайан Трасслер.

Увидев Майкла, он схватил простыню и прикрывшись ею, выкрикнув со смесью удивления и обеспокоенности:

– Кто вы, черт побери?!

– Брайан, я не смогла его остановить! – Женщина спешила вверх по лестнице.

Майкл подошел к постели:

– Вы предпочли не отвечать на мои телефонные звонки. – Он оглянулся через плечо на женщину, затем снова повернулся к Трасслеру. – Мне кажется, нам лучше поговорить наедине.

– Может, уберетесь отсюда прежде, чем я вызову полицию? – сказал Трасслер.

– Аманда Кэпстик, – произнес Майкл и замолчал, давая Трасслеру возможность осознать его слова. – Нам с вами нужно поговорить о ней. Не хотите попросить вашу подругу ненадолго выйти из комнаты? Лично я не возражаю, чтобы она осталась.

Трасслер вытаращил глаза, затем сказал:

– Джина, пять минут, ладно?

Одарив Майкла презрительным взглядом и ободряюще улыбнувшись Трасслеру, женщина вышла из комнаты.

– Закройте дверь, – сказал Трасслер.

Майкл сделал, как он велел.

Трасслер поднялся повыше на постели. На столике рядом стоял полупустой стакан виски со льдом, лежал открытый пакетик белого порошка и разобранная шариковая ручка – только корпус, без стержня.

– В чем дело?

Майкл оглядел комнату. Эротические картины, большое зеркало на стене рядом с кроватью. Может, она проститутка. Хотя вряд ли – проститутки не встречают клиентов так, как она встретила Трасслера. Майкл повернулся к нему, посмотрел в глаза и сказал:

– Меня зовут Майкл Теннент. С недавних пор мы с Аmandой встречаемся. Я был последним, кто видел ее в воскресенье, когда она уезжала к сестре на чай.

– К Ларе? – спросил Трасслер.

– Да. Вы знаете, что она пропала?

– Да. Ее секретарша мне звонила.

– Вы не очень-то обеспокоены. Потеря одной из бесчисленных любовниц для вас ничего не значит?

– У вас шестьдесят секунд для того, чтобы убраться из моего дома, мистер Тенби. Вам ясно?

Майкл взял со столика пакетик с белым порошком.

Трасслер подскочил на кровати, пытаясь отнять его, но Майкл отошел на пару шагов и оказался вне досягаемости.

– Я врач, ты, дерьмецо. Хочешь, чтобы я спустил это в унитаз или отнес в полицию?

Трасслер скатился с постели и бросился на него. Майкл отбил его руку, рассыпав кокаин по полу, и врезал ступней Трасслеру между ног. Судорожно выдохнув со звуком, какой издает спускаемая в раковине вода, кинопродюсер сложился вдвое, схватился за пах и со стонами закачался взад-вперед, стараясь заглушить боль.

Майкл подошел к телефону и поднял трубку.

– Ну, давай, вызови полицию. Или, может, мне сделать это за тебя?

Трасслер тяжело опустился на постель. Его трясло.

– Чего тебе надо? – Сипение, как в пустом кране.

– Я хочу знать, где сейчас Аманда. – Майкл положил трубку.

Трасслер прикрыл глаза.

– Господи, Тенби, – сказал он. – Она же меня бросила. Я не видел ее... не знаю... две, три недели.

– Почему ты не начал ее искать?

Трасслер открыл глаза.

– Она очень независимая девушка. Иногда ей нужно побыть одной. Так она справляется со стрессом.

– Она раньше исчезала?

– Я думаю, ты зря беспокоишься, мистер Тенби. Если ты вел себя с ней так же настойчиво, неудивительно, что она пропала. Скорее всего, она от тебя в ужасе.

Майкл с ненавистью смотрел на него.

– Она тебя боится, а не меня, понял?

Трасслер ткнул пальцем в сторону двери:

– Вон. Сейчас же. Если ты думаешь, что она пропала, – иди в полицию. Для этого полиция и существует. Какое право ты имеешь врывать сюда и допрашивать меня?

Майкл схватил Трасслера за жидкие пряди на макушке и вздернул на ноги, приблизив его лицо к своему.

– Я люблю ее, – сказал он сквозь сжатые зубы. – Это дает мне право врывать куда угодно. Я все равно найду ее, и, клянусь богом, если я узнаю, что ты что-нибудь с ней сделал или что-то знал и не сказал, я скормлю твои яйца коту твоего соседа. Ты понял меня?

Майклу пришлось дважды встряхнуть Трасслера, прежде чем тот кивнул. После этого Майкл ослабил хватку.

– Я тоже ее люблю, – сказал Трасслер.

– Ну конечно. Я вижу, как ты ее любишь, – ответил Майкл. – Для тебя важнее было поехать к шлюхе, чем перезвонить мне. Господи, да ты, видно, просто без ума от нее!

Он развернулся и вышел из комнаты.

Автомобиль разваливался на ходу. Вонь в нем стояла невыносимая. Шоссе М-1 тоже не добавляло хорошего настроения: куда ни глянь, дождь, дорожные работы, встречный поток машин, красные и белые разметочные конусы.

Бесконечная вереница грузовиков, взбивающих лужи в водяную пыль, более плотную, чем туман.

«Дворники» больше визжали, чем чистили стекло. Каждые несколько минут крышка бардачка обрушивалась Гленну на колени. Под приборной доской комом висела проводка, и нужно было постоянно следить, чтобы в ней не запутались ноги. Убойному отделу обычно требуется примерно два года, чтобы превратить в хлам новую машину, а этому «воксхоллу» исполнилось уже три года. В нем был выкурен целый миллиард сигарет. Совсем недавно – может, вчера ночью – кто-то явно блевал на заднем сиденье. И Гленн не мог решить, что хуже в восемь часов утра: вонь блевотины или тошнотный запах «Деттола», разлитого щедрой рукой для того, чтобы эту вонь отбить.

За рулем сидел Майк Харрис. Они направлялись на север, и скоро должна была показаться заправочная станция уотфордского перегона. Там они остановятся для завтрака. Гленн устал и хотел есть – он не спал большую часть ночи, просматривая книги по патологоанатомическому вскрытию. Когда же он наконец уснул, ему приснилась женщина с пластиковым пакетом на голове, мечущаяся в агонии.

У Майка Харриса было доброе лицо и сильный характер. Он был мудр и плотно сбит. Он был стреляным воробьем, который давным-давно разобрался в колесиках, поддерживающих функционирование мира. Он понимал людей. Он умел выпутываться из трудных ситуаций.

Они сидели на неудобных литых стульях за абсурдно маленьким металлическим, покрытым пластиком столом. Яичница, бекон, сосиска, бобы, колбаска из свиной крови, жира и зерна, поджаренный хлеб, булочки. Они ели и разговаривали. Через полчаса они прибудут в Лутон и заберут из тамошней тюрьмы информатора, который должен сдвинуть с мертвой точки «Стрельбу по тарелкам» – дело о наркоторговцах, но пока у Гленна было время рассказать своему гораздо более опытному, чем он сам, коллеге об обстоятельствах дела Кору Барстридж и поделиться с ним своими сомнениями.

Майк Харрис положил бобов на ломтик бекона и вилкой отправил этот «бутерброд» в рот. Сквозь жевание он спросил:

– Ты ходил в «Ханнингтонз», где она купила комбинезончик?

– Нет. Не подумал об этом.

– Продавец, который ее обслуживал, должен был запомнить, одна она была или с кем-то.

– Верно. Я проверю. – Гленн глотнул чаю и спросил: – Слушай, Майк, как ты думаешь, мне бросить это дело, как велел Дигби?

– Нет. Если ты действительно уверен, что это не самоубийство, напиши отчет и передай его дальше по начальству.

– Старшему детективу-инспектору Гейлору?

– Да. Он понимающий мужик. Изложи все факты, какие у тебя есть, и причины, почему ты считаешь этот случай подозрительным. Пиши так, как ты мне только что рассказывал. Скажи, что, если он не может позволить тебе заниматься этим делом в рабочее время, ты будешь работать в выходные, с тем условием, что в эти дни ты будешь заниматься исключительно Корой Барстридж. На это он может согласиться, если только ты не начнешь тратить деньги.

– На судебную экспертизу?

– Точно. – Детектив-констебль посмотрел на часы. – Ешь быстрее. Мы уже опаздываем.

Гленн прожевал кусок сосиски и уныло сказал:

– Мне все же нужна экспертиза отпечатков пальцев и сломанного замка на чердаке. Без этого ничего не выйдет. И нужно, чтобы криминалисты попали в эту квартиру сегодня. Завтра приезжает ее дочь.

Они молча закончили завтрак, а когда проходили мимо игровых автоматов, Майк Харрис сказал:

– Слушай, я в полиции уже тридцать лет. Когда вернемся, поговори с Роном Саттоном из брайтонской команды криминалистов. Скажи, что ты от меня, и попроси сделать тебе одолжение. Он мне кое-чем обязан.

Гленн поблагодарил Майка и добавил:

– Я его знаю. Хороший дядька.

Из-за ливня им пришлось рысцой бежать до машины, припаркованной в дальнем углу стоянки. Выруливая на подъездную дорожку, Майк Харрис спросил:

– Ты занят в четверг вечером? Или у тебя вечерняя смена?

Гленн взглянул в зеркало заднего вида. По-прежнему поток машин.

– Нет. У меня вечерние смены с понедельника.

Детектив прибавил скорости, обогнав автомобиль.

– В четверг будут проводы одного парня в Лондоне. Я его сто лет знаю – еще на курсах детективов с ним учился. Перевели в разведслужбу департамента. Будет хорошая вечеринка с объездом всех значных столичных мест. Думаю, закончим в Сохо у китайок. Хочешь присоединиться? Может, завяжешь нужные знакомства – там будут большие шишки. Никогда не знаешь, кто может в один прекрасный момент тебе понадобиться.

– Да, я бы хотел прийти. Спасибо за приглашение.

– Пусть жена выдаст письменное разрешение.

– Нет проблем, – с лихим видом ответил Гленн, хотя в действительности они были: Грейс не была ревнива, но испытывала предубеждение против «мальчишников».

Будто прочитав его мысли, Майк Харрис посоветовал:

– Скажи, что тебе это нужно для работы.

– Я никогда не вру ей.

– Это и не будет враньем.

– И я не подкаблучник, понятно?

Харрис только улыбнулся в ответ.

Гленн почему-то воспринял его улыбку близко к сердцу.

– Честное слово, – настаивал он. – Я свободный человек!

– От вокзала Хоува в пять двадцать отходит поезд. На нем и поедем.

– А что надеть?

– Что-нибудь, на чем не видно следов от пива и губной помады.

Среда, 30 июля 1997 года, 8:35

«Защита ферзя ладьей» Ботвинника! Какой старый ход! Его вариант использовал Дипер Блю в третьей игре против Каспарова в 1997-м. И сейчас мой друг Юрген Юргенс сделал тот же самый ход.

Очень важно не бросать играть в шахматы по Интернету. Шахматы упражняют мозг, а меня беспокоят эти провалы памяти, которые случаются все чаще и чаще. Меня пугают те отрезки времени, которые проходят, не оставляя никакого следа. Из моей жизни выпала большая часть понедельника. Я забыл про женщину... про существо. Не отнес ей ни воды, ни еды.

Ну, не так уж я жалею об этом. Сучка, позволившая Майклу Тенненту проникнуть в себя, заслуживает еще и не такого.

Так что, может, я и не забыл о ней. Может, во мне взяло верх мое подсознание, и я просто наказал ее. Нам всем нужно время от времени выпускать того, кто живет у нас внутри. Пусть тоже скажет свое слово. Иногда мы выпускаем его, когда ведем машину на шоссе, и он неплохо справляется. Похоже, нам просто нужно немножко больше верить в себя.

В следующий раз Теренсу Джоэлю нужно спросить у психиатра об этих провалах памяти.

Сегодня плохая погода. Дождливое утро. Существо даже не понимает, как ему повезло, что оно находится в теплом, сухом месте.

Надо сегодня позвонить дилеру – я ему уже давно не звонил. Большие перемены на рынках. И еще нужно купить продуктов. И кончился растворитель, которым я смываю с рук машинную смазку. Я разбираю «альфу-ромео» этой суки, и руки постоянно пачкаются.

Я пока добр к существу. Я ему еще ничего не сделал, даже ни разу не испугал. У него есть матрас, еда, питье, мыльная вода, полотенце, высококачественная туалетная бумага. Для него все могло быть гораздо хуже.

Интересно, какое лицо будет у Майкла Теннента сегодня вечером, когда он услышит, как оно кричит?

Жирдяй рассказывал анекдот. Это было его обычное паясничанье перед классом – все уже сидели на своих местах, но учитель еще не пришел. Его звали Мартин Уэббер.

Рыжая голова, веснушки, маленький крысиный рот, по-хомячьи наеденные щеки. Анекдоты он рассказывал писклявым, режущим ухо голосом.

Тот анекдот, который он рассказывал сейчас, все уже слышали – и от него же. Томас Ламарк помнил его, остальной класс – нет. Что с дебилов возьмешь.

– Один ирландец по имени Пэдди хотел покончить жизнь самоубийством, выпрыгнув из подвала!

Класс взревел от смеха, а Томас не понимал, над чем они смеются. Человек хотел покончить жизнь самоубийством. Это печально, а не смешно. Человеку не хватило ума понять, что для того, чтобы убить себя, он должен прыгнуть с достаточной высоты. Кажется, их веселье подогревалось тем, что это был ирландец. «Ирландцами» почему-то называли всех недалеких людей, но Томас не понимал почему.

– До Томаса не дошло! – сказал Джастин Уаттс-Уэстон.

– Господи, ну и тупой же ты, Томас! – поддакнул Тони Диккинсон. Он почти сполз со своего стула, чтобы расположить свое лицо как можно ближе к Томасу, и, брызгая слюной, заверещал: – Тупой, тупой, тупой! Дурак! Дурак! Дурак!

У Диккинсона были ершистые светлые волосы, курносый нос и выпученные, как у лягушки, глаза. Как-то Томас задумался, что будет, если он чиркнет по одному из них бритвой. Она лежала у него в парте – скульптурный резец «Стэнли». Это было бы так легко...

– Эй, маменькин сынок! Если твоя мамочка такая звезда, почему у нее в этом году не вышел новый фильм? – продолжал дразниться Диккинсон. – Мой папа говорит, что про нее уже все забыли.

Еще секунда, и Томас набросился бы на Диккинсона, но тот вдруг сел прямо за своей партией, а в классе стало тихо, потому что вошел мистер Лэндимор, учитель истории.

Томас не отводил от Диккинсона налитых кровью глаз, в это время мистер Лэндимор начал писать на доске, но Томасу нечему было учиться у этого глупца: он уже знал историю куда лучше его.

Он приподнял крышку парты и стал смотреть на еще живую, шевелящуюся муху. Неожиданно она закружилась на месте – из-за отсутствия крыльев беззвучно.

Еще раньше он под увеличительным стеклом, с помощью пинцета и резца отрезал ей крылья и лапки. Он опустил крышку парты и записал в тетради: «Все мухи жужжат, а эта кружится». Вот это смешно.

Уэббер явно не читал «Анатомию» Генри Грэя. Томас отыскал ее в кенсингтонской библиотеке и прочел от корки до корки, запоминая каждый рисунок. Теперь он легко мог прооперировать одну из почек Уэббера. Было бы здорово поймать его, усыпить, вырезать ему почку, зашить и отправить домой. А потом прислать вырезанную почку его родителям. Он проработал план действий в деталях. Эта идея ему очень нравилась.

Почти так же, как идея полоснуть по лягушачьему глазу Тони Диккинсона бритвой.

Интересно, Мартин Уэббер завертится, как муха, если отрезать ему руки и ноги?

– Мяч, идиот! Мяч! Подай мяч, идиот!

Снова Диккинсон. Площадка для игр, на которой они должны были находиться во время утренней перемены, была местом пытки.

Мать недавно сказала Томасу:

– Ты же понимаешь, Том-Том, что у тебя не все в порядке с головой. Понимаешь?

Да, он понимал. Что-то у него там было не так, но, кроме него и матери, никто об этом не знал. Это была их тайна, в которую они посвятили доктора Брукмана с Харлей-стрит. Доктор Брукман давал ему лекарство и наблюдал его, но теперь они ходили к нему гораздо реже, чем прежде. Он и его мать знали, что доктор Брукман тоже никому ничего не скажет.

Мамочка отправила его в школу, наказав за то, что он недостаточно любил ее. Она предупредила, чтобы он не рассказывал их тайну другим мальчикам, – ведь если кто-нибудь узнает, его заберут у нее и посадят в больницу, и он никогда уже не увидит свою мамочку. Никогда.

Сейчас, на площадке для игр, они тыкали в него пальцами. Он что-то сделал не так, но не знал – что. Им не нравилось, что он стоит здесь, они хотели, чтобы он ушел. Они твердили ему, что у него не все в порядке с головой, и иногда он думал, что это мать рассказала им об этом, чтобы наказать за то, что он плохой мальчик.

К нему катился футбольный мяч, а он не обращал на него внимания. Они что, из-за этого твякают? Из-за глупого мяча?

Кто-то прокричал:

– Эй, Томас, убогий, подай мяч!

Тяжело дыша, мяч догнал Ричард Грэнтам. Он остановил его ногой и, ведя мяч, сделал два круга вокруг Томаса.

– Томас, ты ненормальный. Знаешь об этом?

Сегодня они взъелись на него из-за того, что он не засмеялся над тем, над чем должен был засмеяться. Вчера – из-за того, что он засмеялся там, где не надо. В этом месте, в этой школе, все дети функционировали на волне, которой не было в его диапазоне. Он не хотел гоняться за мячом. А здесь, если не хочешь гоняться за мячом, – ты псих.

Кто-то подбежал к нему сзади. Прежде чем Томас успел повернуться, он получил пинок в зад жестким носком туфли и упал вперед, на окружающий площадку забор из проволочной сетки.

Поднявшись, он повернулся и увидел ухмыляющегося Тони Диккинсона и еще нескольких мальчиков. Он отвернулся от них и пошел прочь, стараясь не показывать, что ему больно. Он зашел в класс, поднял крышку парты и взял оттуда резец.

Проведя пальцем по стальному лезвию, убедился, что оно бритвенно острое – на пальце появилась тонкая, наливающаяся кровью черта.

Отлично!

С резцом в руке он сел за парту Тони Диккинсона и стал смотреть на настенные часы и слушать доносящийся с улицы ор, дожидаясь, когда закончится перемена. Потом звуки изменились: он услышал шаги, болтовню, шум отодвигающихся стульев. Дети возвращались в класс. Потом раздался голос Диккинсона:

– Эй, кретин, ты сел за мою парту!

Томас не шелохнулся, изучая классную доску, на которой четким почерком мистера Лэндимора было написано: «Великая хартия вольностей 1215 года». Шаги раздались совсем рядом. Рывок за волосы, и голова откинулась назад. Теперь он смотрел прямо в выпученные глаза Тони Диккинсона.

– Слезай с моего места, ублюдок!

Томас не шелохнулся.

Диккинсон наклонился ближе:

– Слезай, я сказал!

Он стал стаскивать Томаса со стула. В этот момент Томас поднял правую руку и одним быстрым, четким горизонтальным движением полоснул по главному яблоку Диккинсона, разделяя ровно напополам белок, радужку и зрачок. Будто виноградину разрезал. Сразу после разреза

он увидел, как чисто начали разделяться ткани, и насладился кратким и драгоценным моментом, когда Диккинсон понял, что произошло с его глазом. Затем из разреза потекла прозрачная жидкость.

Она была похожа на виноградный сок.

Запах встретил Гленна Брэнсона в коридоре второго этажа брайтонского отделения полиции. Гленн устал от поездки в Лутон и понуро шел, засунув руки в карманы плаща. Было всего лишь второй час дня, но он чувствовал себя так, будто отпахал целую смену. А теперь еще этот запах.

Его догнала знакомая женщина-констебль. Она работала в отделе семейных проблем, который размещался рядом вместе с отделом тяжких преступлений. Она сморщила нос:

– Труп!

Гленн кивнул. Смерть. Второй раз за неделю. Этот мерзкий гнилостный запах, становившийся все сильнее по мере того, как они приближались к его источнику, был в точности таким же, как в квартире Кору Барстридж в прошлый четверг, хотя, похоже, здесь он был сильнее.

Гленн дошел до распахнутой двери фотостудии. Она была залита ослепительным белым светом. Перед стоящим на штативе фотоаппаратом, на большом белом листе бумаги, служившем фоном, лежал выпачканный в крови хлопчатобумажный пиджак. Рядом с ним в белом защитном костюме, резиновых бахилах и резиновых перчатках стоял Рон Саттон, криминалист, с которым Гленн подружился во время своей двухгодичной службы патрульным. Рон разделял страсть Гленна к старым фильмам.

Высокого, светловолосого, бородатого, спокойного и методичного Рона Саттона не выбивали из колеи даже самые сложные задания. В этот момент он вытаскивал из черного пластикового мешка окровавленный бежевый носок.

Гленн заглянул внутрь студии. В ней было ужасающе жарко от ламп освещения.

– Господи, как ты тут существуешь среди этого запаха!

– Тряпки Тэмми Гивелла. – Рон повернулся к нему и вскинул брови.

Гленн кивнул. Тэм Гивелл, главный свидетель обвинения в деле «Стрельба по тарелкам», был зарезан мачете в собственной квартире.

– Я подумал, не занят ли ты, – сказал Гленн. – Глупо подумал.

Рон встал за камеру и сделал несколько фотографий пиджака. Гленн молча наблюдал за ним. Рон поднял пиджак, запихнул во второй пакет и положил на его место носок.

– А ты? Как ты там плаваешь в Хоуве?

– С волны на волну. – Гленн поколебался, затем с надеждой

улыбнулся. – Майк Харрис сказал, что можно к тебе прийти за помощью, если сказать, что от него.

Рон передвинул штатив ближе к листу, настроил угол наклона фотоаппарата, затем приник к видоискателю.

– Что от меня нужно?

– Нужно, чтобы ты поглядел на чердачный люк и помел пыль в квартире.

Рон сделал очередную серию снимков, убрал носок, пошарил в мешке и, вытащив второй, положил его на бумагу, где до этого лежал первый носок.

– Без санкции?

– Это самоубийство, но у меня есть некоторые сомнения по этому поводу. Я покажу тебе почему.

– Можешь получить от своего детектива-сержанта санкцию на поиск и обработку отпечатков пальцев?

– Нет. Я говорил с Дигби – он убежден, что это самоубийство. Майк посоветовал мне написать отчет и передать его начальству. Сейчас я этим и занимаюсь.

– Отпечатки пальцев нельзя обработать без санкции.

– Это ничего. Зато они у нас будут, если вдруг понадобятся.

Рон внимательно посмотрел на Гленна:

– Это верный способ занять неприятности. Зачем тебе это нужно?

– Ты не знаешь, кто это, Рон. Это Кора Барстридж.

Рон смягчился:

– Это уже интереснее. Я должен был догадаться, что ты добьешься, чтобы это дело поручили тебе.

– Не совсем так. Я ее обнаружил и теперь вижу, что концы с концами не сходятся, можешь мне поверить. Завтра приезжает ее дочь с семьей, и отпечатки искать будет уже бесполезно. Ты должен не только Майку. Мне – тоже.

– Да ну?

– Помнишь кассету, которую я тебе достал, «Заводной апельсин»? Стэнли Кубрик настоял, чтобы этот фильм никогда больше не показывали. Я ее стырил в прошлом году из изъятого у продавцов нелегального видео. Ты сказал, что дашь зуб за то, чтобы посмотреть этот фильм, а меня за это могли выгнать из полиции. – Гленн встал перед фотоаппаратом. – Так что ты мне должен, Рон. – Он помахал рукой в фотоаппарат: – Привет, мам!

– Ну ты и заноза, Гленн. Здоровая, лысая заноза в заднице.

– И еще я черный.

– Это тоже.

Она была красивой, но ему тяжело было на нее смотреть. Частично из-за выражения муки на ее лице, частично из-за того, что Аманда была сильно похожа на нее: тот же голос и манера речи, мимика, манера двигаться. Она была на дюйм или два выше Аманды, но это не бросалось в глаза. У нее были длинные золотисто-каштановые волосы. В обтягивающей футболке и еще более обтягивающих джинсах Тереза Кэпстик была похожа скорее на подростка, чем на женщину пятидесяти двух лет.

Майкл, задумчиво улыбаясь, оглядывал гостиную, размышляя о том, как точно Аманда описала свою мать и ее дом. Богема чистой воды, да еще и застывшая где-то в конце шестидесятых. Ацтекские ковры, круглые подушечки, круглые бумажные абажуры, подставки под китайские палочки, стеклянная пирамидка, полка, заполненная кусочками горного хрусталя. Везде книги по эзотерике и мистике, цитата из «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» в рамке на стене.

Однако в этом уютном домике с террасой, построенном в стиле Регентства, были и предметы современного искусства. Несколько любопытных абстрактных картин на стенах, несколько столь же любопытных скульптур, целые джунгли домашних растений, неожиданные занавески – кремовые в черную полосу. Сквозь французские окна открывался вид на зеленый ухоженный сад. Дождь кончился, но, судя по цвету неба, он мог опять начаться в любую минуту.

Майкл отхлебнул черного кофе с цикорием и взял с тарелки один из сэндвичей с копченым лососем. У него по-прежнему не было аппетита, но на часах было два, а у него, как и вчера, был очень легкий завтрак.

В комнате висело несколько фотографий Аманды – на некоторых она была одна, на других вместе с сестрой, Ларой, у которой он уже был сегодня утром до приезда сюда.

Лара была не похожа на Аманду. У нее были каштановые волосы и довольно плотная фигура. Она была более нервной, чем Аманда, и сейчас, находясь дома одна с тремя простудившимися детьми и беспокоясь за сестру, едва держалась.

От Лары Майкл не узнал ничего нового. Аманда благополучно приехала на день рождения племянницы. В разговоре упомянула, что у нее в жизни появился новый мужчина и с работой все замечательно. Вечером, уезжая обратно в Лондон, она была в таком радужном настроении, в каком

Лара ее никогда прежде не видела.

И вот теперь ее мать, которая также присутствовала на дне рождения, говорила то же самое. Аманда не сказала и не сделала ничего, что могло бы навести на мысль, что у нее что-то не в порядке.

Тереза вручила ему очередной альбом с фотографиями:

– Здесь ей от десяти до пятнадцати.

Майкл вытер пальцы и поднял тяжелый кожаный переплет. Аманда, с которой слетело пятнадцать лет, улыбалась ему с гондолы в Венеции. Едва узнаваемая и явно пьяная, пела, сидя в компании за столом, пижонски держа сигарету. Антураж напоминал гостиницу лыжного курорта. На другой фотографии она стояла на лыжах на горном спуске, приняв абсурдно-показушную – вот я какая! – позу.

Ему было больно рассматривать эти фотографии, но он не мог от них оторваться.

– Вы говорили с полицией сегодня? – спросила Тереза.

– Да, с детективом-сержантом Ройбаком. Ничего нового.

– А ее помощница, Лулу? Она очень деятельная девушка.

– Мы созваниваемся каждые несколько часов. Вы хорошо знаете Брайана Трасслера? – спросил Майкл.

– За семь лет я видела его один раз. Аманда пригласила меня в его квартиру на чай, чтобы познакомиться. Он был очень мил, но понимаете, я оказалась в довольно трудном положении. Мать всегда хочет самого лучшего для своего ребенка. А встречаться с женатым мужчиной – это далеко не самое лучшее. Вы его знаете?

– Видел вчера вечером. Пытался понять, не сделал ли он чего-нибудь с Амандой, разозлившись из-за того, что она его бросила.

– И что вы узнали?

Майкл чуть не сказал, что Брайан Трасслер развлекался с другой женщиной, но пересилил себя и ответил:

– Думаю, Аманда была ему недостаточно дорога для того, чтобы он захотел причинить ей вред. Но исключать ничего нельзя. Я сказал в полиции, что им нелишне было бы поговорить с ним.

– А что вы думаете? – спросила Тереза. – Если, как вы полагаете, это не Брайан Трасслер, то что же тогда могло с ней случиться?

Майкл посмотрел на нее и понял, что она проницательна и умна. Она изучала психологию, разбиралась в языке движений и мимики.

«Она проверяет меня, потому что подозревает, – подумал он, но это не удивило его. – На ее месте я бы тоже подозревал. Если бы у меня пропала дочь, я бы всех подозревал».

– У Аманды слишком твердый характер для того, чтобы она решила исчезнуть на время, сломавшись из-за напряженной работы или... – Он замолк.

– Или личной жизни, – докончила Тереза его фразу.

– Да. Она никогда бы не пропустила важную деловую встречу, никого не предупредив. По крайней мере, она позвонила бы Лулу. – Он посмотрел в альбом, избегая смотреть на Терезу. – В лучшем случае с ней случилось что-то, из-за чего он потеряла память: травма, удар по голове, еще что-нибудь. Она не может появиться, потому что не знает, где ее ждут.

Губы Терезы сжались, она напряглась.

– А в худшем?

Майкл посмотрел на нее:

– В худшем случае она попала в аварию, и ее еще не обнаружили.

Это не было самым худшим, и они оба знали это. Тереза через силу кивнула, встала и подошла к окну.

– Когда Аманда была маленькой, – сказала она сдавленным голосом, – она любила играть в саду. Там у нее была песочница, и она строила воображаемые декорации к фильмам и оживляла их куклами и машинками. Она разыгрывала целые истории в них. Теперь я выращиваю на этом месте зелень и пряные травы: мяту, тмин, лук, розмарин, щавель, укроп. Вы любите укроп, доктор Теннент?

– Пожалуйста, зовите меня Майклом.

– Аманда научила меня жарить рыбу с укропом. Она интересовалась всем на свете. Каждого, с кем она встречается в жизни, она чему-то учит. А вас она чему-нибудь научила?

Возникла долгая пауза, во время которой теперь уже Майкл старался сохранить самообладание.

– Да, – тихо сказал он.

Тереза отвернулась от окна и посмотрела на него покрасневшими глазами.

– Она научила меня снова жить.

Томас лежал голый на тонком, отделанном белым шнуром белье, в кровати под балдахинном. Спальня матери. Запах духов «Шанель», ее волос, ее ароматических масел, ее кожи все еще витал в воздухе.

Она была на экране. В шикарном платье, она садилась на пассажирское сиденье «феррари» с откидным верхом, стоящего возле парадного входа казино в Монте-Карло, в то время как Рок Хадсон придерживал для нее дверь.

– Ты такая красивая, мамочка, – прошептал Томас.

По лицу у него текли слезы.

Три недели и два дня. В гробу, в холоде и одиночестве. В темноте.

Он нажал «паузу» на пульте дистанционного управления. Лицо матери крупным планом застыло. Он взял со столика маленький магнитофон «сони» и нажал кнопку воспроизведения.

Доктор Майкл Теннент сказал:

«О беседковой птице? Нет, не знаю. Орнитология – одно из ваших увлечений?»

Томас остановил пленку, перемотал назад и прослушал снова.

«О беседковой птице? Нет, не знаю. Орнитология – одно из ваших увлечений?»

Остановив кассету, он взял второй магнитофон и произнес в него:

– Здравствуй, Аманда. Как дела?

Потом немного подождал и сказал эту фразу еще раз. Вторая попытка получилась более удачной.

Он проиграл голос психиатра, затем свой собственный. Пока не похоже. Лицо матери выжидательно смотрело на него с экрана. Он стер запись и попробовал снова:

– Здравствуй, Аманда. Как дела?

Лучше! Гораздо, гораздо лучше!

Томас выдвинул ящик прикроватного столика, вынул оттуда пластиковый вибратор матери и провел его гладкой закругленной поверхностью по носу. На нем еще сохранился ее запах. Он глубоко вдохнул, глядя на ее лицо.

– Здравствуй, – сказал он. – Здравствуй, Аманда. Как дела?

Мать улыбалась ему с экрана.

Ей нравилось.

– «Безопасное прибытие». Видел этот фильм? – спросил Рон Саттон, глядя на забранную в рамку афишу в коридоре квартиры Кору Барстридж.

– С Эрнестом Боргнайном и Уолтером Пидженом, – сказал Гленн. – Хороший фильм.

– Мне не понравился конец.

– Ты прав. Конец дерьмовый.

Саттон был в белом комбинезоне, в резиновых перчатках, с большим черным чемоданом. Гленн в своем коричневом костюме чувствовал себя рядом с ним одетым в тряпье.

– Вот здесь я ее нашел.

Саттон поглядел на кровать.

– Где лежала записка? – спросил он.

– В гостиной.

Они прошли в гостиную, и Гленн показал письменный стол, на котором, прижатая статуэткой русалки, лежала записка, находящаяся сейчас у коронера.

– Что на ней было написано?

– «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало».

Саттон поднял брови.

– Это цитата из ее фильма «Зеркало на стене». С Джеймсом Мэйсоном и Лоуренсом Харви. Тысяча девятьсот шестьдесят шестой.

– Никогда его не видел.

– Не видел?

– Да. Всегда был занят, когда он шел по телевизору.

– В прошлом месяце он шел по «Би-би-си-1».

– Знаю. У меня сын что-то записал поверх него.

– Это ее лучший фильм. Не могу поверить, что ты его не видел, – сказал Гленн.

Но Саттон его почти не слушал. Он задумчиво оглядывал комнату.

– Это странно – цитировать в предсмертной записке реплику из своего фильма.

– Я тоже так подумал.

– Вчера по телевизору об этом фильме рассказывал Барри Норман – я случайно включил на половине передачи.

– Я ее записал, но еще не смотрел. Вчера лег спать пораньше.

- Он говорил, что этот фильм начался с конфликта.
- С какого?
- Он говорил, что изначально на эту роль назначили Глорию Ламарк, затем что-то случилось, и ее заменили.

Гленн кивнул:

– Да, я тоже об этом знаю. Кое-что по этому поводу можно найти в биографиях Коре Барстридж. Они даже оскорбляли друг друга на публике, а однажды, на премьере какого-то фильма, Глория Ламарк швырнула в Кору бокал вина. В присутствии кого-то из членов королевской семьи. – Гленн покачал головой. – Поверить не могу, что ты его не видел. Черт, этот фильм сделал карьеру Коре Барстридж. За него она номинировалась на «Оскар».

Саттон прошел к входной двери, открыл ее, осмотрел, закрыл, затем снова открыл.

- Полагаю, ее починили после того, как ты ее выбил?
- Да.
- Если кто-то проник сюда через дверь, ты успешно уничтожил все свидетельства этому.

С показным раскаянием на лице Гленн сказал:

– Ну извини.

Лицо Саттона просветлело, когда он увидел бардак в кухонном чулане. Он вынул из чемодана кисточку и жестяную банку с белым порошком и осторожно очистил от избытка пыли пол под ведущим на чердак люком и нижнюю поверхность самого люка. Затем он вытащил из чемодана ультрафиолетовую лампу, включил ее и осветил всю очищенную от пыли площадь.

– Отпечаток ботинка, – сказал он.

Гленн его тоже увидел. Ясный отпечаток передней части подошвы.

Саттон сфотографировал его.

– Тринадцатый размер. У тебя какой?

– У меня? Одиннадцатый.

– Кроме тебя, кто-нибудь еще из полицейских заходил сюда?

– Нет.

– Крупный мужчина, – сказал Саттон. – Высокого роста.

– Откуда ты знаешь, что это мужчина?

Саттон хитро посмотрел на Гленна:

– Ты когда-нибудь видел бабу с обувью тринадцатого размера?

– Нет. Но все когда-то случается в первый раз.

– Лично мне такие большие женщины не нравятся. – Саттон осмотрел люк. – Ладно, здесь чисто. Поддержи-ка меня.

Гленн соединил руки, Саттон оперся о них ногой и поднялся вверх. Гленн последовал за ним, включил свет и наслаждался испугом Саттона, когда тот увидел манекен.

– «Госпожи сейчас нет», – сказал Гленн.

– Той, у которой тринадцатый размер?

– Нет. Так фильм называется, с Тони Перкинсом, откуда это страшилище.

– Хороший был фильм. Страшный. – Саттон с опаской, совершенно так же, как Гленн в свой предыдущий визит, поглядел на манекен. – Ну и где тут пожарный выход?

Гленн показал рукой и последовал за Саттоном.

– Полоска ткани висела...

Он остановился на полуслове, потому что криминалист уже увидел кремовый лоскуток на подпирающем крышу столбе и посветил на него фонарем.

– Он здесь недавно, – сказал он. – На нем нет пыли.

Настроение Гленна улучшилось. Он не хотел, чтобы Саттон думал, что он притащил его сюда зря и даром потратил его время. След в чулане был хорошим началом, и полоска ткани не разочаровала Саттона.

– Можешь определить, откуда она?

– Без лабораторного анализа – нет. Похоже на лен. Это мог быть пиджак, брюки, юбка. Все, что угодно.

– Он висит на высоте пяти с половиной футов от пола, Рон. Это не может быть юбка или брюки.

– Ну тогда, наверное, это твоя баба с тринадцатым размером, – сухо сказал Саттон, затем осторожно снял лоскуток с гвоздя, положил его в небольшой пластиковый пакетик и вручил пакетик Гленну со словами: – Храни возле сердца.

Они медленно двигались вдоль чердака, проверяя все опорные столбы и промежутки между стропилами, пока не достигли двери пожарного выхода. Саттон прошелся кисточкой по ее внутренней стороне и по косякам, но не нашел ни единого отпечатка пальцев. Затем он открыл дверь и зажмурился от яркого солнечного света. Небо прояснилось, светило солнце. Вечер обещал быть хорошим.

Они вышли на площадку пожарной лестницы. Гленн обратил внимание на здания вокруг. У этих старых домов с красивыми фасадами задние стены были унылыми, даже уродливыми и, словно шрамами, расчерчены пожарными лестницами, как та, на которой они стояли.

– Лето в самом разгаре, – сказал Рон Саттон. – Значит, кто-то залез на

чердак из квартиры, затем вышел через эту дверь и не оставил отпечатков пальцев. Летом не так много людей ходят в перчатках – если только они не заботятся о том, чтобы не оставить отпечатков.

– Или чтобы не испачкать рук.

Саттон разглядывал замок.

– Дверь открыли изнутри, примерно так же, как ты попал в квартиру, – хорошим пинком.

– Ты уверен? – разочарованно спросил Гленн. Было бы куда лучше, если бы Рон сказал, что дверь выбили снаружи.

– Никаких отметин с внешней стороны. Если бы кто-нибудь взламывал дверь с улицы, ему бы пришлось отдавить дверь на себя. Какой бы инструмент он ни использовал, на ней все равно остались бы царапины.

Гленн кивнул. Это он мог понять.

– Значит, у нас есть отпечаток ботинка и полоска ткани. Извини меня, Рон. Надеюсь, ты не думаешь, что зря потратил время.

– Людей вешали и при меньших уликах, Гленн.

– Мне кажется, того, что мы нашли, не хватит, чтобы убедить Дигби. Полподошвы и лоскут от юбки или брюк.

– У тебя есть зацепка. Ищи женщину с тринадцатым размером обуви, которой вздумалось постоять на руках на чердаке.

Гленн обиженно посмотрел на него.

– Прости, – сказал Рон Саттон. – У меня был длинный день.

Национальная служба по поиску пропавших располагается на шумной улице в районе Мортлейк, всего несколькими милями западнее Шин-Парк-Хоспитал (если двигаться по руслу Темзы), в ничем не примечательном длинном двухэтажном доме. Посетители здесь не приветствуются – всю информацию, необходимую сотрудникам этой службы для эффективной работы, они получают по телефону.

Майкл сделал это неприятное открытие, стоя перед входом в здание на сохнущем на жарком солнце тротуаре и разговаривая с женским голосом по домофону. Этот голос был вежлив, но непреклонен.

– Если вы хотите заявить о пропаже человека, позвоните нам по телефону. У нас нет условий для приема посетителей.

Майкл чувствовал себя разбитым. Он только что поссорился по телефону с детективом-констеблем Ройбаком из полиции Хэмпстеда. Детектив сказал ему, что пока никого не опрашивал, и посоветовал позвонить на следующей неделе.

Была среда, четыре часа дня. Аманды не было уже больше двух с половиной дней. Через три часа у него эфир на «Ток-радио», и он, не сообщив об этом продюсеру заранее, собирался во время передачи дать описание Аманды. Почему бы и нет? Что ему терять?

Возвращаясь из Суссекса, он повторил маршрут, по которому, по мнению Лары, должна была ехать Аманда в воскресенье вечером. Во время первой половины пути, которая проходила по извилистым сельским дорогам, он несколько раз останавливался на поворотах и осматривал места с особенно густой листвой, способной скрыть попавшую в аварию машину.

Его ботинки были в грязи, лицо исцарапано колючими ежевичными ветвями. Он был рад, что над дверью, перед которой он сейчас стоял, не было камеры. Глядя на металлическую решетку домофона, он разыграл свой последний козырь:

– Я кое-что хотел бы с вами обсудить. Меня зовут доктор Теннент. Я психиатр и веду радиопередачу по средам. Я мог бы упомянуть в ней вашу организацию.

Возникла пауза, затем голос с неохотой произнес:

– Хорошо. Пожалуйста, поднимитесь на второй этаж.

Когда Майкл открыл дверь, ведущую с лестничной площадки второго

(и последнего) этажа в обширное, не разделенное перегородками помещение, он понял, что женщина имела в виду, когда сказала, что у них нет условий для приема посетителей. Здесь располагалось около сорока столов, стоявших вдоль обеих длинных стен, правая из которых была сплошь, от пола до потолка, покрыта большими фотографиями пропавших людей с подписями, выполненными жирными красными, синими и черными буквами; левая стена, с окнами, выходила на оживленную улицу.

Почти все столы были заняты. Сотрудники звонили по телефону или работали за компьютерами. Тихая атмосфера занятости и всепронизывающей срочности. За столами – мужчины и женщины, в основном среднего возраста, в основном белые.

К Майклу подошла светловолосая женщина лет сорока, сурового вида, в строгом синем костюме, который очень ей шел. Она с сомнением посмотрела на него, обратив внимание на поцарапанное лицо и беспорядок в одежде.

– Доктор Теннент?

– Да. Извините за вторжение.

– Меня зовут Кэролайн Нельсон, – холодно представилась женщина. – Я координатор смены. Я слушала вашу передачу.

По выражению ее лица нельзя было понять, понравилась ей передача или нет, но, по крайней мере, она хоть знала, кто перед ней. Майкл улыбнулся:

– Мне каждый раз говорят, что у передачи бешеный рейтинг. Я рад, что хоть один слушатель оказался из плоти и крови!

– Боюсь вас разочаровать, но я не постоянный слушатель, – предупредила Кэролайн Нельсон и, увидев его ботинки, еще внимательней всмотрелась в его лицо. – С вами все в порядке? Вы попали в аварию?

– Да, со мной все в порядке. Простите меня за мой вид. Я искал кое-кого... и упал в канаву. – По ее лицу он понял, что это объяснение ее не удовлетворило, и поспешил продолжить: – Слушайте, я понимаю, что у вас много работы, но я не псих. Я психиатр. Одна моя знакомая пропала, а я не могу заставить полицию воспринять ее исчезновение всерьез. Через три часа у меня эфир, и, возможно, вы мне подскажете, как правильно обратиться к слушателям по этому вопросу. Если вы мне поможете, я расскажу и о вашей службе. Уверен, что вам не помешает дополнительная реклама.

– Может быть, выпьете чаю? Кофе?

– Чаю, если можно.

Кэролайн Нельсон провела Майкла в крохотную комнату для отдыха

персонала и сделала ему чай в пластиковом стаканчике. Ее холодность и настороженность не исчезли.

– Доктор Теннент, в Великобритании за год пропадает двести пятьдесят тысяч человек. Если бы все приходили сюда, чтобы сделать заявление, у нашей двери выстроилась бы очередь, десять раз идущая до перекрестка и обратно.

– Я понимаю.

– Для вас я сделала исключение, но вы должны обещать, что не станете сообщать по радио наш адрес. Только телефон.

Майкл улыбнулся:

– Обещаю.

– Хорошо. – Голос стал чуть мягче. – Теперь расскажите мне, что у вас произошло.

Майкл рассказал все, от начала до конца. Когда он закончил, Кэролайн Нельсон вместо того, чтобы хоть как-то выразить свое сочувствие, сухо спросила:

– Вы не били ее, доктор Теннент?

– Нет! Конечно нет!

– Вы уверены?

– Конечно! Мы... у нас...

– Вы не угрожали ей?

– Никогда. Мы любим друг друга.

– При всем уважении, доктор Теннент, так говорит большинство мужчин.

– Я не бью женщин. Я хороший парень.

– Я должна поверить на слово человеку, выглядящему так, будто его излупили в пабе?

Кэролайн Нельсон начала раздражать Майкла. Ему пришлось приложить усилие, чтобы остаться спокойным.

– Говорю вам, я осматривал обочину дороги, отыскивая попавшую в аварию машину, и упал в канаву.

Строгая женщина молча посмотрела ему в глаза и ничего не ответила.

Ему стало не по себе от ее взгляда, и он отвернулся к окну. На телевизионной антенне сидели два скворца. Где-то за этим окном была Аманда. Только где? *Милая моя, где ты?*

– Вы должны понимать, что нам постоянно звонят мужчины, заявляющие о пропаже подруги или жены. В большинстве случаев они просто избili их, и те убежали от них к друзьям или в гостиницу.

– У нас не было ничего подобного. Все было совершенно иначе. Мы

провели прекрасный день, у нас было полное взаимопонимание. Аманда уехала на день рождения племянницы и должна была позвонить мне вечером. И потом, дело не только во мне – она не появилась на работе, пропустила несколько важных деловых встреч. Это абсолютно на нее не похоже. Ее коллеги очень обеспокоены.

– Вы любите друг друга. Вы полагаете, что она любит вас, как вы ее?

– Она великая актриса, если притворяется.

Кэролайн Нельсон отпила чай.

– Вы ее практически не знаете. Вполне вероятно, что у нее есть тайная жизнь, которую она скрывает от вас.

Майкл поставил стаканчик на стол и встал, в ярости сжимая кулаки.

– Господи, да что к черту происходит с этим миром?! Говорю вам, я все уже выяснил. Если она скрывала тайную жизнь от меня, о ней все равно бы знала ее ассистентка. Лулу ее подруга. Аманда попала в беду, в настоящую беду – Господи сохрани, и она, может быть, уже мертва. Я единственный человек в этой паршивой стране, который пытается выяснить, что с ней. Почему мне никто не хочет помогать?

Кэролайн Нельсон успокаивающе подняла руки:

– Пожалуйста, не волнуйтесь! Мы попытаемся вам помочь.

Майкл снова отвернулся к окну и стал смотреть на скворцов.

– Спасибо.

– У вас есть ее фотография?

– Даже несколько.

– Мы увеличим ее и расклеим на наших досках объявлений. И еще попытаемся договориться с телеканалами, чтобы они пустили объявление о ее исчезновении в эфир. Вы удовлетворены?

– Сделайте, пожалуйста, все, что возможно! – взмолился Майкл. – Все, что возможно. Спасибо.

– Чтобы вас ободрить хоть немного, могу сказать, что большинство пропавших людей возвращаются домой в течение тридцати двух дней.

– Я не могу ждать тридцать два дня. К тому времени я буду сидеть в смирительной рубашке в своей собственной клинике.

Кэролайн Нельсон улыбнулась мимолетной улыбкой, затем сказала:

– Уверена, что она скоро вернется. В течение тридцати двух дней возвращаются более семидесяти пяти процентов пропавших.

– А остальные двадцать пять процентов? Что происходит с ними?

Ответа не последовало, только долгий взгляд.

Муж Лары, Оливер, переворачивал мясо, лежащее на решетке барбекю. Остальные сидели за деревянным столом в тени большой ивы. Двухлетняя Элис, четырехлетняя Леонора и Джейк, которому было почти пять, смеялись. Лара тоже смеялась.

Прекрасная погода. Безоблачное небо, отсутствие ветра. Живописное море зреющей пшеницы за изгородью.

– Я влюбилась, – заявила Аманда.

Все головы повернулись к ней. Они улыбались, тем самым приглашая ее продолжать.

– Я влюбилась до сумасшествия. Никогда ничего подобного не чувствовала. Я нашла человека, который...

Ее голос странно отдалился, будто она слушала его со стороны. Затем, как при смене сцен в фильме, все изменилось. Солнечный свет угас, ее обступила темнота.

Аманда лежала на жестком комковатом матрасе. Сжимающий сердце страх вернулся. Она обзревала бесконечную темноту, которая была теперь ее миром.

Она лежала тихо, спрашивая себя, сколько сейчас может быть времени. Что сейчас: ночь? день? утро? вечер? «Наверно, как-нибудь можно отсчитывать время, – подумала она. – Вот только как?»

Ей очень нужно было помочиться.

В прошлый раз, когда она проснулась, она расположила матрас так, чтобы можно было, перекатившись вправо и пройдя немного по прямой, дойти до ведра-параша. Но сейчас, застыв во время сна, она не смогла подняться и потому поползла к ведру. Вдруг она услышала едва различимый царапающий звук.

Господи. Крыса?

Что-то коснулось ее щеки – мотылек или комар, и она шлепнула по лицу ладонью. Звук шлепка пронесся по помещению и вернулся эхом.

Она добралась до ведра, от которого разило мочой. Облегчившись, протерла лицо и руки мыльной тряпкой, вытерла полотенцем и поднялась. В голове чуть-чуть прояснилось.

Она остро чувствовала присутствие двух трупов в соседней комнате. Один из них был женщиной; осмотреть другой у нее не хватило смелости. Несколько недель назад пропала женщина-редактор. Об этом говорили в

газетах, по телевидению. Миловидная женщина, коротко стриженная шатенка. Неужели это она?

Неужели их (и ее) похитил какой-то монстр, вроде Фреда Уэста из «Молчания ягнят»?

Она замерла, услышав шарканье обуви по полу.

Ее мысли метнулись к придуманному ранее плану побега. В следующий раз, когда он придет, она встанет рядом с дверью и выскользнет из помещения за его спиной.

Можно было, конечно, ударить его чем-нибудь, когда он войдет, вот только чем? Здесь не было ничего подходящего для этой цели. Матрас, пластиковые ведра, бумажные тарелки, бумажный поднос, пластиковая бутылка. Ничего достаточно тяжелого, чтобы сбить человека с ног.

Вдруг из темноты донесся голос Майкла:

– Здравствуй, Аманда. Как дела?

Она повернулась на звук голоса, словно ужаленная.

– Майкл!

Тишина.

– Майкл? – повторила она. Это могла быть галлюцинация.

– Здравствуй, Аманда. Как дела?

Это был Майкл. Холодный, отстраненный Майкл, словно его голосом говорил кто-то другой.

Комната провоняла мочой. Свинообразное существо, катающееся в собственном дерьме. Отвратительно. Оно должно быть наказано за то, что довело помещение до такого состояния.

Томас с коровьим стрекалом в руках наблюдал за Амандой через очки. Какое чистое изображение в зеленых тонах! Он видел каждое ее движение. Она стояла, прижавшись спиной к стене и глядя на то место, где он был секунду назад.

– Сними с себя одежду, Аманда, – сказал он голосом Майкла Теннента.

– Не трогай меня.

– Хочешь, чтобы мой паровозик оказался внутри тебя?

Она нервничала все больше и больше.

– Не трогай меня. – Она повысила голос. – Не трогай меня!

Он сделал один бесшумный шаг по направлению к ней, затем другой.

– Аманда, где ты хочешь, чтобы я сделал тебе больно?

– Я думала, ты любишь меня, Майкл, любишь, – сказала она сдавленным, прерывающимся голосом и шагнула в сторону, думая, что отходит от него. Он сделал несколько шагов – благодаря спортивным

тапочкам бесшумных – и снова оказался прямо перед ней. Не видя его, она смотрела ему прямо в глаза.

С огромным удовольствием он ткнул стрекалом ей в живот и нажал на кнопку, высвобождая электрический разряд.

Неожиданный сильный тычок в живот, переламывающая пополам боль, затем жуткая судорога, прошедшая через все тело. Отпрянув назад, Аманда ударилась о стену.

Еще тычок, на этот раз в грудь. Снова судорога, сворачивающая внутренности в тугой узел. Отпустило, затем опять судорога – будто она попала под электрический ток, который то включали, то выключали. Тычок в бедро, затем в подбородок. Каждый раз короткая судорога. Она кричала, закрывала голову руками, каталась по полу, стараясь избежать жалящего предмета, билась о стену, опрокидывала ведра, молила перестать.

– Пожалуйста! По-о-о-жалуйста. Я все сделаю. Чего тебе надо?! А-а-а-а!

Затем тишина.

Целая вселенная тишины. Она тихо лежала, ожидая очередной судороги. Но ее все не было.

Ей стало дурно. Ее вытошнило.

На линии была Мардж. Она звонила каждую неделю, не пропуская ни одной передачи, и почти всегда добиралась до Майкла с намерением проэкзаменовать его по какому-нибудь очередному вопросу, вычитанному из Юнга или Фрейда.

Сегодня студия казалась Майклу еще более крохотной. У него почему-то не получалось отодвинуться от микрофона, и чертов резиновый шар торчал прямо у него перед лицом. На своем креплении он казался хищной птицей, прицеливающейся, чтобы выклевать Майклу глаза.

Крис Бимиш сидел в аппаратной и наблюдал за ним через звуконепропускаемое окно. *Почему?* Обычно он не делал этого, а отбирал звонящих и передавал их на экран. Позади Бимиша студийный техник, также бородатый, постоянно подходил зачем-то к стойке приборов, и Майкла это отвлекало и раздражало. Ведущий предыдущей передачи почему-то тоже сидел в студии, он облепил пульт желтыми самоклеющимися бумажками с надписями, и это тоже раздражало Майкла. Он старался не смотреть на них, но его глаза постоянно к ним возвращались, избегая взгляда Бимиша. «Виртуальная реальность?» – было написано на одном листочке. «Искусственная жизнь? Если это выглядит как утка, ходит как утка, плавает как утка, тогда, возможно, это и есть утка».

Майкл включил микрофон и, стараясь, чтобы его голос звучал пободрее, сказал:

– Добрый вечер, Мардж из Эссекса!

– Добрый вечер, доктор Теннент. Скажите, вы можете мне объяснить принцип акаузальных взаимосвязей Юнга?

– Конечно, Мардж. Что вам в нем непонятно? – спросил Майкл с излишней живостью, которая, впрочем, осталась ею не замеченной.

– Ну, меня беспокоит то, что в моей жизни могут происходить события, причин которых я не понимаю.

Майкл посмотрел на настенные часы: семь десять. Восемнадцать минут до перерыва на рекламу. Время для Мардж и еще одного слушателя. После них, но до перерыва, он сделает объявление. Мардж подняла очень обширную тему, и он пытался сообразить, как изложить ее кратко и доступно.

– У вас бывают совпадения, Мардж?

- Постоянно.
- Юнг верил в *осмысленные* совпадения. Мне помнится, он однажды сказал, что совпадения – это визитные карточки Бога.
- Мне это нравится! – сказала она.
- Вы имеете представление о теории Юнга о коллективном бессознательном?
- Да, хотя не скажу, что я ее до конца понимаю.
- Юнг был свидетелем нескольких сверхъестественных событий, которые нельзя было объяснить в общепринятых терминах современной ему физики или психологии. Он чувствовал, что они не укладываются в рамки обычного («каузального») совпадения, поэтому для их описания ввел термин «акаузальный». Это понятно?
- Э... не совсем. Разве касательно природы совпадений он не был согласен с Фрейдом?

Майкл старался перевести разговор на личные проблемы Мардж, но она упорно возвращала его к тому, в чем Юнг был согласен с Фрейдом, а в чем – не был.

– Надеюсь, я немного разъяснил вам этот вопрос, – наконец сказал он и с облегчением сбросил звонок. Он был рад, что распрощался с Мардж, хотя, судя по смущенному выражению лица продюсера, проделал это далеко не изящно.

На маленьком компьютерном экране рядом с пультом его ожидал список из шести слушателей. Они были отсортированы по именам, рядом с каждым именем стоял город или местность проживания. Если они звонили раньше, рядом с именем в скобках появлялось сокращение «зарег», чтобы Майкл мог вспомнить их или пригласить звонить чаще.

Вверху списка значилось сейчас весьма необычное имя: Надама из северного Лондона. Под ней была Радж из Илинга, дальше Ингрид из Ноттинг-Хилл-Гейт и Гарет из Икенгема.

Он бодро сказал:

– Здравствуйте, Надама из северного Лондона!

В наушниках раздался испуганный дрожащий голос Аманды:

– Майкл?

Не помня себя от радости, он почти выкрикнул в ответ:

– Аманда? Где ты? С тобой все в порядке?

– Майкл, – ответила она, – мне страшно. Мне не нравится эта игра. Прекрати, пожалуйста.

Он видел, что Бимиш как-то странно посмотрел на него, но ему было все равно. Он разговаривал с Амандой. Он отчаянно замахал Бимишу,

чтобы тот выключил живую трансляцию, включил музыку, все, что угодно.

– Игра? Какая игра? Господи, как ты? Слава богу, ты позвонила. Я чуть с ума не сошел. Где ты?

– Не трогай меня.

Сигнал «Эфир» все еще горел. Майкл снова знаком показал, что трансляцию надо выключить. Бимиш кивнул, и сигнал погас.

Ее голос звучал ужасно, в нем были какие-то неестественные нотки.

Со всей нежностью, на какую он был способен, он сказал:

– Аманда, я не понимаю. Что случилось? Почему ты расстроена?

– Не трогай меня. – Она повысила голос. – Не трогай меня!

Это сводило с ума.

– Я думала, ты любишь меня, Майкл, любишь.

Мысли разрывали его голову. Она что, виделась с Брайаном и он наговорил ей каких-нибудь гадостей про него?

– Слушай, Аманда, скажи мне, что случилось. Что я сделал? Тебе что, кто-нибудь сказал?..

Связь прервалась. Она повесила трубку. Имя «Надама» исчезло с экрана.

Надама. Черт, грубая анаграмма. Он взглянул вверх. Бимиш отчаянно махал ему руками. Затем раздался по интеркому его голос:

– Майк, во имя Господа, что происходит?

Майкл тупо смотрел на него.

– Одна минута до окончания новостей, затем ты снова в эфире.

– Вы можете отследить звонок? – спросил он.

– Сорок секунд.

– Отследите этот чертов звонок! – закричал он.

– Я сделаю все, что смогу, хорошо? Двадцать секунд.

Майкл включил микрофон, и в эфире появилась Радж из Илинга.

Майкл.

Лежа в безмолвной темноте, окруженная вонью собственной рвоты, Аманда пыталась осмыслить, что с ней происходит, – и не могла. Ей было слишком больно.

Как мог совершить такое тот, кто казался таким добрым и милым?

Майкл умен. Может, он и безумен, но он умен. Он никогда не выпустит ее отсюда.

Аманда вспомнила тот вечер и ночь, которую они провели вместе, – казалось, она перенеслась в другую вселенную, в другую эпоху. Она чувствовала себя так спокойно в его объятиях, она мечтала только о том, чтобы вечно лежать так и заниматься с ним любовью. А потом ей вспомнились его каменное лицо, когда она взяла фотографию Кэти, и хватка его руки.

Господи, какая я была дура, что не обратила на это внимания.

Надо было сматываться уже тогда. В те несколько секунд можно было ясно различить его темную половину, но она предпочла не обратить на это внимания, обмануть себя, решив, что это проявление горя, и ничего больше.

Сердце ее объял холодный, сосущий ужас. Ее же никто не сможет найти. Она представила себе, как Майкл разговаривает по телефону с Лулу, выражает озабоченность, дает разные советы, говорит, как им было хорошо друг с другом, притворяется расстроенным.

Ему все поверят. Майкл выше подозрений. Никто не придет и не спасет ее. Ее единственный шанс состоит в том, чтобы попытаться как-то выбраться самой.

Но откуда? Где она?

Аманда стала вспоминать те драгоценные моменты, когда в комнате горел свет. Созданное человеком помещение. Чистое. Современное. Судя по полному отсутствию света и звука, находящееся под землей.

Банковское хранилище? Может быть. Какой-нибудь командный бункер, построенный во времена холодной войны. Тогда в каждом графстве Британии были противорадиационные убежища для граждан и важнейших учреждений.

Майклу Тенненту было бы нелегко узнать о местоположении такого бункера и тем более заполучить его в свое пользование.

«Я могу находиться в любом месте в Великобритании», – подумала она.

Сколько времени его уже нет? Час? Два часа. Надо найти способ отсчитывать время.

Шлицы шурупов вентиляционной решетки имели размер не шире ногтя ее мизинца. Ей нужна была отвертка.

Она с трудом поднялась на ноги, нащупала стену и потащилась вдоль нее, пока не дошла до дверного проема, ведущего во вторую комнату. Она взгляделась в темноту, и та ответила ей мельчайшими искорками света. Движущимися тенями. Человеческими фигурами. Ее разум вышел из-под контроля. Она поспешно отступила назад, в свою комнату. Тело покрылось мурашками.

Они мертвы. Они не могут бродить. Они мертвы, Аманда.

Мертвы.

И ты будешь такая же, как они, если не сделаешь что-нибудь. Вспомни выживших в катастрофах. Только те, кто способен сохранять спокойствие, имеют шанс выжить. Они загоняют страх в самый дальний угол мозга. Они четко мыслят. Они нацелены на выживание.

Она вошла во вторую комнату и медленно направилась вдоль стены, пока нога не уткнулась во что-то твердое. Хотя она и готовилась к этому, все же прикосновение к трупам ввело ее в короткий ступор.

Ей потребовалось время, чтобы собраться и встать на колени рядом с трупом. Формалиновая вонь была почти невыносимой. Ощупав тело, она наткнулась на ногу в нейлоновой чулке. Человеческая плоть была жесткой, словно дерево. На ноге – женская туфля на небольшом каблучке.

Каблук на ощупь оказался достаточно прочным. «Он может пригодиться», – мысленно отметила Аманда, и ее руки двинулись выше по ноге. Юбка. Смесь хлопка с вискозой. Блузка – хлопок. Ремня нет. Ощупывать тело было страшно. Там, где плоть была обнажена, она казалась холодной и твердой резиной. Вниз по левой руке к запястью. Часы в тонком металлическом корпусе, на кожаном ремешке. Циферблат не светится, поэтому они бесполезны.

Теперь самое страшное. Лицо. Легкое прикосновение к нему кончиками пальцев, затем пауза, во время которой Аманда собиралась с мужеством, чтобы продолжить исследование: обвести контуры лица, попытаться понять, сколько женщине лет и как она выглядит. Волосы. Короткая стрижка.

Как у пропавшего редактора. *Тина Маккей*. Аманда вспомнила ее имя, которое две последние недели было на слуху у всей Англии.

Тина Маккей, неужели я тебя нашла?

Она отстранилась. Ее била дрожь, глаза слезились от формалина, горло сжимал страх.

Она стала шарить вокруг в поисках второго тела и едва не вскрикнула, наткнувшись на него: твердый неподвижный монолит в одежде.

Пиджак. Рубашка. Галстук.

Аманда отдернула руки, потом, поколебавшись, снова дотронулась до тела. Галстук. Полиэстер. Рубашка – тоже полиэстер. Ремень. Брюки. Широкий жесткий ремень с большой металлической пряжкой. Хорошо. Это хорошо.

Она коснулась шеи, затем лица. Мягкая щетина на подбородке. Определенно мужчина. Лицо без морщин. Может, он молодой, двадцать с небольшим?

Не писали ли в газетах об исчезновении мужчины двадцати с небольшим лет?

Она пошарила в карманах в поисках чего-нибудь, что могло ей пригодиться, но в них ничего не было. Она обследовала кожаные туфли с жесткими каблуками, провела пальцами вниз по руке в поисках часов. *Пожалуйста, пусть у тебя будут электронные часы с подсветкой.*

Предплечье не переходило в кисть, а заканчивалось шершавой обожженной плотью.

Аманда в панике отшатнулась.

Затем пересилила себя, нащупала другую руку. Она тоже заканчивалась культей.

Майкл, что ты сделал с ним? Что ты сделал с ней? Что ты собираешься сделать со мной?

Не поддаваясь слезам, Аманда сняла с трупа ремень и туфли и поспешно вернулась в свое помещение.

Встав в углу на колени, она тщательно ощупала ремень и особенно пряжку. Запах кожи напомнил ей о внешнем мире: о магазинах, о кожаной обивке автомобильных салонов, об отделе сумок в «Харви энд Николз». Она прижала ремень к носу и с наслаждением вдохнула его запах.

Я отсюда выберусь. Выберусь. Я пойду за покупками в «Харви энд Николз». Буду гулять на прудах в Хампстед-Хит. Буду ехать в солнечный день в машине с опущенной крышей. Обниму племянников. Буду пить прохладное вино и курить сигарету.

Она очень хотела выкурить сигарету.

Снова сосредоточившись, она взяла ремень, отогнула пряжку, высвободив язычок, и, прижав пряжку к ремню, сжала ее так, чтобы язычок

высовывался вперед между средним и безымянным пальцами. Затем повернула кулак по часовой стрелке и обратно. Удобно. Плотная, хорошая хватка.

Она взяла туфлю мертвеца и, удерживая ремень, ударила по язычку каблуком, словно молотком.

В первый раз она промахнулась. Во второй раз попала по пальцам и, сдавленно вскрикнув от боли, выронила туфлю. Обмотав ремень вокруг пальцев для защиты, она попробовала еще раз.

По металлическому звуку она поняла, что попала в нужное место. Она ударила снова. Глухой удар. Промахнулась. Еще раз. Металлический звук. Попала. И снова. И снова.

Удачно ударив несколько раз, она потрогала язычок. Он был теплым. Хорошо. Прочитав уйму литературы по двигателям, она знала, что чем выше температура у металла, тем более ковким он становится.

Томас стоял всего в нескольких футах и наблюдал за существом через очки. Что оно, черт побери, делает? Стоит на коленях и колотит пряжку ремня каблуком?

Что бы там ни происходило в курином мозгу существа, его это ничуть не волновало. Пусть делает что хочет.

Он удалился так же бесшумно, как и пришел.

Вспыхнул свет, взорвал бомбу страха в груди.

Инстинктивно отвернувшись от света и крепко зажмурившись, Аманда выпустила туфлю, ремень и закрыла глаза ладонями.

Тишина.

По прошествии некоторого времени она убрала руки, затем медленно открыла глаза, постепенно увеличивая количество попадающего на сетчатку света.

Придя в норму, ее глаза заметались по комнате, отыскивая опасность. Тело напряглось, готовое биться с Майклом изо всех сил. Но биться было не с кем.

На полу, в четырех футах от нее, стоял поднос с едой и новой бутылкой воды. На подносе лежало яблоко. И пицца. Вместо красного ведра-параша стояло желтое. Вместо оранжевого ведра с мыльной водой стояло зеленое. Свежее полотенце. Старый поднос исчез.

Свет снова погас.

«Майкл, мне страшно. Мне не нравится эта игра. Прекрати, пожалуйста».

Майкл сидел за столом в своем домашнем кабинете и неотрывно смотрел на черные колонки, расположенные по обеим сторонам музыкального центра «Айва».

«Не трогай меня».

Было десять двадцать вечера. Он приехал домой час назад и весь этот час сидел в кабинете, пил кофе, проигрывал пленку снова и снова, стараясь что-нибудь придумать.

Стараясь придумать что-нибудь осмысленное.

Бимиш сказал, что этот звонок отследить было нельзя. Это был один из сотен звонков, принятых диспетчерской этим вечером. Никакой системы регистрации не существовало. Как хмуро заметил продюсер, в рекламе передачи объявлялась полная анонимность звонков, и не в последнюю очередь из-за этого она так популярна. Позвонить мог любой, и никто никогда не смог бы на него выйти.

Бимиш был зол на Майкла. Он не принадлежал к людям, открыто выражающим свои чувства, но это было видно по его лицу. И едва ли Майкл мог его в этом винить. Домашняя ссора в прямом эфире. После передачи Бимиш тихо спросил его, представляет ли он себе, какой это удар по его врачебной репутации.

Майкл не беспокоился на этот счет.

«Я думала, ты любишь меня, Майкл, любишь».

Почему ты так сказала, Аманда?

Он перемотал пленку. Начал мерить шагами комнату. Сел на краешек кресла. Отпил чуть теплый кофе.

«Я думала, ты любишь меня, Майкл, любишь».

Я люблю тебя. Господи, я люблю тебя больше жизни. Я люблю тебя больше, чем даже... Он виновато посмотрел на фотографию Кэти на столе. Аманда лежала на одеяле на зеленой лужайке, в полосатых леггинсах и черной рубашке, и широко ему улыбалась.

Он не стал звонить Лулу. Он обещал связаться с ней, если узнает что-нибудь, но что он, черт возьми, может ей сказать? Что Аманда, похоже, боится его и поэтому исчезла?

Он снял трубку, начал набирать номер, затем повесил трубку. Если

Аманда позвонила ему, то почти наверняка позвонила и Лулу.

Может, она даже попросила Лулу помогать ей против него. И Лулу будет притворяться, что не знает, где она, чтобы он не мог напасть на ее след.

Или, может, Лулу лгала все это время?

Это казалось невероятным. И все же...

Аманда позвонила ему на радиостанцию, в эфир.

Почему?

Мысли вернулись к субботнему вечеру. Их ужин. Беспокойство Аманды по поводу стоящей через дорогу машины. Как они занимались любовью! Аманда, выглядывающая в окно. Воскресное утро, удивительное, чудесное утро. Поездка на гонки.

Что же с ней случилось?

Майкл пытался понять, что же он сказал или сделал такого, что послужило причиной такого ее к нему отношения. Он стал обдумывать ее психическое состояние. То, как она говорила по телефону, ясно свидетельствовало о паранойе. Может быть, она страдала параноидальным психозом и он проявился под воздействием новых для нее отношений?

Или она принимает наркотики? Такой тип психоза может вызываться и коноплей, и крэком, и экстази, и амфетаминами.

Одной из отличительных особенностей паранойи является то, что больные ищут скрытый смысл даже в самых невинных замечаниях и неверно воспринимают их. Например, в комплиментах они часто видят завуалированную критику. Услышав, что она хорошо выглядит, страдающая паранойей женщина может подумать, что ей хотели сообщить, что до этого она выглядела плохо. Если ей скажут, что любят ее, она воспримет это как уловку, предпринимаемую с целью привязать ее к себе.

Параноики подвержены резким и сильным переменам в настроении. Обыкновенно они упрямы, язвительны и даже открыто враждебны. Но в голосе Аманды не было злости.

Скорее в нем был страх.

Определенные психические состояния могут вызываться воздействием физиологических факторов. Именно они могли стать причиной резкого изменения личности. Может быть, она страдает эпилепсией? Или у нее в мозгу опухоль?

Майкл все-таки набрал домашний номер Лулу. У нее был сонный голос. Он решил сразу не говорить о звонке Аманды.

– Лулу, извините, что так поздно.

– Ничего. Есть новости?

– Слушайте, скажите мне кое-что. У Аманды не было припадков эпилепсии?

– Господи, нет.

– Она бы сказала вам об этом?

– Да. И в любом случае, недавно она проходила медицинское обследование – в рамках медицинской страховки, которую имеют все наши ключевые работники. Я заполняла бланки вместе с ней и увидела бы, если б она написала что-либо подобное. А в чем дело?

– Она позвонила мне сегодня в эфир. Похоже, она не в себе.

– Она вам позвонила? – Удивление в голосе Лулу было искренним.

– Да.

– Слава богу! Я уже с ума сходить начала. С ней все в порядке?

– Э... не думаю.

– Где она?

– Она не сказала.

– А что же она сказала?

– У меня есть пленка с записью.

– Но с ней все нормально?

Майкл поколебался.

– Не знаю.

– Что вы имеете в виду?

– Слушайте, Лулу, вы знаете ее лучше, чем я. Вам надо послушать запись. Я...

– Можете проиграть ее в телефон? Или нет. Вы где сейчас? Я могу приехать на такси. Вот только оденусь.

– Я за вами заеду. Где вы живете?

– Клапам-Коммон.

– Какой адрес? Я буду через двадцать минут.

– Я поставлю кофе.

– Спасибо. Не помешает.

Газон надо стричь. Томас вспомнил: летом траву надо стричь раз в неделю. Раньше к ним всегда приходил работник и стриг газон газонокосилкой. Он же делал грядки под цветы, чинил все, что требовало починки в доме, возил то, что не мог починить, в ремонтные мастерские на «бентли», который сейчас стоял на платной стоянке, как и белый фургон. В гараже не осталось свободного места – все занято «фордом-мондео» Теренса Джоэля (хорошо, что он не приобрел себе машину большего размера) и тем, что осталось от «альфы-ромео» Аманды Кэпстик (хорошо, что она не приобрела себе машину большего размера).

Надо будет освободить там место для серого «вольво» доктора Майкла Теннента – нельзя же оставить его на улице, это может привести к неприятностям. А Томасу не нужны были неприятности.

Сделали из меня сторожа на автостоянке.

Кто-то набросал в пруд жестяной фольги. Мать называла его «озерцом». Похоже, в саду побывали хулиганы. Это выводило Томаса из себя. Он осветил фонарем воду, и фольга заблестела. В центре пруда находилась небольшая скульптурная композиция в стиле барокко. Сейчас она была всего лишь темным силуэтом.

Поздний вечер. Стемнело. Одиннадцать часов. Женский смех за садовой оградой. Нестриженная трава влажная, но дождя нет. Звезды в небе посылают свой свет сквозь призмы. Кто-то жарит барбекю. Томас чувствовал запах горящего оливкового масла и мяса, жарящегося на открытом огне. Свет в окнах соседнего дома, на втором этаже. Женский смех, затихающий в ночи. «Уже довольно поздно для ужина», – подумал он.

В доме справа жили швейцарцы. Большую часть времени они проводили в Коннектикуте, а в Англии всего несколько недель в год. У них была служанка-филиппинка, которая следила за домом. В доме слева жил отошедший от дел биржевой маклер. Он тоже много путешествовал.

В воде блестела не фольга.

Томас вспомнил, что мать уволила человека, который стриг у них траву, незадолго до см...

Лучше не думать этого слова. *Смерть*. Это как поставить последнюю печать. А так остается возможность, что она просто ушла ненадолго и когда-нибудь вернется. Иногда, бродя по дому или саду – вот как сейчас, – он чувствовал ее присутствие. Не ее призрака, нет – ее самой. В любой

момент она могла позвать его по имени.

Интересно, что *оно* делало с туплей и ременной пряжкой? В этом надо разобраться. Он мысленно отметил это. Но не сейчас. Сейчас его заботила фольга в «озерце», которая не была фольгой.

Теперь он вспомнил, что человек, который приходил и стриг траву, чинил что-нибудь, возил что-то куда-то на «бентли», – этот человек, уволенный его матерью, еще кормил зеркальных карпов. Он тоже должен был кормить их, но корм кончился, а он забыл купить еще.

И теперь карпы все передохли и плавали на поверхности.

Он стоял у самой кромки воды и светил на них фонарем. Они смотрели на него мертвыми глазами. Они уже начали разлагаться – он чувствовал это, несмотря на сильный запах жареного мяса, доносившийся из соседнего сада.

Как я мог про вас забыть?

Это вина доктора Теннента. Мысли Томаса были заняты им.

Ты убил мою мать, доктор Теннент, а теперь еще убил ее карпов. Теперь ты захочешь убить меня? Ты считаешь, что Бог любит троицу?

Он зашел в дом через боковую дверь, ведущую в кухню, закрыл ее и запер, после чего прислушался, стараясь услышать, не доносятся ли какие-нибудь звуки из убежища.

Естественно, он ничего не услышал. Он не мог ничего услышать. Существо находилось в тридцати футах под землей, в бетонном коробе. Пусть колотит туплей по пряжке хоть всю ночь. Даже если бы оно взорвало там небольшой ядерный заряд, снаружи никто ничего бы не услышал.

Он мог сделать с ним все, что угодно. Выбор большой. Может быть, испробовать на нем свой паровозик? Он покраснел. Будто мать была рядом и могла отругать его, напомнить ему: «Ты же понимаешь, Том-Том, что у тебя не все в порядке с головой? Ты же понимаешь это, правда?»

Забывать слишком легко. Важно не усложнять себе жизнь. Делать все по порядку. Он забыл про рыб и почти забыл, зачем притащил сюда подстилку Майкла Теннента.

Он притащил ее не для того, чтобы насладиться ее телом, а для того, чтобы наказать доктора Майкла Теннента. И он подождет играть с ней своим паровозиком. Он заставит Майкла Теннента смотреть на это.

Твой отец бросил нас, потому что у тебя не все в порядке с головой. Он не захотел остаться и воспитывать тебя, Том-Том, – ему было слишком стыдно за тебя. Я пожертвовала ради тебя своей карьерой. Запомни это, милый, запомни это навсегда.

Томас сел на диван в гостиной и стал рассматривать фотографии

матери, висевшие повсюду на стенах. Он напомнил себе, как велик его долг перед ней и что он не должен терять шанс отдать его, совершив какую-нибудь глупость.

Он представил себе, как бы они провели сегодняшний вечер, если бы она была жива. Они бы поужинали, посмотрели бы видео – может быть, если бы она была в хорошем настроении, она бы позволила ему посмотреть один из ее старых фильмов. Они бы вместе смотрели его сегодня, если бы не доктор Майкл Теннент.

Он включил телевизор и в злобном изумлении увидел, что там идет фильм с Корой Барстридж. Ткнув пальцем в пульт дистанционного управления, он вызвал телетекстовые новости. Там был абзац, посвященный Тине Маккей. У полиции нет никаких зацепок. Они расширяют область поиска и просят зрителей поделиться любой информацией, могущей помочь следствию.

Они показывали фильм Кору Барстридж потому, что он убил ее. Они рассказывали в новостях о Тине Маккей потому, что он похитил ее. На него снизошло осознание того, что это он *делает новости*. Из-за него изменилось расписание телепередач – для того, чтобы могли быть показаны посвященные Коре Барстридж ретроспективы. Его переполняла сила. Никто не пришел на похороны Глории Ламарк – пускай. Он сделает так, что ее смерть еще долго будет скрыто влиять на жизнь всей Англии.

Я кое-что значу!

Прошло ровно три недели со дня похищения Тины Маккей. Они могут просить поделиться информацией хоть эскимосов. Он был не против. Этого бы не случилось, если бы он не отпустил ее. Он вдруг перестал испытывать какие бы то ни было угрызения совести.

Его единственной проблемой был Юрген Юргенс из Клируотер-Спрингс, штат Флорида, который применил против него пешечную атаку Карпова, а он не смог ее вовремя распознать. А ведь она была очевидна. Это стоило ему слона. Он заплатил высокую цену.

Томас прошел в свою комнату, чтобы разобраться с Юргеном Юргенсом, но, сев за компьютер, стал думать о написанной им биографии матери. Теперь, после ее смерти, она будет представлять огромный интерес. Надо послать ее еще одному издателю. Или даже нескольким издателям одновременно. Создать шумиху, устроить аукцион. Пускай грызутся!

Аманды Кэпстик в новостях еще не было.

Что будет тебе больнее, доктор Майкл Теннент?

Продолжать думать, что она тебя больше не любит, или получить по почте какую-нибудь часть ее тела?

Майкл представлял себе Лулу высокой, хорошо одетой, жестковатой представительницей лондонской бизнес-среды.

Существо, свернувшееся перед аудиоколонкой, с чашкой кофе в руках размером с добрый ночной горшок, в рваных леггинсах, мешковатой футболке и усыпанных блестками шлепанцах, скорее напоминало маленький плотный энергетический шар. У нее было плутоватое лицо, большие, словно чайные блюдца, глаза и короткие, торчащие во все стороны волосы.

Ее квартира была уютной, заставленной невероятным количеством вещей, со стенами, обклеенными театральными афишами и плакатами с поэтических вечеров и полом, заваленным видеокассетами, компакт-дисками, книгами и подушками. Гнездо, а не квартира.

Майкл сидел в кривобоком кресле с жалобными пружинами, рядом с большим окном с подъемной скользящей рамой, открытой навстречу душевной ночи. С многополосного Клапам-Коммон-Уэст слышался многоголосый рев автомобильных двигателей. Во время прослушивания пленки он наблюдал за выражением лица Лулу. Он нервничал – как всегда, когда слышал запись своего голоса.

– Аманда? Где ты? С тобой все в порядке?

– Майкл, мне страшно. Мне не нравится эта игра. Прекрати, пожалуйста.

– Игра? Какая игра? Господи, как ты? Слава богу, ты позвонила. Я чуть с ума не сошел. Где ты?

– Не трогай меня.

– Аманда, я не понимаю. Что случилось? Почему ты расстроена?

– Не трогай меня. Не трогай меня! Я думала, ты любишь меня, Майкл, любишь.

По сигналу Майкла Лулу нажала на клавишу «Стоп». Она не сводила с него глаз – чайных блюдец. Некоторое время она молчала, затем сказала:

– Надо прослушать еще раз.

Майкл взял огромную кружку с горячим сладким кофе, отхлебнул из нее и кивнул. На стене прямо напротив висел большой плакат, на котором

был только текст, чья-то цитата – светло-зеленые буквы на темно-зеленом фоне:

«Если ты думаешь, что ты слишком мал для того, чтобы что-то изменить, то представь, каково жить комару».

Он взглянул на Лулу! При других обстоятельствах это высказывание показалось бы ему оригинальным.

Они прослушали пленку еще дважды. Лулу встала и прошлась по комнате взад и вперед.

– Ее голос звучит странно, – сказала она.

– Да?

– Да. Это ее голос, но... он звучит очень странно.

– В каком смысле?

– Она напугана, Майкл.

– Да, я заметил.

– Он звучит *неестественно*. Понимаете, что я имею в виду?

– Да.

– Давайте проиграем пленку еще раз.

Они прослушали запись.

– Ее ответы... Она говорит не с вами. Будто она на наркотиках или что-то вроде. Но этого не может быть!

– С чего вы взяли?

– Потому что она что-то приняла лет десять назад, еще когда была студенткой, и чуть с ума не сошла. Очень плохая была поездочка. Без дураков. Ей даже пришлось обратиться к психиатру.

– Я не знал.

Когда Лулу говорила, она помогала себе оживленной жестикуляцией. К тому же у нее была очень живая мимика.

– ЛСД. Ее это здорово высадило. Она несколько раз говорила мне, что это навсегда отвало ее от наркотиков. Брайан баловался кокаином, еще чем-то. Она говорила мне, что он много раз предлагал ей поторчать за компанию, но она всегда отказывалась. Она очень волевая. Я знаю, что она никогда бы ничего не приняла.

– Ладно, – сказал Майкл. – Эту возможность мы исключаем.

– Как насчет Брайана? – спросила Лулу.

Майкл рассказал о своем вчерашнем визите к Трасслеру. Лулу не удивилась, услышав, что у него есть другая женщина.

– Этот мужик – то еще дерьмо. Я никогда не обсуждала это с Амандой,

но про него всякое говорили.

Майкл уловил томное выражение в глазах-блюдцах, будто их обладательница жалела, что Трасслер не положил глаз на нее.

– Значит, мы можем исключить и Брайана Трасслера?

– Пока да, – ответила Лулу. – Вы психиатр. Скажите мне, как можно еще объяснить это ее состояние.

– Резкое изменение личности может быть вызвано разными факторами. Например, эпилепсией, или опухолью, или инсультом.

На лице Лулу появилось выражение ужаса.

– Эти факторы могут стать причиной паранойи, сопровождаемой агрессией.

– Не страхом?

– Вполне возможно возникновение и развитие мании преследования. Может быть, Аманда считает, что я хочу причинить ей вред.

– Какова наиболее вероятная причина в ее случае?

– Паранойи?

– Да. – Лулу села на пол и взяла кружку.

– Изменение биохимии мозга создает условия, благоприятные для изменения личности. То, что мы подавляем всю жизнь, может вылезти наружу. Особенно ярко это проявляется у лиц, скрывающих низкую самооценку.

– Не похоже на ту Аманду, которую я знаю.

– Да. Но она демонстрирует резкую смену поведения, полностью укладывающуюся в схему психического расстройства, одним из классических симптомов которого является расценивание пациентом дружеских по отношению к нему действий как враждебных. Что мы здесь и наблюдаем.

– А что вы на самом деле думаете? Что у нее произошло масштабное изменение личности в результате прогрессирующей эпилепсии, опухоли мозга или инсульта?

– Вы уверены, что у Аманды никогда не бывало депрессивных состояний?

– Настолько, насколько в этом вообще можно быть уверенным. И все-таки надо быть идиотом, чтобы писать неправду в бланке медицинской страховки, верно?

– Контракт потеряет силу при первом же обращении к врачу. – Майкл отпил еще кофе. Он был голоден, но не хотел терять время на еду. Для него имела значение сейчас только Аманда, и его беспокойство росло с каждой секундой.

Он странно себя чувствовал в квартире Лулу. Будто где-то недалеко была Аманда.

– В общем, совсем не обязательно, что у нее психическое расстройство. У правил всегда бывают исключения, хотя настораживает агрессивность. При депрессивном расстройстве ситуация несколько иная, но мы уже договорились, что депрессии – не ее удел. Мы зашли в тупик.

Лулу кивнула.

– Непонятно, чем она испугана.

– Да. – Майкл перемотал кассету и вытащил ее из кассетной деки.

Лулу протянула руку:

– Можно посмотреть? Ее записали в студии сегодня вечером?

– Да.

– Может быть, стоит проанализировать голос?

Майкл подавил зевок – адреналин уже сдавался под напором усталости. Воздух в комнате стал густым и тяжелым.

– Я знаю человека, который может это сделать.

Он вытащил из кармана мобильный телефон и позвонил на домашний номер своего продюсера.

Ему ответил сонный ворчливый голос, ставший открыто неприязненным, когда Крис Бимиш понял, что ему звонит Майкл:

– Черт, сейчас десять минут двенадцатого. Я хотел сегодня выспаться. Ты мне уже достаточно насолил сегодня. Позвони утром.

Майкл успел выкрикнуть, чтобы Бимиш не клал трубку, и взмолился:

– Слушай, у меня чрезвычайная ситуация! Мне нужна твоя помощь.

Бимиш молчал.

– Крис, ты же работал на полицию в качестве эксперта по анализу магнитных лент?

– Да. И до сих пор работаю, – кисло ответил Бимиш. – И на полицию, и на страховые компании, и на детективные агентства. А что?

– Ты любишь свою жену и детей. У тебя трое детей, верно?

– Что ты несешь, Майкл? Ты звонишь среди ночи, чтобы спросить, сколько у меня детей? Может, тебе стоит записаться на прием к психиатру – особенно в свете того представления, которое ты устроил сегодня в студии. Извини, никого не могу посоветовать – я знал одного хорошего, но он, кажется, спекся.

Связь оборвалась. Бимиш повесил трубку.

Майкл в ужасе посмотрел на телефон, затем позвонил снова. Трубку сняли на втором звонке. Бимиш, уже взявший себя в руки и настроенный более миролюбиво, сказал:

– Ну что тебе, Майкл?

– Я звонил совсем не для того, чтобы спросить, сколько у тебя детей. Женщина, которая звонила в студию, – я говорил тебе, что она пропала, – возможно, попала в беду. Мне нужна твоя помощь. Она значит для меня столько же, сколько значат для тебя твои жена и дети. Я в своем уме и не стал бы звонить тебе в такой час, если бы у меня не была на счету каждая минута. Помоги мне, Крис. Я никогда не просил у тебя помощи и больше никогда не попрошу, но во имя Господа помоги мне сейчас.

Краткая пауза.

– Хочешь привезти пленку сейчас?

– *Сейчас?* – с облегчением вскричал Майкл.

– Я не сплю. Сью не спит. Дети не спят. Пес не спит. Волнистый попугайчик тоже не спит, и рыбка в аквариуме, и хомяк. Давай вези.

– Мне жаль...

– Нет, тебе совсем не жаль, Майкл. Просто поторопись.

Это должно сработать. Аманда понятия не имела, сколько времени у нее в запасе. Может быть, у Майкла есть очки ночного видения. Он мог видеть, что она плющит язычок ременной пряжки, когда принес поднос. Но если он видел, почему позволил ей продолжать?

Отмахнувшись от таких вопросов, она сосредоточилась на том, что нужно было сделать. Она сложила матрас вдвое и прислонила его к стене, отметив место второй туфлей мертвеца. С пряжкой, зажатой в кулаке так, что расплющенный язычок выдавался вперед, подобно жалю от отвертки, она осторожно, стараясь не терять равновесия, взобралась на матрас и, подняв свободную руку, схватилась за вентиляционную решетку.

К ее облегчению, расплющенный кончик язычка пряжки идеально подошел под шлиц первого шурупа. Крепко сжимая пряжку в руке, она начала поворачивать ее. Шуруп не поддавался. Она надавила сильнее. Не помогло. Еще сильнее.

Раздался громкий хруст, и резануло руку – не выдержав напряжения, пряжка сломалась. Ее обломок содрал кожу с ладони.

У Аманды из глаз брызнули слезы обиды и разочарования. Она спустилась на пол, оттащила матрас от стены и разложила его на полу. Она не желала, чтобы Майкл догадался, чем она занимается.

Присев на корточки, она ощупала пряжку пальцами. Одна из поперечин сломана, и разболтались обе заклепки, соединяющие пряжку с ремнем. Язычок не поврежден, и все остальное тоже. Надо укрепить пряжку. Вот только чем?

Матрас. Какой-то жесткий комок внутри. Аманда ощупала его рукой, надавила, затем ослабила давление, и вмятина на матрасе разгладилась.

Ну конечно же!

Она ликовала.

Раздался звук – краткий визг резиновой подошвы, шаркнувшей по бетону. Совсем недалеко от нее. У нее мгновенно пересохло во рту. Он вернулся.

– Майкл? – позвала она дрожащим голосом. Это ее голос? Не может быть. Ее начало колотить. Она позвала: – Майкл, это ты?

Она кожей чувствовала его присутствие.

– Майкл?

Безмолвие.

– Майкл, пожалуйста, давай поговорим. Давай поговорим обо всем.

Темнота взорвалась вспышкой света, которая обожгла глаза, словно кислота. Аманда закрыла их ладонями, но свет погас так же резко, как возник. Вспышку сопровождали знакомые звуки: щелчок, затем негромкое жужжание.

Он сделал снимок.

Майкл вел «вольво» по хорошо освещенной улице пригорода Лондона, пролегающей между двумя рядами небольших и неинтересных современных домов-коробок. Лулу свернулась на пассажирском сиденье. Она держала в руке кассету, словно бесценную фарфоровую статуэтку, и говорила, куда ехать.

– Майкл, – вдруг сказала она, – вы спрашивали, не было ли у Аманды депрессии.

– Да.

– Не знаю, почему я раньше об этом не вспомнила, но она раз в неделю посещает психотерапевта.

Майкл резко затормозил.

– Психотерапевта? Какого именно?

– Что-то вроде консультанта по взаимоотношениям.

– Как его зовут?

– Это женщина. Максина Бентам. Я думаю, с ней стоит поговорить.

– Никогда о ней не слышал, но это ничего не значит. Почему вы раньше об этом не сказали?

– Не знаю... просто забыла. – Лулу было неловко. – Я размышляла над тем, что вы говорили про депрессию. Аманда не была подвержена депрессиям.

– Если человек счастлив, он не ходит по психотерапевтам.

– Да. Но у нее особый случай. Она уже некоторое время консультируется и уже достигла неплохого результата.

– У вас есть номер телефона психотерапевта?

– Он в файлах Аманды в офисе. Так, мы проехали первый поворот, сейчас будет второй. Здесь направо.

Майкл повернул.

– Я позвоню Максине утром.

Теперь они ехали по другой, но точно такой же улице домов-коробок.

– Дом тридцать семь, – сказала Лулу. – Вот он.

Во дворе дома на берегу круглого декоративного пруда на камушке сидел гном в остроконечной шляпе и с удочкой, освещенный зеленым светом ламп.

«Может, это такая шутка, – подумал Майкл, – а может, этот гном Бимишу действительно нравится». Майкл никогда не мог понять, что в

действительности представляет собой этот человек с густой бородой.

Бимиш открыл входную дверь. Он был в футболке с длинными рукавами и логотипом «Ток-радио» и спортивных шортах. Пройдя несколько комнат, они оказались в помещении, обитом звукоизоляционными панелями и напичканном разнообразной электронной аппаратурой. Майкл подумал, что это бывший гараж.

Он представил Бимишу Лулу. Та отдала кассету. Бимиш вставил ее в расположенный под монитором кассетоприемник и отправился за кофе. В комнате был только один стул – перед компьютером. Майкл и Лулу оглядывали электронные устройства, соединенные в сложную сеть: ряды выключателей, мерцающих огней, мониторы, пульта.

– НАСА, чтоб я сдохла, – сказала Лулу.

Майкл только улыбнулся.

Бимиш вернулся и поставил поднос с кофе на плоский пульт между двумя магнитофонными катушками.

– Ничего себе установочка, – сказал Майкл.

Бимиш коротко кивнул и нажал несколько клавиш на кассетной деке. На мониторе возник график акустических колебаний. Бимиш сел на стул и повернулся к Майклу.

– Итак, что ты ищешь?

– Я ищу женщину, чей голос мы слышим.

– Мы считаем, что он звучит странно, – объяснила Лулу.

Бимиш вскинул брови.

– Что значит странно?

Майкл объяснил, что Лулу – ассистентка Аманды.

– Она очень хорошо ее знает, Крис.

– Понятно. Но я не до конца понимаю, что вы от меня хотите.

– Может, это и глупо звучит, Крис, – сказала Лулу, – но мы и сами это до конца не понимаем. Я... Есть ли способ выяснить, что не так?

– С женщиной или с пленкой?

– Все равно.

Бимиш с абсолютно серьезным выражением лица сказал:

– Возможно, я смогу сказать вам, что не так с пленкой, – если с ней что-нибудь не так. Но, боюсь, это работа Майкла – выяснить, что не так с женщиной. – Он дважды медленно мигнул. – Какой у нее голос при обычных обстоятельствах? У вас есть запись для сравнения?

Майкл и Лулу переглянулись.

– Ну, я могу покопаться в офисе, – ответила Лулу. – Может, найду какую-нибудь надиктованную ею кассету.

Бимиш повернулся к клавиатуре и напечатал команду.

– Будем работать с тем, что имеем.

На мониторе появилась зеленая трехмерная диаграмма. Бимиш проиграл запись еще раз. Майкл и Лулу молча следили, как на экране скачут ломаные кривые.

Бимиш остановил запись и перемотал ее на начало. Он напечатал другую команду, и форма кривых изменилась – сначала она усложнилась, затем преобразовалась в какую-то геометрическую структуру, которая ничего не говорила Майклу.

– Вот пожалуйста, я выделил только ее голос, – сказал Бимиш. – Однообразная структура свидетельствует о том, что это говорил один и тот же человек. – Он посмотрел на Майкла и Лулу, чтобы убедиться, что они его понимают. – Хорошо, теперь посмотрим на паузы между фразами.

Он снова проиграл пленку и напечатал что-то на клавиатуре. График усложнился еще больше – теперь он содержал гораздо больше пиков и впадин. Бимиш поглядел на своих гостей и ткнул пальцем в экран.

– Спектральный анализ частот. Что-то вроде отпечатка пальца. Я ничего не обнаружил в ее голосе, но есть кое-что интересное в паузах.

Он провел пальцем по графику на экране.

– Вы знаете что-нибудь о фоновом шуме?

Майкл покачал головой.

– Нет, – сказала Лулу.

– Ладно. – Бимиш оживился. – Давайте рассмотрим на примере. Если в тихий день в течение нескольких минут смотреть на небольшой участок поверхности океана, то будто бы ничего не меняется, верно?

Майкл кивнул.

– Однако на самом деле это не так. Ни одна волна не похожа на другую. Это очень сложная, постоянно меняющаяся структура. Изменения не видны невооруженным глазом, но представьте, что мы заморозили сегмент океана и вынули его. Сегменты по обе стороны извлеченного сегмента не будут иметь связи между собой. Если как следует присмотреться, то можно увидеть разрыв в структуре.

– Ясно, – сказал Майкл, хотя и не понимал, к чему эти рассуждения могут привести. Его озарило только после следующей фразы Бимиша:

– Спектральный анализ делает абсолютно то же самое с тишиной. Если какой-то кусок тишины был удален – не важно, какой тишины, *любой* тишины, – он покажет, что у двух частей тишины нет связи. Что мы и видим сейчас.

– И что это значит? – спросила Лулу.

Ей ответил Майкл:

– Это значит, что голос Аманды отредактирован.

– Вот теперь у нас с вами полное взаимопонимание, – улыбнулся Бимиш.

Лулу побледнела.

– Господи, – сказала она. – Значит, Аманда с вами не говорила.

– Не говорила, – сказал Майкл, ища подтверждения своей правоты в выражении лица Бимиша. – Это была отредактированная запись ее голоса.

Верно, Крис?

– В самую точку.

– Зачем... зачем ей было это делать? – спросила Лулу.

– Я думаю, – тихо ответил Майкл, – что, возможно, это сделала не Аманда.

Майкл проснулся в седьмом часу, проспав всего четыре часа. У него болел желудок от голода.

Он принял душ, побрился, освежил щеки одеколоном «Босс» – Кэти всегда покупала его ему. Впереди был тяжелый день, и следовало привести себя в порядок. Он сварил себе кашу и сделал омлет, затем оделся: белая батистово-хлопчатобумажная рубашка, бежевый льняной костюм, самый легкий из всех его костюмов, коричневые туфли. Во имя законченности образа, но с неохотой Майкл добавил к наряду галстук со сдержанным геометрическим рисунком.

В семь часов он позвонил на домашний телефон Саймона Ройбака, который тот написал на оборотной стороне своей визитки, и часом позже уже находился в полицейском участке Хампстеда. Он понуро сидел на жестком пластиковом стуле в крохотной комнате, насквозь пропитанной табачным дымом. На металлическом, покрытом пластиком столе лежала компакт-кассета, коричневый конверт с распечаткой произведенных Бимишем тестов и кожаная папка детектива-констебля Ройбака. Сам детектив-констебль ушел за кофе.

Он вернулся с двумя пластиковыми стаканчиками. На лбу у него уже проступили первые капли пота – предвестники грядущего жаркого дня. Поставив стаканчики на стол и разложив рядом с ними целый набор пластиковых ложек, пакетиков с сахаром и маленьких – с наперсток – контейнеров со сливками, он закрыл дверь и грузно опустился на стул.

– Жаркий будет день! – Ройбак, привстав, включил вентилятор. Потом вынул платок, вытер лоб и пригладил ладонями свои короткие светлые волосы.

Майкл настороженно следил на ним. Он отлично помнил их вчерашнюю ссору по телефону – детектив-констебль тогда сказал ему, что еще ничего не предпринял по поводу исчезновения Аманды. Сегодня полицейский приветствовал его неожиданно тепло.

– Я слышал, у вас произошел инцидент на радиошоу вчера вечером?

– Да.

Ройбак сорвал фольгу со сливок и вылил их в кофе. Затем надорвал пакетик с сахаром и высыпал его туда же. При этом он смотрел на кассету и конверт с распечаткой Бимиша.

– Моя невеста слушала эту передачу, доктор Теннент. Она слышала

ваш разговор, пока вас не отключили.

– И что она думает по этому поводу?

– Она – офицер полиции. Работает в отделе семейных проблем. Она каждый день принимает множество звонков от напуганных людей. Она считает, что звонившая, мисс Кэпстик, была сильно напугана. Это так?

Глаза детектива не соответствовали его добродушной наружности – в них светился быстрый ум, они были внимательны и настороженны. Майкл мог себе представить, насколько жестким становился этот человек, когда этого требовали обстоятельства. Он понимал, что в эту минуту офицер тщательно его изучает.

Он вынул из конверта распечатку спектрального анализа, передал ее детективу и объяснил, что она означает.

Ройбак раскрыл свою папку и записал что-то в нее. Затем он посмотрел на Майкла:

– Сэр, вы можете вспомнить, где вы находились в воскресенье, днем и вечером?

Майкл опустил взгляд. Это был разумный вопрос, вполне обычная полицейская процедура, но терпение его было уже на исходе. Он разозлился и раздраженно ответил:

– Не могу.

Возникла долгая пауза, которой аккомпанировали шум вентилятора и шелест сдуваемых им листов распечатки.

Майкл посмотрел Ройбаку прямо в глаза:

– Собираетесь задержать меня как подозреваемого?

– Нет, сэр, не собираюсь, – примирительно ответил Ройбак и улыбнулся.

– Но вы рассматривали такую возможность?

После секундного колебания детектив-констебль сказал:

– Плохим бы я был детективом, если бы не рассматривал все возможности.

– Тогда вы должны были рассмотреть возможность того, что с Амандой Кэпстик могло что-нибудь случиться. Отлично! Я очень рад. Это заняло у вас всего четыре дня.

Ройбак снова улыбнулся, признавая, что Майкл переиграл его в словесной битве.

– Я бы хотел прослушать пленку.

Майкл извлек ее из коробки. Детектив поставил ее в одну из кассетных дек и запустил.

Дослушав запись до конца, он задумчиво кивнул, затем спросил:

– Вы сказали, что, судя по несовпадению отрезков тишины, пленка была отредактировала?

– Да.

– Мистер Бимиш работал на нас в прошлом. Он хороший специалист. – Ройбак помешал кофе ложечкой, затем попробовал его. – Вы принесли фотографию мисс Кэпстик?

– Да. – Из того же коричневого конверта Майкл вынул несколько фотографий, полученных у матери Аманды, и протянул их через стол.

Ройбак рассмотрел их.

– Очень красивая молодая леди.

– Да.

– Я распоряжусь повесить плакаты везде, где ее могли видеть в день исчезновения. Ее семья не имеет возражений против предания дела огласке?

– Абсолютно никаких.

– Еще мы постараемся, чтобы ее фотографию показали по телевизионным каналам, вещающим в Лондоне и пригородах.

– Если это похищение, ее могли увезти очень далеко.

– Постараемся охватить как можно большую территорию, сэр.

– Что вы еще собираетесь делать?

– Мне нужны имена, адреса и телефоны членов ее семьи, друзей и знакомых.

Майкл вынул из конверта список, приготовленный Лулу, и вручил его офицеру:

– Что еще?

– Проанализируем наши сведения о пропавших людях и постараемся понять, можно ли связать кого-нибудь из них с мисс Кэпстик.

– В качестве возможных жертв убийцы?

Снова возникла пауза с жужжанием вентилятора и шелестом бумаг.

– Вы же не станете кормить меня чушью о том, что пока слишком рано делать какие-либо выводы?

Полицейский вынул кассету из магнитофона и положил ее обратно в коробку.

– У вас есть копия этой кассеты?

– Естественно.

– Мы сделаем еще одну. – Ройбак постучал пальцем по краю стаканчика. – Вы хотите, чтобы я говорил с вами начистоту, доктор. Я так и поступлю. Эта кассета меняет все дело. Вам это понятно?

Майкл мрачно кивнул.

– Есть еще кое-что, о чем я попросил бы вас не распространяться. Я не сообщу этого прессе, потому что пока это не в наших интересах. Я не хочу расстраивать вас еще больше, но раз уж вы настаиваете на полной откровенности... – Он поднял пластиковую ложку над стаканчиком и снова уронил ее туда. – Здесь прослеживаются параллели с исчезновением молодой женщины, редактора лондонского издательства, пропавшей три недели назад.

– Тиной Маккей? Про нее сообщали в новостях?

– Да. Она практически одного возраста с мисс Кэпстик. Тоже добилась успехов в карьере. Привлекательная женщина, схожа телосложением с мисс Кэпстик. Бесследно исчезла вместе с машиной.

– Широкое освещение этого случая в прессе и на телевидении вам не помогло?

– Пока нет.

– Вы расследуете его как возможное убийство?

– Мы собрали команду для расследования этого дела и относимся к нему с той же серьезностью, с какой отнеслись бы к расследованию убийства.

– Вы хотите собрать команду для поиска Аманды?

Их глаза встретились. Ройбак мрачно сказал:

– Сегодня я покажу эту пленку своему боссу. Сделаю все возможное.

– Вы будете держать меня в курсе?

– Непременно.

Ройбак проводил Майкла до выхода и, прощаясь, крепко пожал ему руку. В его глазах читалось участие.

– Звоните мне в любое время, хорошо?

Майкл поблагодарил его и уехал.

Под палящим светом полуденного солнца поверхность воды в гавани имела цвет консервированного горошка.

Гленн Брэнсон смотрел на пузыри, непрерывно возникающие на поверхности воды в сотне ярдов от стоянки судов, дышал соленым воздухом, густо приправленным запахом гниющих водорослей, ржавеющего железа и свежеспиленного леса, и думал о Коре Барстридж.

Судя по отметке, отлив достиг своего нижнего уровня. К воде спикировала и тут же снова поднялась чайка. Еще несколько покачивались на волнах. Было видно, что в этом оживленном порту они не голодали. Портовый кран поднял контейнер с палубы грузового судна под норвежским флагом, погруженного в воду до самой грузовой марки. Мимо него проскочил патрульный катер, казавшийся маленьким на фоне громадного корабля. От его винтов закачались красные буи, отмечавшие место, где работали двое полицейских ныряльщиков.

На берегу у склада пиломатериалов, отгороженные от посторонних глаз зелеными экранами, стояли две полицейские машины, белый фургон криминалистов, серый фургон ныряльщиков и темно-синий фургон, принадлежащий местному похоронному бюро.

Все они находились здесь потому, что Дэнни Леон, информатор, которого Гленн и Майк Харрис доставили вчера из Лутона, сообщил им, что они никак не могут найти второго важнейшего свидетеля по делу «Стрельба по тарелкам», Джейсона Хьюлетта, из-за того, что он кормит рыб на дне гавани. Дэнни нарисовал схему, с помощью которой можно было определить его точное местоположение. В скором времени ныряльщики обнаружат, говорил ли он правду.

Вместе с Гленном результатов поисков ожидали полицейский фотограф, двое криминалистов, два представителя похоронного бюро, которые выглядели здесь так же искусственно, как осветительные приборы на съемочной площадке, и непосредственный начальник Гленна детектив-сержант Билл Дигби.

Дигби, в коричневом костюме и галстук с символикой его гольф-клуба – ноги на ширине плеч, руки за спиной, будто у солдата в положении «вольно», солнце блестит на непослушных черных волосах, – пожал плечами:

– Пока что, Гленн, у тебя нет ничего, кроме клочка ткани с чердака и

показаний пожилой свидетельницы, на которые нельзя полностью положиться. – Он пощипал себя за ус.

– Не забудьте о детском комбинезончике, сэр, который Кора Барстридж купила для внучки в последний день жизни. Я считаю, что это очень важно.

– Вскрытие ничего не показало?

– Нет, сэр.

Дигби вытащил из кармана пачку сигарет и закурил.

– Гленн, окажи себе услугу и забудь о Коре Барстридж.

– Завтра ее похороны. Я...

Детектив-сержант вопросительно посмотрел на своего подчиненного.

После недолгого колебания Гленн сказал:

– Я понимаю, что это создаст неудобства ее семье, но я бы хотел, чтобы похороны отложили.

– Чего ты этим хочешь добиться?

– Это сильно облегчит нам жизнь в том случае... – он хотел сказать: «Если еще что-нибудь обнаружится», но решил не искушать судьбу. Дигби уже и без того был не в духе, а станет мрачнее тучи, если выяснится, что информатор сказал правду.

«К тому же, – уныло подумал он, – может статься, сержант прав. Может, я принимаю все слишком близко к сердцу, потому что это Кора Барстридж». Глядя на пузыри, он спросил себя, не влияет ли это обстоятельство на его суждения. Неужели он просто не может принять тот факт, что актриса и в самом деле покончила с собой?

Дигби ясно дал понять, что не одобряет усилий Гленна, которые тот прикладывает к расследованию обстоятельств ее смерти. Шеф тоже не выказал особого энтузиазма, когда Гленн положил отчет на его стол.

Кора, завтра тебя кремируют, а я уже потерял надежду. Похоже, я сделал для тебя все, что мог.

Количество пузырей на поверхности воды увеличилось. Участок моря, ограниченный квадратом буев, вскипел белой пеной. Показалась голова одного аквалангиста, затем другого. Первый поднял руку и показал большой палец.

Между ними всплыла третья голова, но на ней не было ни маски, ни капюшона, ни волос. Только голый белый череп.

Гленн перегнулся через ограждение и со смесью ужаса и недоверия присмотрелся к телу, которое буксировали аквалангисты.

На берегу возникло оживление: представители похоронного бюро и криминалисты в спешке натягивали на себя защитные костюмы. Затем все четверо сбежали по ступенькам к воде и помогли ныряльщикам выволочь

тело на берег.

Вонь ударила по всем одновременно. Гленн отвернулся, подавляя позыв рвоты.

– Черт возьми! – воскликнул Дигби, зажимая нос.

Гленн поступил так же. Опять тухлая вонь смерти, но сегодня невыносимо сильная. Взглянув на труп, Гленн понял почему.

На трупе была кожаная мотоциклетная одежда, чудовищно наполненная раздутым телом. На руках перчатки, на ногах высокие ботинки. Поперек тела в несколько витков намотана якорная цепь, которая охватывала также локти и лодыжки. Другой конец цепи был прикреплен к небольшому шлакобетонному блоку с проушиной.

Возвышающийся над воротником куртки абсолютно голый череп выглядел слишком маленьким по сравнению с раздутым телом. Его будто сунули в ворот ради смеха.

– Три недели в воде пробыл, – мрачно сказал Дигби. – Крабы начисто ему голову обглодали.

– Думаете, это Джейсон Хьюлетт?

– Хочешь поискать у него удостоверение?

Гленн сглотнул.

– Пойду надену комбинезон и перчатки.

– Хорошенько посмотри на него, парень, – тихо сказал Дигби. – Обязательно вспомни его в следующий раз, когда почувствуешь, что жизнь к тебе несправедлива.

Гленн непонимающе посмотрел на сержанта:

– Вспомнить его, сэр?

Дигби кивнул:

– Да, вспомни его. Ты сейчас в расстроенных чувствах из-за того, что считаешь, что я несправедливо обошелся с тобой насчет Коре Барстридж. В следующий раз, когда подумаешь, что жизнь – дерьмо, вспомни, как тебе повезло, что это не тебя объели крабы, а кого-то другого.

«Коре Барстридж тоже не очень-то повезло, сэр», – хотел сказать Гленн, но не стал.

Вместо этого он молча направился к фургону криминалистов за оставленными специально для него защитным комбинезоном и маской.

После обхода Майкл, стоя в приемной, просматривал список пациентов на день. Взглянув на секретаршу, печатавшую на компьютере, он удивленно вскинул брови:

– Опять Теренс Джоэль? Сегодня же четверг, а он приходит по вторникам. Какого черта он записался на второй прием за неделю, Тельма?

Чуть нервно, будто защищаясь, секретарша ответила:

– Но у вас же есть пациенты, которым вы назначаете по две консультации в неделю. – Она без враждебности смотрела на доктора Теннента. – Я уверена, он нуждается в вас. Все ваши пациенты нуждаются в вас.

Майкл так вымотался, что готов был расплакаться, и отвернулся, чтобы секретарша не видела его лица.

– Минут двадцать назад звонила Тереза Кэпстик, мать мисс Кэпстик. Она спрашивала, нет ли каких новостей.

Майкл моргнул, смахивая слезу, и сказал:

– Я перезвоню ей.

Он уже вышел из приемной в коридор, когда Тельма позвала его:

– Доктор Теннент?

Он остановился:

– Да?

– Я уверена, что мисс Кэпстик скоро появится и все будет хорошо.

– Надеюсь на это.

– Я могу пригласить миссис Гордон?

Его первая сегодняшняя пациентка Энн Гордон имела критически низкую самооценку. Было уже девять тридцать, и он на пятнадцать минут опоздал на консультацию из-за лондонских пробок, когда возвращался от детектива-констебля Ройбака, и затянувшегося обхода. Теперь она будет думать, что ничего для него не значит.

– Извинитесь перед ней. Дайте мне две минуты – я позвоню матери Аманды. И позвоните Лулу – я не успел сам дозвониться. Попросите у нее телефон Максина Бентам. Хорошо?

– Максина Бентам. Хорошо, доктор Теннент.

Намокшая от пота рубашка прилипла к спине. Майкл вошел в кабинет, закрыл за собой дверь, снял пиджак и открыл окно, желая ощутить намек на прохладу и неуничтожимый запах свежескошенной травы. Он

проверил электронную почту, взял трубку, чтобы позвонить Терезе Кэпстик, и положил ее на место. Он не знал, о чем с ней говорить. Знает ли она, что Аманда звонила ему во время радишоу? В этом случае ей придется сказать правду.

Вот только правда была неутешительной.

Он все же позвонил ей и рассказал часть истории. Аманда звонила, пленку проанализировали, есть свидетельства того, что это запись. Он обещал связаться с ней, как только у него появятся известия, затем включил внутреннюю связь и попросил Тельму пригласить миссис Гордон.

Первые пять минут консультации принесли облегчение – посредством работы Майкл вернулся в нормальный мир. Энн Гордон затянула свою литанию, описывая события последней недели своей печальной жизни. За эту неделю она была унижена девушкой-кассиршей в магазине, несколькими телефонными операторами, водителем такси, соседом и даже сборщиком пожертвований для христианского благотворительного общества, который явно с презрением отнесся к пожертвованной ею сумме в пять фунтов.

Вскоре, однако, мысли Майкла стали все чаще и чаще возвращаться к Аманде, он начал нетерпеливо поглядывать на часы, желая, чтобы консультация поскорее окончилась и он смог спросить у Тельмы, не звонил ли кто-нибудь.

– Вы также не заинтересованы во мне, верно, доктор Теннент? – наконец сказала Энн Гордон.

Последние десять минут приема он приходил в себя после этого ее замечания.

– Вы читали труды Махатмы Ганди, доктор Теннент?

В противоположность жалкому, потеющему Майклу, доктор Джоэль, расположившийся на диване в вольготной позе, являл собой образец спокойствия и расслабленности. На нем был легкий костюм черного цвета, белая рубашка без ворота, черные туфли из нубука. Он выглядел как голограмма из магазина модной одежды.

– Ну, вы-то наверняка читали, – отозвался Майкл. Он был намерен выдержать эту консультацию от начала до конца. – Что он написал?

– На самом деле мне больше нравятся сочинения его внука Аруна. Махатма перечислил семь главных ошибок этого мира: богатство без труда; удовольствие без совести; знания без цели; торговля без нравственности; наука без человечности; поклонение без жертвы; политика без принципов. Арун добавил восьмую ошибку, которая серьезнее всех остальных, вместе

взятых: права без ответственности. Как думаете, это можно отнести на счет психиатров? Вы ведь забираете себе большую власть над людьми, но не несете за это никакой ответственности.

– Почему вы так считаете? – Майкл настороженно смотрел на Джоэля. Тот, казалось, едва справлялся с клокотавшим внутри его гневом, хотя и говорил спокойным, размеренным голосом.

– Почему я так считаю? Я не считаю, доктор Теннент, я *знаю*.

– Может быть, вы объясните, что вы имеете в виду?

– Да ладно, будто вы не знаете. Вы с высокомерным видом сидите в своем кресле, говорите людям, что не так в их восприятии мира, в их жизни, бездумно советуете им, что они должны делать, чтобы исправить положение. Но как только они переступают порог вашего кабинета, вы сразу забываете о них. Вам глубоко плевать, куда они пойдут и что сделают. Вы не несете ответственности за их действия. Ни малейшей. Вы кормите их тем, чем вам заблагорассудится, и вам это никогда не аукнется. Ведь это и есть права без ответственности, не так ли?

Майкл ответил, тщательно подбирая слова:

– Психиатры являются специалистами-медиками и делают все возможное ради блага своих пациентов. Мы относимся к своей работе со всей возможной серьезностью и отлично понимаем цену своих слов и их влияние на чужую жизнь. Я не согласен с вами, но давайте продолжим рассуждение. Как, по-вашему, сделать так, чтобы психиатры чувствовали большую ответственность за своих пациентов?

Томас Ламарк наблюдал, как докторишка ерзает в своем кресле. Ему жарко, неудобно, он не выспался.

– Вы когда-нибудь теряли любимого человека, доктор Теннент?

Майкл подался вперед, не сводя глаз с лица Джоэля:

– Вы говорите так, будто сами пережили подобную потерю. Как это случилось?

– Это случилось на сельской дороге. Я ехал на машине с женой, и мы врезались в грузовик. Она погибла.

Неожиданно ужасающе яркие воспоминания затопили мозг Майкла. Февраль, воскресное утро. Крапает дождь. Они опаздывают на крестины. Он ведет свой красный БМВ по проселочной дороге. Слишком большая скорость. Кэти сидит рядом и плачет. Вчера вечером он сказал ей, что больше не любит ее, что уже три года встречается с другой женщиной – медсестрой Николой Ройс. Ему было жаль Кэти, но их брак изжил себя, и пора было расставаться.

Кэти ни в чем не была виновата. Она не сделала ему ничего плохого.

Просто такой уж она была – хорошей, но холодной и полностью поглощенной своей работой. Они перестали понимать друг друга. Он женился на ней из-за любви к ее красоте и таланту. Это был престижный союз: успешный художник и успешный психиатр. Но они не были любящей парой – почти никогда, кроме самых первых месяцев знакомства. У них было мало общего. Она не любила секс, всегда была чертовски серьезна и озабочена своим внешним видом, здоровьем, карьерой.

Никола, медсестра, с которой он встретился на вечеринке, привнесла в его жизнь тепло. Им было хорошо вместе, с ней секс был замечательный, они даже несколько раз напивались вместе. С ней он чувствовал себя молодым – он даже завел себе мотоцикл. Никола любила мотоциклы. Жизнь с ней была праздником. Он обожал ее. Они хотели в дальнейшем пожениться.

В то утро он совсем не следил за дорогой. Он пытался объяснить свою позицию Кэти. Она просила его сбросить скорость, говорила, что он едет слишком быстро. Они опаздывали, и в этом была его вина – надо было выехать раньше, а теперь он за сорок минут старался покрыть путь длиной в час.

Они обгоняли грузовик. Впереди пустая дорога. Обогнав грузовик, он вернулся на свою полосу. Гребень холма, правый поворот. Размытое желтое пятно, несущееся навстречу, – фургон, потерявший управление, выскочивший на их полосу. Летящий им в лоб.

Майкл словно в замедленном повторе увидел это. Он вывернул вправо, стараясь уйти от удара, и фургон врезался в ту сторону машины, где сидела Кэти. Взорвались подушки безопасности. Пассажир фургона вылетел через ветровое стекло, полетели стеклянные осколки, словно перья из разорванной подушки. Вмявшись в БМВ, фургон отскочил назад и замер. Его крыша вздыбилась. Видимый сквозь разбитое ветровое стекло водитель по-прежнему сжимал в руках руль, но у него отсутствовала часть черепа.

Он посмотрел на Кэти. Ни царапины, но тело изогнуто под невыносимым углом, а голова висит, словно у сломанной куклы.

– Я до сих пор не могу вспомнить, как все произошло, – сказал Теренс Джоэль.

Майкл смотрел на пациента пустым взглядом. Он ничего не ответил. Он не мог отрешиться от воспоминаний. Его охватило чувство вины.

В больницу к нему приходила Никола. Он разорвал с ней отношения, еще не встав с больничной койки.

Ему тогда казалось, что его жизнь кончена.

Он слышал, что через десять месяцев она вышла замуж за глазного хирурга и уехала в Сидней.

Майкл посмотрел на фотографию Кэти, стоящую на столе, затем перевел взгляд на доктора Джоэля и вдруг понял, что тот дожидается его ответа.

– Вы вините в этом себя? – спросил Майкл.

– Мне все говорят, что это не моя вина. – Томас откинулся на спинку дивана. Похоже, удар прошел – на докторе Тенненте не было лица. Их взгляды встретились, и Томас уставился в пол. Он не хотел дальше испытывать судьбу.

Майкл отчаянно пытался взять себя в руки, выбросить мысли о катастрофе из головы. Странно... на прошлой неделе Джоэль упомянул об авткатастрофе. Затем, во вторник, он заговорил о птице, о шалашнике, и о потере любимого человека. Все это как-то странно. Слишком странно.

Кажется, этот человек знает о его прошлом.

– Расскажите мне о вашей жене, – сказал Майкл.

В окно заглянули лучи утреннего солнца, осветив левую сторону лица Теренса Джоэля, в то время как правая оставалась в глубокой тени. Такое освещение придавало ему еще более призрачный вид. Он говорил с почти гипнотическим спокойствием:

– После ее смерти я купил двух белых голубей. Они любили друг друга. Я подолгу сидел возле их клетки, смотрел на них и завидовал. Они все время старались быть друг к другу ближе и непрерывно ворковали. – Он помолчал, затем спросил: – Доктор Теннент, вы когда-нибудь завидовали чьему-либо счастью с такой силой, что хотели разрушить его?

– Вы хотели причинить птицам вред?

– Я взял одного голубя из клетки и посадил его в темноту, в подвал. Потом долгими днями сидел возле клетки, наблюдая, как чахнет оставшийся в ней голубь. Он перестал есть и через некоторое время перестал звать свою вторую половину. Его перья сваялись, он бросил их чистить.

Это про меня. Я чахну без Аманды, как этот голубь.

– А голубь в подвале? – спросил Майкл.

– Там он и остался.

– Он умер?

– Нет. Каким-то образом он продолжал жить. Потом мне пришлось убить его.

Лицо Теренса Джоэля стало маской из стали. Майклу показалось, что он доволен собой. Это было интересно, Майкл хотел копнуть поглубже.

– Расскажите мне, какие чувства возникали у вас, когда вы наблюдали за голубем в клетке? Вы чувствовали, что сильны?

– Я всегда чувствую, что силен, доктор Теннент.

– Вы и вправду всегда ощущаете себя сильным или вы просто так думаете сейчас?

Впервые за время разговора Майкл отметил изменение в языке жестов Джоэля. Он вдруг посмотрел в пол, затем будто съежился. Психологическая защита.

– Наше прошлое... – сказал он и замолк.

– Что – наше прошлое? – продолжал давить Майкл.

– Вы знаете свое прошлое, доктор Теннент? Кто-нибудь вообще знает свое прошлое?

Майкл вернулся к своему вопросу:

– Скажите мне, что еще вы чувствовали, наблюдая за голубем в клетке?

– Я презирал его.

– Почему?

– Потому что он был так слаб, жалок, беспомощен. Потому что он перестал следить за собой, опустился, перестал есть. Это не свидетельствует о силе характера, доктор Теннент.

– Вы заперли в подвале самца или самочку?

– Самочку.

Неужели этот человек запер в подвале Аманду?

Мысль была абсурдной, но Джоэль выглядел так, будто у него был козырь в рукаве. Но что за козырь?

Решив любыми способами сохранить контроль над беседой, Майкл использовал единственное имеющееся у него оружие.

Он тихо спросил:

– Теренс, расскажите мне о своем собственном прошлом. Расскажите мне о ваших матери и отце.

Реакция была мгновенной. Джоэль стал похож на испуганного ребенка.

– Я не хочу говорить о них.

– Ваши родители живы?

Джоэля била дрожь. Его глаза были закрыты. Он несколько раз порывался что-то произнести, но только беззвучно открывал рот.

– Вы знаете... – наконец сказал он и замолчал.

– Что я знаю? – Голос Майкла оставался тихим и успокаивающим.

Джоэль провел пальцами по волосам:

– Я не хочу... – Он снова замолчал.

Майкл намеренно затянул паузу, затем спросил:

– Почему вы презирали птицу? Не считаете ли вы, что таким образом презирали какую-то часть себя? Нет ли у вас чувства, что вы попали в расставленную кем-то ловушку?

– Вы не... – Джоэль резко остановился, сжав кулаки.

– Понимаете? – подсказал Майкл.

Джоэль сердито потряс головой:

– Помолчите немного, вы не даете мне собраться с мыслями. Я пришел к вам для того, чтобы вы помогли мне, а не мешали.

«Он в еще худшем состоянии, чем я предполагал, – подумал Майкл. – Он на грани срыва. Что там такое с его родителями, о чем он не может говорить?» Он дал Джоэлю время прийти в себя.

– Давайте вернемся к голубю в клетке. Доктор Теннент, вы можете себе представить, каково это – любить кого-нибудь, а потом потерять?

– Мучая голубей, вы считали, что таким образом компенсируете потерю жены? Что раз она умерла, никто из живущих не имеет права на счастье? Интересно, как бы вы увязали это с высказыванием Аруна Ганди о правах без ответственности. – Майкл вскинул брови. – Вы сильнее, чем голубь, вы можете посадить его в подвал, но как же быть с тем, что чувствует голубь, находясь в подвале?

– Противорадиационном убежище, – поправил его Джоэль.

Майкл подался вперед:

– Противорадиационном убежище?

Томас почувствовал, что краснеет. Он не собирался этого говорить. Само как-то вырвалось. *Осторожнее, осторожнее. Дурак, дурак, дурак.*

Джоэль так трясся, что у него бились друг о дружку колени. Похоже, он был близок к припадку. Майкл понимал, что это из-за того, что он в бешенстве на самого себя. Но почему?

– Он... она... оно... – Томас всплеснул руками. *Осторожнее, осторожнее.* У него горело лицо, слова застревали в глотке. *Осторожнее.*

– Это... шутка... она в шутку говорила, что это убежище. – Он взмахнул руками.

– Она?

Джоэль закачался взад-вперед.

– Давайте вернемся к подвалу, доктор Теннент. Давайте вернемся к голубю в подвале.

Майкл решил нанести еще один жесткий удар, пока Джоэль не пришел в себя.

– Расскажите мне о своем детстве. Кто были ваши родители? Расскажите мне о матери.

Осторожнее. Томас закрыл глаза и снова сжал кулаки. *Осторожнее, осторожнее. Почему ты спрашиваешь о моей матери? Пытаешься провести меня?*

– Вы не ответили на мой вопрос о голубе, доктор Теннент. Ответьте же на него, черт побери!

Майкл отметил эту вспышку злости. Злости против чего?

Что такого сделали ему родители?

– Я думаю, что разговор о родителях мог бы наметить прогресс в вашем лечении. Расскажите мне о вашем отце... или, если хотите, о матери, – спокойно сказал Майкл.

Томас вскочил и стал беспокойно ходить взад-вперед по комнате, стараясь собраться с мыслями, чтобы снова надавить на психиатра. Ярость затопляла его. *Гнусный ублюдок, ты убил мою мать, а теперь хочешь, чтобы я говорил о ней. Хочешь сидеть и получать извращенное садистское наслаждение, выслушивая, как я любил ее? Я не предоставлю тебе такой возможности, доктор Майкл Теннент.*

Он подошел к окну и вгляделся в безоблачное небо.

– Мы обязательно поговорим о них, но в другой раз. Хорошо?

– Я хотел бы знать, почему вам трудно говорить о них, – отозвался психиатр.

Томас подошел к двери, затем резко повернулся:

– Мы поговорим о ней. Обещаю. В другой раз. Хорошо поговорим. Это уж точно. Кажется, мое время вышло?

Майкл посмотрел на часы:

– У нас есть еще десять минут.

Томас кивнул. Он отчаянно хотел выбраться отсюда и боялся, что уже сболтнул лишнего. Задерживаться дольше было опасно – доктор Теннент переигрывал его, вытягивал информацию.

– Я дарю вам эти десять минут, доктор Теннент. – Томас улыбнулся. Самообладание вернулось. – Потратьте их с толком.

Он открыл дверь и вышел.

Майкл повернулся к компьютеру, вошел в Сеть и ввел в строке поиска: «Доктор Теренс Джоэль».

Появилась ссылка на веб-сайт. Хороший сайт, хотя, возможно, чуть пижонский.

Цветная фотография. Под ней – биографическая справка. Доктор Теренс Джоэль – родственник астронома сэра Бернарда Ловелла. Состоит в

Исследовательском институте Скриппса. Является младшим профессором в Массачусетском технологическом институте. Член Специального президентского консультативного комитета по поиску внеземного разума, учрежденного Рональдом Рейганом.

Майкл решил, что на следующем приеме спросит его о работе этого комитета. Он и сам интересовался НЛО.

Он просмотрел список увлечений доктора Джоэля. Еда. Шахматы. Является членом «Менсы».^[6]

Достижения доктора Джоэля весьма впечатляли.

«Гораздо более, чем сам доктор Джоэль», – подумал Майкл.

Настасья Кински сидела верхом на своем чернокожем любовнике Уэсли Снайпсе. Распахнувшийся халатик совсем не скрывал ее груди. Они стонали, вздыхали, Уэсли Снайпс брал ее груди в свои ладони, они кончали, они оба кончали...

Экран телевизора погас.

– Что ты смотришь, Том-Том?

Мать стояла рядом и держала в руке пульт дистанционного управления. Томас вспыхнул и не нашелся что ответить.

– Она такая худая, Том-Том. Красивая вешалка для одежды, но не более того. Кости торчат. Будто прибыла прямиком из концентрационного лагеря. Тебе не кажется?

В голове пронеслись образы скелетоподобных фигур из Аушвица, сменив лицо Настасьи Кински. Его передернуло.

– Я... – сказал он. – Это уже шло. Я смотрел фильм.

– Мои фильмы были целомудренны. Мы обещали, но никогда не показывали. Я бы никогда не смогла опуститься до такого. Ты понимаешь, как низко пали современные актрисы?

– Да, – тихо сказал Томас. Он злился из-за того, что мать была права, из-за того, что она выключила Настасью Кински, из-за... образов, которыми она наводняла его мозг.

– Ты можешь себе представить, чтобы я делала такое перед камерой, дорогой?

Он посмотрел на мать. В голове у него кружились вихрем несвязные мысли. Каково это было бы с Шарон Стоун? С Ким Бесинджер? Сигурни Уивер? Были ли они такими же худыми, как заключенные концлагерей? Неужели они стали бы смеяться над ним, как медсестра в медицинской школе?

Его охватило, как черное облако, чувство вины. Мать такая красивая. Она красивее, чем любая нынешняя актриса. Почему его не отпускают эти мысли?

Она бы бросила его, если бы знала, что они у него есть.

– Я люблю тебя, мамочка, – сказал он.

Сухо:

– Ты уверен?

– Да.

Она развязала шнурок-пояс своего халата. В распахе халата показались ее груди, большие, белые – не такие упругие, как у Настасьи Кински, но гораздо белее и мягче, чем у нее.

– Покажи мне, как твой паровозик любит мамочку.

Он расстегнул брюки, поднялся с кресла и снял их, а затем и трусы.

Она стояла и смотрела на его эрегированный член.

– Доктор Ренни говорит мне, что я провожу дома слишком много времени. Должна ли я последовать его совету, Том-Том? Должна ли я чаще выходить из дому, заниматься благотворительностью, делать жизнь других людей лучше? Должна ли я покинуть тебя, как покинул тебя твой отец?

Слова застряли у него в горле.

– Нет. Пожалуйста, не надо.

– Твой паровозик сейчас для меня или для Настасьи Кински?

Он смутился. Он не знал, что ответить. Он хотел заняться любовью с Настасьей Кински, но и не хотел, чтобы мать уходила, ведь тогда... ведь тогда...

Шагающие скелеты.

Он стал еще тверже.

Шагающие скелеты.

– Если ты хочешь любить Настасью Кински, то я больше не хочу, чтобы ты был моим малышом. Я не стану заниматься этим с тобой. Больше никаких поощрений, Том-Том. Ты помнишь, как смеялась над тобой та девушка из медицинской школы?

Люси. Девушка, учившаяся на медсестру, которую он встретил во второй год обучения в Кингз-Колледже. Они несколько раз ужинали вместе. Однажды он привел ее домой, чтобы познакомить с матерью, и мать сказала, что она недостаточно хороша для него. Когда он отвозил ее домой после этой встречи, он спросил, не хочет ли она поиграть с его паровозиком. Он до сих пор помнил, как она рассмеялась ему в лицо, ее смех отдавался эхом у него в голове – прямо сейчас, рядом с Шин-Парк-Хоспитал, в «форде-мондео» доктора Джоэля, под окнами кабинета доктора Майкла Теннента.

Она смеялась так же, как и та проститутка, Дивайна.

Что со мной не так?

Томас включил двигатель и, резко набрав скорость, поехал прочь от больницы. Он злился на себя. Он был зол на психиатра.

Ты думаешь, ты умен, доктор Майкл Теннент.

Будешь ли ты по-прежнему думать, что умен, когда найдешь в своем почтовом ящике груди Аманды Кэпстик, обложенные льдом?

Организм человека не синхронизирован с мирозданием. Люди живут циклами в двадцать пять с половиной часов. Учеными проводились эксперименты, в которых люди находились месяцы в полной темноте, на дне шахт, без часов. Все они считали, что провели внизу меньше времени, чем это было в действительности.

Аманда читала про это давным-давно и теперь пыталась вспомнить как можно больше, занимаясь монотонной работой в темноте. Она тщательно обматывала пряжку вытасченной из матраса пружины, стараясь превратить ее в крепкую рукоятку. Она придавала пружине нужную форму с помощью ударов подметкой туфли. Готово. Можно испытать.

– Аманда, милая, поди сюда!

Голос матери. Она резко развернулась, вслушалась в окружающее безмолвие. Ничего. Воображение разыгралось.

Она сложила матрас вдвое, прислонила к стене, взобралась на него, нащупала решетку, ее край, затем первый шуруп – и уронила отвертку. Та с металлическим стуком ударила о бетонный пол.

– Черт.

Продвигаясь на коленях, Аманда шарила перед собой руками. Столкнулась с ведром-парашей.

Из глаз брызнули слезы обиды и отчаяния.

Черт, железяка, сволочь, где ты?

Возьми себя в руки, Аманда Кэпстик. Выживает тот, кто не теряет спокойствия. Отвертка где-то здесь, на полу. Продолжай искать, и найдешь.

И она действительно нашла ее через пару минут.

Снова на матрас. Медленно совместить жало отвертки со шлицем, повернуть. Ничего. Она осторожно увеличила давление. Все еще ничего. Матрас – ненадежная опора. Ей с трудом удавалось сохранить равновесие. Она приложила большее усилие. Шуруп стронулся с места.

Наверху, находясь в своей комнате и одновременно во Всемирной электронной паутине, Томас Ламарк рассматривал фотографии мастэктомии, произведенной в больнице Святого Иоанна в Санта-Монике. Хорошие фотографии, но одних их недостаточно.

К счастью, завтра мастэктомия будет производиться в учебном анатомическом театре Кингз-Колледжа. Он видел объявление, когда

заезжал туда сегодня утром для того, чтобы забрать некоторые нужные вещи из складской комнаты, от которой у него до сих пор были ключи.

Он решил, что непременно придет на эту учебную операцию. Ведь он хотел выполнить свою по всем правилам.

После просмотра веб-сайта доктора Джоэля у Майкла осталось достаточно времени до прихода следующего пациента, и он позвонил Максине Бенгам. Однако психотерапевт Аманды не смогла пролить свет на ее исчезновение.

Она сказала Майклу, что не думает, что Аманда страдала от депрессии и вследствие этого исчезла по собственной воле. Ее не удивило, что у Брайана Трасслера оказалась еще одна женщина. Она сказала, что, судя по тому, что говорила ей о нем Аманда, он вряд ли мог похитить ее или причинить ей физический вред.

Она попросила Майкла держать ее в курсе событий. Он пообещал.

Во время следующих двух консультаций ему трудно было сосредоточиться на пациентах. Из головы не шел Теренс Джоэль. *Параллели*. Автокатастрофа, в которой погибла Кэти. Голубь, разлученный с подругой.

В присутствии доктора Джоэля Майкл старался не думать об этих соответствиях, полагая, что он сам связал друг с другом различные вещи, но теперь, после его ухода, он не мог избавиться от мыслей о них.

Джоэль мог легко найти информацию об автокатастрофе – о ней писали в центральных газетах. Но об исчезновении Аманды? Как мог он узнать об этом?

Майкл еще раз проиграл в уме сегодняшнюю консультацию. Голубь, чахнувший по своей подруге. И снова спросил себя: «Не вижу ли я в этом того, чего нет?»

Образ голубя мог соответствовать его горю как по поводу смерти Кэти, так и по поводу исчезновения Аманды. Он именно так себя и чувствовал долгие месяцы со дня катастрофы. Временами он отказывался верить в то, что жена мертва, и был убежден, что она каким-то образом вернется к нему.

Его пациент, Гай Ротерам, упаковочный магнат с нештучным состоянием, страдающий от приступов паники, сидел на краешке дивана и описывал ощущение, посещающее его в последнее время все чаще и чаще, – будто бы он находится вне собственного тела. Он работал по шестнадцать часов в день семь дней в неделю, и это было главной причиной его панических приступов. Но он отказывался это верить. Он не мог смириться с мыслью о том, что ему изменяет его собственное тело.

– Вы слушаете, доктор Теннент? – вдруг спросил он.

Майкл понимал, что не уделяет Гаю Ротераму всего своего внимания. Но Гай Ротерам вернется сегодня в свой дом в Челси, к красивой жене и любимым детям. Конечно, приступы паники осложняют ему жизнь, но со временем они исчезнут. Да, у Гая большие проблемы, но у него самого они сейчас еще больше. Сегодня Гаю Ротераму – и всему остальному миру – придется обойтись без него.

Кто ты, доктор Теренс Джоэль?

Что с тобой в действительности не так?

Что ты знаешь обо мне?

После ухода Гая Ротерама Майкл достал медицинскую карту доктора Джоэля и вынул из нее письмо-направление от врача Шиама Сандаралингема. Там был его адрес: Челтнем, Уэст-Гарден-Кресент, дом 20 – и телефон.

Он набрал телефонный номер. На третьем звонке ответил мужской голос с военными интонациями, принадлежавший, видимо, человеку средних лет:

– Приемная доктора Сандаралингема.

Майкл удивился тому, что трубку поднял мужчина, но потом вспомнил, что в медицинских клиниках действительно работает все больше менеджеров-мужчин.

– Меня зовут доктор Теннент. Я психиатр. Недавно доктор Сандаралингем направил ко мне пациента, и я хотел бы поговорить с ним.

– Боюсь, в данный момент доктора Сандаралингема нет на месте. Может быть, оставите ваш номер, чтобы он мог вам перезвонить?

Майкл продиктовал номер и повесил трубку. Солнце больше не заглядывало в окно, и он поднял жалюзи, чтобы хоть немного проветрить душную комнату. Зазвонил телефон. Это была Лулу.

Разговаривая с ней, Майкл вошел в Интернет и проверил электронную почту. У Лулу не было никаких новостей. Она обрадовалась, услышав, что детектив-констебль Ройбак серьезно отнесся к пленке с записью голоса Аманды.

– Уже четыре дня, – сказала она.

В ее голосе была безнадежность. «Безнадежность присутствует в самом числе четыре», – подумал Майкл. Будто бы исчезнуть на один день, на два или даже три – это нормально, а вот на четыре...

Двести пятьдесят тысяч пропавших людей в год. Ройбак намекнул на возможную связь исчезновения Аманды с исчезновением Тины Маккей. Редактор пропала уже три недели назад, а у полиции, похоже, нет пока ни

одной зацепки.

Пленка – это зацепка для Аманды. Это надежда для всех них.

Аманда сама произнесла записанные на пленку слова – невозможно сказать, когда это произошло, но с большой вероятностью можно предположить, что она была еще жива вчера вечером. По дороге домой от Бимиша они с Лулу говорили об отредактированных паузах на пленке. Лулу была уверена, что Аманда не могла сама отредактировать запись. Она настаивала, что, если бы Аманда захотела сыграть с Майклом подобную шутку, чтобы дискредитировать его, у нее хватило бы силы духа на то, чтобы позвонить самой.

Майкл был с ней согласен. Но если это не она звонила, а кто-то другой, то у него должна быть на это причина. Похищение? Требование выкупа? *Скорее всего, она еще жива.*

– Что будем делать? – спросила Лулу. – Будем сидеть и ждать результатов от полиции?

«Ждать три недели, чтобы не получить в конце ничего, как в случае с Тиной Маккей?» – подумал Майкл, а вслух сказал:

– Нет. Мы будем продолжать искать, продолжать делать все возможное для того, чтобы найти ее. Я не знаю, что полиция собирается предпринять и *может* ли она предпринять хоть что-то.

– А мы? Что еще мы можем сделать?

– Я думаю об этом. Но в любом случае я не собираюсь просто сидеть и ждать, чем все закончится. Я не могу. Я должен продолжать искать.

– Я буду вам помогать.

– Хорошо.

Из-за вчерашнего незапланированного выходного Майклу нужно было написать целую тонну писем и сделать кучу телефонных звонков. Он сказал Лулу, что позвонит вечером, повесил трубку и продолжил проверять электронную почту.

Одно письмо было от неизвестного ему отправителя. К нему была прикреплена фотография, озаглавленная: «Последний снимок АК».

Текст письма состоял из одной фразы: «Жаль, что тебя здесь нет».

У Майкла задрожали руки – так сильно, что он никак не мог управиться с мышью. Наконец ему это удалось.

Изображение открывалось страшно медленно. Темнота. Зеленоватые тона. В центре фотографии, в запятнанной футболке и синих джинсах, глядя прямо в камеру распахнутыми от ужаса глазами, – Аманда.

Томас Ламарк работал в гараже, разбирая задний мест «альфы-ромео»

Аманды Кэпстик, когда зазвонил мобильный телефон Теренса Джоэля. Несколькими секундами позже телефон издал четыре коротких гудка – это пришло голосовое сообщение.

Сняв вымазанные в грязи и смазке хирургические перчатки, Томас ввел ПИН-код доктора Джоэля и прослушал сообщение.

Он сразу узнал по-военному четкий голос Николаса Лаббингса, владельца Челтнемского центра бизнес-коммуникаций.

– Доктор Джоэль, доктору Сандаралингему только что звонил доктор Майкл Теннент. Он просил перезвонить ему по поводу направленного к нему пациента. – Голос Лаббингса был бесстрастен. Если ему и было любопытно, чем занимаются его клиенты, он умело это скрывал.

Томас выругался. Сегодня на приеме он допустил несколько ошибок. Нужно исправить положение. Он пока не дал Тенненту серьезного повода для подозрений, однако надо более тщательно распланировать следующую беседу с ним.

Направляясь из гаража в дом за стаканом воды, Томас спросил себя, должен ли доктор Сандаралингем перезвонить доктору Тенненту. С психиатром нужно быть настороже. Томас не хотел больше совершать ошибок. Он решил это хорошенько обдумать.

В кухне на столе лежала «Таймс», раскрытая на странице с объявлением:

«Кора Эдвина Барстридж, горячо любимая дочерью Эллен и внучкой Британи. Панихида в пятницу, 1 августа, в 10:30, в церкви Всех Святых в Пэтчеме, Восточный Суссекс. После панихиды состоится кремация, на которой будут присутствовать только родственники и близкие друзья усопшей. Цветы на панихиде не допускаются. Пожертвования принимаются Благотворительным актерским фондом и Королевским эстрадным клубом».

Время подходящее. Он хотел бы прийти – его мать была бы рада узнать, что он наблюдал за тем, как Кору Барстридж сожгли в печи. После похорон у него будет достаточно времени, чтобы успеть на мастэктомия в Кингз-Колледж.

Отлично.

На следующей консультации ты уже не будешь так хорохориться, доктор Майкл Теннент.

– Да, на ней та же одежда, что была в воскресенье, – сказал Майкл, указывая пальцем в экран лэптопа. – Видите? Белая футболка, джинсы.

Он находился в маленьком, но безукоризненно чистом кабинете двух старших офицеров – сотрудников Саймона Ройбака. Ройбак представил их, но Майкл не запомнил имен. Было время ленча, и он приехал в полицейский участок Хампстеда уже во второй раз за этот день.

Через коллегу детектив-констебль Ройбак выяснил, что электронное письмо с фотографией Аманды было послано из интернет-кафе «Киберия», которое находится рядом с лондонской Тоттнем-Корт-роуд. Сотни людей ежедневно используют это кафе для выхода в Интернет, и многие платят за это наличными. Получить описание человека, пославшего фотографию, было маловероятно, но детектив Ройбак все же намерен был попытаться.

– Вы можете прибавить яркость? – попросила детектив-инспектор, высокая женщина лет сорока, с чистыми светлыми волосами и неторопливыми движениями.

Майкл прибавил яркость. Изображение было зернистым, будто снятым через сетку. Красные зрачки Аманды сообщали фотографии нечто демоническое. Господи, она такая испуганная. Майклу больно было смотреть на нее, в его мозгу вертелись дикие мысли. Он думал о фильмах «Молчание ягнят», «Коллекционер»; о десятках милых, невинных женских лиц, глядящих со страниц газет и экранов телевизоров; о газетных заголовках, когда-то виденных им и, казалось, давно позабытых, но вдруг выросших перед его мысленным взором во всей своей ужасающей реальности: «Найдена расчлененной...», «В лесу обнаружен изуродованный труп...», «Изнасилована...», «Следы спермы...».

Позади Аманды была стена, слева еще одна. На полу можно было различить что-то похожее на край матраса.

– Резкие тени, – сказал детектив-сержант, массивный мужчина с усталым лицом.

– Возможно, она находится в темноте, – сказала детектив-инспектор.

– В темноте?

Женщина дотронулась до экрана наманикюренным ногтем и пояснила:

– Зрачки красные от вспышки, верхняя часть тела ярко освещена, нижняя освещена гораздо хуже – это свидетельствует о том, что вспышка

была направлена сверху. Мы почти ничего не можем различить в комнате, кроме мисс Кэпстик. Если там есть источник света, почему мы ничего не видим?

Майкл мрачно кивнул.

В темноте. Господи, Аманда, бедная.

– Нам нужна копия этой фотографии на диске. Мы осветлим ее – возможно, нам удастся разобрать на ней еще что-нибудь, – сказала детектив-инспектор. – У нас есть мощные средства улучшения качества изображений. Если в этой фотографии содержится какая-нибудь зацепка, наши сотрудники непременно ее обнаружат.

Вмешался детектив-сержант:

– Голый пол, твердая поверхность. Это может быть подвал, либо гараж.

– Сколько времени у вас займет обработка фотографии? – спросил Майкл.

– Нужно будет доставить ее в лабораторию в Бирмингеме. К утру будет готово, – сказал детектив-сержант.

– К утру! – взорвался Майкл. – Господи! Еще двадцать четыре часа! Откуда мы знаем, что у нас есть эти двадцать четыре часа? До Бирмингема два часа езды! Дайте мне адрес, и я сам сейчас же ее отвезу. Я...

Вмешался Ройбак:

– Мы можем послать фотографию электронным письмом. Это не займет и нескольких минут.

– Хорошая мысль. Качество фотографии останется тем же? – спросила детектив-инспектор.

– Абсолютно, – ответил Ройбак.

Инспектор и сержант вручили Майклу свои визитные карточки и прямые номера. Инспектор пообещала также, что напечатают плакаты и развешат их по заправочным станциям и другим общественным местам вдоль предположительного маршрута, по которому в воскресенье Аманда ехала в Лондон. Ее фотографию и данные покажут по каналам регионального и национального телевидения. Полиция опросит людей, живущих в ее и соседних домах.

Майкл отправился обратно в клинику. Он отменил двух пациентов, но вполне успевал к приему третьего.

Ее держат в темноте.

Какой-то монстр похитил Аманду – прекрасную, удивительную Аманду.

Он съехал на обочину, остановил машину и закрыл глаза.

Аманда, милая, мы так мало пробыли вместе. Пожалуйста, держись. Будь сильной. Я ищу тебя. Я найду тебя. С тобой все будет в порядке. Все будет хорошо.

В пять десять, когда Майкл готовился к приему последнего пациента, Тельма сообщила ему, что звонит детектив-констебль Ройбак.

У детектива была информация из Бирмингема.

– Доктор Теннент, судя по полному отсутствию естественного света, мисс Кэпстик находится в подземном помещении – подвале или склепе. На фотографии виден лежащий на полу матрас и край оранжевого ведра. Пол и стены бетонные. Специалисты говорят, что футболка мисс Кэпстик выпачкана в грязи, волосы сильно спутаны.

Детектив не стал говорить, что на футболке Аманды обнаружены пятна крови, а ее джинсы порваны.

– С вами хотят поговорить специалисты, – продолжил он. – Кроме того, у меня есть распечатка отчета и обработанная фотография. Мы можем встретиться завтра часов в девять? Может быть, вы обнаружите что-нибудь, что они пропустили. Если вы не можете приехать ко мне на службу, я сам к вам приеду. Мне еще нужно задать вам кое-какие вопросы.

– Я приеду, – ответил Майкл и подумал: неужели они все еще рассматривают его в качестве подозреваемого? Если да, он хотел развеять сомнения Ройбака раз и навсегда, чтобы полиция не тратила на него драгоценного времени. Что он делал в воскресенье после того, как уехал с гонок? Приехал домой, почитал газету, сделал несколько записей для доклада, затем лег спать. Никакого алиби. После звонка на радио у полиции появилось достаточно поводов его подозревать.

Он усилием воли отбросил эти мысли.

Хватит думать об этом. Тебя не подозревают. Сосредоточься!

Сосредоточься на Аманде.

Он повесил трубку и стал размышлять. Детектив-констебль Ройбак сказал, что помещение, в котором держат Аманду, находится под землей.

Его мысли метнулись к последней беседе с доктором Теренсом Джоэлем.

«Вы сильнее, чем голубь, вы можете посадить его в подвал, но как же быть с тем, что чувствует голубь, находясь в подвале?»

«Противорадиационное убежище».

Джоэль стушевался, сказав это. Будто проговорился.

Противорадиационные убежища делаются из бетона. Освинцованного бетона. Под землей.

В обычных обстоятельствах Майкл дважды подумал бы перед тем, как выдавать врачебную тайну, но сейчас ему было все равно. Он не хотел исключать ни одного направления поиска, даже если это грозит нагоняем от Британской медицинской ассоциации.

Он перезвонил Ройбаку:

– Меня беспокоит один пациент. Может, это ложная тревога, но на сегодняшнем приеме он высказывал некоторые вещи, которые соотносятся с вашим описанием места заключения Аманды.

– Что конкретно он говорил, сэр?

– Не все так просто. Он известный ученый, и все, что он говорит мне, – конфиденциальная информация. Но я считаю, что вам нужно об этом знать. Не могли бы вы со всей возможной осторожностью проверить его? Я пытаюсь связаться с врачом общей практики, направившим его ко мне, чтобы узнать у него больше об этом пациенте.

– Дайте мне его имя и адрес. Вы знаете, где он работает?

– Его зовут доктор Теренс Джоэль. – Майкл продиктовал по буквам. – Он работает в секретной службе прослушивания и слежения при штаб-квартире правительственных средств связи.

– Устраиваясь туда на работу, он должен был пройти множество проверок.

– Знаю. Но он явно болен. Впрочем, возможно, я просто цепляюсь за соломинку.

Майкл рассказал все в подробностях. Ройбак выслушал его, затем сказал:

– Вы правильно сделали, что позвонили мне. Может, это никуда не приведет, но мы приглядимся к этому человеку. Я сам поеду и поговорю с ним.

– Он не должен знать, что это я навел вас на него.

– Не беспокойтесь, он ни о чем не догадается. Я скажу ему, что его машину видели поблизости от места аварии и мы хотим привлечь его в качестве свидетеля. Ну, что-то вроде того.

Майкл продиктовал детективу адрес и номер мобильного телефона доктора Джоэля, распрощался и повесил трубку.

Доктор Сандаралингом не перезвонил. Майкл снова набрал его номер. Трубку поднял тот же человек, что и раньше.

– Я передал ему, что вы просили перезвонить, – заверил он Майкла. – Я говорил с ним совсем недавно. Он сейчас занят и велел мне, чтобы я взял у вас ваш домашний или мобильный номер, чтобы он мог позвонить вам после работы.

Майкл продиктовал мужчине номера своего домашнего и мобильного телефонов, подчеркнув, что дело срочное. Мужчина пообещал, что обязательно свяжется с доктором Сандаралингом.

Тельма напомнила, что следующий пациент ожидает в приемной уже пятнадцать минут.

Неожиданно Майклу пришла в голову мысль. Есть еще кое-кто, кто мог бы помочь. Пациент, который намекнул в прошлый раз, что ему что-то известно. Это, конечно, выстрел в пустоту, но стоило попытаться. Майкл выдвинул ящик с медицинскими картами и просмотрел папки, помеченные буквой «Д».

Взяв одну из них, он открыл первую страницу и выписал адрес. Он не будет звонить, а лучше нанесет визит. И сделает это сразу после окончания приема.

Десятый шуруп выскользнул у Аманды из пальцев, но она как-то смогла перехватить его обломанными ногтями. И вдруг глаза ослепила вспышка света. Будто фары несущегося по туннелю поезда. Голос матери позвал откуда-то из темноты по имени. Обдало волной смеха, будто она зашла в шумный паб.

Аманда резко повернула голову – сквозь темноту пролетела похожая на светлячка искорка, которая мгновенно погасла. Проявилась и исчезла Лулу – призрачная фигура, сошедшая с поезда-призрака. Грудь Аманды затопила паника. Опять голоса. Сначала мать, потом Лара.

Замолчите, пожалуйста. Оставьте меня в покое. Хоть ненадолго.

Над ней сомкнулась темнота, она начала тянуть ее, как подводное течение, прочь от стены. Аманда приникла к твердому бетону, стараясь восстановить равновесие на качающемся под ее весом матрасе.

Она положила шуруп в карман, взялась за решетку и своей импровизированной отверткой подцепила ее, чтобы снять со стены.

Решетка оказалась тяжелее, чем она ожидала. Хрупкое равновесие было потеряно, и Аманда начала заваливаться назад.

Она упала на ведро, а решетка грохнулась рядом со звуком рухнувшей Эйфелевой башни. Аманда медленно перевалилась на бок. Холодная мыльная вода. «Хорошо хоть не параша», – с некоторым облегчением подумала она.

На колени, затем на ноги. Она отыскала матрас, прислонила его к стене, взобралась на него. Ее руки нащупали край вентиляционной шахты. Она просунула их в отверстие насколько могла далеко. Никакой преграды – только пыль и, наверное, мышинный или крысиный помет. Шахта шла горизонтально. Хорошо. Так в нее будет легче влезть.

Удерживаясь на руках и скребя ногами по голой стене, Аманда подтянулась и попыталась пролезть в отверстие, но ударилась головой о его верхнюю кромку.

Черт. Тупица.

Все ее мысли были заняты тем, как снять решетку. Она не подумала, как без достаточной опоры для ног влезть в расположенное высоко отверстие шириной всего два фута.

Черт. Мне нужна лестница.

Она выпрямилась и покачнулась, почувствовав приступ тошноты.

Надо позвонить в обслуживание номеров и попросить у них парацетамола.

И «Кровавую Мэри». И лестницу.

Голова болела так, будто в нее воткнули топор.

Пошел ты к чертям, Майкл Теннент.

И обслуживание номеров туда же. *К чертям, к чертям, к чертям.*

Надо выбираться отсюда.

Успокойся.

Думай.

Импровизируй.

Аманда не собиралась задумываться о будущем, у нее не было на это ни времени, ни мужества. Она дошла до второй комнаты, нащупала в темноте труп женщины, притащила его в свою комнату и положила у стены прямо под вентиляционным отверстием.

Затем она проделала то же самое с трупом мужчины, только положила его сверху тела женщины – так, чтобы его ноги фиксировали ее голову, а руки были переплетены с ее ногами.

Эти действия ее сильно утомили, но она спешила закончить дело. Она положила матрас на спину мужчины, согнула его пополам и приткнула к стене, создав что-то вроде моста. Затем осторожно, держась обеими руками за стену, взобралась на матрас. Есть! Теперь ее голова была на одном уровне с отдушиной.

Потянувшись вперед, она ощупала руками все доступное ей пространство. Никаких преград – только мусор и мышиный помет. Она больно врезалась коленями в острую кромку отдушины, а плечами – в ее стенки. И вот она уже внутри.

Дрожь. Сердце выпрыгивает из груди. Голова упирается в потолок. Плечи – в стенки шахты. Она двинулась вперед, вдыхая воздух резкими, короткими глотками и морщась от поднявшейся пыли и неприятного кислого запаха.

Она дюйм за дюймом продвигалась вперед – на четвереньках, сначала одно колено, затем другое, и с ужасом ждала, что в любой момент сзади раздастся голос, вспыхнет луч фонаря, что Майкл схватит ее за ногу. Правое колено вперед. Теперь левое. Руки уперлись во что-то металлическое. Ощупав предмет руками, Аманда поняла, что наткнулась на подобие рамы, сужающей вентиляционный ход на несколько дюймов.

Она вытянула руку и нащупала стену – шахта резко уходила вверх.

Она попыталась просунуть голову в вертикальный отрезок шахты, но у нее ничего не вышло. Сначала правую руку, потом голову. Металл рамы

жестко врезался в спину, разрывая футболку. Она застряла.

Она обливалась потом, отчаянно стараясь продвинуться вперед, но только застревала все сильнее.

Она понятия не имела, как скоро Майкл вернется и увидит лежащую на полу вентиляционную решетку. Ей ничего не оставалось, кроме как продолжать двигаться.

Металлическая рама вдруг отпустила ее. Она миновала изгиб шахты и начала вставать. Диаметр шахты остался прежним – плечи продолжали касаться противоположных стен. Теперь вверх. Аманда уперлась руками и ногами в шершавый бетон и стала карабкаться.

Прилагая все силы к тому, чтобы не соскользнуть вниз, и дрожа от напряжения, она преодолела несколько футов вертикального отрезка шахты. Ее пальцы опять уперлись во что-то металлическое.

Отчаянным усилием она подтянулась повыше и с помощью ног жестко зафиксировалась в шахте, чтобы освободить руки. Теперь она могла ощупать преградивший ей путь металлический предмет.

Это была лопасть вентиляционной турбины – ничуть не менее тяжелая и крепкая, чем лопасть самолетного винта. Колесо турбины наглухо блокировало путь наверх.

Плача от обиды, Аманда сползла вниз до горизонтального отрезка шахты и остановилась в темноте, дрожа от ужаса и безысходности. Она чувствовала себя так, будто все страхи ее жизни, до сих пор спрятанные в самом дальнем уголке сознания, теперь вырвались на свободу и поглотили ее.

Именно теперь она с ужасающей ясностью почувствовала, что непременно умрет.

Мрачная высотка в южном Лондоне. Стены, сплошь покрытые граффити. Когда-то здесь была парадная дверь, про которую все давно забыли и ходили через черный ход.

Майкл стоял на первом этаже в холле, смотрел в окно на свой «вольво», припаркованный перед входом, и спрашивал себя, много ли останется от него, когда он снова спустится вниз.

Он доехал в большом грузовом лифте до восьмого этажа и оказался в узком и темном, с голыми полами коридоре, в котором пахло вареной картошкой. Где-то за стеной плакал ребенок, а женский голос с визгливыми нотками успокаивал его.

Дверь в квартиру 87 была выкрашена синей краской и, как все остальные двери на этаже, имела в верхней части окошко. Рядом с дверью находилась маленькая кнопка звонка. Внутри квартиры играла музыка. Майкл нажал на кнопку и услышал, как звонок отозвался захлебывающимся скрежетанием. Не дождавшись ответа, он постучал по стеклу костяшками пальцев.

Нет ответа.

Он постучал сильнее, еще сильнее, и вдруг стекло не выдержало и разбилось.

Это вогнало Майкла в короткий ступор. Только через несколько секунд он ощутил боль в ладони от пореза, который начал наливаясь кровью. Он осторожно вынул из раны застрявший осколок и лизнул ее, чтобы остановить кровотечение. Музыка стала слышнее. Знакомая мелодия – женский голос, поющий одну и ту же фразу. Английские слова, но с немецким акцентом. Марлен Дитрих?

Все двери в коридоре оставались закрытыми, и дуэт плачущего ребенка и нудящей матери продолжался.

Черт, как же так получилось?

Из пожарного выхода показалось двое парней. Они посмотрели на Майкла, остановились у ближайшей двери и бесцеремонно постучали в нее. Дверь открылась, возник короткий разговор с обитателем квартиры, и через несколько секунд дверь закрылась. Они перешли к следующей двери, снова покосились на Майкла, постучали. Оба были в кедах, один – в нейлоновом спортивном костюме, другой – в короткой куртке на «молнии». У второго парня в руках была большая спортивная сумка.

Майкл понял, чем они занимаются и что произойдет, когда они дойдут до пустой квартиры с разбитым дверным окошком.

«Falling in love a... falling in love a... falling in love a...»

Запись сопровождало едва слышное специфическое шипение. Заевшая пластинка? Майкл приблизил лицо к разбитому стеклу и позвал, сначала тихо, затем погромче:

– Мистер Дортмунд! Герр Дортмунд!

Нет ответа.

Майкл вынул из переплета оставшиеся осколки, чтобы не порезаться во второй раз, просунул в окошко руку и дотянулся до дверной защелки. Она оказалась довольно большим засовом, и ему пришлось приложить усилие, чтобы сдвинуть его с места.

Дверь открылась.

Он вошел внутрь и громко позвал:

– Мистер Дортмунд! Вы здесь? Герр Дортмунд!

Игла проигрывателя не могла преодолеть царапину на пластинке.

С недобрыми предчувствиями Майкл закрыл за собой дверь. Он стоял в маленькой прихожей, большую часть которой занимала громоздкая викторианская вешалка. На вешалке висел старый твидовый плащ, макинтош и фетровая шляпа. Твидовый плащ смотрелся здесь чужаком – он не вписывался в убогий интерьер прихожей и тем более в общую мрачную атмосферу обшарпанного здания.

Майкл прошел по потертой ковровой дорожке мимо двух эстампов с баварскими видами и, оказавшись в гостиной, застыл, будто наткнувшись на стену.

Жалкая маленькая комната, с тюлем на окнах, закрывающим вид на точно такую же высотку, всего в нескольких ярдах от той, в которой жил Дортмунд, обставленная как в студенческом общежитии: два потрепанных кресла, вытоптаный ковер, старое радио и еще более старый проигрыватель, на котором вращалась пластинка и подпрыгивал рычаг-привод граммофонной иглки, обогреватель у стены.

Но ничего из этого Майкл не видел. Он не мог оторвать взгляда от разрисованной маслом стены, подавляющей всю остальную комнату: портрета Адольфа Гитлера в униформе, поднявшего руку в фашистском салюте, на фоне свастики.

Майкл отвернулся, не в силах поверить, что его пациент, пришедший к нему за искуплением, все еще находился под властью своего идола. Он вернулся в прихожую и снова позвал:

– Мистер Дортмунд! Вы здесь? Герр Дортмунд!

В прихожей были три другие двери – одна распахнута, две приоткрыты. Майкл заглянул в первую дверь, за которой оказалась спальня. Пустая комната с голыми стенами и узкой, аккуратно заправленной кроватью. Как и во всей квартире, здесь пахло старостью. Белье сложено ровной стопкой на единственном в комнате стуле с домашними тапочками под ним.

Следующая дверь вела в крохотную кухню с древним гарнитуром, чумазой газовой плитой и маленьким, покрытым пластиком столом, на котором лежала немецкая газета.

Вернувшись в прихожую, Майкл заметил электрический кабель, воткнутый в розетку и исчезающий в третьем помещении. Недобрые предчувствия усилились. Он позвал еще раз:

– Мистер Дортмунд? – подождал, постучал в дверь и открыл ее.

Он ожидал чего-то подобного, но все равно увиденное вызвало у него шок.

В маленькой зеленой ванне, наполовину погруженное в воду, лежало голое, худое и жалкое тело Германа Дортмунда.

Его глаза были широко открыты, в них застыло удивленное выражение. Рот также был открыт, нижняя челюсть выступала вперед, губы формировали почти правильную букву «О» – свидетельство мучительной смерти. Брови были опалены. Костистые руки немца, погруженные в воду и располагавшиеся между его бедрами, держали электрический обогреватель. Он-то и был подключен шнуром к розетке.

Майкл вышел из ванной и вытащил вилку, затем вернулся и дотронулся до лица Дортмунда. Кожа была холодной – старик был мертв уже давно. Майкл проверил пульс, зная, что ему уже ничем не поможешь.

Оставив Дортмунда, он вернулся в гостиную, где должен был быть телефон. Марлен Дитрих все повторяла одни и те же слова. Майкл подумал, не выключить ли проигрыватель, но решил оставить все как есть.

Затем ему на глаза попался единственный в комнате красивый предмет – письменный стол с убирающейся крышкой, на котором рядом с телефоном ровным рядом лежали четыре подписанных конверта. Их будто специально разложили на виду.

Майкл подошел к столу и из любопытства взглянул на них. Одно письмо, судя по выполненной дрожащей рукой надписи, было адресовано адвокатской конторе в Кройдоне. Второе – женщине, живущей в Бонне. Третье – мужчине в Штутгарт. Четвертое письмо было адресовано Майклу.

«Наверное, плата за консультации», – подумал он и открыл конверт. Внутри была записка, написанная тем же аккуратным, но неровным из-за

дрожания руки почерком. В ней говорилось:

«Уважаемый доктор Теннент,
для меня настало время прекратить мучения. Для вас же
пытка, называемая „жизнь“, продолжается.

Помните, в наших последних беседах мы обсуждали вопрос
тех психических способностей, которыми я обладаю? Я говорил,
что они оборачиваются для меня еще большими страданиями.
Недавно мне было сообщено имя: доктор Джоэль.

Это еврейское имя. Доктор Джоэль – еврей. Как-нибудь на
досуге познакомьтесь с ивритом и еврейской культурой. У
древних евреев „джоэлем“ называли ближайшего родственника
того человека, которому был причинен вред. На него возлагалась
ответственность за воздаяние и мщение.

У древних евреев, доктор Теннент, „джоэль“ значит –
кровник».

Гленн Брэнсон расплывался от жары. Он стоял на ковре, липком от пролитого пива, в набитом битком верхнем зале какого-то паба в северном Лондоне – он точно не знал в каком. Его окружало около ста полицейских офицеров, которые шумно чествовали уходящего на пенсию детектива-инспектора Дика Бардольфа, ради которого и было устроено это мероприятие. В настоящий момент сам Дик Бардольф, без галстука и в расстегнутой рубашке, находился между обнаженными грудями девушки-стриптизерши, чьей работой было поздравить его.

Гленн прислонился к барной стойке и старался привлечь внимание не справляющегося с таким количеством народа бармена, которому приходилось держать в голове по восемь заказов одновременно. В свое время, когда Гленн работал вышибалой, он навидался распущенных женщин. Он не любил поздравлений стриптизерш. Он не любил, когда собиралась большая пьяная толпа. К тому же сегодня он был не в духе. За время службы в полиции на его долю выпало уже немало трупов, но ни одна смерть не поразила его так, как смерть Коре Барстридж и гибель человека, выловленного сегодня в Шорэмской гавани. Целый день перед его глазами стоял голый череп над раздувшейся кожаной курткой, целый день он обонял ужасный трупный запах, и три пинты светлого пива не смогли ничего с этим поделать. А еще он не переставая думал о Коре Барстридж.

Завтра ее похороны. Они будто клали конец всему. Впереди ведь еще дознание, и, если после кремации появятся новые улики, будет наверняка трудно добраться до правды о том, что в действительности с ней произошло...

Гленн попался наконец на глаза бармену, но тот сразу же отвернулся и стал обслуживать кого-то еще. Гленн задумался, сколько ему еще здесь находиться. Он что-то слышал о грядущем ужине с китайской кухней, но он уже слишком устал. Хорошо было бы поехать домой и лечь спать не за полночь.

Майк Харрис, который привел Гленна сюда, познакомил его с несколькими офицерами Столичной полиции, но из-за громкой музыки и шума было тяжело разговаривать – приходилось выкрикивать слова. И все же он обзавелся несколькими важными визитными карточками: заместителя начальника полиции, старшего суперинтендента, двух старших

детективов-инспекторов. Как и в любой организации, в полиции продвижение по службе частично зависит от нужных знакомств.

Кто-то толкнул Гленна, пробираясь к барной стойке. Он подвинулся, обернулся и увидел крупного мужчину с бычьей шеей, мягким, немного детским лицом и короткой стрижкой. Обильно потеющий великан дружески кивнул Гленну и прокричал:

– Только пришел. Надо догонять!

Голос показался Гленну знакомым, но он сразу не смог определить откуда.

– Один бармен, – ответил он. – Безумие! Здесь и трое не управились бы.

Позади них поднялся рев:

– Снимай их!

Они оба повернули голову, но не смогли ничего рассмотреть.

– Ты откуда? – прокричал Гленну его новый знакомый.

– Суссекс.

– Конкретнее?

– Хоув.

Мужчина задумчиво кивнул и прокричал:

– Знаешь детектива-констебля по фамилии Брэнсон?

Гленн вспомнил, откуда ему знаком голос этого человека.

– Это я!

– Ты Гленн Брэнсон?

– Ага!

Мужчина широко улыбнулся и протянул руку.

– Вот так встреча! Саймон Ройбак из Хампстеда. Мы разговаривали в понедельник по телефону.

Гленн пожал протянутую руку.

– Тина Маккей.

– Точно!

– Ты спихнул на меня тупую работу по проверке Роберта Мэйсона.

Ройбак улыбнулся:

– При случае я охотно отдам долг. – Он развел массивными руками. – Что ты пьешь?

– Сейчас моя очередь. Давай и на тебя возьму.

– Спасибо. Пинту горького.

Гленн помахал бармену, но снова безрезультатно. Тогда он повернулся к Ройбаку:

– Есть подвижки с Тиной Маккей?

– Пропала еще одна женщина. Почти одинаковый возраст и сложение. И у той и у другой успешная карьера. В воскресенье вечером выехала от сестры и не появилась дома в Лондоне. Я собирался позвонить тебе, попросить, чтобы ты проверил пару людей в Брайтоне.

– Нет проблем.

Бармен наконец-то принял его заказ. Ройбак помог Гленну донести стаканы до места. Пьянка была в самом разгаре, и с пивом в руках стоять было невозможно – обязательно кто-нибудь толкнет, и пиво разольется. Гленн уже потерял треть выпивки.

– Пойду подышу, – раздраженно сказал он.

– Пойдем вместе.

Они вышли на улицу. Был липкий душный вечер, только начинало темнеть. Мимо протарахтел автобус.

– Думаешь, между этими двумя исчезновениями есть связь? – спросил Гленн.

– Чутье подсказывает, что есть. Слишком много похожего.

Гленн отхлебнул пиво. Он не испытывал никаких затруднений в общении с лондонским детективом – будто они были давними друзьями, а не один раз разговаривали по телефону. Мимо прошли две девушки в юбках, длина которых почти достигала границы, дозволенной законом для улицы.

– День, когда перестану на них смотреть, будет днем моей смерти, – сказал Ройбак.

Гленн улыбнулся:

– Сколько ты в полиции?

– Тринадцать лет. Девять в уголовном розыске. А ты?

– Четыре. Два в уголовном розыске. Я новенький в этой песочнице. – Он снова улыбнулся. – Ты сказал, что тебе чутье подсказывает, что эти случаи связаны. Похоже, многое в полицейской работе зависит от чутья, верно?

– Да. – Ройбак отпил пива и вытер рот тыльной стороной ладони. Мимо на спортивных мотоциклах проехали трое юнцов. Гленн и Ройбак проследили за ними взглядом и переглянулись. Ройбак продолжил: – Да. Чутье... интуиция... догадка по косвенной информации... – Он поскреб голову. – Хорошие детективы полагаются на чутье. – Он выудил из кармана пачку сигарет и предложил Гленну закурить.

– Не курю, спасибо. Бросил.

Ройбак прикурил. Запах табака был приятным, не то что чад внутри паба. Гленн спросил:

– У тебя было когда-нибудь так, что чуть тебе подсказывает то, что ты не имеешь возможности доказать? Ну, например, когда ты не можешь убедить свое начальство, что дело стоит расследовать дальше?

– Да. – Ройбак затаился, затем взял сигарету большим и указательным пальцами. – Пару раз.

– И что ты сделал?

Ройбак пожал плечами:

– Отступился.

– У тебя никогда не было такого дела, от которого ты не мог отступить?

– В полиции другой порядок. Если я начну расследовать все, что мне хочется, мне никаких рабочих смен не хватит.

– А у меня есть дело, от которого я не могу отступить, – сказал Гленн.

Ройбак смерил его странным взглядом – наполовину любопытным, наполовину настороженным.

– Что за дело?

– Внезапная смерть. Я обнаружил ее на прошлой неделе. Все убеждены, что это самоубийство, но я думаю иначе.

– Почему?

Гленн глотнул пива.

– Начну с начала. Ты знаешь Кору Барстридж, кинозвезду?

– Умерла на прошлой неделе.

– Я нашел ее в ее собственной квартире, с пластиковым пакетом на голове.

Ройбак сморщил нос:

– Не лучший способ уйти из жизни. Приходилось видеть таких самоубийц. Сколько она там пролежала?

– Пару дней.

– Погоди, еще придется разбираться с трупами, пролежавшими пару недель.

Гленн с содроганием вспомнил о теле из Шорэмской гавани.

– Вот уж спасибо.

– Не за что. Ну так что там с ее самоубийством?

– Ничего такого, что убедило бы моего шефа. Просто в день убийства она пошла в магазин и купила дорогой детский комбинезончик, но не послала его внучке. В ее квартиру проник посторонний – его видела соседка, – но он ничего не взял. Почему она покончила с собой меньше чем через сорок восемь часов после того, как получила награду Британской

академии кино и телевидения за заслуги в области кинематографии?

Ройбак задумчиво посмотрел на Гленна:

– Возможно, всему этому существуют разумные объяснения. Это все, что у тебя есть?

– Скажи, Саймон, тебя бы зацепила эта информация, если бы ты оказался на моем месте?

– То, о чем ты мне рассказал?

– Да.

– Я подождал бы результатов вскрытия и для надежности вызвал бы криминалистов для обработки квартиры. И тогда уже посмотрел бы, что я имею. Думаю, я постарался бы убедить себя в том, что это самоубийство.

– Я не рассказал самого главного. Много лет назад у Кору была актриса-соперница – Глория Ламарк. Ты ее и не вспомнишь, если только ты не заядлый любитель кино.

Ламарк. В голове отзывался звоночек на это имя, но Саймон Ройбак, хоть убей, не мог вспомнить почему.

– Ламарк. Как по буквам?

Гленн продиктовал. Лицо детектива выражало сосредоточенность.

– Ну так вот, у нее была соперница, Глория Ламарк. В шестьдесят шестом они обе претендовали на главную роль в фильме «Зеркало на стене». Роль получила Кора Барстридж и номинировалась за нее на премию киноакадемии. До недавнего времени я фильма не видел, но вчера удалось достать запись, и я его посмотрел. Там Кора играет актрису, страшно изуродованную в результате автокатастрофы, и одна из ее реплик звучит так: «Я больше не могу смотреть на себя в зеркало». Точно такие же слова были в ее предсмертной записке. Больше того, там были *только эти* слова.

Ройбак внимательно всмотрелся в лицо Гленна:

– Думаешь, это могла сделать Глория Ламарк?

Гленн покачал головой:

– Глория Ламарк ненавидела Кору Барстридж, но она не могла этого сделать. Она умерла три недели назад – отравилась таблетками. Странное совпадение, верно? Они умерли одна за другой в течение трех недель.

Ройбак снова затянулся сигаретой. *Ламарк. Ламарк.* У него было чувство, что это имя ему знакомо, но он не был до конца в этом уверен.

– У тебя завтра дежурство?

– Да. В десять я поеду на кремацию Кору Барстридж, потом вернусь на службу. А что?

– Устал я сегодня, и еще хочу заехать в участок проверить кое-что. Извини. Поговорим утром. Рад был познакомиться.

– Я тоже.

Гленн отнес оба стакана – свой и Саймона – в паб. Ему было интересно, на какую мысль навело его нового знакомого упоминание о Глории Ламарк. Медленно и неохотно он поднялся по лестнице и присоединился к празднующим.

Майкл сидел за своим столом в Шин-Парк-Хоспитал с телефонной трубкой в руках. Перед ним лежала раскрытая на первой странице медицинская карта доктора Джоэля.

В трубке звучала запись: «Доктор Сандаралингом не может сейчас подойти к телефону. Пожалуйста, оставьте сообщение, и он вам перезвонит».

Майкл повесил трубку. Он был удивлен, услышав автоответчик, а не человеческий голос. Обычно у врачей есть секретарь, чтобы не упускать клиентов, на тот случай, если сам доктор отсутствует.

Он обхватил голову руками.

Доктор Теренс Джоэль, ты пришел ко мне в кабинет с разговорами о потере близких людей и об автокатастрофе, как две капли воды похожей на ту, в которой погибла Кэти, о голубе в клетке, подвале и противорадиационном убежище.

Твое имя означает «кровник».

Неужели ты невинный человек с ворохом проблем и события, произошедшие в твоей жизни, каким-то необъяснимым образом отразили мою жизнь?

Или мне необходимо узнать о тебе гораздо больше, чем я знаю теперь?

На автоответчике было сообщение от детектива-констебля Ройбака, который сказал, что посетил интернет-кафе, но, как и предполагалось, в тот день через него прошло не менее двухсот клиентов. Возможно, ему бы улыбнулась удача, имей он фотографию подозреваемого.

Майкл зашел в Интернет и вызвал на экран сайт Теренса Джоэля. Затем он скопировал фотографию Джоэля в отдельный файл и послал ее Ройбаку по электронной почте.

Пока письмо шло, он набрал мобильный номер Ройбака и, попав на автоответчик, оставил сообщение, в котором были последние сведения о Джоэле, полученные от Дортмунда. Он также сказал, что послал его фотографию.

Затем ему в голову пришла одна мысль. Он зашел на сайт поисковой машины «Альта-Виста» и набрал в строке поиска: «доктор Теренс Джоэль».

Как и прежде, появилось всего одно совпадение. Адрес веб-страницы Джоэля. Больше ничего.

Он ведь какой-никакой ученый. Почему в Интернете о нем ничего нет? Почему только сайт? Ведь должны же быть ссылки на другие сайты. Ну, не на секретную службу прослушивания и слежения, так хоть на журнал Nature. На Институт Скриппса. На Комитет по поиску внеземного разума. На Массачусетский технологический.

Майкл запустил поиск для журнала Nature. На главной странице-каталоге сайта в строке поиска он напечатал: «доктор Теренс Джоэль». Никаких ссылок не появилось.

То же самое он проделал на сайте Института Скриппса. Безрезультатно. Не упоминался доктор Джоэль и на сайте Массачусетского технологического института.

У Майкла разболелась голова. Он закрыл глаза, затем проглотил две таблетки парацетамола.

Набрав телефон справочной службы, он спросил, есть ли у них номер службы прослушивания и слежения. К его удивлению, он у них был, но, позвонив по нему, он попал на автоответчик, сообщивший ему, что офис уже закрыт и начнет работать завтра с девяти утра.

Майкл проверил электронную почту. Обычная лавина писем, в основном по работе, и одно от брата в Сиэтле, который писал, что собирается приехать с семьей, и спрашивал, не забыл ли Майкл, что через два года у их родителей золотая свадьба.

Во время просмотра сообщений Майклу пришло еще одно письмо – напоминание о резервировании площадки для гольфа на субботу. «Гольф, – подумал он. – И как я, черт возьми, смогу сосредоточиться на игре?»

Он еще раз перечитал карту доктора Джоэля – каждое слово. Направление от доктора Сандаралингема. Бланк новоприбывшего пациента, в котором Джоэль написал только имя, адрес и мобильный телефон. Майкл набрал номер и услышал запись голоса Джоэля: «Это Теренс Джоэль. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я вам перезвоню».

Майкл повесил трубку, позвонил в справочную, назвал оператору адрес Джоэля и попросил дать ему номер домашнего телефона. Оператор ответил, что телефона на такой адрес в списке нет.

Майкл положил трубку, оперся лбом о ладони и сжал виски. Затем посмотрел в окно. Небо было темным. Десять двадцать пять.

Он снова взглянул на записи в карте Джоэля. *Противорадиационное убежище.*

Внутренности скрутило в неожиданном приступе паники. Противорадиационное убежище.

...какое-то подземное помещение – подвал или склеп.

Противорадиационное убежище?

Он встал, прошелся по кабинету, затем вышел в коридор и стал ходить там. Мысли о докторе Джоэле поглотили его.

Кровник. Тот, кто осуществляет кровную месть.

Месть за что?

Он посмотрел на часы. Десять тридцать. Он знал, что Челтнем часах в полутора езды, – несколько лет назад он ездил туда по делам.

Он снова зашел в кабинет и посмотрел на адрес Джоэля. Квартира. Квартира с подвалом? С противорадиационным убежищем?

Все возможно.

Он закрыл папку доктора Теренса Джоэля и положил ее в «дипломат». Через десять минут он уже ехал в своем «вольво» по Южной кольцевой дороге, направляясь к М-40 на Оксфорд и Челтнем. Его глаза болели от света фар едущих навстречу машин. Он устал как пес, а вечерний воздух был душным и жарким. «Безумие. Надо было позвонить Ройбаку, рассказать ему свои соображения и поехать домой спать», – думал он, но ехал вперед.

Еще через час он заехал на автозаправку, купил себе не первой свежести бургер, поникший картофель фри и стакан кофе. Он сидел за столиком у окна, и из стекла на него смотрел серый призрак – его собственное отражение. Волосы призрака были всклокочены, а под глазами даже через овальные очки в черепаховой оправе были видны темные мешки.

Но эти усталые глаза светились мрачным огнем решимости.

На экране возникали геометрические фигуры: сложные фракталы, концентрические круги, взаимосвязанные кластеры звезд. Саймон Ройбак стоял в дверях комнаты, отведенной для группы расследования исчезновения Тины Маккей, и смотрел, как на экране появляется следующий рисунок – группы маленьких гексаграмм, образованных вокруг большой гексаграммы в центре, которая потом превратилась тоже в массив маленьких гексаграмм.

«Структуры», – подумал он. Если бы он не пошел работать в полицию, он бы, наверное, стал математиком. Иногда он завидовал тому интеллектуальному удовлетворению, которое получала от работы его невеста – она учила детей математике и физике. В полиции, даже занимаясь уголовным розыском, он не находил себе достаточно пищи для ума. В основном его работа была рутинной, смесью бумажной волокиты, здравого смысла, интуиции и элементарного упорства.

Каждая маленькая часть фрактала превратилась в уменьшенную копию целого. В математике было изящество. Во фракталах, в частности. Саймону Ройбаку нравилось изящество. Полицейская работа редко изящна. Чаще она прямолинейна. Ищешь улики наперекор времени и бюджету, затем вколачиваешь их в выбранную версию. Что-то интересное попадает очень редко.

Ройбак устал. Он думал о том, что неплохо было бы пойти домой, принять прохладный душ, свернуться на постели рядом с Брайони, рассказать о том, как у него прошел день, послушать, как прошел день у нее. Затем заняться любовью, уснуть у нее в объятиях и завтра начать новый день бодрым и сильным.

Вместо этого в половине одиннадцатого, в такую жару он вернулся на службу, в надежде помочь двум женщинам, которых он никогда не встречал. Тина Маккей и Аманда Кэпстик. Он надеялся, что если вдруг, господи упаси, что-то случится с его возлюбленной Брайони Доннелли, то другие детективы в каком-то другом кабинете какого-то другого полицейского участка сделают для нее столько же, сколько он делал для них.

Комната имела такой вид, будто ее покидали в спешке, оставив все как есть: все шесть компьютеров работали, на столах лежали ворохи бумаг, из настольного органайзера выглядывала недоеденная половинка «Марса»,

один из ящиков шкафа для папок был выдвинут. Много работы.

Бедлам. Наверняка никто из команды не ушел сегодня домой раньше десяти часов. Они вьедались в работу. Они отчаянно стремились найти двух незнакомых им женщин.

В начале недели сюжет об исчезновении Тины Маккей транслировался по национальному телевидению в рамках программы «Криминальный дозор», и с тех пор к ним позвонило несколько сотен людей, сообщивших о ее возможном местонахождении. Скоро их ждет новая волна звонков, уже связанная с Аmandой Кэпстик. Если та не объявится раньше.

А она не объявится. Саймон Ройбак был уверен в этом. Ее можно только найти. Он надеялся, что она и Тина будут живы, когда их найдут. Он не сказал ни родственникам, ни психиатру, бойфренду Аманды Кэпстик, что шансов, что их обнаружат живыми, крайне мало.

Саймон Ройбак зашел в комнату и поставил накрытый крышкой пластиковый стаканчик со сладким черным кофе на стол, который он обыкновенно здесь занимал. Затем просмотрел список того, чем сегодня занимались остальные пять членов команды. Ничего нового ни по Тине, ни по Аманде. Стаканчик оказался дырявым и протекал – по его стенке ползла кофейная капля. Он поймал ее пальцем и слизнул. Хорошо. Сладко. Он пролистал отчет и ткнул пальцем в клавиатуру, чтобы оживить экран. Рисунок исчез. Его сменила заставка национальной системы регистрации преступлений ХОЛМС со списком пропавших по стране привлекательных и успешных женщин, возрастом примерно сходных с Амандой и Тиной, исчезнувших за последние пять лет. Пока никаких корреляций с другими исчезновениями не было.

Ройбак прослушал записанное службой мобильной связи сообщение доктора Теннента о докторе Джоэле, затем сел за компьютер и попытался открыть фотографию доктора Джоэля, присланную психиатром по электронной почте.

У него ничего не получилось.

Он обругал компьютер. Единственным, кто мог договориться с упрямой машиной, был системный администратор. Ройбак решил, что вызовет его утром сразу по приходе на работу.

А пока он вернулся к своей основной задаче – тому, за чем пришел сюда в этот вечер. В кабинете вдоль стены было сложено множество картонных коробок с бумагами из офиса Тины Маккей. Детектив посмотрел на сделанные наспех подписи и нашел две нужные ему коробки. На одной было написано «Письма-отказы, янв. – дек. 96»; на другой – «Письма-отказы, янв. – июль 97». Он отнес обе коробки к своему столу.

Неделю назад секретарша Тины Маккей сказала, что они получают больше ста рукописей в неделю. Это значит, что в этих коробках находится больше восьми тысяч писем.

Ему бы не помешала еще одна пара рук (и глаз), и он задумался, не вызвать ли ему кого-нибудь из команды, но не стал этого делать. Все устали и будут работать лучше, если немного отдохнут. Он знал, что это относится и к нему, но выбора у него не было. Несколько дней назад он уже просматривал эти письма – все две коробки.

Он снял крышку со стаканчика с кофе. Зазвонил телефон, и он поднял трубку:

– Саймон Ройбак.

Звонивший ошибся номером. Он хотел вызвать такси. Ройбак повесил трубку, взял коробку с 1997 годом и начал просматривать письмо за письмом, глядя только на адреса, ища только одно имя, запечатлевшееся у него в мозгу.

Не исключено, что он ошибся. Может, оно пишется по-другому или память его обманывает. Письма были сброшюрованы по сто. Закончив с первой «книжкой», он положил ее на пол и взялся за следующую. Ничего. Третья «книжка». По комнате флегматично пролетел мотылек. Потолок усеяли маленькие черные мушки. Возле уха запел комар, и Ройбак попытался его прихлопнуть, но безуспешно. Из окна доносился шум автомобильного движения.

Он позвонил Брайони и предупредил, что вернется домой поздно. Она сказала, что дождется его, на что он возразил, что не знает, насколько задержится – может, на всю ночь, – и сказал ей, чтобы она ложилась спать. Она сказала, что любит его, и он ответил, что тоже любит ее больше жизни. Это была правда. Затем он повесил трубку и сосредоточился на письмах.

Это были невеселые письма. Они несли в себе плохие новости. Чаще всего это были простые извещения, убивающие у адресата всякую надежду.

«Уважаемый мистер Уитни.

Мы благодарим Вас за то, что Вы прислали нам свою рукопись „Дважды ночью“. После тщательного ее прочтения мы с сожалением констатируем невозможность внесения ее в планы наших публикаций.

Мы надеемся, что Вы добьетесь успеха в других издательствах.

Искренне Ваша

Тина Маккей, шеф-редактор».

Уничтоженные тремя строками месяцы, годы, десятилетия работы. Восемь тысяч возможных подозреваемых. Шестнадцать, если принять в расчет предыдущие полтора года. Опросить их всех, даже формально, – невыполнимая задача.

Но если сократить этот объем всего до одного письма, ситуация предстанет в совершенно ином свете.

У небольшой доли писем вверху были сделаны приписки от руки – или самой Тиной Маккей, или ее помощниками. В некоторых приписках отмечалось, что автор – друг или родственник кого-нибудь из сотрудников издательства. В других – что автор настойчиво звонит и требует ответа или что есть подозрения, что рукопись – это плагиат. Ройбак был уверен, что письмо, которое он ищет, содержит приписку.

Он продолжал перелистывать письма – страница за страницей, на каждой из которых была шапка издательской группы «Пелхам-Хаус». Все письма распечатаны на компьютере. Разнообразные имена: женские, мужские, английские, иностранные. Несколько известных. Саймон Ройбак мечтал однажды написать книгу. Неужели он бы получил такое же письмо?

Наконец он остановился. Он нашел его.

*«Томасу Ламарку,
47 Холланд-Парк-Виллас
Лондон W 14 8JJ*

Уважаемый мистер Ламарк.

Мы благодарим Вас за то, что Вы прислали нам рукопись „Авторизованная биография Глории Ламарк“. После тщательного ее прочтения мы с сожалением констатируем невозможность внесения ее в планы наших публикаций.

Мы надеемся, что Вы добьетесь успеха в других издательствах.

Искренне Ваша

Тина Маккей, шеф-редактор».

Вверху письма от руки – Саймон Ройбак узнал почерк секретарши Тиной Маккей – было написано: «Несколько раз звонил. Агрессивен».

Детектив сделал фотокопию письма, положил оригинал обратно в коробку, сложил копию и сунул ее в карман пиджака.

Майкла ослепили фары несущегося навстречу автомобиля. На него бросились тени, будто сорванные светом с поверхности дороги. Машина ехала на «дальнем свете» и вся содрогалась от рвущегося из нее басового бита. На перекрестке она повернула и направилась по широкой Челтнем-авеню.

На часах было двенадцать пятнадцать ночи. Сигнал светофора сменился на зеленый, и Майкл поехал дальше, следя за знаками, указывающими в центр города. Радио играло безликую для забегаловок музыку. Майкл заехал на парковку, чтобы уточнить направление. Сторож, сидя в железной будке за пуленепробиваемым стеклом с пропускающими звук отверстиями, читал книгу, прислонив ее к окну, и не замечал Майкла до тех пор, пока тот не постучал в стекло.

Сторож с некоторой неохотой отложил книгу и вытащил откуда-то из-под себя карту.

– Ройял-Корт-Уолк?

Майкл кивнул.

Сторож нашел улицу, объяснил, как ехать, зевнул и вернулся к чтению.

Следуя его указаниям, Майкл проехал еще примерно милю по широким, практически пустым улицам, обрамленным георгианскими фасадами. Доехав до паба, о котором упомянул сторож, он повернул налево.

Первая улица направо была Ройял-Корт-Уолк. Майкл прижал «вольво» к обочине и включил свет в салоне, чтобы уточнить, какой ему нужен номер. 97. Улица состояла из элегантных домов с террасами. Справа был номер 5. Слева – 4, а затем 6. Нечетные справа. Он поехал по улице: 17, 19. Дальше. Еще взгляд: 31... 33... 35. Дальше: 71...73... Дальше: 91... 93... 95.

На девяносто пятом улица заканчивалась. Дальше был Т-образный перекресток. Последний дом на противоположной стороне имел номер 96. Майкл вылез из машины и пешком обогнул угол. Иногда угловые дома имеют адрес соседней улицы. Но за углом девяносто седьмого дома не было.

Вернувшись в машину, он не закрыл дверь, чтобы свет остался гореть, и еще раз проверил указанный на бланке адрес. Написан четко. Ни одного шанса, что в какой-нибудь цифре ошибка. Это было сделано намеренно.

Доктор Джоэль написал этот номер потому, что знал, что его не существует.

Майкл выключил свет в салоне. Его окружил сумрак, разбавленный светом уличных фонарей. Аманда исчезла через несколько дней после того, как Джоэль пришел к нему на первый прием.

Майкл все больше убеждался в том, что Джоэль связан с ее исчезновением. Человек, который мог помочь ему, был здесь, в Челтнеме, – врач общей практики, не отвечающий на телефонные звонки.

Он позвонил в справочную и спросил, есть ли у них домашний адрес доктора Сандаралингема. Доктор Сандаралингем значился в списке, но был отмечен как «больше не существующая директория». Майкл сказал женщине-оператору, что он сам врач и у него чрезвычайная ситуация, но та больше ничем не могла помочь и посоветовала позвонить в полицию.

Майкл подумал, не позвонить ли Ройбаку, но было уже больше часа ночи. Ни от Ройбака, ни от Сандаралингема он ничего путного в такое время не добьется.

Через десять минут Майкл заехал в обшарпанный переулок, где, согласно адресу на письме, располагался кабинет доктора Сандаралингема, и остановил машину возле двадцатого дома.

На большой латунной табличке рядом с парадной дверью был список имен, но доктора Сандаралингема среди них не было. И никакого другого доктора.

Переулок был тих, никакого движения, только теплая тишина ночи. Взяв с собой мобильный телефон, Майкл вышел из машины, подошел поближе к зданию и набрал номер доктора Сандаралингема. Через несколько секунд где-то над его головой зазвонил телефон. Четыре гудка, затем та же самая запись, которую он слышал и раньше: «Доктор Сандаралингем не может сейчас подойти к телефону. Пожалуйста, оставьте сообщение, и он вам перезвонит».

Майкл повесил трубку и, чтобы быть уже до конца уверенным, набрал номер еще раз. И снова через несколько секунд над ним зазвонил телефон.

Он перебрал все дверные звонки, нажав на каждую кнопку по два раза. Никакого ответа. Он вернулся в машину, отъехал немного назад, чтобы видеть ведущие к парадному входу ступени. Затем откинул чуть дальше спинку сиденья и запер машину. Его тело онемело от усталости, но в мозгу еще металась мысль. Он услышит, если кто-нибудь пройдет или проедет. Проезжающий автомобиль разбудит его, если он вдруг задремлет.

Он закрыл глаза и немедленно погрузился в водоворот мыслей. Подобно огромной воронке, они затягивали его, беспомощного, в свой

центр, где его ждал темный ужас.
Там он и уснул.

Тени от его пальцев плясали на клавиатуре под настольной лампой «Стейнвей».

Иногда Томасу казалось, что эти клавиши – клавиши рояля «Стейнвей», а он – великий музыкант, вкладывающий всю душу в игру. В такие минуты он сидел в своей комнате, отделенный от всего мира, освещенный экраном монитора, под его руками пощелкивала клавиатура, его тело покачивалось, вторя ритму струящихся по экрану слов.

Слова приходили из пространства, изливались из его рук. Он был просто бездушным проводником между создателем и компьютерным экраном. «У тебя руки хирурга», – говорила ему мать. Да, узкие ладони, длинные красивые пальцы, ухоженные, гладкие, идеально обработанные ногти.

Она расстроилась, когда он бросил медицинскую школу. Расстроилась и рассердилась.

– Ты же понимаешь, что у тебя не все в порядке с головой, Том-Том?

Почему он ушел оттуда?

Это было так давно, что было практически невозможно вспомнить. Томас уже не был уверен, что все происходило так, как он себе это представлял. Люди в школе постоянно злились на него, но злились по абсолютно дурацким поводам. Может, из-за того, что он ударил суку медсестру в лицо, когда она засмеялась в ответ на его просьбу потрогать паровозик. Из-за этого поднялась действительно сильная шумиха. Мать оказалась права насчет этой девки. Но из-за чего же он все-таки ушел? Столько всего исчезло из памяти, и с каждым часом становится все хуже и хуже. Но не в это утро. В это утро с памятью было на удивление хорошо.

Он чувствовал себя как полностью заряженная батарея. Его тело, обласканное шелком халата, купалось в прохладном летнем воздухе. Он был вымыт, выбрит, наодеколонен, готов. Сегодня большой день. Похороны Кору Барстридж в Брайтоне. Затем мастэктомия в Кингз-Колледже. А потом уже он прооперирует подстилку доктора Майкла Теннента.

У него было мало анестетиков – он их все извел на Тину Маккей и маленького ублюдка репортера Джастина Флауэринга, стараясь, чтобы они прожили подольше и испытали как можно больше боли. У него были бланки с фамилией доктора Сандаралингема, но, скорее всего, они ему не понадобятся. Будет интереснее, если Аманда Кэпстик будет в сознании.

Гораздо интереснее.

На экране монитора мерцал курсор. Плотные занавески в комнате были задернуты. Томас отвечал на электронное письмо, пришедшее ему несколько минут назад с другого конца света.

«Джо!

Как всегда, приятно получить от тебя письмо. Я уже лучше справляюсь со своей потерей – спасибо, что спрашиваешь. Гор Видал – по-моему, это был он – сказал, что все мы движемся к небытию, только на разных скоростях. Как это верно! Переживать утрату тяжело. Насколько я помню, твоя мать тоже умерла не так давно? Жаль, что ты не смог приехать на похороны, – это было нечто. Народу пришло столько, что пришлось задействовать полицию, чтобы сохранить порядок. Конечно, людей можно понять – ведь моя мать была так известна и любима. По телевидению сейчас постоянно идут передачи, посвященные ей. Мне больно их смотреть, поэтому я совсем перестал смотреть телевизор.

Да, в Лондоне сейчас жарко – очень жарко! Ты ведь, без сомнения, думаешь, что мы, бедные лондонцы, постоянно живем в тумане, смоге, дожде? Вообще-то это так, но сейчас – жара. В Гонконге, я полагаю, тоже жарко?

Ты читал о квантовых вихрях? О них была статья в Nature. Я считаю, что правительство использует их для управления сознанием. Электромагнитное воздействие на мозг – мы говорили об этом. Сеть американского правительства, расположенная на Аляске, потребляет энергии столько же, сколько десять мегаполисов. Для чего им столько энергии?

Не пропадай!

Твой друг Томас».

В дверь позвонили.

Томас взглянул на экран компьютера. Восемь часов. Почтальон с кипой писем с соболезнованиями? Вряд ли – прошло слишком много времени. Хотя, возможно, их сортировали на почте. Возможно, мир наконец осознал, что случилось.

Интересно, я покормил существо? Вчера вечером я точно относил ему еды. Надо не забыть и о завтраке. Сегодня ему понадобится вся его сила. Да, Аманда, чем ты сильнее, тем большую боль сможешь вынести!

Он вышел в холл. Восемь утра. Да, наверное, это почтальон. Шлепая тапочками по плитам пола, он прошел мимо часов с маятником, мимо лакированного стола, подошел к двери, отодвинул верхнюю и нижнюю задвижки и посмотрел в глазок. Перед дверью стоял незнакомый человек в костюме и галстуке. Линза «рыбий глаз» сильно искажала его лицо, делая похожим на пузырь.

Конечно, дверь открывать совсем не обязательно.

Томас не понимал, кто такой этот мужчина: свидетели Иеговы и мормоны ходят парами, почтальоны носят форму.

Он прислушался. Если существо в убежище и издавало какие-либо звуки, сюда они не доносились.

Осторожнее.

Он открыл дверь – спокойный и расслабленный. Так открыл бы дверь любой человек в роскошном шелковом халате, который счастлив ощущать себя живым в такое прекрасное утро.

– Да? Доброе утро.

Незнакомец оказался высоким массивным человеком в дешевом костюме. Его бычьей шее было тесно в вороте желтой рубашки. Проницательные глаза. Немного детское лицо. Светлые, коротко стриженные волосы.

– Вы Томас Ламарк? – Несмотря на мягкий акцент северного Лондона, в голосе незнакомца была определенная доля властности.

– Да. Что вам угодно?

– Детектив-констебль Ройбак из лондонской полиции. – Он показал Томасу удостоверение. – Извините за столь ранний визит, сэр. Может быть, вы смогли бы уделить мне несколько минут вашего времени?

Увидев, как резко подпрыгнул кадык Томаса Ламарка, детектив-констебль Ройбак понял, что этот человек на самом деле вовсе не так спокоен, каким хочет казаться. Но это в общем-то могло ничего не значить – по своему опыту он знал, что многие совершенно невинные люди нервничают в присутствии полиции.

Голос Томаса Ламарка остался таким же спокойным:

– Вы немного не вовремя, офицер. Я собираюсь на похороны.

Томас мысленно выругался. Он не собирался этого говорить.

Детектив, похоже, смутился.

– Извините... Кто-то из близких?

– Нет, не совсем. Просто иногда в жизни приходится брать на себя обязательства – ну, вы понимаете.

Чего тебе надо?

– Конечно.

Они продолжали смотреть друг на друга – безмолвный стоп-кадр на верхней ступеньке лестницы.

– Мне нужно всего пять минут, и я уйду, – сказал Ройбак.

В его голосе была настойчивость, беспокоившая Томаса. Восемь часов. Еще есть время. Максимум полчаса на то, чтобы разделаться с полицейским, отнести шлюхе завтрак и одеться. Надо узнать, что этот человек знает.

– Входите, пожалуйста. Хотите кофе? Колумбийский сорт, просто восхитительный. Рекомендую. Из-за эпидемии кофейной ржавчины в этом году его сложнее найти, чем обычно. Попробуйте, не пожалеете. Уверю вас.

– Спасибо, но я, пожалуй, откажусь.

Они прошли внутрь. Томас заметил, что детектив внимательно рассматривает портрет его матери, написанный маслом: окруженная фотоаппаратными вспышками, она выходит из лимузина.

– Моя мать, Глория Ламарк, – гордо сказал он. – На премьере своего фильма «Вдова из Монако».

– Ах да. Она недавно скончалась. Примите мои соболезнования. Если не ошибаюсь, когда-то она была весьма известной актрисой.

Томас едва сдержал взорвавшийся внутри его гнев. *Когда-то!*

Сжав кулаки так, что побелели костяшки, он провел детектива в большую гостиную и поднял занавески на окнах. Каждый дюйм стен был занят фотографиями и портретами Глории Ламарк. Томас обратил внимание детектива на фотографию, на которой его матери пожимали руку лорд Сноудон и принцесса Маргарет.

– Ваша мать очень красива, – сказал Ройбак.

– Была. – Слово вырвалось сквозь сжатые зубы.

Нервы Томаса были на пределе. Он отвернулся от полицейского и несколько раз глубоко вдохнул. *Плохо, все плохо. Надо успокоиться, а этот человек действует мне на нервы.* Он пригласил детектива сесть на диван, сам сел на краешек дивана напротив и снова попытался успокоиться, но безуспешно: мысли метались, мозговые волны, скорее всего, представляли собой сплошные пики и провалы.

Ройбак вынул из кармана записную книжку и раскрыл ее. Томас Ламарк собирается на похороны. Вчера детектив из Суссекса, Гленн Брэнсон, тоже говорил, что собирается сегодня на похороны. На те же самые? Вряд ли.

Он посмотрел Томасу прямо в глаза:

– Мистер Ламарк, 16 марта этого года вы отдали свою рукопись под названием «Авторизованная биография Глории Ламарк» в издательство «Пелхам-Хаус». Верно?

Это было неожиданно – неожиданное удара кулаком в живот. И все же не совсем неожиданно. Томас знал, что рано или поздно кто-нибудь додумается проверить его, придет полицейский, будет задавать рутинные вопросы. Он давно знал все ответы, давно решил, что будет говорить.

Но он все забыл.

– Да. – Томас нахмурился и, к своему удивлению, начал успокаиваться. – Да, я посылал ее в это издательство, среди прочих. – Это у него хорошо получилось, уверенно. *Так-то лучше.* Он даже улыбнулся. – Я послал ее в несколько издательств.

– Кто-нибудь принял ее?

– Пока нет.

– Вас не удивила такая реакция?

Глаза детектива бегали. К потолку. К полу. Полицейский старался его подловить. Томас сложил руки. *Язык движений.* Он вольготнее расположился на диване. *Зрительный контакт.* Он обезоруживающе улыбнулся:

– Офицер, я думаю, слишком многие люди сегодня принимают слишком близко к сердцу высказывание Уорхола о пятнадцати минутах славы. Они не могут понять того, что настоящий талант способен разрушить временные границы. Фильмы моей матери сегодня имеют для мира такое же значение, какое они имели всегда. Некоторые из них настолько опередили свое время, что по достоинству их можно оценить только сейчас. Естественно, я испытал разочарование, когда рукопись не приняли, но ведь посредственность не способна понять ничего, что хоть немного выше ее. Гениальность распознается только талантом.

Детектив некоторое время молчал, затем сказал:

– По поводу своей рукописи вы сделали несколько звонков в «Пелхам-Хаус». Вы можете вспомнить, о чем вы говорили?

Томас совершенно успокоился. Он широко улыбнулся:

– Ну, естественно, я был расстроен. Я послал им рукопись, и они два месяца молчали. Даже не прислали письмо, что получили ее.

Ройбак сказал:

– Один мой коллега написал книгу об офицере полиции, и первый издатель, которому он ее послал, продержал ее у себя больше года. – Он вскинул брови и улыбнулся. – Это кого хочешь выбьет из колеи.

Томас улыбнулся в ответ, но фамильярного тона не принял. Этот

полицейский играет с ним, старается втереться в доверие, заставить его потерять бдительность.

– Ваш коллега расстроился?

– Конечно расстроился. – Детектив кивнул. Не прекращая улыбаться, он сказал: – Значит, для вас естественно звонить издателям и угрожать им?

Томасу вопрос не понравился, но он развел руками и рассмеялся:

– По-вашему, я похож на буйного, детектив Ройбак?

Детектив покачал головой.

– Я обычный парень, который хотел сделать приятное матери. Она была великой актрисой. Она отклонила несколько сотен предложений написать ее биографию, потому что не верила, что кто-нибудь сможет написать ее хорошо. Она четыре раза судилась с людьми, которые публиковали ее биографию без разрешения. Знаете, в чем самая большая проблема? В наше время в издательских домах работают безграмотные люди, которые, едва вылезши из засранных подгузников, полагают, что читателей не интересуется никто старше «Спайс Гёрлз» и моложе Дарвина! – Томас в ярости ударил кулаком по подлокотнику дивана.

По выражению лица детектива Томас понял, что колется.

Глядя ему прямо в глаза, детектив-констебль Ройбак сказал:

– Не знаю, видели ли вы это в новостях, сэр, но три недели назад исчезла Тина Маккей.

Томас ясно осознал, что детектив подозревает его и сделает все, чтобы получить ордер на обыск. А в гараже еще осталось несколько деталей от «альфы-ромео». Он еще не готов к обыску. Это опасно. Это очень плохо.

И глупо.

Томас встал.

– Извините, мне нужно отлучиться на минуту.

– Конечно.

Саймон Ройбак проводил Ламарка глазами. С этим человеком явно что-то не так. Он встал и в раздумье прошелся по комнате. Остановился у камина. На каминной полке стояли два приглашения – оба на выставки в картинных галереях, оба четырехмесячной давности. «Странно, – подумал он, – что человеку, живущему в таком хорошем доме, у которого такая известная мать, присылают так мало приглашений».

И почему этот Ламарк так нервничает? Он попытался надеть на себя маску спокойствия, расслабленности, дружелюбия – но это не более чем маска.

Ройбак думал. Неплохо бы как следует шерстить здесь все, но как

без достаточного количества улик убедить судью выдать ордер на обыск?

Он подошел к окну и выглянул в сад. Красивый, но запущенный. Давно не стриженная трава. Почему? Не исключено, что Ламарк тяжело переживает утрату, но ведь в таком большом доме должна быть прислуга, садовник.

Томас Ламарк неожиданно возник у него за спиной.

– Детектив Ройбак, вы не возражаете, если мы перенесем наш разговор на другое время?

Ройбак резко обернулся и, справившись с недоумением, ответил:

– Да нет. На какое же, сэр?

– Может быть, на вторую половину дня? После похорон?

– Скажем, в пять часов? – Мысли Ройбака метались. А на похороны ли он едет? Или, может, туда, где спрятал Аманду Кэпстик? Нужно проследить за ним.

– Отлично.

Они вышли в холл. Томас протянул руку. Ройбак крепко ее пожал. Томас открыл дверь, взглянул на левую ладонь и резко выбросил руку вперед.

Выходя на крыльцо, Саймон Ройбак почувствовал укол в спину – будто оса укусила. Боль через несколько секунд исчезла, и это отличалось от осинового укуса. Ройбак обернулся, но входная дверь уже закрывалась.

«Неужели в химчистке забыли вынуть булавку?» – подумал он, но ничего не нащупал.

По улице проехал фургон доставки, за ним «ренджровер» с маленькими детьми. Ройбак приехал к Ламарку из дома на своем «воксхолле» и поставил его на платную парковку. Пройдя по улице всего несколько шагов, он почувствовал головокружение.

«Не выспался», – подумал он. Большую часть ночи он пролежал без сна, не в силах даже задремать в удушающей жаре. Повернув голову, он увидел в сотне ярдов от себя потрепанную ярко-красную машину. Ему вдруг показалось, что она отдалилась от него на сотню миль.

Шаг замедлился. Ноги подогнулись, и Ройбаку пришлось схватиться за каменную ограду, чтобы не упасть. Несколько мгновений он не мог пошевелиться. Он обливался потом и дышал шумно и трудно, буквально заглатывая воздух. На улице никого не было, и он был рад этому – ему не хотелось, чтобы кто-то увидел его слабость.

Еще пара вдохов, и ему стало лучше. Неужели у него наступил

анафилактический шок от укуса? Он припомнил его симптомы, выученные на курсах первой помощи: учащенное сердцебиение, потливость, обморок.

Но у него не было аллергии на жалящих насекомых. Черт, да он в прошлом году разворошил целое осиное гнездо на чердаке, получил не меньше дюжины укусов – и ничего. К счастью, ему стало лучше. Просто не выпался, не ел с утра, да еще эта жара.

Ройбак отпустил ограду и пошел дальше к своей машине. Разблокировав замки, он забрался внутрь и с облегчением упал на сиденье. Затем вытянул ремень безопасности, защелкнул его и запустил двигатель. *Надо проследить за Томасом Ламарком. Вернуться к его дому, подождать.* Он выехал со стоянки и с большим трудом доехал до поворота. Он почти не чувствовал своего тела. Дышать становилось все труднее, легкие будто съеживались. *Надо вызвать по рации вторую машину.*

Оживленный перекресток. Борьба за каждый следующий вздох. Он начал сипеть. Центральная улица Кенсингтона. Красный свет. Он нажал на тормоз, но машина не остановилась – его правая нога не подчинялась ему. Он потянулся к ручному тормозу, но только мысленно. Его рука не сдвинулась с места.

Впереди стояло черное такси. Расстояние до него сокращалось. Слишком быстро для того, чтобы успеть полностью остановиться.

Он увидел удар, но не почувствовал его. Увидел, как смялся капот его машины. Такси отскочило вперед и остановилось посреди поперечной дороги. К нему бежал мужчина в клетчатой рубашке с короткими рукавами и в кремовых брюках. Ворот рубашки расстегнут. Рот мужчины открыт – он что-то кричал.

Саймон Ройбак попытался ответить, но голос ему не повиновался. Легкие замерли, не впуская и не выпуская ни унции воздуха. Он беспомощно смотрел на зло кричавшего мужчину.

– Идиот! Безглазый идиот!

Свет гас. Мужчина пропал. Ройбаку нужно было вдохнуть воздуха. Он попытался втянуть его ртом, носом. Его охватила паника. Против него ополчилось его собственное тело.

Он взглядом молил мужчину о помощи.

У него начались судороги. Ужасная боль разрывала его на части. Свет появлялся и пропал. Взрыв света, затем темнота. Настоящий фейерверк в черепе. Человек в клетчатой рубашке навис над ним.

Весь мир наполнило неясное мерцание.

Водитель такси распахнул дверь «воксхолла». Подбежала женщина лет

под тридцать, в джинсах и майке.

– Я медсестра, – сказала она.

– У него сердечный приступ или эпилептический припадок, – прокричал таксист.

– Помогите мне вытащить его из машины, – сказала медсестра, нащупывая пряжку ремня безопасности, которым был пристегнут Ройбак.

Вместе они вытащили его и положили на тротуар. Согнув его руку, медсестра привела Ройбака в удобное для искусственного дыхания и массажа сердца положение. Она проверила его дыхательные пути, пульс, сердцебиение.

Ничего.

Потом прижала свой рот к его и изо всей силы выдохнула воздух ему в легкие. Но воздух не шел. В отчаянии она отогнула ему голову назад и попыталась снова. Воздух по-прежнему не проходил.

– Дыхательные пути, – сказала она. – Думаю, они забиты. Он чем-то подавился.

Она посадила его прямо и сильно постучала по спине. Вокруг начала собираться толпа. По-прежнему ничего. Его поставили на ноги и попробовали процедуру Хаймлиха. Никаких результатов.

Наконец, не помня себя от страха, использовав перочинный нож таксиста и пустой корпус шариковой ручки, медсестра сделала Ройбаку экстренную трахеотомию.

Озабоченные лица. Настойчивые голоса. Мать. Отец. Брат. Лулу. Детектив-констебль Ройбак. Все они были в комнате, говорили громкими голосами, требовали его внимания.

Появилась Аманда. Она удивленно стояла в дверном проеме.

– Я ждала тебя, – сказала она. – Почему не пришел?

– Аманда! – закричал Майкл и попытался пробиться сквозь окружающую его толпу, но не смог – люди стояли плечом к плечу и не давали пройти. Он растолкал их локтями, хотел бежать, но был будто под водой и двигался ужасающе медленно. Когда, спустя столетие – спустя вечность! – он добрался до двери, Аманда уже исчезла.

Он тупо смотрел в пустой коридор. Кто-то похлопал его по спине. Отец.

– Ты сделал все, что мог, сынок.

– Может быть, это была не она, – сказала Лулу.

Он пошел. Побежал. Освещение изменилось. Серый свет. Сон растворился в дневном свете, тусклом и мутном, как изображение на недодержанной в проявителе фотографии.

Аманды нет.

Раннее утро.

Мимо пробежал человек в спортивном костюме. Его шаги становились все тише и наконец совсем смолкли. Тарахтение развозящего молоко фургона. Звон бутылок. Визг ручного тормоза. Не поднимаясь с откинутого на максимальный угол сиденья, Майкл поглядел на часы на приборной панели. Шесть пятнадцать.

Сев прямо, он почувствовал, что весь покрыт потом и что его немного знобит. Он повернул ключ зажигания и закрыл окно, удостоверился, что телефон включен, укрылся пиджаком, словно одеялом, и снова лег.

Его тут же поглотил сон.

Когда он открыл глаза во второй раз, свет был уже ярче и слышался ровный гул автомобильного движения: город пробуждался к жизни. Цоканье каблучков по тротуару приблизилось, затем прекратилось.

Он поднял спинку сиденья. Молодая женщина входила в дверь соседнего здания. Восемь ноль пять. Майклу нужно было помочиться. Птицы оставили метки на ветровом стекле и на капоте. Спина болела, правая нога затекла. Он потерял ее, чтобы вернуть чувствительность, и

открыл дверь. В прохладном воздухе и густой синеве безоблачного неба чувствовалось приближение теплого дня. Морщась от покалывания в ноге, он перешел на другую сторону дороги, к кованому забору, окружающему небольшой частный сад. Здесь, под прямыми лучами солнца, было уже жарко.

Майкл всмотрелся в здание напротив, ища движение в каком-либо из окон. Все они были закрыты. Порядок на этой улице, похоже, никто не поддерживал. Ступени крыльца дома номер 20 загажены птицами. Колонны с выщербинами. Зеленую дверь не мешало бы подкрасить. Окна в ужасном состоянии. Окружение вполне отвечало тому, как Майкл себя чувствовал: ему казалось, что он умрет, если не умоется и не почистит зубы. Он потер ладонью лоб и обнаружил на нем слой грязи. Вздернув руку, понюхал под мышкой. Не очень-то.

И ему немедленно нужно в туалет. Он глупо поступил, решив переночевать в машине. Чего он этим достиг? Надо было поехать в гостиницу, нормально выспаться, встать пораньше. А так он сонный, небритый и немывтый. Как бродяга.

Вернувшись в машину и поискав в бардачке, Майкл нашел коробочку «Тик-Так». Вытряхнув одну пилюлю на ладонь, он отправил ее в рот. Кто-то поднимался по ступеням дома номер 20.

Женщина под пятьдесят, полная. Похожа на бухгалтера. Открыв дверь магнитным ключом, она вошла внутрь. Дверь закрылась за ней. Майкл обратил все внимание на окна. Через пару минут его терпение было вознаграждено: одно из окон на первом этаже поднялось на добрых двадцать дюймов. Он даже смог разглядеть женщину, прежде чем она скрылась в глубине комнаты.

Он еще раз набрал номер доктора Сандаралингема. Четыре гудка, затем включился автоответчик. Женщина не работала на него.

Где можно отлить в Челтнеме, в пятницу, в восемь часов десять минут утра?

Мочевой пузырь грозил разорваться и болел так, что не давал придумать. Общественные туалеты, отели, рестораны, офисы. Майкл завел машину, выехал из переулка и направился вдоль по улице. В ряду магазинов он увидел кафе. Не дворец, но открыто, а это самое главное.

Он вошел, заказал кофе, яичницу, тосты и апельсиновый сок. В дальнем конце зала находилась маленькая уборная. Он помочился, снял рубашку, вымыл лицо, грудь и руки, мыльным пальцем почистил зубы и вытерся бумажными полотенцами.

Через двадцать минут он снова был у двадцатого дома по Уэст-Парк-

Кресент, но на этот раз чувствовал себя гораздо лучше. Он снова набрал номер для проверки и снова через четыре гудка попал на автоответчик. Обрубив вызов, набрал прямой номер Тельмы в Шин-Парк-Хоспитал, предупредил, что его не будет как минимум до обеда, и попросил извиниться перед пациентами и организовать обход стационарных больных. Секретарша спокойно выслушала его и ответила, что сделает все наилучшим образом, а также перенесет на более позднее время назначенное на одиннадцать совещание персонала.

Перед машиной Майкла припарковался маленький БМВ. Из него вылезли двое мужчин среднего возраста. Оживленно разговаривая, они вошли в здание. Майкл проводил их глазами, выждал пять минут, но ни одно окно не открылось. Может, у них кондиционер или их офис выходит на другую сторону здания. Он набрал номер. Четыре гудка, автоответчик. Ни один из этих двоих не был доктором Сандаралингеймом.

В течение следующих двадцати минут в здание вошло еще шесть человек. Каждый раз Майкл выжидал пять минут и звонил – по-прежнему безрезультатно.

Приехал почтальон, позвонил в дверь и вошел. Через пару минут на тротуаре появился толстяк лет под пятьдесят, в яхт-блейзере и серых слаксах, с древним «дипломатом» в руке. Свободной рукой он размахивал в такт шагам, будто дирижировал невидимым оркестром, и одновременно кивал. Он хозяйским взглядом окинул фасад, поднялся по ступеням, открыл дверь и вошел.

Подождав пять минут, Майкл набрал номер. После второго гудка трубку подняли, и раздался тот же по-военному четкий голос, который отвечал на его звонок днем раньше:

– Приемная доктора Сандаралингема. Чем могу помочь?

Сердце заколотилось. Майкл выключил телефон, положил его в карман, вышел из машины и запер ее. Взойдя по ступеням на крыльцо, он нажал выбранную наугад из длинного ряда кнопку. Ему ответил женский голос:

– Да?

– Срочная доставка! – отрапортовал Майкл. – Две посылки.

– Две посылки? – В голосе прозвучало удивление. Затем замок со скрежетом разблокировался.

Майкл вошел в холл. Внутри здание было таким же потрепанным, как и снаружи. Лестница прямо напротив и лифт направо. На стене щит со списком фирм: «Чапел мьюзик лтд.», «Кроссгейтс лтд.» (финансовые операции), «Нимбус транслейшн лтд.» (бюро переводов), «Бизнес-

сообщество Чилтернских округов», «Челтнемский центр бизнес-коммуникаций».

Ни намек на доктора Сандаралингема.

На полке под щитом лежала почта, и Майкл просмотрел адреса на конвертах. Ни одного письма, адресованного какому-либо доктору. Очень странно.

Заскрежетал замок входной двери. Майкл обернулся на звук, но никого не увидел. Он набрал номер на мобильном телефоне, прижал его к пиджаку, чтобы приглушить гудки, и прислушался. Никаких звонков в здании не было слышно. Он поднес телефон к уху и услышал тот же голос, что и несколько минут назад:

– Алло! Алло! Приемная доктора Сандаралингема. Алло!

Майкл отключил аппарат, поднялся на второй этаж и снова позвонил. На этот раз откуда-то сверху донесся едва слышный телефонный звонок. Он бегом поднялся на этаж выше и с лестничной площадки позвонил.

Два звонка, и он отключился прежде, чем на другом конце линии успели поднять трубку. Звонки донеслись из двери справа по коридору. Он подошел к ней. Красивая латунная табличка гласила: «Челтнемский центр бизнес-коммуникаций». Майкл снова позвонил и услышал по-прежнему четкий, но уже несколько нетерпеливый голос:

– Приемная доктора Сандаралингема. Чем могу помочь?

Голос доносился из-за двери с латунной табличкой.

Не отключаясь, Майкл распахнул дверь и вошел в комнату. Перед ним, окруженный множеством телефонов, сидел толстяк в темно-синем блейзере, которого он уже видел. Толстяк держал около уха телефонную трубку, его взгляд был устремлен на экран компьютера. При ближайшем рассмотрении он производил малоприятное впечатление: от него несло перегаром и лосьоном для волос, на обшлаге рукава не хватало пуговицы, на плечах инеем лежала перхоть, а галстук, в прошлом, видимо, форменный, был сильно засален.

Толстяк бросил на Майкла раздраженный взгляд.

– Кое-чем вы можете мне помочь, – сказал Майкл.

Толстяк прикрыл трубку ладонью:

– Я разговариваю по телефону. Подождите секундочку.

Майкл показал на свой мобильный:

– Я тоже разговариваю по телефону. – Он захлопнул за собой дверь. – И разговариваю я с вами. – Он обвел комнату взглядом. Убогий кабинетик. Фиктивный адрес, ничего больше. Майкл сунул телефон толстяку под нос и нажал кнопку «конец вызова». – Вы тоже можете

повесить трубку. Поговорим без помощи средств связи.

Толстяк с удивлением поглядел на трубку, затем положил ее на рычажок и посмотрел на Майкла с выражением, в котором смешались злость и беспокойство.

– Кто вы? – резко спросил он. Его звучный военный голос как-то не шел к его жалкой наружности.

На столе стояла табличка «Николас Р. Лаббингс, ВА Com., MBA, директор, Челтнемский центр бизнес-коммуникаций».

– Я полагал, мистер Лаббингс, что вы работаете в приемной врача. Я был не прав? – Голос Майкла истекал злостью.

– У нас тут бизнес-центр. Мы предоставляем услуги по телефону, – примирительно ответил Лаббингс. – Может быть, вы представитесь и скажете, что вам угодно?

– Мне необходимо увидеть доктора Сандаралингема. Немедленно.

– Я могу записать сообщение для него.

– Он, похоже, очень не любит отзванивать, мистер Лаббингс. Какое счастье, что я не один из его пациентов.

– Я постараюсь убедить его перезвонить вам как можно скорее.

Зазвонил телефон.

– Простите. – Призывая к тишине, Лаббингс поднял палец, другой рукой настучал что-то на клавиатуре, взглянул на монитор и поднял трубку. – «Спортивные автомобили Челтнема». Доброе утро. Боюсь, что ни одного из наших продавцов сейчас нет на месте. Если бы вы...

Майкл вырвал телефонную трубку из руки Лаббингса и положил ее на аппарат, обрывая связь. Затем, ухватившись за галстучный узел, поднял толстяка с кресла – при этом опрокинулся стакан с ручками и по столу рассыпалась стопка писем.

– Я сюда не шутки шутить пришел, Лаббингс. Сандаралингом нужен мне через тридцать секунд – или живьем в этом кабинетишке, или по телефону. Советую воспринять меня всерьез. – Майкл хорошенько встряхнул мужчину и отпустил.

Тот тяжело осел в кресло. Глаза у него выпучились, лицо сделалось красно-коричневым. Он закашлялся.

– Я... я звоню в полицию, – испуганно пробормотал он.

– Давайте звоните, сделайте милость. – Нависая над Лаббингсом, Майкл смотрел ему прямо в глаза. – Но сначала прочтите кое-что.

Опять зазвонил телефон. Лаббингс предпочел не обратить на него внимания. Майкл вытащил из внутреннего кармана пиджака письмо доктора Сандаралингема с направлением на прием доктора Теренса

Джоэля, и бросил его на стол.

– Ничего не напоминает, мистер Лаббингс? Интересно, как отнесется к нему челтнемская торговая палата?

Лаббингс, шевеля губами, прочел письмо. Его глаза нервно метнулись к указанному вверху адресу, затем в сторону Майкла.

– Я доктор Теннент. Понятно? Это фальшивое направление. Вы совершили уголовно наказуемое преступление, мистер Лаббингс. С вашего ведома ваша фирма была использована в криминальных целях. Ну давайте, звоните в полицию.

За считанные секунды Лаббингс стал из красно-коричневого вновь бледным.

– Я... я не... знал... что он... что...

– Мистер Лаббингс, я хочу узнать одну-единственную вещь, но прямо сейчас. Мне абсолютно все равно, кто этот доктор Сандаралингем. Мне нужно знать, кто на самом деле его пациент, доктор Джоэль. И вы сейчас позвоните доктору Сандаралингему или покажете, где он живет или работает. В ином случае сюда приедет полиция и не оставит от этого кабинета камня на камне. Была похищена женщина, близкий мне человек, и ее ищут по всей стране. Может быть, она уже мертва, но все же у нас еще есть небольшой шанс спасти ее. Ваш доктор Джоэль знает, кто ее похитил. Теперь понимаете, насколько это серьезно? – Майкл наклонился через стол так, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от лица Лаббингса. – Понимаете?! – прошипел он и выпрямился.

Лаббингс затравленно кивнул. Он был похож на попавшую в капкан крысу.

– Это один и тот же человек, – заикаясь, сказал он. – Доктор Сандаралингем и есть доктор Джоэль.

Майкл обдумал это.

– Один и тот же человек?

– Да.

– У вас есть адрес доктора Джоэля?

Лаббингс в отчаянии всплеснул руками:

– Вот он. Этот офис. Это единственный его адрес, известный мне.

– Что вы имеете в виду? У вас же должен быть какой-нибудь другой адрес.

Лаббингс скорчил умильную гримасу, будто его заискивание могло помочь ему избежать проблем с полицией:

– Я видел его всего два раза – в первый раз он пришел заплатить вперед за полгода за адрес и сопутствующие услуги, второй раз – забрать

посылку. У меня... у меня есть номер его телефона.

– Дайте его мне.

Лаббингс нажал на клавиатуре пару клавиш, записал появившийся на экране номер на клочке бумаги и отдал его Майклу.

Майкл мгновенно узнал его – это был номер мобильного телефона Теренса Джоэля от телефонной компании «Орандж». Он набрал его на своем мобильном телефоне и в который раз услышал записанный на автоответчик голос доктора Джоэля. Бесплезно.

– Господи боже мой.

Майкл обвел комнату глазами. Убожество. Немытые кружки с остатками кофе. Вдоль одной стены – деревянные, разделенные частыми переборками стеллажи для хранения корреспонденции. Некоторые отделения пустые, в некоторых – письма. Одинокая старая клюшка для гольфа с облетевшей резиновой рукоятью. Лаббингс наверняка рассказал все, что знал, – Майкл видел по его лицу, насколько тот озабочен. Озабочен спасением собственной шкуры. Тем, чтобы не допустить полицию в свой сарай. Он не станет запираяться.

– Мистер Лаббингс, пожалуйста, подумайте хорошенько. Что еще вы знаете об этом человеке?

Толстяк с трагическим видом покачал головой:

– Ничего. Абсолютно ничего.

– Вы знаете, чем он занимается? Где он работает? Он работает на службу прослушивания и слежения?

Лаббингс поколебался.

– Я... у меня там знакомый. Я могу выяснить.

– Вы можете сделать это сейчас?

Лаббингс сделал звонок – из разговора было видно, что он позвонил своему старому армейскому другу. Поговорив пару минут, он положил трубку.

– Нет, он там не работает. Там нет никого по фамилии Джоэль.

– Сколько он уже вас использует?

– Две-три недели. – Толстяк щелкнул по клавиатуре. – Пятница, 11 июля. Ровно три недели.

Майкл присел на пластиковый стул. Снова зазвонил телефон. Лаббингс щелкнул клавишей и посмотрел на экран.

– Это не доктор Джоэль.

Майкл кивнул. После нескольких заполошных звонков включился автоответчик, и все стихло.

– Мистер Лаббингс, подумайте хорошенько, – уже более спокойно

сказал Майкл. – Может, вам в память врезались какие-либо подробности? Какая-нибудь черта доктора Джоэля, которая поразила вас?

Лаббингс толстым пальцем почесал кончик носа.

– Я могу его описать, если это вам поможет.

– Поможет.

– Очень высокий, около шести футов шести дюймов...

Майкл прервал его:

– Хорошо выглядит? Отлично одет?

– Да... Он напомнил мне одного актера – того, который играл Шиндлера в «Списке Шиндлера».

– Лайама Нисона?

– Да.

Майкл кивнул.

– Еще что-нибудь?

Лаббингс выдвинул ящик стола и вынул из него упаковку сигар «Король Эдуард».

– Вы не возражаете?..

– Нет.

Он прикурил короткую сигару от длинной спички, взмахом руки затушил спичку.

– Одна маленькая деталь. Может, это поможет. В первый раз, когда доктор Джоэль пришел сюда, на нем был черный галстук.

– От смокинга?

– Нет. Не бабочка. Обычный галстук. На нем был пиджачный костюм темного цвета и черный галстук. Будто он носил траур.

– Траур?

– Да.

– Вы не спросили его, по какому поводу?

– Я стараюсь быть максимально тактичным при общении со своими... клиентами, мистер... э... – он взглянул на лежащее на столе письмо, – доктор Теннент. Я принципиально не задаю им никаких вопросов. Вы же понимаете, в этом состоит мой бизнес.

Три недели. Доктор Джоэль носил траур. Майкл чувствовал, что эта информация важна. Три недели. Траур.

Траур по ком?

Майкл оставил Лаббингсу номера своих телефонов, положил в карман его визитную карточку и отбыл.

Оказавшись в машине, он позвонил констеблю Ройбаку. Ему сказали, что тот еще не появлялся на службе. Тогда он набрал мобильный номер

Ройбака и попал на автоответчик. Он оставил сообщение, попросив детектива срочно перезвонить, а также связаться с компанией «Орандж» и попробовать узнать что-нибудь из регистрационной формы, которую заполняли на доктора Джоэля при продаже ему номера сотового телефона.

Не заводя машины, Майкл посидел и подумал несколько минут. *Траур. Противорадиационное убежище.* По какой-то непостижимой причине эти две вещи коррелировались у него в мозгу. Кого мог оплакивать доктор Джоэль три недели назад?

Он включил свой «Мак», зашел в секцию адресов и ввел имя старого друга, Ричарда Франклина, который возглавлял крупную архитектурную контору в Сити. Найдя его номер, он позвонил ему. Секретарша сказала, что ее босс на совещании и велел не беспокоить. Майкл продолжал настаивать, говоря, что у него срочное дело. Через пару минут архитектор был на линии.

Последний раз Майкл разговаривал с Франклином много месяцев назад, но не стал тратить время на любезности и перешел сразу к делу:

– Слушай, Ричард, прости, что оторвал тебя от дел, но у меня нет другого выхода. Существует ли база данных всех противорадиационных убежищ на территории Англии? Или хотя бы на территории Большого Лондона?

– Холодная война кончилась, Майкл. Сейчас стоит волноваться скорее насчет биологического оружия...

– Ричард, мне нужны именно противорадиационные убежища. Почему – долго объяснять. Так есть такая база данных или нет?

– Ты имеешь в виду военные убежища? Прикрепленные к гражданским учреждениям? Частные?

– И те, и другие, и третьи.

Возникла пауза.

– Дай минутку, я сориентируюсь. Можно попробовать поискать в разрешениях на строительство, но на них нет общей базы данных. Постройкой такого рода сооружений занимаются специализированные фирмы, однако это не правило – подряд может принять и обычная инженерно-строительная компания. Тебе придется обойти все конторы самому. – Снова короткая пауза. – Кроме того, я думаю, многие из таких объектов строились в обстановке секретности. Тебе будет очень трудно получить исчерпывающую информацию.

– Кому ее быстрее всего дадут? Мне, тебе, как архитектору, полиции?

– Думаю, полиции. Слушай, ты-то как? Сто лет тебя не слышал.

– Я позвоню в выходные, поговорим. О'кей?

– Звучит неплохо.

Майкл отключился. Он откинулся на сиденье, не отрывая при этом взгляда от телефона, будто где-то среди его пронумерованных кнопок скрывался искомый ответ.

Три недели назад доктор Теренс Джоэль носил траур.

Три недели назад доктор Теренс Джоэль провернул хитрую комбинацию, чтобы попасть к нему на прием.

Да кто он, черт возьми, этот Теренс Джоэль, оплакивавший кого-то три недели назад?

Кто умер? Кто? Кто?

Телефон выпал у Майкла из рук. Немногим больше трех недель назад умерла Глория Ламарк.

Глория Ламарк?

Неужели есть какая-то связь между доктором Теренсом Джоэлем и Глорией Ламарк?

Прицел очень дальний, но никаких других вариантов на данный момент не было. Попытка не пытка. Майкл снова набрал номер Ричарда Франклина. В этот раз архитектор был не так рад его слышать.

– Ричард, – сказал Майкл, – еще один вопрос. Чтобы узнать, есть ли под известным мне домом противорадиационное убежище, куда я должен обратиться?

Кора Эдвина Барстридж. 15 августа 1933 – 22 июля 1997.

Кто-то – сама Кора Барстридж или ее дочь – выбрал псалом «Господь пастырь мой». Гленн одобрил такой выбор. Как и Первое послание к коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло». Гленну нравился этот отрывок.

В конце исполнили величественный, хватающий за сердце гимн «Иерусалим». Как и следовало на торжественных похоронах большой актрисы.

Гленн сидел в своей неприметной машине с программкой похоронной службы на коленях и слушал гимн: мощный глас органа, слившийся с хором двухсот-трехсот голосов людей, выходящих из-под церковного портала на яркое солнце позднего утра. Он мысленно перенесся в прошлый вторник. Вспомнил лицо Кору Барстридж, облепленное пластиковой пленкой.

И содрогнулся.

Прилегающая к церкви узкая улочка была забита легковыми машинами, фургонами, фотографами с камерами на штативах и журналистами с микрофонами, а также обычными людьми – поклонниками Кору Барстридж, пришедшими проститься со своей любимицей, не говоря уж о толпах зевак, всегда мечтающих поглазеть на знаменитостей.

А знаменитостей на похороны пришло много. Актеры и актрисы, режиссеры, продюсеры, певцы. Поговаривали, что в церкви видели Ванессу Редгрейв и Алана Рикмана. Кто-то уверял, что Элтон Джон тоже приехал, но Гленн его не видел. Зато он был уверен, что мельком заметил сэра Клиффа Ричарда.

Гленн приехал на похороны не только для того, чтобы отдать последнюю дань уважения Коре Барстридж, хотя он был бы рад, если бы это было его единственной целью. Он бы хотел находиться в церкви при отпевании, чтобы Кора знала, что он рядом, что он не забыл о ней. Что он не отступится, пока не докопается до правды.

Он сидел в машине, наблюдая за толпой, желал отыскать лицо – всего лишь одно лицо, – которое было бы здесь не к месту, но при таком стечении народа это оказалось невозможным. Широкополые черные шляпы, вуали, черные шифоновые шарфы, черные, водопадом струящиеся шелковые платья – показ мод, да и только. Почти Эскот. Он предусмотрительно

поставил машину довольно далеко от церкви, но все равно оказался перед сплошной стеной.

Принеси золотой пылающий лук!
Принеси желания стрелы!

Остался еще куплет. Гленн завел мотор. После похоронной службы состоится кремация, на которую будут допущены только члены семьи. Он осторожно, задом, провел машину сквозь толпу. На тротуарах до самого подножия холма яблоку было негде упасть – люди будто ожидали проезда королевского кортежа.

Здание крематория было окружено старым, безупречно ухоженным садом.

Дождевальные установки распыляли влагу над ярко-зелеными газонами. Идеальной формы клумбы пестрели цветами. Игрушечный водопад каскадом сбегал в миниатюрный пруд.

Вьющаяся подъездная дорожка вела к неброскому зданию красного кирпича. У входа стоял катафалк и два черных лимузина «даймлер» – кого-то кремировали. У крематориев много общего с фабриками. И те и другие работают строго по расписанию. Кора Барстридж была следующей в очереди на «обработку».

Медленно двигаясь к незанятому дальнему углу стоянки, Гленн внимательно осматривал припаркованные автомобили. Всего восемь. Семь поставлены задом к зданию. Один, синий «форд-мондео», наоборот, передом, так, что сидящий на водительском месте человек отлично видел вход в крематорий.

Двигатель «форда-мондео» работал. Слегка тонированные стекла автомобиля были подняты, и Гленну было трудно рассмотреть сидящего в машине человека. Интересно, кто он и почему не вошел внутрь? Чей-нибудь водитель? Возможно. Приехавший слишком рано член семьи? Тоже возможно, но маловероятно – он бы отправился в церковь. Или он просто приехал посетить чью-либо могилу и не связан с идущей сейчас службой?

Не желая привлекать к себе внимания, Гленн припарковался носом наружу, к саду поминовения, где в два ряда были выложены цветы и венки, и повернул верхнее зеркало заднего вида так, чтобы видеть «форд-мондео». На стоянке не было мест, укрытых от посторонних глаз, поэтому осторожность не помешает.

Служба закончилась. Люди начали покидать крематорий через боковой вход, у которого тут же образовалась толпа. Две заплаканные женщины в черном – одна с маленьким ребенком – прошли в сад поминовения и остановились, глядя на принесенные цветы и венки.

Водитель «мондео» остался в машине, в прохладе оборудованного кондиционером салона.

Сад поминовения постепенно наполнялся людьми. Они подходили поближе к некоторым букетам, читали надписи к ним, переговаривались друг с другом, затем уходили.

Лимузины пришли в движение. Они отъехали от крематория на некоторое расстояние, чтобы дать место процессии. Скоро на стоянке остался только «мондео».

Процессия медленно ползла по дороге. Водитель «мондео» сидел не шевелясь. Двое мужчин в серых костюмах и один в рабочем комбинезоне спешно собирали цветы и венки. Гленн убрал громкость рации, не желая, чтобы треск радиопомех и полицейские переговоры выдали, кто он, и вышел из машины. Украдкой бросив взгляд на номерной знак «форда-мондео», он сел в саду поминовения на скамейку в тени розового куста, опершись спиной на каменную стену с вырезанными на ней именами и датами.

Отсюда он отлично видел всю стоянку. Он записал номер «мондео» и стал ждать.

Примерно через десять минут на подъездной дорожке появился катафалк в сопровождении лимузина «даймлер». Обе машины остановились перед входом в крематорий.

Из лимузина вышел пожилой мужчина, два мальчика-подростка и пара – мужчина и женщина, оба лет сорока. Затем эффектная женщина – Гленн предположил, что это дочь Кору Барстридж.

Пока служители вынимали гроб из катафалка, они зашли внутрь. Снова появились люди в серых костюмах, освободили катафалк от цветов и венков и отнесли их в сад поминовения.

Мужчина в «мондео» не вышел. Гленн занял время прогулкой. Служба была краткой – минут через десять родственники Кору Барстридж уже покинули крематорий.

Мельком взглянув на цветы, они сели в лимузин. Дочь Кору плакала.

Лимузин тронулся. Как только он выехал за ворота, «мондео» задом выехал со стоянки и двинулся за ним.

Гленн вернулся в машину, проговорил в рацию свои позывные и запросил национальную базу данных на транспортные средства.

Вышедшей на связь девушке-оператору он продиктовал номер своего удостоверения, а затем регистрационный номер «мондео». Через несколько секунд оператор была вновь на связи.

– Вам нужна информация на синий «форд-мондео»?

– Да, – ответил Гленн.

– Зарегистрирован на жителя Челтнема доктора Теренса Джоэля. Челтнем, Ройял-Корт-Уолк... э... девяносто семь. Об угоне пометок также нет. Специальных пометок нет.

Гленн записал информацию и поблагодарил оператора. Затем в задумчивости стал барабанить пальцами по рулевому колесу. *Доктор Теренс Джоэль, что тебе до Кору Барстридж? Каких наук ты доктор? Почему ты, проделав долгий путь из Челтнема, даже не вышел из машины? Почему ты не был в церкви?*

Что-то есть в тебе подозрительное, доктор Джоэль.

По правде говоря, ты меня здорово беспокоишь.

Гленн поднес ко рту микрофон и попросил оператора соединить его с архивом челтнемского полицейского участка.

Ему ответил утомленный голос. Гленн попросил дать какую-нибудь информацию – любую информацию! – на доктора Теренса Джоэля, проживающего по адресу Ройял-Корт-Уолк, 97.

– Насколько это срочно? У нас работы по горло, – спросил полицейский.

– Это срочно, – ответил Гленн.

– Через час нормально?

– Отлично.

Гленн вернул микрофон на место и зевнул. Сегодня он уснул в третьем часу ночи. И вообще у него сегодня выходной.

Он закрыл глаза и задремал, но обещал себе проснуться через пять минут.

Двенадцать пятьдесят пять. Майкл сидел в крохотной, душной, лишенной окон будке для просмотра микрофильмов в отделе проектирования районов Кенсингтон и Челси. Он только что закончил разговаривать по мобильному телефону.

В голове не укладывалось то, что он только что услышал от полицейского из Хампстеда: детектив Ройбак умер сегодня утром за рулем своей машины, предположительно от сердечного приступа.

Майкл смотрел на отверстия в перфорированной плите напротив – такими плитами были обшиты стены будки. До сих пор вся его надежда была только на Ройбака, которому было не все равно и который делал все возможное, чтобы помочь.

Телефон пылал, как и вся правая сторона головы Майкла – ее будто приложили к раскаленной сковородке. Ему пришлось вытащить Ричарда Франклина с еще одного совещания, чтобы тот потянул за нужные ниточки – иначе Майклу, пришлось бы ждать три рабочих дня (так ему сказал клерк в отделе проектирования), пока в архивах найдут нужные материалы.

Майкл ждал уже полчаса. Он снова взял телефон и позвонил Лаббингсу в Челтнем, чтобы узнать, не связывался ли с ним доктор Джоэль. Лаббингс подобострастно заверил, что не связывался. Затем Майкл позвонил Тельме и отменил все назначенные на вторую половину дня консультации. И еще после этого Лулу. По дороге в Лондон он рассказал ей все, что выяснил у Лаббингса про доктора Джоэля. И сейчас позвонил, просто чтобы не терять рабочего темпа. Она встретила новость о Ройбаке встревоженно.

– Не считаете, что это очень подозрительно, Майкл? – был ее первый вопрос.

– Не знаю. Ему еще далеко было до сорока, но он страдал от избыточного веса и работал круглые сутки. Такая жара, как сейчас, губительна для людей со слабым сердцем. У меня недостаточно информации. Вчера он вернулся домой поздно, уехал ранним утром и предположительно умер от сердечного приступа прямо за рулем.

– Очень странно, разве не так?

Вопрос Лулу вызвал у Майкла раздражение – она будто обвиняла его в бездеятельности.

– Говорю же, я не владею полной информацией и больше не знаю, что

странно и что не странно. С некоторых пор все вокруг чертовски странно.

– Простите, – сказала девушка. – Нам всем нелегко. Я могу чем-нибудь помочь?

На стол упала тень. Майкл обернулся и увидел клерка с микрофильмом.

– Я вам перезвоню, – сказал он, на что Лулу ответила:

– Майкл, вы делаете все возможное. Я благодарна вам за это. Мы все благодарны.

– Хотел бы я быть уверенным, что делаю все возможное, – вздохнул он. – А не бессмысленно ношусь кругами, как дурная курица.

Он поблагодарил клерка, зарядил в проектор микрофильм, содержащий все заявки на строительные работы на Холланд-Парк-авеню, поданные после вступления в силу Закона о планировании 1953 года, и начал его просматривать.

Он нашел дом Глории Ламарк. Заявку, поданную в 1957 году, о постройке гаража на две машины. Разрешено. Заявку 1961 года о пристройке к дому еще одной комнаты для слуг и расширении для этой цели крыши. Отклонено. Была подана апелляция. Микрофильм содержал все связанные с предметом спора письма от адвоката Глории Ламарк. Апелляция отклонена на том основании, что перестроенный дом не будет вписываться в общий облик улицы.

И тут Майкл наткнулся на заявку, датированную 7 октября 1966 года.

«Заявка на расширение подвала для обустройства хранилища ценных вин».

Разрешение было дано, но со строгим условием привлечения к строительству специалистов по структурному проектированию для сохранения прочности фундамента и разработки подробных рекомендаций по дренажу.

Майкл внимательно изучил чертежи и понял, почему отдел проектирования связал строителей такими строгими оговорками. На чертежах существующий подвал занимал меньшую площадь, чем первый этаж здания, но вместо того, чтобы расширить его до равной площади под ним, предполагалось вырыть новый подвал, на тридцать футов ниже уровня первого этажа. В новом подвале потолки должны были иметь высоту десять футов, в то время как в существующем они достигали всего семи футов. Расстояние между полом первого этажа и подвала составляло девять футов. Новый чертеж показывал, что расстояние между полом старого подвала и нового будет составлять двадцать один фут.

Майкл был озадачен. Если новый подвал будет иметь потолок высотой

десять футов, то куда денутся остальные одиннадцать? Он впился глазами в чертеж и заметил, что пространство между полом существующего подвала и потолком нового заштриховано по-особому. Он отыскал таблицу расшифровки штриховок. Бетон. У нового подвала должен был быть бетонный потолок в девять футов толщиной.

Затем он обратил внимание на стены: шесть футов толщиной.

Этот подвал строили отнюдь не для хранения вин. Вино нужно хранить при постоянной температуре, что, однако, не требует шести футов бетона вокруг и девяти вверху.

Это противорадиационное убежище.

Майкла трясло от усталости и возбуждения.

Неужели ты там, Аманда? Неужели ты там, под девятью футами бетона?

Но зачем? Это ведь бессмысленно. *Зачем доктору Теренсу Джоэлю держать тебя в подвале дома Глории Ламарк?* Он закрыл глаза, стараясь мыслить ясно. Разве что... Это безумная идея, но доктор Джоэль мог быть близким другом или родственником Глории Ламарк.

Или сыном.

Майкл постарался вспомнить хоть что-нибудь, что Глория говорила ему о своем сыне, что могло бы дать какие-либо подсказки, но в их беседах это была запрещенная тема, и, несмотря на то, что Майкл в течение тех долгих лет, пока она была его пациенткой, без устали вытягивал из нее сведения о сыне, он почти ничего не узнал. Майклу пришлось как следует напрячь память даже для того, чтобы просто вспомнить, как его зовут. «Томас, – наконец пронеслось в мозгу. – Да, Томас». Как-то он предположил, что мальчик может иметь гомосексуальные наклонности, но, когда он попытался обсудить это с Глорией, она пришла в ярость. Все, что угрожало идеальному выдуманному миру Глории Ламарк, вызывало в ней ярость.

Доктор Джоэль сказал, что он вдовец, однако ничему, что он говорил, больше нельзя верить. Может быть, у него близкие отношения с Томасом Ламарком?

По чертежу убежище было разделено на три части. Вход, куда вела лестница сверху, – это была маленькая комнатка-тамбур. Далее через дверь вторая комната, имевшая размер средней спальни. Следующая дверь вела в третью комнату, самую большую. Все три комнаты были оборудованы шахтной вентиляционной системой.

Майкл поставил на стол «Мак», включил его и вызвал на экран фотографию Аманды. Ему тяжело было смотреть на нее, но в то же время

она пробуждала его к дальнейшим действиям. Рот пересох, и он с трудом глотнул, не сводя взгляда с безумных красных огней в ее глазах, со спутанных волос, с грязной и порванной одежды. С обволакивающей ее темноты. *Неужели ты там? Аманда, милая, неужели ты там?*

Он отпил минеральной воды из бутылки, купленной в придорожном магазине. Существуют экстрасенсы, способные отыскивать пропавших людей. Он читал статью об этом около года назад. Может, надо взять эту фотографию, копии чертежей и найти такого экстрасенса...

Он надавил на виски большими пальцами. *К черту экстрасенса, надо идти в полицию, рассказать им все, заставить их обыскать дом Глории Ламарк.*

Он взял в руки телефон и набрал номер, который дал ему для связи детектив-констебль Пол Столланд. Теперь, когда Ройбак мертв, Столланд стал его основным контактером. Трубку взяла женщина с усталым голосом:

– Детектив-констебль Ронда Гриффитс слушает.
– Могу я поговорить с детективом Столландом?
– Простите, но он уехал из города, и неизвестно, вернется ли сегодня. У вас что-то срочное или вы можете перезвонить ему завтра?

– *Завтра?* – У Майкла перехватило голос.
– Может быть, вам смогу помочь я?
– Меня зовут доктор Теннент.
Тишина. Ронда Гриффитс не знала его имени.
– Это я заявил о пропаже Аманды Кэпстик.
– Ах да, простите, доктор Теннент, – раздался безучастный ответ. – Вы, наверное, слышали, что сегодня у нас случилось несчастье.

Майкл принялся выкладывать свои соображения насчет возможного местонахождения Глории Ламарк, но тут Ронда Гриффитс прервала его, чтобы принять другой звонок. Она вернулась на линию только через две долгие минуты.

– Какой адрес вы предлагаете нам проверить?
Майкл продиктовал.
– Вы можете четко объяснить, почему вы полагаете, что Аманда Кэпстик находится в этом доме?

Майкл начал объяснять, но его объяснение получилось неуклюжим и малоубедительным.

– Вы говорите, доктор Джоэль является вашим пациентом?
– Да.
– А его лечащего врача не существует в природе?
– Очевидно, да.

– И этот доктор Джоэль указал вам в качестве своего места жительства несуществующий адрес? – Судя по голосу, констебль немного заинтересовалась.

– Да.

– И в разговоре с вами он упомянул о противорадиационном убежище?

– И о потере любимого. Он рассказывал о том, что держал голубя в подвале, – сказал Майкл.

– Сэр, простите меня за вопрос, – вежливо сказала Ронда Гриффитс, – но я не вижу здесь связи с домом Ламарков.

– Ну, это была догадка на основе косвенных свидетельств.

– Судя по вашим словам, подозрение у вас вызвало существование под домом противорадиационного убежища.

– Да. По чертежам это не что иное, как противорадиационное убежище.

Интерес констебля заметно угасал.

– Я пришлю кого-нибудь туда, сэр.

– Как скоро?

– Как только будет возможно.

– Так не пойдет. Мне нужно, чтобы туда поехали прямо сейчас.

– Сэр, нам необходимо обработать сообщение о подходящей по описанию женщине, которую видели в машине возле Нортгемптона, и еще у нас есть труп молодой женщины, найденный в Эппингском лесу. Кроме того, за сегодняшний день нами получено еще тридцать звонков от зрителей программы «Криминальный дозор». Возможно, кто-нибудь проверит этот дом сегодня. Если же нет, тогда завтра.

– А что за информация о женщине в машине возле Нортгемптона?

– Простите, но я не могу разглашать ее.

Майкл был в отчаянии.

– Пожалуйста, скажите хоть, это Аманда Кэпстик или Тина Маккей?

– Это темноволосая женщина.

– А та, что найдена в лесу?

– Сожалею, но ничем не могу вам помочь.

– Ну пожалуйста, еще один вопрос. Это свежий труп или она пролежала там уже давно?

Колебание.

– По моей информации, она умерла несколько недель назад.

Майкл уныло поблагодарил женщину-детектива и повесил трубку. Ни тот, ни другой случай, похоже, не относились к Аманде. Но при упоминании о найденной в лесу женщине на лбу Майкла выступила

испарина. Если Аманда мертва...

Он поспешно выкинул эту мысль из головы. Сейчас он просто не сможет с этим справиться. *Она жива. Эту фотографию прислали потому, что она жива.*

И находится под домом Глории Ламарк?

Полиция может оказаться там только завтра.

Еще двадцать четыре часа.

Ни за что.

Пятница, 1 августа 1997 года

Сегодня утром триста двадцать семь человек пришли удостовериться в том, что Кора Барстридж действительно умерла.

Большинство из них расценило эти похороны исключительно как возможность показаться на публике. Как мало было там настоящих звезд! В основном все второй сорт, уже забытые или только еще пробивающиеся к известности лица. Кое-кому даже заплатили за присутствие на похоронах – этих всегда видно за версту. Как отвратительно, когда приходится нанимать людей, чтобы создать видимость толпы на своих похоронах.

Мы, Ламарки, выше подобных трюков.

Сегодня я забыл накормить существо. Правду говоря, вернувшись домой после похорон, я и не вспомнил, что оно там, внизу! Забыть о нем легче легкого, особенно после того, как я вымыл сауну после газетчика.

На самом деле эта забывчивость – не повод для шуток. Состояние моей памяти беспокоит меня все больше и больше. На следующей консультации доктору Джоэлю нужно будет спросить доктора Теннента о провалах в памяти. Интересно было бы узнать, считает ли доктор Теннент это поводом для беспокойства.

Через час я еду в свою альма-матер, Кингз-Колледж, чтобы прослушать лекцию и наблюдать за показательной операцией. Будет странно оказаться там. Мать всегда говорила, что у меня есть задатки для того, чтобы, стать очень хорошим хирургом. У меня страсть к хирургии.

Все великое коренится в страсти к предмету занятий.

Кураре невозможно выявить при патологоанатомическом вскрытии, если только специально не искать его. Осмотрев тело Ройбака, патологоанатом придет к выводу, что смерть наступила в результате паралича сердца, возможно вызванного аллергической реакцией на неизвестный раздражитель. Это печально.

За последние сутки доктор Теннент несколько раз звонил на мобильный телефон доктора Джоэля. Думаю, он сильно страдает.

Но он еще и понятия не имеет, что такое настоящее страдание.

Отлив. Полдень. Буйство красок на галечных пляжах, плотно упакованных загорающими и детьми. Ниже пляжей – акры мокрого песка, еще дальше – мелкие волны, отступившие далеко за бетонный волнорез. Сегодня у него предполагался выходной день, и он должен был быть на этом пляже вместе с Сэмми. Сэмми любит строить замки из песка. Сэмми умница, ему легко даются все дела, где надо думать. Головоломки. Компьютерные игры.

Гленн сидел на стене волнореза, ел ванильное мороженое и думал о человеке в синем «мондео». Пиджак он забросил на плечо, галстук снял, рубашку расстегнул до самого низу. Сюда он приходил думать. Иногда движение воды захватывало его сознание и заставляло двигаться вместе с собой. Иногда это помогало.

Кто может приехать на похороны и так и не выйти из машины? Кто-то, кто не хочет быть увиденным? А почему он не хочет быть увиденным? Из скромности? Из боязни расстроить родственников своим присутствием? Может, это был какой-нибудь тайный любовник Коре Барстридж, пришедший отдать последний долг?

Нет. Он бы все равно пошел в церковь.

Если бы он хоть что-нибудь чувствовал по отношению к Коре Барстридж, он бы пошел в церковь.

Гленн слизнул остатки мороженого с внутренней поверхности обертки, скатал ее в плотный шар и оглянулся вокруг в поисках урны. Не найдя ее, он сунул обертку в пиджачный карман. Затем поглядел на часы. Час сорок. Со времени его разговора с челтнемским полицейским участком прошло больше часа. С моря дул легкий бриз, холодивший лицо. Как здесь покойно. На пляже шумели дети, откуда-то издали слышался шум двигателя скоростного катера, но на волнорезе, кроме Гленна, никого не было, и это было хорошо.

Зашипела рация. Он услышал свой позывной и ответил. Голос на другом конце линии, запнувшись, представился:

– Детектив-констебль Карпентер из Челтнема. У меня есть для вас сведения, касающиеся доктора Теренса Джоэля, якобы проживающего по адресу: Челтнем, Ройял-Корт-Уолк, дом девяносто семь.

– Да, спасибо, продолжайте.

– Такого адреса не существует. Дома по этой улице заканчиваются

девянносто шестым номером. Я связался с налоговой службой муниципалитета. Их записи показывают, что налогоплательщик доктор Теренс Джоэль действительно проживает по этому несуществующему адресу уже в течение пяти лет и проблем с выплатой налогов у него нет.

– Вы можете это как-нибудь объяснить? – спросил Гленн.

– По моей просьбе налоговая служба предпринимает более углубленную проверку этого Джоэля. Записи о нем присутствуют в текущей базе данных, но отсутствуют в основной резервной.

– Что это значит?

– Похоже, кто-то взломал их компьютер и ввел в него ложные данные.

– Ничего себе.

– Я проверил его по национальной полицейской базе данных. Там есть запись о том, что 26 июля – в прошлую субботу – в одиннадцать тридцать вечера доктор Теренс Джоэль был остановлен на Тоттнем-Корт-Роуд в Лондоне, за небрежное вождение автомобиля, и отпущен с предупреждением.

– Еще что-нибудь есть на него?

– Нет. Нужно ли нам продолжать делать запросы на местном уровне?

– Да, пожалуйста, детектив Карпентер.

– Энди Карпентер.

– Спасибо, Энди. Вы мне очень помогли.

Гленн скорым шагом вернулся к машине, закрыл дверь, открыл окна и завел двигатель, чтобы заработал вентилятор. Потом связался по рации с местным оператором национальной полицейской базы данных, которой давал номер и описание «форда-мондео».

– Пожалуйста, передавайте любую информацию по этому транспортному средству лично мне, детективу-констеблю Брэнсону. Больше никому. Где бы его ни заметили. И никакого явного преследования или задержания на дороге. Это очень важно.

– Никакого явного преследования. О местонахождении докладывать лично вам, – подтвердила оператор.

– И как можно скорее. Если кто-нибудь увидит этот автомобиль, пусть наблюдает за ним, но сам остается вне поля зрения. Все передвижения, как и описание находящихся в нем лиц, должны быть задокументированы.

Оператор повторила инструкции. Гленн поблагодарил ее и поехал на службу. Его мозг лихорадочно работал.

Кто ты, доктор Теренс Джоэль? И вправду врач? Или доктор каких-либо наук? Зарегистрирован в компьютере как налогоплательщик, но проживаешь по несуществующему адресу. Владеешь автомобилем. Что

*еще ты приобрел на это имя? Я это выясню. Обещаю.
Я иду за тобой.*

Когда Гленн вошел в комнату детективов, его коллега, Майк Харрис, просматривал толстенную пачку документов, одновременно закусывая сэндвичем, который он достал из пластиковой коробки с ланчем.

Гленн присел на край стола.

– Как сэндвич?

– Ничего. – Приход Гленна, похоже, не произвел на Майка никакого впечатления.

– У тебя хорошая жена. С Рен с голодухи не умрешь.

– Я думал, у тебя сегодня выходной, – сказал Майк, едва справившись с куском, большая часть которого состояла из вареного яйца и кресс-салата.

– Не очень болел с похмелья?

– Да нет, пережил. А ты?

– Ну, могло быть и лучше. Вот послушай. Человек создает себе ложную личность. Он умен и может взламывать компьютеры. Он создает себе ложный адрес, хакает компьютер муниципалитета, вносит себя в списки избирателей, подделывает свою историю – естественно, он достойный гражданин, вовремя платит налоги и всякое такое. У него есть машина, зарегистрированная на ложное имя. Я объявил тревогу на эту машину. Что еще я должен искать?

– Мобильный телефон.

Гленн кивнул:

– Точно.

– Достань у сотовой компании отчет о его вызовах, посмотри, кому он звонил. Понял?

– Понял.

– У тебя есть описание его внешности?

– Нет.

– Знаешь территорию, в границах которой он преимущественно передвигается?

– Ну, есть некоторое представление.

– Свяжись с командой, обрабатывающей информацию с камер слежения на дорогах, – есть вероятность, что они засекут его, если у них будет номер и описание машины. И проверь, кто выдал ему кредитную карту.

– Да, как раз собираюсь этим заняться.

– Можно также попробовать выпить чашку чаю.

– А? – Гленн непонимающе посмотрел на напарника.

– Ну, выпить ее до дна, а потом погадать на заварке.

Гленн чуть было не подумал, что Майк говорит всерьез. Затем понял и улыбнулся.

– И еще нарезать курицу и погадать на внутренностях?

– Попытка не пытка. А теперь, если не возражаешь, я бы хотел в тишине и покое закончить свой завтрак.

Гленна со стола словно сдуло.

– Извини.

– Начни с телефона.

– Ладно, – сказал Гленн. – Прямо сейчас и возьмусь.

Майкл остановился на противоположной от дома Глории Ламарк стороне дороги и оглядел особняк через открытое боковое окно. В полном согласии с его ожиданиями, он был роскошен. И еще в нем была отчужденность. И таинственность. В таком доме даже в Лондоне можно с легкостью вести жизнь затворника.

Такой дом не выдаст секретов, какими бы мрачными они ни были.

Он объехал квартал, стараясь, несмотря на утомление, выработать план действий, и направился по узкой и гораздо менее впечатляющей улице, на которую выходили гаражи, сараи и мусорные контейнеры. Позади дома Ламарков находился гараж на две машины (проектная заявка 1957 года) – в хорошем состоянии и оборудованный современными воротами-рольставнями. За высокой стеной по обе стороны от гаража располагался скрытый от посторонних глаз сад.

Чуть выше по улице, в тихом переулке, Майкл нашел место для стоянки, оборудованное счетчиком. Он достал из бардачка небольшой фонарик, который всегда держал в машине, и захватил с собой телефон. Затем пешком вернулся на Холланд-Парк-авеню к дому Глории Ламарк. Улица была пустынна – даже машины здесь проезжали редко. Через два дома от Ламарков садовник полон цветочную клумбу. Внутри оград на подъездных дорожках стояли дорогие машины. Кто-то плескался в бассейне неподалеку. Заливалась, словно в лесу, птица.

Кованые ворота были закрыты. К своему удивлению, Майкл не смог отыскать кнопки звонка. Более того, он не обнаружил никаких следов охранной системы – ни камеры слежения на воротах, ни ящика с тревожной кнопкой на фасаде или на видимой части стены. Он посмотрел на окна: в некоторых комнатах на втором этаже занавески были опущены; в остальных окнах ничего нельзя было рассмотреть. По улице проехал «мерседес» спортивной модели с темноволосой красавицей за рулем. Затем такси и громыхающий потрепанный фургон.

Майкл взялся за соединенную с замком ручку. Он думал, что ворота заперты, но неожиданно ручка повернулась, и ворота открылись. Он замер в недоумении. Стоит ли идти внутрь? Что он рассчитывает там найти?

Может, лучше вернуться? Даже если Аманда и вправду здесь, он может только спугнуть того, кто ее похитил, и тем самым усложнить работу полиции.

Но оставить ее здесь еще на двадцать четыре часа? Нет!

Он приблизился к дому по похрустывающей под ногами гравийной дорожке. Через окна первого этажа, расположенные слишком высоко над землей, нельзя было ничего рассмотреть – только в одной комнате он увидел изысканную люстру, свисающую с потолка.

С близкого расстояния дом казался больше, мрачнее и таинственнее. Майкл глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, затем поднялся по широким ступеням и, пройдя мимо огромных каменных сфинксов, оказался перед парадной дверью. Дверь была белой, недавно покрашенной, с глазком. Он нажал на латунную кнопку и услышал, как в доме раздался громкий и чистый звон.

Прошла минута. Повинуясь странному порыву, Майкл оглянулся, но никого не увидел. По улице одна за другой проехало несколько машин. Он позвонил еще раз. На шее забилась жилка. К лицу подлетела любопытная муха, он отмахнулся от нее. Муха тут же подлетела снова. Он решил не обращать на нее внимания. Еще через минуту он позвонил опять.

Из-за жары дверь сильно пахла краской. В воздухе присутствовал еще какой-то сладковатый запах – может, жимолость. Майкл не знал точно. В их семье экспертом по растениям была Кэти.

К двери никто не подходил.

Майкл поднял тяжелую латунную крышку, закрывающую щель для писем, и заглянул внутрь. В поле зрения попали часы с маятником. Серые плитки пола. На первый взгляд холл казался пустым. В голове Майкла тоже было пусто. Он услышал далекий вой сирены. Визг купающегося ребенка.

Майкл спустился с лестницы, снова оглядел окна – внимательно, каждое в отдельности, – затем обогнул дом и попал в прохладную тень, отбрасываемую соседним зданием. С этой стороны на первом этаже окон вообще не было. Он дошел до разбитого за домом сада с симпатичным прудом и островом, давно не полотыми цветочными клумбами и как минимум месяц не стриженным газоном.

«Может, сын Глории уехал, и в доме никого нет, – подумал он. – *Прятаться лучше всего там, где ты будешь у всех на виду*».

Сумасшествие. С чего он взял, что это место у всех на виду?

Майкл подошел к большой стеклянной двери, которая вела из кухни на маленькую террасу. Слева от террасы возвышалась до самого верхнего третьего этажа металлическая пожарная лестница. Не меньше дюжины окон, все закрыты. Мимо, порхая, пролетела пестрая бабочка. Майкл огляделся, пытаясь оценить, видно ли его из окон соседних домов. Едва ли – от взглядов его скрывала густая листва деревьев.

И в конце концов, ему ли беспокоиться о том, что приедет полиция? Он ведь как раз этого и хотел!

Он взошел по ступенькам на террасу и сквозь стеклянную дверь всмотрелся в старомодную кухню, в которой, против его ожиданий, было довольно грязно. На столе стояла пустая коробка из-под пиццы. Несколько больших мух вились над кучей грязных тарелок в металлической мойке.

Значит, в доме кто-то есть. Сын Глории? В таком случае где он сейчас? Отправился за покупками или надолго уехал? Оставил беспорядок, чтобы прислуга убрала? Кстати, а где она, эта прислуга? Глория не единожды упоминала, что у нее целый штат прислуги. «Может, пляшут на ее могиле», – чуть ли не со злорадством подумал Майкл.

Дрожащими руками он попробовал открыть дверь. Заперто.

Черт, за это и посадить могут. Проникновение со взломом. Газетчиков ждет сытный день.

Он одно за другим проверил окна первого этажа. Все заперты. Он решил подняться по пожарной лестнице. Борясь с сопровождавшей его всю жизнь боязнью высоты, он заставил себя дойти до узкой верхней площадки и, вцепившись в поручень, прижался лицом к оконному стеклу. За стеклом было помещение, похожее на гардеробную.

Он попробовал поднять нижнюю половину окна. К его удивлению, она легко ушла вверх. Безумие. *Майкл Теннент, отойди от окна, спустись вниз, садись в свою машину и езжай работать. У тебя и на ноготь улик нет, чтобы оправдать проникновение в чужие владения.*

Трясаясь как в лихорадке, Майкл отступил от окна и огляделся. С площадки открывался отличный вид на соседний сад. Он был пуст. Пруд накрыт. Казалось, в настоящий момент там никто не жил. Дом слева почти полностью скрывал от глаз огромный куст раkitника. Хвойные же деревья в дальнем конце сада, посаженные, скорее всего, для того, чтобы убрать из поля зрения гараж, не позволяли увидеть улицу – а значит, оттуда нельзя было увидеть и его.

Майкл перелез через подоконник и, спрыгнув на толстый, занимающий весь пол ковер, задержал дыхание и прислушался. Тишина. Запах кожи и нафталина.

Бесконечные ровные ряды женской обуви, шляпные коробки, сложенные одна на другую. Платья в пластиковых мешках – как их выдают из химчисток, – выпирающие из открытой скользящей двери встроенного шкафа. Майкл осторожно прошел к двери по единственному узкому коридорчику между расставленной на полу обувью, взялся за ручку, прислушался. Когда он открывал дверь, по полу шаркнула резиновая

полоса, подбитая снизу для защиты от сквозняка, но петли, слава богу, сработали беззвучно.

Он выглянул на лестничную площадку, стараясь смотреть сразу во все стороны и слушая тишину, которой был окутан дом. Откуда-то снизу доносилось тиканье больших часов. И только. Когда Майкл бесшумно выскользнул на площадку, пол которой был покрыт таким же серым ковром, как и в гардеробной, нервная дрожь сотрясла все его тело. Со всех стен, с фотографий на него глядела Глория Ламарк. Еще он увидел несколько закрытых дверей, бронзовый бюст Глории на пьедестале и широкую, с красивой резьбой, лестницу, уходившую вниз.

По самому краю лестницы, проверяя каждую ступеньку на скрип, Майкл добрался до следующей площадки, постоял там немного, прислушиваясь, настороженно оглядывая закрытые двери и прикидывая, что ему делать, если одна из них вдруг откроется. «Убегу, – решил он, – или вниз, к парадной двери, или вверх, к пожарной лестнице». Одна дверь была приоткрыта на долю дюйма, но света в комнате не было. Наверное, это была одна из комнат с опущенными занавесками.

В углу площадки на постаменте стояла большая веджвудская ваза с давно увядшими цветами. А на полу, в нескольких сантиметрах от ноги, Майкл увидел полупустую кофейную чашку. Поверхность кофе покрывал толстый слой зеленой плесени.

Здесь никого нет. Дом пуст со дня смерти Глории. Но где же тогда ее сын? Уехал? Не смог жить здесь один?

Уже не боясь шума, Майкл спустился в холл. Здесь также каждый дюйм стен был занят изображениями Глории Ламарк. Среди них большая картина маслом, на которой она выходила из лимузина, афиши в рамках, рекламные кадры из фильмов, гравюры. Дом-мавзолей, подумал Майкл.

Ему вдруг представилось, что актриса смотрит на него со всех этих фотографий и злится за то, что он сказал ей во время их последней беседы. Она была настоящей экранной дивой – в этом ей не откажешь. Но ей, одной из красивейших актрис в истории кинематографа, недоставало ума, чтобы стать подлинно великой. Люди часто забывают о том, что самые успешные актеры и актрисы обладают не только завораживающей внешностью, но являются также притягательными личностями с мощным интеллектом.

Судя по чертежам, лестница в подвал находилась в кухне, куда вел коридор. Майкл пошел вперед.

Томас Ламарк стоял в полумраке возле приоткрытой двери своей комнаты и прислушивался к шагам психиатра.

Долго же ты сюда добирался, доктор Теннент. Ведь доктор Джоэль оставил тебе достаточно зацепок, разве нет? Но это только подтверждает то, что и так понятно. Ты считаешь себя за умника, но все, что ты можешь, – это заставлять страдать других людей. Скоро ты обнаружишь, что никакой ты не умник. Давай действуй!

Он не вышел из комнаты. Ему некуда было спешить, тем более рискуя быть замеченным. У него еще целый час до выхода из дому. Он должен выйти ровно через час, чтобы не опоздать на лекцию в Кингз-Колледже.

Едва зайдя в кухню, Майкл увидел ведущую в подвал дверь, запертую на два засова. Но первым делом он подошел к столу, отогнал мух и посмотрел на крышку коробки из-под пиццы. «Пицца Сан-Марко» с копченой ветчиной и сыром моцарелла. Срок годности еще не истек.

Он открыл дверцу холодильника. Две полные бутылки молока и одна наполовину пустая. Он понюхал молоко в открытой бутылке. Свежее.

Кто-то или жил здесь, или периодически навещался – в последний раз люди здесь были два-три дня назад. И они могут вернуться в любой момент.

Майкл открыл дверь подвала, нашарил выключатель, включил свет и закрыл за собой дверь. Спустившись по короткой кирпичной лестнице и пройдя мимо полки, заставленных пустыми стеклянными банками, он оказался перед еще одной дверью, в замке которой торчал большой старомодный ключ. Он повернул ключ и толкнул дверь. В нос ему ударил запах синтетического коврового покрытия.

Он нащупал выключатель. Замерцало, затем загорелось множество длинных ламп дневного света. Он находился в хорошо оборудованном современном спортивном зале, в котором напротив большого видеоэкрана располагались беговая дорожка, тренажер для гребли, различные гантели и гири, мат, гимнастические брусья и в дальнем углу сауна. Одна из верхних ламп нестерпимо громко жужжала.

По чертежам вход в убежище должен был находиться прямо напротив. Но напротив Майкл видел только кабину сауны. Он озадаченно обвел спортзал глазами. Пол в нем был застелен сплошным матом, и если даже под ним был люк, то он не использовался. Мата не было лишь в одном углу, занятом стеллажом с несколькими сотнями пыльных винных бутылок.

Сердце Майкла упало. Неужели он все это время был на ложном пути? Он увидел чертеж – и сделал слишком поспешный вывод? Иногда люди подают заявки, но потом – по разным причинам, но в основном по финансовым – так и не берутся за воплощение своего проекта. Само по

себе то, что Глория Ламарк получила разрешение на постройку, отнюдь не значит, что она на самом деле построила это чертово убежище.

Он стукнул кулаком о кулак. Посмотрел на кабину сауны. Так. Заявка была на постройку винного погреба. Почему винного погреба, а не противорадиационного убежища? Почему она хотела, чтобы никто не узнал о нем? Потому что, если бы о нем узнали соседи, в решительный момент они не пустили бы ее туда или даже убили бы, чтобы скрыться там самим.

Где-то наверху раздался скрип. Майкл замер. Прислушался, стараясь не обращать внимания на жужжание ламп дневного света. Чертовы лампы. Он подошел к выключателю и погасил свет. Затем переместился в глубь спортзала, подальше от одинокой лампы накаливания, освещающей лестницу, и снова прислушался.

Ничего.

В горле колотился пульс. Он со страхом смотрел на лестницу, оставаясь в неподвижности около минуты, а может, и дольше. Звуков больше не было. Это старый дом. В старых домах постоянно что-то скрипит.

Несмотря на такое рассуждение, света в спортзале он не включил. Подошел к сауне и открыл дверь. В ноздри ударил сильный сосновый запах. Он нащупал выключатель, включил свет, бросил настороженный взгляд через плечо на ведущую в подвал лестницу, затем осмотрел внутренность сауны. Камни на решетке электрической печи. Пустое ведро. Сиденья в два ряда.

Самый надежный тайник – у ищущего под носом. Он поднял крышку ближайшего к нему сиденья. Бетонный пол, ни намека на люк. То же под вторым сиденьем, под третьим.

Он пощупал рукой стенные панели. Приделаны на совесть, и их явно никогда не снимали.

Вот дерьмо.

Он вышел из сауны, поглядел на потолок, на лестницу. Прислушался.

Самый надежный тайник – у ищущего под носом.

Да где под носом-то? Здесь все под носом, куда ни повернись.

Майкл зашел обратно в сауну и поближе рассмотрел электрическую печь-каменку. Она стояла вместе с ведром на широком металлическом листе, который чуть-чуть выступал над поверхностью пола. И, зажатый под металлическим листом, но видимый Майклу, на полу лежал небольшой клочок бумаги.

Клочок мог попасть под него, только если лист положили на него сверху.

Кто-то его двигал. Недавно.

Майкл отставил в сторону ведро и обеими руками схватился за печь. Она была даже тяжелее, чем выглядела, – он не смог поднять ее, только сдвинуть в сторону. За ней вился резиновый электрический кабель.

Убрав все с железного листа, Майкл присел на корточки, подцепил пальцами край металла и поднял его.

Люк был там.

Майкл прислонил железный лист к стене. Вновь присев на корточки, взялся за утопленную в стальную поверхность крышки люка рукоять и потянул за нее. Крышка не поддавалась. Попробовав еще раз, он сообразил, что выполненная в виде колеса рукоять является одновременно запорным устройством, и повернул ее несколько раз, чувствуя, как выходят из зацепления запирающие стержни. Если это противорадиационное убежище, почему оно запирается снаружи? Оно ведь должно запирается изнутри, чтобы не допустить в убежище посторонних.

Он снова потянул за рукоять. На этот раз крышка люка поднялась. Из открывшегося отверстия потянуло холодным сырым воздухом. Вниз вела спиральная каменная лестница.

Майкл спустился в отверстие на первую ступеньку лестницы. Затем, держась за края люка, нашел выключатель и нажал на него. Внизу царила полнейшая, холодящая кровь тишина.

Спускаясь по завивающейся по часовой стрелке узкой спирали, он внутренне весь сжимался от страха. Он и понятия не имел, что ждет его внизу. Ему оставалось только молиться – и он молился, – что, если Аманда там, она жива.

Он добрался до дна. Небольшое пространство – впору поместиться одному человеку. Стальная сейфовая дверь впереди. В центре ее – тяжелое, на четырех толстых спицах запорное колесо, как на люках, отделяющих друг от друга герметичные отсеки подводной лодки.

Он повернул его, и колесо легко стронулось с места, будто им недавно пользовались. После двух проворотов он остановился и прислушался. Тишина. Еще шесть вращений, и сопротивление колеса резко ослабло. Он толкнул дверь, но она не сдвинулась с места. Тогда он потянул ее на себя, и она медленно, с глубоким сосущим звуком стала открываться. Майкл поверить не мог, насколько она толстая. Уже больше фута, а конца не видно. Два фута. Три фута. Почти четыре фута, и наконец между дверью и ее массивной рамой образовалась щель. Он продолжал тянуть, увеличивая щель до таких размеров, чтобы можно было проскользнуть мимо этой чудовищной двери в кромешную тьму за ней.

Ничего похожего на выключатель. Майкл вынул из кармана фонарь. Луч был тусклым – последний раз он доставал фонарь из машины не меньше двух лет назад, и батареи, естественно, почти разрядились. Однако света было достаточно для того, чтобы понять, что помещение небольшое: видимо, тамбур, который был изображен на чертеже. Справа возле стены длинный узкий металлический стол на колесах, напоминающий весьма примитивную больничную кровать-каталку. За ней две стойки, похоже для капельницы, стеллаж с электроинструментом и – в ряд – кислородные баллоны.

В десяти футах впереди была еще одна сейфовая дверь с таким же запорным колесом, как на двери, которую Майкл только что открыл.

Неужели она там? За этой дверью?

Он бы позвал ее, но она наверняка бы его не услышала. Схватившись за колесо, Майкл лихорадочно стал поворачивать его – шесть полных поворотов. Затем потянул на себя. Дверь стала медленно открываться. Он потянул сильнее, и наконец между дверью и стеной образовалась щель, ведущая в темноту. Из двери хлынула вонь. Вонь немытого тела, экскрементов и протухшей одежды; но всю эту вонь перешибал резкий химический запах, распознать который Майклу не составило труда.

Формалин. Используется в лабораториях для обработки мертвых тканей и органов с целью их сохранения. Майкл помнил этот запах еще с медицинского колледжа – на факультете анатомии в формалине держали трупы, предназначенные для учебного вскрытия.

Господи боже мой, да что тут такое?

Слабый луч фонаря заметался по стенам, пробуждая к жизни тени.

– Аманда? – позвал Майкл. – Аманда?

Он шагнул вперед и вдруг увидел лежащую на полу неподвижную фигуру. *Господи, не допусти, чтобы это оказалась Аманда.*

Он подошел ближе. Это было человеческое тело.

– Аманда? Аманда!

Позади него послышался шорох. Луч фонаря метнулся на звук, и на Майкла обрушилась гигантская тень. Он услышал голос Аманды – наполовину визг, наполовину крик:

– Да пошел ты, ублюдок!!

И одновременно – резкая мучительная боль в затылке. Разноцветный фейерверк, взорвавшийся внутри черепа.

Он рухнул на пол.

Аманда снова подняла над головой тяжелую решетку, снятую с

отдушины вентиляционной шахты. Она сжимала ее со всей оставшейся у нее силой, удесятеренной страхом и яростью, готовая разможжить его голову, впечатать ее в бетон, если он шевельнет хоть одним мускулом.

Фонарь откатился в сторону и светил на лежащего на полу Майкла. В его свете Аманда видела, что он не двигается, что его голова неловко подвернута к плечу и вокруг нее растёт лужица крови.

Аманда глотками заталкивала в себя воздух, ее глаза были так широко открыты, что стали почти круглыми. Она стояла с поднятой для удара решеткой долгое время, пока не убедилась окончательно, что Майкл не притворяется, что он не встанет сейчас и не погонится за ней. Затем она положила решетку на пол, подобрала с полу фонарь и подбежала к двери, через которую он пришел.

Из груди у нее вырвался стон ужаса и отчаяния.

Дверь была закрыта.

На линии был Тим Виллис – констебль, в прошлую субботу остановивший синий «форд-мондео» доктора Теренса Джоэля.

– Высокий, около шести футов шести дюймов. Не худой и не толстый. Зачесанные назад темные волосы, эффектная внешность – *весьма* эффектная внешность, как у мужчин-кинозвезд, которых с ходу записывают в секс-символы. Американский акцент.

– Что-нибудь еще можете вспомнить? – Гленн сидел за своим столом и записывал. Ему была важна любая деталь, какую он только сможет вытянуть из памяти этого констебля.

– Было похоже, что он нервничал. Сказал, что навещал друзей в Барнсе и направляется в Челтнем – получался чертовски большой крюк.

– Он объяснил отклонение от маршрута?

– Сказал, что легко теряется в Лондоне.

– Вы обыскивали машину?

– Все было чисто. И мы проверили его на алкоголь. Тоже чисто.

Гленн поблагодарил констебля и повесил трубку, затем взглянул на только что сделанные записи. Что ж, Челтнем – это правдоподобно. Но Барнс... Почему Барнс?

Спустя тридцать минут, когда на часах было чуть больше трех, зазвонил телефон прямой линии. Это была женщина из телефонной компании, в которой доктор Теренс Джоэль был зарегистрирован в качестве абонента. Гленн обрадовался, но она его быстро разочаровала, продиктовав адрес: Ройял-Корт-Уолк, 97.

Несуществующий адрес.

Он попросил ее предоставить ему привязанный к карте отчет обо всех звонках, сделанных Джоэлем за те три с половиной недели, в течение которых он являлся их абонентом. Такой отчет даст Гленну представление о том, где находился Джоэль в момент звонка. В некоторых частях лондонского центра одна вышка обслуживает площадь с диаметром всего в несколько сотен ярдов. Сотрудница телефонной компании перезвонила через десять минут и сказала, что сможет предоставить такого рода отчет не раньше второй половины понедельника. Она также назвала Гленну продавца в Челтнеме, у которого доктор Джоэль купил телефон.

Гленн записал предоставленную информацию и поблагодарил женщину. Только он повесил трубку, как телефон снова зазвонил. Звонили

по поводу обработки изображений с камер слежения на дорогах юго-восточной части Лондона.

«Форд-мондео» доктора Теренса Джоэля был идентифицирован во время пересечения им Вестминстерского моста в южном направлении в 15:19.

Оператор просчитал все основные маршруты, возможные из данной точки, и передал патрулям указание немедленно докладывать об обнаружении, но пока ни одного доклада еще не поступило.

Гленн схватил карту. На юг от Вестминстерского моста. Ему хватило беглого взгляда, чтобы понять: определить, куда Джоэль направляется, – невозможно. Ясно только, что не в Барнс. А так Джоэль мог иметь конечной точкой маршрута любое место на юге Англии.

Взяв карандаш и линейку, Гленн прочертил линию от Тоттнем-Кортроуд до Барнса, от Барнса до Вестминстерского моста, от Вестминстерского моста до Тоттнем-Кортроуд. В образовавшемся треугольнике оказался большой кусок центральной части Лондона.

Это не означало ни черта.

Несмотря на то, что Джоэль предположительно был американцем, Гленн позвонил в Британскую медицинскую ассоциацию Великобритании. Там ему сказали, что ничего не знают ни о каком докторе по имени Теренс Джоэль. Он попросил сотрудников, занимающихся поиском информации, найти что-нибудь на доктора Джоэля в Интернете. Когда ему принесли распечатку сайта, одного звонка в Бостон, в Массачусетский технологический, хватило, чтобы понять, что доктор Теренс Джоэль никогда не состоял там младшим профессором по астрономии – и никем другим, ни студентом, ни преподавателем.

В девять вечера в «Герцоге Йоркском» будет идти фильм под названием «Великая ночь». Гленн очень хотел посмотреть его. На часах было без десяти шесть. Если он двинется прямо сейчас, у него будет время поиграть с Сэмми, прочесть ему сказку и поужинать с Грейс. После этого, возможно, она отпустит его на фильм, простив вчерашний вечер, который он провел вне дома. Черт, вчера вечером это была *работа*.

Почти весь народ уже ушел домой. В комнате детективов было пусто и тихо. На улице становилось прохладнее – похоже, вечер будет что надо. Может, лучше пропустить фильм – наверняка через несколько месяцев выйдет на видео – и вместо этого затеять барбекю, посидеть в саду, провести вечер с Сэмми и Грейс. Открыть взятую из холодильника бутылку розового. Гленн встал, снял пиджак со спинки кресла и забросил его на плечо. Барбекю – это неплохо. Он чертовски проголодался.

Он уже шел к двери, раздумывая о том, как приготовит острый маринад к куриному мясу, когда зазвонил телефон. Он вернулся и взял трубку.

– Гленн Брэнсон.

Шипение и треск на линии. Кто-то связывался с ним по рации:

– Это чарли-дельта четыре-два-ноль, патруль в Кенсингтоне. Мы видим объявленное для наблюдения транспортное средство синий «форд-мондео», ромео пять-девять-девять кило-гольф-чарли. Оно направляется на запад по Кенсингтон-Хай-стрит.

С трудом сдерживая волнение, Гленн спросил:

– Он вас видит?

– Мы движемся в плотном потоке, в нескольких машинах позади него. Я не приближаюсь. Не думаю, что он меня видит.

– Продолжайте наблюдение, но, ради всего святого, не дайте ему вас увидеть. Он один в машине?

– Похоже, что один.

– Вы можете описать его?

– Боюсь, что нет. Мы слишком далеко и видим только машину.

– Спасибо, ребята. Отлично сработано. Не потеряйте его. Вы запросили подкрепление?

– Да. Он включил правый сигнал поворота. Поворачивает на Холланд-роуд.

Гленн слушал, стараясь ничего не пропустить.

– Движемся по Холланд-роуд. Выехали на круговую развязку района Шеппард–Буш. Плотное движение, не приближаемся.

Продолжая слушать, Гленн развернул карту с начерченным на ней треугольником. Джоэль находился внутри очерченной зоны, хотя это ни о чем не говорило.

Гленн каждую секунду страшился услышать, что констебль сейчас скажет: «Мы его потеряли». Но вместо этого услышал:

– Он сворачивает на боковую улицу! Останавливаюсь... жду... начинаю движение. Проезжаю мимо. Ага, есть! Он заезжает в большой гараж на две машины с дистанционно управляемыми подъемно-опускными воротами. Объезжаю дом вокруг, сейчас скажу адрес. Гараж на задах дома, я проверю фасад.

Гленн прижал телефон к уху так, будто напивался от него жизненно необходимыми соками. *Доктор Джоэль... Доктор Джоэль... Доктор Джоэль... Мы с тобой скоро встретимся и мило поболтаем. Ты расскажешь мне, что тебе за дело до Кору Барстридж... и ты скажешь*

мне, как тебя на самом деле зовут.

Треск атмосферных помех, затем голос патрульного:

– Есть адрес. Холланд-Парк-Виллас, 47. Район Лондон-Уэст четырнадцать.

Гленн лихорадочно нацарапал адрес в блокноте.

– Можете взять дом под наблюдение, не обнаруживая себя?

– Нет проблем.

– Я уже еду, – сказал Гленн.

Он вырвал листок с адресом из блокнота и бегом промчался по пустынным этажам и лестницам к выходу.

Вылетев из здания, Гленн увидел Ника Гудвина – молодого констебля, который был его напарником до того, как Гленн перешел в уголовный розыск. Ник, облаченный в форму, сел в патрульный «воксхолл». Гленн подбежал к нему:

– Ты сегодня до которого часу?

– Сегодня у меня вечерняя смена. До двенадцати.

– Давай прокатимся в Лондон. Может, даже с сиреной и мигалками.

Нужно побыстрее пробраться сквозь пробки. У меня чрезвычайная ситуация.

Констебль, казалось, заколебался.

– Но у меня смена. Мне тут нужно колесить, хулиганов пугать.

– Беру на себя всю ответственность, – сказал Гленн. – Если что – моей голове на плахе лежать.

Стараясь растянуть как можно больше заряд батареи, Аманда включала фонарь короткими, продолжительностью в несколько секунд, вспышками. Она проверяла, не пришел ли ее пленник в себя.

Майкл все еще был без сознания, но дышал он уже ровнее. Это хорошо. Ей было нужно, чтобы он очнулся и сказал ей, как открыть дверь.

Она связала ему руки и ноги полосками ткани, оторванной от одежды лежащих в первой комнате трупов; тряпкой, вымоченной в мыльном растворе, оставшемся в помывочном ведре, она остановила кровь, текущую из глубокой раны у него на затылке. Пол был весь скользкий от крови, и она боялась, что он потерял слишком много крови и уже никогда не придет в сознание.

Она присела перед ним на корточки, посветила фонарем в лицо и похлопала его по щекам.

– Майкл, – сказала она. – Майкл, очнись.

Что за секрет у этой чертовой двери? В поисках дистанционного запирающего устройства она обшарила его карманы, выпотрошила бумажник, но ничего не нашла, кроме мобильного телефона. Она включила его снова – в который раз. Телефон ободряюще бипнул, но на экране появилось то же сообщение, что и во все предыдущие разы: «Нет сети».

Она все равно набрала номер: 999, затем «посыл вызова». В динамике заиграла мелодия.

Нет сигнала.

Благодаря фонарю и мобильному телефону Аманда точно знала, сколько времени прошло с того момента, как Майкл спустился сюда. Он пришел в третьем часу. Сейчас было почти шесть. Он находился в отключке уже почти четыре часа. И она знала, которое сегодня число, – на наручных часах Майкла оно было показано в отдельном окошечке.

Пятница, 1 августа.

Она была с ним на гонках в воскресенье, 27 июля.

Пять дней.

Это не на шутку испугало ее. Она понимала, что находится здесь уже долго, но чтобы пять дней... Если ее ищут и не могут найти уже пять дней, то найдут ли вообще когда-нибудь?

Может, теперь, когда она захватила Майкла Теннента, там, наверху, наконец встрепенутся. Может, начнут искать его.

Пятница, 1 августа, шесть вечера.

Конец рабочей недели. Есть вероятность, что Майкла Теннента никто не хватится в выходные.

Она сильнее хлопнула его по щеке:

– Майкл! Майкл, очнись!

Он захрипел.

Она включила фонарь – его луч был таким слабым, что от него не болели даже ее отвыкшие от света глаза, – и направила его в лицо Майклу. Его веки пришли в движение. Один глаз открылся. Она завела фонарь себе под подбородок, чтобы он смог увидеть ее лицо.

– Майкл!

Теперь оба глаза открыты. В них – замешательство. Аманда поняла, что он еще не может сфокусировать взгляд, но это ее несколько не успокоило. Она взглянула на его запястья, проверяя, крепки ли путы.

– Майкл, скажи мне, как отсюда выбраться. Скажи мне, как открыть дверь.

Он смотрел на нее и молчал.

Она направила луч фонаря ему в лицо и отдельно сказала:

– Майкл? Ты слышишь меня? – Легчайший намек на кивок. – Скажи мне, как выбраться отсюда.

Майклу казалось, будто он в бинокль смотрит на солнце. Глаза дико болели. Череп раскалывался. И сквозь боль и вспышки доносился голос Аманды, вибрирующий на грани визга:

– Майкл, черт побери, скажи мне, как отсюда выбраться!

Томас Ламарк, который уже был снова в своей комнате, включил акустическую систему, соединенную с микрофоном в убежище. Существо говорило:

– Майкл, мы оба умрем, если ты не скажешь, как открыть дверь!

Хорошо. Оно его не убило. Томас боялся этого – оно так сильно его ударило. Надо не забыть, что оно очень сильное, когда он будет внизу.

Он отмотал назад пленку на включающемся от звука голоса магнитофоне, чтобы прослушать то, что он пропустил. Нажал клавишу воспроизведения. Говорило только существо. Затем хрипение, явно мужское. Хорошо. Доктор Майкл Теннент наконец приходит в себя. Надо приниматься за дело, поскольку времени остается все меньше.

На Кенсингтон-Хай-стрит за ним ехала полицейская машина. Он также мельком видел ее, двигаясь по Холланд-роуд, а затем она показалась, когда он уже заезжал в гараж.

Надо поторапливаться, хотя, спустившись в убежище, он снимет все наружные запорные колеса и запрет двери изнутри, так что им понадобится много часов, чтобы вскрыть их, – и отсчет времени начнется с того момента, когда они найдут нужное оборудование и втащат его в дом.

У него достаточно времени для того, чтобы удалить груди существа, используя только что виденную им блестящую хирургическую технику, и оказать Майклу Тенненту честь, позволив наблюдать за операцией. После этого он просто оставит существо истекать кровью.

А что потом? Потом он найдет успокоение. С благословения матери он пойдет дальше. Вернется к нормальной жизни. Но это еще не скоро, это дело далекого будущего. А сейчас следует сосредоточиться на настоящем.

Ты был доволен, когда убил мою мать, доктор Теннент? А теперь ты доволен? Наверное, никакие тягостные мысли не мешали твоему здоровому сну?

Хрипение в громкоговорителе. Затем голос существа:

– Майкл! Майкл, очнись! Очнись, Христа ради!

В ответ Майкл Теннент издал нечленораздельный звук.

Он уже пытается говорить. Хорошо.

Томас набросил на шею ремешок очков ночного видения так, что они висели у него на груди, а на голову надел радионаушники. Затем, продолжая слушать через наушники, что происходит в убежище, открыл ящик стоящего в дальнем углу комнаты комода – там он держал свой хирургический набор.

Скальпели сверкали в фетровых гнездах кожаного чемоданчика ручной работы так же ярко, как и тринадцать лет назад, когда он в последний раз использовал их в медицинском колледже. Указательным пальцем он попробовал остроту лезвия одного из скальпелей. Бритвенно острое – у него не было возможности затупиться. Томас закрыл крышку чемоданчика, застегнул его, вынул из ящика нераспечатанную упаковку медицинских шприцев, затем прошел в кухню и открыл холодильник.

Из пластикового контейнера с надписью «Для салата» он вынул маленький пузырек с кураре и большой – с адреналином. Благодаря адреналину существо не потеряет сознание во время операции. Из шкафчика, где хранились запасные электрические лампы, он взял моток клейкой ленты.

Затем спустился в подвал.

Аманда не слышала, как позади нее открылась дверь. Она сидела рядом с Майклом, прислушиваясь к его дыханию и стараясь привести его в

чувство.

– Майкл! Ну приди же в себя, Майкл! Скажи мне, как открыть дверь? Хочешь, чтобы я сделала тебе больно? Я могу сделать тебе больно, Майкл. Тебе будет так больно, что ты обязательно расскажешь мне, как открыть дверь. Можешь с таким же успехом сказать мне сейчас.

Майкл медленно, явно преодолевая себя и не понимая, что от него хотят, проговорил:

– Дверь. Что... за дверь?

– Дверь, закрывающая выход отсюда.

Томас смотрел на них через окуляры. На Майкла Теннента и его подстилку. На *существо* – зеленую фигуру, скрючившуюся на зеленом полу. Оно подвинулось вперед, и вдруг все помещение полыхнуло нестерпимо яркой изумрудной вспышкой.

Томас непроизвольно зажмурился. Он был ошеломлен. У существа есть фонарь! Он заставил себя открыть глаза. Снова холодный зеленый свет.

Все в порядке.

Наверное, это доктор принес фонарь. Надо действовать, пока фонарь выключен, пока существо не обнаружило его присутствия. Он посмотрел на ладонь. Игла, крепко прилепленная клейким пластырем, была на месте.

Он быстро и бесшумно пошел вперед и оказался прямо за спиной Аманды.

Она почувствовала резкий укол в шею и услышала бодрый голос:

– Премедикация!

Гленн сидел на переднем пассажирском сиденье «воксхолла» и смотрел на дорогу. Констебль Ник Гудвин выжимал из машины все, на что она была способна. Предельно сосредоточившись, он вел ее по самому быстрому ряду шоссе М-23, и стрелка спидометра почти не опускалась ниже отметки 120 миль в час. Едущие впереди автомобили будто ветром сдувало в другие ряды, едва только их водители замечали в зеркалах мигающие огни.

По мнению Гленна, Ник Гудвин был хороший парень, лет двадцати пяти – двадцати семи, молчаливый и серьезный, с аккуратно подстриженными темными волосами и уравновешенным характером. Он не страдал излишней эмоциональностью. На него можно было положиться.

Констебль включил сирену, чтобы согнать из ряда неровно ведомую машину – возможно, ее водитель менял кассету в магнитоле.

Ближе к повороту на М-25 движение уплотнилось. Пятница. Час пик. Они должны были поневоле сбросить скорость.

– Как твой мальчуган, Гленн?

– Сэмми? Скоро исполнится четыре. Хороший парень. Люблю его до смерти.

– Собираешься завести второго ребенка?

– У Грейс в прошлом году был выкидыш. А так собираемся. Детей в семье должно быть несколько. А ты?

– Со дня на день жена должна родить. Первенец.

– Молодчина! Будешь присутствовать при родах?

– Да.

– Такое никогда не забудется. – У Гленна затрещала рация. Он услышал свой позывной и ответил.

– Мы выяснили имя владельца дома номер сорок семь по Холланд-Парк-Виллас, – сообщил оператор. – Глория Ламарк. Гольф-лондон-оскар-ромео-индия-альфа. Лондон-альфа-майкл-альфа-ромео-кило.

В течение нескольких секунд Гленн молча переваривал поступившую информацию.

Глория Ламарк.

Доктор Теренс Джоэль живет в доме Глории Ламарк? Или часто приезжает туда?

Неужели у когда-то великой Глории Ламарк был любовник,

скрывающийся за фальшивым именем и адресом? Изготовивший себе фальшивую личину? И знала ли она, что он не тот, за кого себя выдает?

Гленн вспомнил, что прошлым вечером Саймон Ройбак встрепенулся, когда он упомянул имя актрисы. Будто это имя что-то смутно напомнило ему. Что напомнило?

Он стал вспоминать их разговор. Ройбак рассказывал о деле, над которым работал, – исчезновение двух женщин: Тины Маккей, вокруг которой была большая газетная шумиха, и еще одной. Он считал, что между ними может быть связь. Неужели Ройбак обнаружил, что обе эти женщины связаны с Глорией Ламарк?

Посредством Теренса Джоэля?

Умирает Глория Ламарк. Потом умирает Кора Барстридж. В Лондоне в прошлую субботу останавливают за опасную езду человека, называющего себя доктором Теренсом Джоэлем. Он приезжает на кремацию Кору Барстридж, но не выходит из машины.

Доктор Теренс Джоэль, ты очень сильно меня беспокоишь.

Гленн запросил по рации связь с детективом-констеблем Ройбаком из полицейского участка Хампстеда. Ему нужно было точно знать, что ассоциировалось у Ройбака с фамилией Ламарк.

Впереди в потоке машин образовался просвет. Под аккомпанемент мигалки и сирены Гудвин вклинился в него.

В помещении горел свет. Еще не пришедший до конца в себя Майкл понимал, что он находится в комнате с бетонными стенами. Уголкем глаза он видел человеческую фигуру, лежащую на полу, – кого-то с темно-русскими волосами.

У Аманды светлые волосы.

Фигура не шевелилась. Мертвое тело.

Он попытался сдвинуться с места, пошевелить руками, ногами. Ничего не получилось. Ему было плохо, голова пульсировала от боли. Он хотел заговорить, но его рот был заклеен, так что он смог только нечленораздельно замычать. Если его вырвет, он захлебнется собственной блевотиной.

Возле него на корточках сидел доктор Джоэль. На шее у него висели странного вида очки, а в руках была веревка.

– Вам понравится представление, доктор Теннент. У вас лучшее место в зале. Мне интересно, насколько сильно предстоящее действие западет вам в душу. Может, потом вы напишете статью об этом. Как насчет «Британского медицинского журнала»? К сожалению, обратиться ко мне вы сможете только посредством взгляда.

Джоэль вдруг со всей силы потянул за веревку. Связанные в запястьях руки Майкла взлетели вверх, затем последовал жестокий рывок, отдавшийся нестерпимой болью в груди и плечах – руки приняли на себя весь вес его тела, в то время как стопы оторвались от пола. Джоэль подвесил его.

Майкл беспомощно смотрел в спину уходящего из помещения Джоэля. Затем попытался развести ноги в стороны, но это оказалось невозможным, поскольку лодыжки были связаны вместе так же туго, как и запястья. Однако в голове у него прояснялось. Его приводила в чувство мысль об Аманде. Она злилась. Она была в отчаянии. Она угрожала ему.

Где она?

Что Теренс Джоэль делает в доме Глории Ламарк?

Майкл попытался подтянуться, но этим только усилил боль в плечах. Он отвел ноги назад, насколько смог. Они коснулись чего-то твердого. Стена. На какое-то мгновение ему удалось зацепиться за нее, снять напряжение с рук, но затем ноги соскользнули, и он снова повис, рванув плечи. В таком положении ему было трудно дышать. Боль в плечах

затуманивала голову.

Его внимание привлек резкий клацающий звук. Джоэль, в зеленом хирургическом костюме, проталкивал в дверь металлический стол на колесах, к которому кто-то был пристегнут ремнями: когда-то белые, а теперь запачканные грязью и кровью спортивные тапочки, синие, тоже в крови, джинсы и грязная окровавленная белая футболка. Его горло сжалось. Это была Аманда. Ее лодыжки, запястье и живот охватывали ремни, во рту дыхательная трубка. Глаза широко открыты. Беззвучный вопль сотряс каждую клетку тела Майкла:

Аманда! Нет! О господи, нет, нет!

Джоэль в это время неторопливо развернул стол боком к Майклу, поправил лежащие на откидной полке стола-каталки хирургические инструменты, с ледяным спокойствием проверил у Аманды сначала пульс, затем давление. Аманда пыталась что-то говорить. От вырывающихся из-под кляпа сдавленных звуков у Майкла все переворачивалось внутри. Он хотел поймать ее взгляд, чтобы хоть как-то поддержать ее, развеять кошмар, в котором они находились, донести до нее, что они как-нибудь найдут выход из безумного положения.

Но она не смотрела на него.

Доктор Джоэль снова вышел из комнаты и тут же вернулся с большим кассетным магнитофоном. Он поставил его на пол и включил. В стенах убежища раздался голос Майкла:

«Это доктор Теннент. Глория, не могли бы вы мне позвонить? Боюсь, я расстроил вас сегодня утром. Нам необходимо поговорить».

Джоэль нажал на «Стоп» и обернулся к Майклу. Тот все понял. Он понял, кто на самом деле доктор Джоэль. Он осознал значение пугающих слов Дортмунда.

Кровник.

Не в силах поверить, он смотрел на Джоэля. Неужели все это началось со врачебной ошибки, которую он допустил по отношению к Глории Ламарк?

Но зачем здесь Аманда, пристегнутая к столу-каталке? Тут должно быть что-то еще. Может быть, она и этот безумец были в прошлом любовниками?

Томас Ламарк сорвал клейкую ленту со рта Майкла, казалось отодрав при этом половину лица.

– Что-нибудь имеете сказать, доктор Теннент?

Жмурясь от боли, Майкл выдохнул:

– Аманда здесь ни при чем. Отпусти ее.

Холодно глядя на него, Томас сказал:

– Глория Ламарк была моей матерью. У нее была красивая грудь.

Майкл молча смотрел на него. Из-за боли и невозможности свободно дышать ему было трудно думать. Он постарался вспомнить свои беседы с этим человеком, когда тот приходил к нему в кабинет. Страдающий от сильного психического расстройства доктор Джоэль. Нестабильное состояние, близкое к нервному срыву. Человек, полный гнева. Человек, любящий играть в игры. Умный. Придумавший параллели. Умершая жена. Голубка в клетке, разделенная со своей парой. Контролирующий себя сумасшедший.

Противорадиационное убежище.

– Теренс, – наконец проговорил Майкл, – пожалуйста, отпусти Аманду.

Глаза безумца сверкнули гневом.

– Меня зовут Томас. Не стройте из себя умника.

– Я знаю тебя как Теренса. Доктора Теренса Джоэля.

– Эта женщина занималась с вами любовью, доктор Теннент. Она осквернила свое тело вашим нечистым семенем. Внутри ее – семя человека, убившего мою мать. Вы были вскормлены грудью, доктор Теннент?

Майкл попытался придумать наиболее подходящий ответ – тот ответ, который хотел услышать этот человек. Единственное, что пришло на ум:

– Думаю, да. Я не помню.

– Вы запомните. На всю жизнь запомните. У моей матери была очень красивая грудь. Как вы наверняка знаете, о ее красоте ходили легенды. Я верну вас во младенчество, доктор Теннент. Вы будете сосать грудь Аманды Кэпстик. Но вам не придется покидать то место, где вы сейчас. Я принесу ее вам.

Томас Ламарк взял с откидной полки скальпель, приподнял ворот футболки Аманды и разрезал ее до самого низу. Отбросив в стороны ткань, он обнажил ее грудь.

Аманда извивалась в путах.

Майкл взвыл:

– Христа ради, Томас, не трогай ее!

– Может быть, мне снова залепить вам рот клейкой лентой, доктор Теннент? Или вы будете молчать? Поймите, от того, сумею ли я должным

образом сосредоточиться во время операции, зависит ее успех.

Беспомощность породила отчаяние, и Майкл выдохнул:

– Режь меня, Томас! Разрежь меня на кусочки, но только не трогай ее.

– Не беспокойтесь, доктор Теннент, ваша очередь еще придет. Я должен быть уверен, что вы больше не причините вреда ни одному своему пациенту, доктор Теннент. Вашими стараниями я двадцать пять дней нахожусь в пучине такой боли, какую трудно даже вообразить. Я сделаю так, что по крайней мере единожды в день из следующих двадцати пяти вы будете умолять меня прекратить ваши мучения. И каждый раз я буду цитировать вам строчку из шекспировского «Короля Лира»: «Предел мучений все еще далек, пока сказать мы в силах: „Вот предел мучений“». – Он повернулся к Аманде, отчаянно старающейся избавиться от ремней. – Можете мне поверить, что освободиться таким образом вам не удастся. – Он взял с полки для инструментов небольшой стеклянный пузырек и поднес его к глазам Аманды. – Вы имеете представление о современных способах анестезии?

Она онемело посмотрела на Томаса.

– Обычно анестезиологи применяют три-четыре химических вещества, сбалансированных между собой. Первое вещество парализует пациента, вызывая у него полное мышечное расслабление. Лично я для таких целей предпочитаю использовать кураре, вытяжку из южноамериканского растения, соком которого индейцы намазывали кончики стрел. Приятно использовать полностью натуральные медикаменты, не правда ли? Кураре для вас гораздо лучше, чем какая-нибудь ужасная искусственная химическая смесь.

Он снял запечатывающую пленку с пузырька, затем оторвал от упаковки пластиковый контейнер с одним шприцем.

– Второе химическое вещество вызывает у пациента потерю сознания, но я бы хотел, чтобы вы сегодня были у меня в полном сознании. Я уверен, что вы меня понимаете, даже если и не разделяете моих желаний. Третий медикамент, обезболивающие, нам также не понадобятся. Но четвертое вещество, имеющее своим основным активным компонентом адреналин, нам очень даже пригодится: оно сужает диаметр всех кровеносных сосудов и таким образом предотвращает излишнюю кровопотерю; также оно не позволит вам потерять сознание от болевого шока.

– Томас, пожалуйста, послушай меня, – попросил Майкл. – Давай поговорим.

И не подумав обернуться к Майклу, Томас искал в кармане пузырек с адреналином. Но не находил. Он проверил во всех карманах, все больше и

больше злясь на себя. *Черт, черт, черт.*

Он точно помнил, как это случилось. Он положил пузырек в карман пиджака. Переодевшись в хирургический костюм в кухне, он повесил пиджак на спинку стула.

Черт, черт, черт.

Доктор Майкл Теннент что-то говорил ему, но он выключил его голос из сознания. Его занимали сейчас более серьезные вещи, чем психиатрский треп.

Черт тебя деру, доктор Теннент! Из-за тебя я забыл чертов адреналин!

Он выбежал из комнаты.

Майкл не отрываясь смотрел на Аманду, и наконец она повернула к нему голову. Сквозь бушевавшую бурю ужаса в душе Майкла начал прорастать гнев. Гнев на самого себя.

Как он мог допустить, что они оказались в такой ситуации? *Господи, почему я не пришел вместе с полицией?*

– Аманда, – прохрипел он и замолк.

Что он мог сказать? Ламарк ушел, и он должен использовать эти драгоценные моменты для того, чтобы думать, а не говорить. Что-то же можно сделать. Он попытался отмахнуться от боли, мешающей ему думать. Надо отбросить все, сосредоточиться на одном, на настоящем моменте, на этих нескольких минутах.

Может, заставить Томаса подойти поближе и ударить его ногами, вышибить из него дух? Он попробовал выбросить вперед ноги. Выглядело это жалко. Он повторил движение, теперь предварительно опершись ногами о стену за спиной, но это мало помогло. Кроме того, даже если у него все получится – он попадет сильным ударом в нужное место, под нижнюю челюсть, и вырубит Томаса, – что дальше?

Он болтается, подвешенный к потолку, какдохлый цыпленок, и веревка врезается ему в запястья. Как он освободится после того, как пошлет Томаса в нокаут?

Должен быть другой способ.

Он снова посмотрел на Аманду, стараясь отыскать в ее глазах верный способ действий, но увидел в них только отражение собственной беспомощности.

Кто-то настойчиво звонил в дверь.

В первый раз Томас услышал звонок, когда выходил из сауны. Затем – когда поднимался по кирпичной лестнице из спортзала в кухню.

Идите к черту.

Пиджак висел на спинке стула, задвинутого под обеденный стол. Так, скорее. В боковом кармане пиджака. Вот он!

Чертова дырявая память. Забыть адреналин!

В дверь снова позвонили. Да кто это? Теперь в дверь стучали – уверенные, размеренные удары латунного дверного молотка.

Мать ненавидела людей, которые подобным образом ломаются в дверь.

Он повернулся к двери и тихо сказал:

– Вы что, думаете, тут все оглохли?

Потом двинулся на цыпочках по коридору, по плиточному полу, к глазку.

Перед дверью никого не было.

Ушли.

Слава богу.

Он вернулся в кухню, но на пороге замер как вкопанный.

В кухонное окно заглядывал человек – высокий лысый чернокожий мужчина в костюме.

Томас нырнул назад в коридор. У него внутри все перевернулось. Неужели незнакомец его заметил?

Теперь стучали в дверь на террасу. Костяшками пальцев по стеклу. Томас оставался в коридоре, не смея двинуться с места, не смея дышать. Кто этот человек? Какое право имеет он обходить дом и стучать? Может, он из полиции? Если это полицейский, что он подумает, если ему не откроют дверь?

Может, тот детектив, который приходил утром, сообщил своим, куда направляется, и вот теперь этот человек пришел по его следам?

Открыть или не открывать?

Если он не откроет дверь, то что этот человек сделает? У него есть ордер на обыск? Ворвется ли он в дом? Томас понял, что если оставит ситуацию висеть в воздухе, то не сможет как следует сосредоточиться на операции. А во время нее ему нужен спокойный разум и твердая рука. Лучше открыть дверь, выяснить, кто это и что ему нужно, чтобы все как-то

разрешилось. В случае чего он всегда может отвлечь мужчину чем-нибудь, спуститься в подвал и запечатать вход в убежище. И никто его не найдет.

«Но Майкл Теннент ведь как-то нашел», – вдруг пронеслось у него в голове.

Стук неожиданно прекратился. Неужели ушел? Или рыщет вокруг, заглядывает в другие окна? Снова зазвонил звонок передней двери, затем раздался громкий стук дверного молотка.

– Иду! – негромко крикнул Томас.

Вдруг он вспомнил, что на нем надето, и стал лихорадочно стаскивать с шеи очки ночного видения. Потом он скинул хирургический костюм, завернул в него очки, забросил сверток в шкаф под лестницей, кинулся в кухню, схватил со спинки стула пиджак и надел его.

Нужно произвести хорошее впечатление! Успокоиться!

Гленн Брэнсон, который вместе с Ником Гудвином стоял возле входной двери, был на сто процентов уверен, что видел человека, когда заглядывал в кухонное окно. Лондонский констебль, который засек «мондео» доктора Джоэля и проследил за ним, вызвал подмогу, и к этому моменту все подходы к дому находились под наблюдением уже полтора часа – столько времени понадобилось Гленну и Нику, чтобы добраться сюда. Джоэль был здесь, если только он не перелез через забор на соседский участок. Но если он внутри, пусть не надеется, что полиция просто так уйдет, потрезвонив ему в дверной звонок.

Из-за тебя я пропускаю один из лучших вечеров за год, доктор Джоэль. Сегодня я хотел поиграть с сынишкой. Я хотел спокойно посидеть в саду с женой за ужином, а вместо этого звоню тебе в дверь. И ты откроешь эту дверь, я тебе обещаю. Я тебя доведу до белого каления, и ты откроешь ее. И тогда мы поговорим.

Гленн снова нажал кнопку звонка. Поколотил в дверь молотком. Снова позвонил.

Неожиданно дверь открылась. В проеме стоял высокий мужчина в кремовом костюме и улыбался. Его лицо выражало полнейшее радушие.

– Простите, что заставил вас ждать, – сказал он с вежливыми английскими интонациями в голосе. – Вы меня прервали на самом интересном месте. Я был в туалете.

Мужчина выглядел нормально. Он был спокоен и дружелюбен. В голове Гленна прокручивалось описание, данное ему констеблем Тимом Виллисом, который в прошлую субботу остановил машину Теренса Джоэля на Тоттнем-Корт-роуд.

«Высокий, около шести футов шести дюймов. Не худой и не толстый. Зачесанные назад темные волосы, эффектная внешность – весьма эффектная внешность, как у мужчин-кинозвезд, которых с ходу записывают в секс-символы. Американский акцент».

В этом мужчине было около шести футов шести дюймов. Он был не худой и не толстый. У него были зачесанные назад темные волосы и, без всякого сомнения, эффектная внешность. Но его акцент был классическим английским. Ни следа американского. Может, акцент фальшивка, как и адрес в Челтнеме?

Внимательно глядя ему в лицо, Гленн спросил:

– Доктор Теренс Джоэль? – и увидел неподдельное удивление в глазах мужчины.

– Джоэль? Вы сказали «Джоэль»?

– Доктор Теренс Джоэль.

Этот человек выглядел слишком расслабленным для того, чтобы что-то скрывать. И все же описание во всем совпадало – во всем, кроме акцента.

– Простите, но я не доктор Теренс Джоэль. Я никогда не слышал этого имени. Боюсь, я не смогу быть вам полезен. – Томас шагнул назад.

Чтобы остановить его, Гленн вынул из кармана удостоверение.

– Я детектив-констебль Брэнсон из полиции Суссекса. Это констебль Гудвин.

Гудвин тоже вынул удостоверение и показал его.

Гленн бросил внимательный взгляд на руки мужчины, но они выглядели совершенно естественно и никак не выдали, что он испуган или удивлен. Переведя взгляд обратно на лицо мужчины, Гленн сказал:

– Около двух часов назад, примерно в шесть часов пять минут, в гараж, расположенный на задворках этого дома, въехал автомобиль марки «форд-мондео», зарегистрированный на имя доктора Теренса Джоэля.

По-прежнему спокойно мужчина ответил:

– А! Моя мать сдавала гараж в аренду. Это, наверное, съемщик.

– Доктор Джоэль снимает у вас гараж?

– У моей матери... снимал. Я даже его имени не знаю. Я просто присматриваю за домом. Когда умирает знаменитость, всегда находится много желающих проникнуть в ее жилище и украсть там что-нибудь на память. Ну, вы понимаете. – Мужчина посмотрел в глаза Гленну, будто ища подтверждения.

– Могу себе представить.

– Я все никак не заставлю себя разобрать ее бумаги. Она умерла три недели назад. Глория Ламарк, актриса – вы наверняка слышали в новостях.

– Примите мои соболезнования.

– Спасибо.

– Вы сын Глории Ламарк?

– Да, я Томас Ламарк.

– Я преклоняюсь перед талантом вашей матери.

Лицо Томаса просветлело.

– Правда?

– Она была удивительной актрисой. Фильмы с ее участием – одни из самых моих любимых.

Едва сдерживая радость и волнение, Томас спросил:

– Какие же?

– «Крылья пустыни» и «Парижский роман». Я пересматривал их оба по нескольку раз.

– «Крылья пустыни»? Он вам действительно нравится?

– Ага. Я считаю сцену, где Бен Газзара идет по крылу самолета с пистолетом, а она, пролетая под мостом, старается стряхнуть его, одной из лучших сцен в истории кинематографа.

– Я тоже, – согласился Томас. «Хороший человек, – решил он. – При других обстоятельствах я бы с удовольствием поговорил с ним о кино».

– Мистер Ламарк, а бумаги вашей матери находятся в доме? Те, что могли бы доказать существование съемщика гаража?

Осторожнее.

Полицейский был вежлив, но в нем чувствовалось спокойное упорство, от которого Томасу становилось не по себе. Ему требовалось время на размышление.

– Я... да, наверное.

– Вы не могли бы найти их? Мы пока подождем.

Томас хотел сказать решительное «нет», но тут детектив добавил:

– Я видел абсолютно все фильмы с участием вашей матери.

На лице полицейского была написана такая искренность, что у Томаса поднялось настроение, и он сказал:

– Не могу понять, почему ей не дали «Оскара».

– Я тоже. Ну, может быть, вы все-таки поищите бумаги?

– Хорошо. Входите.

Томас мысленно выругался. Как глупо. И опасно. Надо было сказать, что сейчас он не может, пусть приходят в другое время. Хотя, возможно, если он правильно разыграет карту – а это был его козырь, что гараж сдается в аренду, – то он сможет выиграть немного времени. В самом доме не было ничего, что связывало бы его с доктором Джоэлем. Даже

мобильный телефон остался в машине. Гараж был чист. Только «мондео» и белый фургон доктора Джоэля. Никаких следов «альфы-ромео».

Если ему удастся сохранить спокойствие и внушить доверие, он проведет детектива. Проведет и отправит восвояси – а это пока все, что ему надо. Дальше как пойдет.

Он отступил в глубь дома, впустил полицейских и закрыл за ними дверь. Детектив тут же подошел к картине, на которой была изображена мать, выходящая из лимузина.

– Королевская премьера «Вдовы из Монако», – с гордостью сказал Томас.

– Удивительно красивая женщина, – вздохнул Гленн. Ему повезло: он побывал дома у двух любимых актрис в течение такого короткого промежутка времени. Странно только, что Кора Барстридж, которая была звездой гораздо большей величины и у которой была гораздо более продолжительная актерская карьера, жила гораздо скромнее, чем Глория Ламарк.

Ее сын тоже был странным. Его мать умерла три недели назад, а ему, кажется, хоть трава не расти.

Не имитирует ли он английский акцент?

Томас провел полицейских в гостиную. От детектива теперь исходили недобрые вибрации – его подозрения росли. *Выставить их из дома.*

Или убить?

– Располагайтесь, как вам удобно, – предложил Томас. – Я пойду поищу бумаги.

Томас Ламарк вышел из комнаты и стал подниматься по лестнице. Рассматривающий фотографии Гленн нутром чувал, что этого человека нельзя выпускать из виду. Он жестом показал коллеге, чтобы тот оставался внизу, а сам последовал за Томасом.

Томас в своей комнате не знал, что ему делать. Он выдвинул ящик комода, перетряхнул там все, громко, со стуком, задвинул, чтобы детектив внизу слышал грохот. Выдвинул второй ящик, пошарил там, стараясь придумать что-нибудь убедительное.

Сильным толчком задвинул ящик.

Выдвинул третий и тут уголком глаза увидел тень. Это был детектив, который стоял в дверном проеме. На его лице было выражение, которое не понравилось Томасу.

– Красивый дом, – сказал Гленн Брэнсон.

– У меня возникли трудности, – сказал Томас. – Я не могу найти...

Его прервал резкий треск, за которым последовал сиплый голос Майкла Теннента:

– Аманда... ты можешь двигаться? Можешь пошевелиться?

Глаза детектива и Томаса встретились и на краткое мгновение впились друг в друга, а потом Томас бросился к громкоговорителю и выключил его. Повернувшись к детективу, он широко улыбнулся:

– Это радио. Я... слушал радиопостановку.

Но Гленн едва разбирал, что он говорит. Он уставился на небольшую, не больше полудюйма длиной, прореху на правом плече пиджака Томаса Ламарка и мысленно перенесся на чердак в квартире Кору Барстридж, к полоске ткани кремового цвета, свисающей с гвоздя, торчащего из подпирающего крышу столба.

Тот же цвет; та же длина.

Гленн отвел глаза, но недостаточно быстро. Ламарк заметил. Их глаза снова встретились, и на этот раз взгляд Ламарка был похож на взгляд загнанного в угол зверя.

Мозг Гленна обрабатывал несколько мыслей одновременно. *Аманда*. Это имя женщины, пропавшей на прошлой неделе. Саймон Ройбак называл его вчера вечером в пабе.

А сегодня Саймон Ройбак умер.

Вражда между Глорией Ламарк и Корой Барстридж. Участвовал ли в ней Томас Ламарк? Мог ли он приехать на похороны, чтобы позлорадствовать? Мог ли он убить Кору Барстридж?

«Аманда... ты можешь двигаться? Можешь пошевелиться?»

Что это за радиопостановка? Сейчас четверть восьмого. По «Радио 4», предназначенному для радиопостановок, должны идти «Арчеры».

Что, черт возьми, здесь происходит?

Внутренний голос кричал Гленну, что этого человека следует немедленно арестовать. Но на каком основании?

Кулак, как ракета, прилетел из темноты и врезался Гленну в лицо с такой силой и скоростью, что он упал, задев плечом дверной косяк, раньше, чем понял, что его ударили. Удар ошеломил и дезориентировал Гленна, и он рухнул на пол, будто нырнул в темную мутную воду.

Над ним промелькнула тень. Почти бессознательно он схватил что-то твердое – как оказалось, кожаную туфлю – и, следуя ввевшемуся в него навечно инстинкту клубного вышибалы, рванул ногу Томаса на себя, одновременно выкручивая ее. Пол сотрясся от падения. Гленн смог встать на колени. Томас Ламарк, упавший уже не в комнате, а на лестничной площадке, также поднимался. Оказавшись на ногах, он бросился на Гленна,

отвесил ему полукрюк-полуапперкот в живот и тут же – ошеломляющий прямой удар в подбородок. Гленн взлетел в воздух и тяжело упал на спину.

Он неподвижно пролежал несколько секунд. В это время инстинкт кричал ему: «Вставай!» Повинуясь ему, он нашел в себе силы откатиться в сторону и опереться на руки, приготовившись увернуться или отразить удар. Глаза искали врага, стараясь определить, откуда следует ждать нападения и как получить преимущество в схватке. Но Томас Ламарк исчез.

Гленн поднялся, оцупал лицо – у него было такое чувство, что Томас снес ему половину челюсти, – и с опаской выглянул на лестничную площадку. Где же Ламарк?

Вверх по лестнице бежал Ник Гудвин.

Гленн вышел на площадку и прислушался. На площадке было полдюжины дверей, все закрыты. Ламарк мог скрыться за любой из них. Или уйти вверх или вниз по лестнице. Он побежал не просто так, а за чем-то.

Этажом выше, в спальне матери, Томас рылся в шкафу, разгребая залежи шелковых шарфов. Он *знал*, что он тут, в шкафу, – он всегда был здесь, полностью заряженный, на случай конца света. Наконец он нашел его, аккуратно завернутый в шелковый платок. Такой же тяжелый, как и всегда.

Мать нелегально привезла пистолет из Америки и показывала его Томасу несколько раз, когда он был маленьким, учила снимать его с предохранителя и целиться. Она говорила, что, когда разразится ядерная война, он может им понадобится, чтобы не пустить других людей в их убежище.

И теперь он собирался использовать его, чтобы не пустить в убежище полицейских.

– Ты его видишь? – спросил Гленн.

Гудвин покачал головой.

– Возьми на себя эти три комнаты. А я осмотрю эти. – Гленн снял с пояса рацию и собрался нажать кнопку, когда вдруг что-то, словно насекомое, прожужжало рядом с его ухом, обдав потоком воздуха, а затем он увидел удивленное выражение на лице Гудвина, когда, взметнув волосы у него на голове, пуля вырвала ему висок. В лицо Гленна полетели брызги крови и осколки черепной кости, и одновременно раздался оглушающий звук выстрела.

Гленн упал на пол и откатился. Пуля впиалась в полированную дубовую

доску всего в нескольких дюймах от его лица. Перекатываясь по полу, он увидел вверху на лестнице Ламарка с пистолетом в руке. Дуло пистолета плеснуло пламенем, и Гленн почувствовал удар в грудь, будто тяжелым кулаком.

«Он попал в меня», – подумал он, по инерции продолжая движение. Боли не было. Он понимал только, что должен убраться с этой площадки. Гудвин мертв, о господи, мертв! Он увидел еще одну вспышку выстрела, прежде чем головой вперед бросился с лестницы, группируясь, прикрывая голову руками, пересчитывая спиной ступеньки. Катясь вниз, он услышал звук выстрела. Затем он оказался внизу.

Он еще дважды кувыркнулся по полу, вскочил и, не глядя ни вверх, ни назад, рванулся в ведущий на кухню коридор. Увидел стеклянную дверь на террасу. Попытался открыть ее, но она была заперта, и ключа в замке не было.

Гленн запаниковал, ударил в дверь плечом. Бесплезно. Закаленное стекло, даже стулом не прошибешь. Он оглянулся в поисках оружия и увидел в дальнем конце коридора Ламарка. Еще он заметил открытую дверь, но не на улицу, а, наверное, в подвал – Гленну это не понравилось, но выбора у него не было. Он повалил на бок кухонный стол, нырнул за него, как за щит, затем бросился к двери и захлопнул ее за собой. В этот момент прогремел еще один выстрел.

С этой стороны ключа нет.

Гленн сбежал по кирпичной лестнице и оказался в спортзале. Оглядев тренажеры в поисках какого-либо прикрытия, он устремился к сауне. Еще выстрел, и в зеленом ковре перед ним образовалась дыра. Он повалился на пол, сворачиваясь для кувырка, влетел в открытую дверь сауны и захлопнул ее за собой. Удар, и от деревянной двери полетели щепки.

Я умру в этой чертовой сауне. Господи, не допусти.

Перед глазами Гленна мелькнуло лицо Сэмми. Лицо Грейс.

Его грудь была залита кровью. В полу сауны он увидел люк и спиральную лестницу. Отлично понимая, что он сам себя загоняет в ловушку, Гленн нашел в себе силы спрыгнуть вниз и спуститься по ступенькам.

Внизу он остановился. Он задыхался, со всхлипами заглатывал воздух. Перед ним была открытая дверь, ведущая в пустое помещение, в дальней стене которого была еще одна дверь. Что это за место? Где здесь можно спрятаться? Он посмотрел вверх, каждую секунду ожидая услышать звук шагов на лестнице, но все было тихо.

Он подождал, внимательно следя за лестницей на случай, если Ламарк

решил подкрасться неслышно. Никакого движения.

«Интересно, сюда можно еще как-нибудь пробраться – ведь где вход, там и выход», – подумал он. Дрожащими пальцами он включил рацию, но не услышал ничего, кроме непрерывного шипения радиопомех. Нет приема. Перед глазами мелькнуло удивленное лицо Ника. Разлетающийся от пули висок. *Это шок. Надо взять себя в руки.*

Я не собираюсь здесь умирать. Не дожидетесь. Я пришел работать в полицию, чтобы ты мной гордился, Сэмми. А не для того, чтобы до смерти истечь кровью в бетонном склепе.

Не спуская взгляда с лестницы, он отступил на шаг назад. Еще на шаг. И еще.

Он находился уже внутри комнаты и глядел на массивную дверь. Интересно, ее можно закрыть с внутренней стороны?

Надо выиграть время. Дом находится под наблюдением, и полицейские начнут действовать, если не смогут с ним связаться. Надо только немного продержаться. Они могли слышать выстрелы – или они для этого слишком далеко?

Помощь придет.

Гленну пришлось приложить всю силу для того, чтобы закрыть дверь. Теперь надо было найти запорные стержни. Он обнаружил отверстия для них на дверной раме – вверху и внизу, но сами стержни были сняты, и, судя по тому, что места их крепления четко выделялись на металлической поверхности двери, сняты совсем недавно.

Господи. Гленн прикинул свой вес против веса Ламарка. Ламарк высокий и сильный мужчина. Гленн опустил голову и взглянул на грудь. Рубашка вся пропиталась кровью. Дышал он тяжело, со свистом, и теперь еще проснулась боль – зажегшаяся в груди паяльная лампа. Он привалился к двери всем весом, не решаясь идти дальше.

И вдруг он услышал позади себя прерывающийся мужской голос:

– Томас, нам нужно поговорить.

Гленн рывком повернулся. Голос доносился из второй открытой двери. Он прислушался, но ничего больше не услышал. Однако голос прозвучал так, будто обращались к нему.

Вот он опять раздался, теперь громче, настойчивее – и безнадежнее:

– Томас, я знаю, что ты был замечательным сыном для своей матери. Разве ты не хотел бы, чтобы она гордилась тобой?

– Кто там? – выкрикнул Гленн.

Короткая пауза, затем мужчина, явно ошеломленный, ответил:

– Майкл Теннент. А кто вы?

– Я офицер полиции.

– Слава богу! Мы здесь, в дальней комнате! Слава богу!

В голосе послышалось такое облегчение, что Гленн заскрипел зубами от беспомощности и досады.

Он остался на месте, со всей силы навалившись на дверь. Что тут, во имя Христа распятого, происходит?

Почему Ламарк не спустился по лестнице и не добил его? Кончились патроны? Или он убежал?

Надо было что-то делать, и быстро – без медицинской помощи он скоро умрет от потери крови.

Решившись, он отпустил дверь и вбежал во вторую комнату. Миновав ее, оказался в третьей и застыл на месте, попав в «комнату ужасов» Музея мадам Тюссо.

Два тела на полу. Человек в окровавленной рубашке, подвешенный к потолку за руки. Женщина в окровавленной одежде, пристегнутая к операционному столу-каталке, с кислородной трубкой во рту.

Когда Майкл увидел высокого лысого чернокожего человека с исцарапанным лицом, в мокрой от крови рубашке, с которой кровь капала на пол, он понял, что рано радовался.

А потом все погрузилось во тьму.

Три зеленые фигуры впереди. Томас сосредоточился на детективе, который находился между Майклом Теннентом и его подстилкой. Одной рукой держится за операционный стол. Смотрит в его сторону, выражение лица испуганное.

Что ты видишь, детектив-констебль Брэнсон? Темноту? А за ней еще более темную темноту? Жаль, что нам с тобой не удалось поговорить о фильмах моей матери. Надеюсь, ты понимаешь, что мне не доставляет никакого удовольствия убивать тебя.

У него осталось три пули в обойме. Он правильно сделал, когда решил проверить. По пуле на человека, если потребуется, но Томас надеялся, что этого не потребуется. Пули – они для тех, которые ничего не значат. Для таких, как детектив-констебль Брэнсон.

Пули убивают слишком быстро.

Мы не для того так далеко зашли, доктор Майкл Теннент, чтобы я покончил с вами выстрелом в голову.

Все двери заперты изнутри. Никто не сможет войти без приглашения. Нет нужды торопиться. Можно все спокойно обдумать.

Развлечься!

Сначала избавиться от детектива, затем возобновить прерванную операцию. Томас похлопал по карману вновь надетого хирургического костюма, чтобы убедиться, что на этот раз он не забыл адреналин. Пузырек был там. Отлично!

Он прицелился в детектива, который теперь корчился, пригибался к полу – как будто это может его защитить! – но он был в двадцати футах от Томаса и под таким углом, что существовала опасность: если он промахнется, то попадет в психиатра. Нет никакой необходимости рисковать. Надо пристрелить детектива наверняка – в упор, в висок.

Неожиданно Майкл Теннент закричал:

– У него есть очки ночного видения!

Гленн вцепился в край металлического стола, как утопающий – в спасательный плот. Только так он мог сохранить ориентацию и равновесие в предательской темноте.

Он помнил, где находится вход в комнату, где – подвешенный к потолку человек. Сделав шаг от стола, он мог дотронуться до него. Он точно знал, как лежит женщина и с какой стороны стола расположена полка

с острыми хирургическими инструментами – с той же, с какой и он, всего в нескольких дюймах от него.

Все его мысли были обращены к двоим людям, которых Ламарк держал здесь пленниками. Каким-то образом, в этой крошечной темноте, он должен защитить их от человека в очках ночного видения, который уже ранил его, а на этот раз наверняка постарается убить.

Он уже чувствовал опасную слабость и головокружение. Неизвестно, через сколько минут он потеряет сознание. Надо добиться равных условий схватки с находящимся рядом безумцем, а для этого ему нужны:

Свет. Оружие. Защита от пуль.

Оружие было рядом – на подносе, стоящем на полке стола-каталки. А вот свет... Где тут рубильник?

Пригибайся, группируйся, не переставай двигаться.

Не отпуская стол, он перемещался вдоль него взад и вперед, приседал, пригибал голову, думал. Думал. Думал.

Громко, четко и гораздо более уверенно, чем на самом деле себя ощущал, Гленн сказал:

– Мистер Ламарк, ваш дом окружен полицией. Все выходы из него находятся под наблюдением. Опустите пистолет и включите свет. Сдавайтесь. Не делайте ситуацию хуже, чем она уже есть.

То время, пока детектив говорил, Томас использовал для того, чтобы подобраться к нему поближе. Теперь он был от него меньше чем в шести футах. Стараясь дышать медленно и неслышно, он поднял пистолет, держа рукоять обеими руками, и наклонил его так, чтобы мушка на стволе четко совпадала с V-образным вырезом прицельной щели. Он читал в Интернете, что ствол пистолета подбрасывает при выстреле. Надо целиться ниже, как в того полицейского на лестнице.

Теперь пистолет был нацелен в подбородок детектива. Учитывая рывок отдачи, пуля должна попасть ему в глаз или в лоб.

И все-таки лучше подойти поближе. У него только три пули – зачем рисковать?

Детектив снова заговорил, а это Томасу и было нужно. В голос неожиданно прокралась дрожь. Хорошо. Он гораздо менее уверен в себе, чем хочет казаться.

Он абсолютно беспомощен. Хорошо.

– Мистер Ламарк, я знаю, что вы меня слышите. Давайте вести себя как цивилизованные люди. Вы гордитесь своей матерью. Неужели вы не хотите, чтобы она гордилась вами?

Томас не обратил на слова детектива никакого внимания. Но вдруг темноту прорезал голос доктора Майкла Теннента.

– Томас, – сказал он. – Я бы хотел поговорить о твоей матери.

Томас застыл.

– Расскажи мне о своей матери, Томас.

Он закрыл глаза. *Закрой рот, доктор Майкл Теннент!*

Психиатр не унимался:

– Расскажи мне о своей матери, Томас. Насколько я помню, тебе всегда было трудно говорить о своих отношениях с матерью.

Томаса начала сотрясать дрожь. Он понимал, чего добивается Майкл Теннент. Он должен противостоять этому.

Не обращай на него внимания.

Заткни уши.

Продолжай идти вперед. Не дай ему добраться до тебя. Он уничтожил твою мать. Не дай ему уничтожить и тебя.

Он находился уже меньше чем в четырех футах от детектива. Но его руки теперь сильно дрожали. Еще два фута, и он окажется на расстоянии выстрела в упор.

В упор будет лучше. В висок. Наверняка.

– Расскажи мне о своих отношениях с матерью, Томас, – продолжал доктор Теннент.

Вне себя от злости и замешательства, Томас бессознательно шагнул вперед и наступил на что-то, издавшее под его ногой громкий хруст.

Звук выдал Гленну его местоположение. Низко пригнувшись за столом-каталкой, зная, что женщина на нем надежно пристегнута ремнями, он изо всей силы толкнул стол в направлении звука. Стол с громким стуком врезался в твердое, раздался вскрик боли, затем один за другим полыхнули два выстрела. Гром выстрелов сопровождал низкий вой рикошетирующих пуль.

Гленн вдохнул воняющий кордитом воздух, отвел каталку назад и со всей оставшейся у него силой послал ее вперед, туда, где она только что так удачно нашла свою цель. Каталка с хрустом врезалась в тело, сразу же последовала вспышка пламени, грохот выстрела – только на этот раз пуля пролетела совсем рядом с его головой.

Не срикошетировала.

Гленн очень надеялся, что подвешенный к потолку мужчина остался невредим.

Он лихорадочно ковал железо, пока оно было горячо. Он катнул стол назад и ударил им с еще большей силой. И снова попал. Ругательство –

скорее всего, это Ламарк. Металлический лязг об пол. Пистолет?

Стол назад, затем удар.

– Черт, ублюдок!

Голос Ламарка, никаких сомнений.

Еще один удар каталкой. И еще один; и еще; и еще. Гленн нащупал поднос с инструментами, схватил с него что-то плоское, с длинной ручкой и бросился вдоль стола в темноту.

Он тут же споткнулся о ноги Ламарка и, упав на него, со всей силы ударил неведомым инструментом. Тот с резким звоном воткнулся в бетонный пол. Ударил еще раз. Инструмент встретил на своем пути человеческую плоть. Раздался вопль боли.

В левой руке у Гленна оказалось запястье Ламарка. Отпустив оружие, правой рукой он лихорадочно старался добраться до его лица. Нащупал очки, сорвал их со лба Ламарка. Они зацепились за что-то – возможно, за шею. Гленн рванул изо всех сил, услышал сдавленное хрипение и получил удар в лицо: кулаком, рукоятью пистолета? – он не знал. Отлетев назад, он ударился обо что-то головой.

Ему удалось встать на колени. *Не останавливайся.* Он сдвинулся на четвереньках налево. Наткнулся на что-то коленом.

Ощупал. Разбитый пластмассовый корпус. Фонарь! *Осторожнее.* Приготовившись броситься в сторону, Гленн включил фонарь, проткнув лучом темноту, словно кинжалом.

Луч был тусклым, но света оказалось достаточно. Один хват луча дал Гленну полную картину. Висящий человек, кажется, не пострадал. Томас Ламарк находился в трех футах от него, собираясь напасть. Из бедра у него торчал скальпель. Пистолет валялся в стороне, футах в шести.

Гленн прыгнул за ним, на долю секунды опередив Ламарка. Упал на бетон, подобрался. Схватил пистолет и, резко развернувшись, направил его на Ламарка, успевшего схватить его за щиколотку.

Луч слабел. Гленн потряс фонарь. Мерцание. На секунду свет окреп, затем погас.

Ну же, продержись еще секунду.

Он снова потряс фонарь. Возник относительно яркий луч. Ламарк смотрел на Гленна. Улыбался.

– Положите руки на голову и встаньте, – хрипло сказал Гленн. В груди у него сипело.

Томас Ламарк и не подумал подчиниться.

Опасаясь, что скоро потеряет сознание, Гленн прохрипел насколько смог громко:

– Положите руки на голову, мистер Ламарк, или я буду стрелять.

Таким же дружелюбным голосом, каким он встретил детектива у двери своего дома, Томас сказал:

– Прежде чем войти сюда, я пересчитал патроны, детектив-констебль Брэнсон. В обойме было всего три патрона. Боюсь, у вас в руках разряженное оружие, а сами вы истекаете кровью. Мы можем подождать. Я никогда не спешу. Мои друзья тоже никуда не торопятся. Боюсь, в данный момент у меня нет других предложений.

– Томас! – неожиданно сказал Майкл Теннент. – Расскажи мне о своей матери.

Даже не померцав напоследок, фонарь в руке Гленна погас окончательно. Гленн почувствовал, как что-то надвигается на него из темноты. Не раздумывая над тем, блефовал Ламарк или нет, и кожей ощущая смертельную опасность, он нажал на спусковой крючок.

Вспышка, оглушающий грохот, тяжелая отдача оружия – все это явилось для него неожиданностью, как и леденящий кровь крик, последовавший за этим. Крик дикого зверя в смертельной агонии.

Гленн поднялся. Завывания продолжались – громкие, прерывающиеся крики, вызванные сильнейшей болью.

Кричал Ламарк:

– Помогите мне! Помогите! Помогите мне!

Гленн опять потряс фонарь, повозил рычажком включения взад-вперед. Замерцал слабый луч. Ламарк был на полу, он извивался, как змея, его лицо было перекошено от боли. Гленн не приближался к нему, держа безопасную дистанцию. Штанина на правой ноге Ламарка промокла от крови. Пуля попала ему в коленную чашечку.

Ламарк смотрел на Гленна и выл:

– Сделайте что-нибудь! Пожалуйста, сделайте что-нибудь!

Не зная, на что еще способен этот безумец, Гленн посмотрел на Ламарка некоторое время, затем одним быстрым движением, забравшим остаток сил, подскочил к нему и, не обращая внимания на крики, застегнул наручники у него на запястьях.

Разогнувшись, Гленн пошатнулся – ноги уже начали отказывать. Он схватился за край стола-каталки и ободряюще улыбнулся Аманде.

– Все хорошо, скоро вы будете в безопасности. Все в норме. Я сниму с потолка вашего друга, а потом вдвоем мы освободим вас. Не беспокойтесь, все будет хорошо.

Лежащий на полу Томас Ламарк кричал:

– Сделайте что-нибудь! Господи, пожалуйста, я не могу... как

больно... пожалуйста, кто-нибудь! Сделайте что-нибудь!

Гленн взглянул на него, и Ламарк тут же затих.

– Вы меня удивили, мистер Ламарк, – сказал Гленн. С каждой секундой его вдохи становились все короче и поверхностнее. – «Одна пуля всегда остается в стволе». Неужели вы не помните? Это последняя строчка из «Крыльев пустыни», лучшего фильма вашей матери.

Во сне Аманда теснее прижималась к Майклу, дрожала, испуганно всхлипывала и иногда вскрикивала.

Утром она будет глядеть на него удивленными глазами и говорить: «У меня снова были кошмары? Я не помню! Я правда не помню!» Затем она поцелует его и скажет: «Бедный, я опять тебя разбудила. Это несправедливо по отношению к тебе».

Но она не могла его разбудить, потому что он не спал – как и сейчас – в три часа ночи, спустя один год, четыре месяца и одиннадцать дней после того душного июльского дня, когда он вошел в дом Ламарков.

Может, когда-нибудь он сможет оценить изречение Ницше: «То, что не убивает меня, делает меня сильнее».

Они оба смогут.

А пока они каждую ночь спали с включенным светом. Так захотела Аманда, а он только согласился – но нуждался он в этом, быть может, еще больше, чем она. Однако сказать ей об этом значило признаться в своих страхах. Он старался сделать ее сильнее, и ему приходилось самому притворяться сильным.

Он снова и снова прокручивал в голове свою последнюю беседу с Глорией Ламарк и каждый раз задавал себе вопрос, остались бы в живых пять человек – редактор Тина Маккей, молодой газетный репортер Джастин Флауэринг, полицейские Ник Гудвин и Саймон Ройбак, актриса Кора Барстридж, – если бы он провел ее должным образом.

Осторожно, стараясь не потревожить Аманду, он освободился от ее объятий и, приподнявшись на постели, взял со столика книгу сочинений Гиппократ, великого отца медицины. Книга раскрылась на странице, которую он так часто читал и перечитывал за последний год и четыре месяца:

«Жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен делать все, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности».

Он открыл другую страницу – ему также не пришлось ее долго искать:

«Медицина есть поистине самое благородное из искусств. Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, оно теперь далеко ниже всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно неотделимо. Мне кажется, что эти последние весьма похожи на тех лиц, которых выпускают на сцену в трагедиях, ибо как те принимают наружный вид, носят одежду и маску актера, не будучи, однако, актерами, так точно и врачи; по званию их много, на деле же – как нельзя менее».

Майкл положил книгу обратно на столик. Его поражала мудрость древних. Часто она показывала, как недалеко ушли за тысячелетия люди в действительно важных вопросах. Мы лучше облегчаем боль, чем древние. Мы лучше справляемся с болезнями, больше знаем об окружающем нас мире. Но мы вовсе не мудрее.

Он дал Глории Ламарк совет, который считал правильным. Последующие события показали, что он ошибался. Он глубоко сожалел о том, что погибли люди, но после долгих размышлений все же решил, что его совет был верен и не бесчестил его. Он сделал то, что, по его мнению, должно было принести благо пациенту. И чтобы не потерять рассудок, он должен продолжать верить в это.

Возможно, когда-нибудь его мнение изменится. Может, сегодня. Или завтра. Или через год, или через десять лет, или когда он станет старым и мягкотелым и, вспоминая свою жизнь, будет думать о том, что могло бы быть, если бы все было иначе. Может быть, где-нибудь в параллельной вселенной, в другом измерении, есть психиатр доктор Майкл Теннент, у которого есть пациентка – стареющая кинозвезда Глория Ламарк, и этот доктор Теннент так и не сказал ей, что она уже не так хороша, как раньше, что она погубила свою карьеру, что ей следует перестать жить прошлым и начать жить настоящим. И эта Глория Ламарк все еще жива в своей параллельной вселенной, как и Тина Маккей, и Джастин Флауэринг, и Кора Барстридж, и полицейские.

Но тогда этот доктор Майкл Теннент из параллельной вселенной – паршивый психиатр, обманывающий своих пациентов.

Что в общем-то сегодня не редкость.

Возле здания Центрального уголовного суда на Олд-Бейли собралась большая толпа тележурналистов. Многие утренние газеты вынесли репортаж о сегодняшнем событии на первые полосы.

Несколькими месяцами ранее адвокату Томаса Ламарка не удалось доказать, что его клиент не может предстать перед судом по причине невменяемости. Суд длился один месяц и три недели, и присяжные единодушно признали Ламарка виновным в пяти убийствах, попытке убийства офицера полиции и похищении четырех человек.

Судья отложил оглашение приговора на два месяца для проведения психиатрической экспертизы, запрошенной адвокатом Ламарка.

Сегодня будет объявлено, сядет ли Ламарк в тюрьму, и на какой срок, или отправится в психиатрическую лечебницу строгого режима.

Майкл и Аманда вышли из такси на яркое октябрьское солнце и, пробежав сквозь строй репортеров, вооруженных микрофонами и фотоаппаратами, к дверям суда, скрылись за ними.

В фойе, где яблоку было негде упасть, к ним подошел человек. Широко улыбаясь, он протянул руку для рукопожатия. Это был высокий лысый чернокожий мужчина в хорошем коричневом костюме, белой рубашке и скромном галстуке.

– Рад вас видеть, ребята! – сказал он.

Майкл тепло пожал протянутую руку, а Аманда расцеловала его в обе щеки.

– Ну, – сказал Гленн, – мои поздравления! Я получил вашу свадебную открытку.

– Ты придешь? – спросил Майкл.

– Кто бы мне помешал! – В улыбке Гленна промелькнула грусть. Теперь его до самой смерти будет преследовать тень Ника Гудвина, в смерти которого он виновен.

Майкл и Аманда рассмеялись. Аманда заметила Лулу, проталкивающуюся к ним сквозь толпу. Лулу должна была занять ее место, потому что Аманда уходила из «20–20 Вижн» на вольные хлеба, чтобы иметь возможность проводить больше времени с Майклом.

Женщины обнялись. Затем Аманда сказала:

– Лулу, позволь мне представить тебе человека, который спас нам жизнь. Детектив-констебль Гленн Брэнсон.

Гленн поднял вверх палец и изобразил на лице обиженное выражение:

– Ты что, не в курсе? – Он улыбнулся. – Я больше не детектив-констебль. Теперь я детектив-сержант.

Майкл от всего сердца поздравил его с повышением. Аманда

присоединилась к нему, после чего возникла неловкая пауза, поскольку все осознали, что каждый из них получил что-то от встречи с монстром, чей дом был назван прессой «домом ужасов на улице Холланд-Парк-Виллас», и что хорошие новости омрачены, таким образом, чувством вины, поселившимся в их душах.

По дороге в зал заседаний Майкл ободряюще обнял одной рукой Аманду, а другой – Лулу. Они пришли сюда не для того, чтобы узнать, на какой срок осудят Ламарка. Срок не имел значения. Приговор был для них конечной точкой. Символом. Вехой. Завершением кошмара.

Они пришли сюда потому, что после этой точки для них начиналась новая жизнь.

Эпилог

Среда, 9 июля 2000 года

Я еще не решил, расскажу ли я доктору Майклу Тенненту об этом. Я сейчас о многом думаю.

Здесь есть очень странные люди, и, правду сказать, они меня раздражают.

Кажется, я обречен вечно презирать доктора Майкла Теннента. Он больше не появляется на публике, как раньше, – кажется, он даже прячется от известности. Он больше не ведет колонку в газете, и по радио его что-то не слышно, хотя мне здесь нелегко послушать в нужный момент нужную радиостанцию – у нас одно радио на всех, а эти идиоты никогда не могут решить, что они хотят слушать. Обычно все заканчивается тем, что мы не слушаем ничего.

Вместо этого доктор Майкл Теннент взялся печататься в серьезных медицинских журналах. Он очень озабочен вопросами ответственности психиатров и психологов перед своими пациентами. В последнем номере «Британского медицинского журнала» он даже позволил себе некоторые нападки на популяризаторов психиатрии и психологов, ведущих свои программы на телевидении, – а ведь совсем недавно он и сам принадлежал к их шайке! Он называет это профанацией науки!

В двух статьях упоминалось мое имя. Я не давал на это разрешения и, возможно, могу потребовать денежного возмещения. Однако я не ищу мести – я на собственной шкуре ощутил, что месть оказалась моим палачом.

Мне не разрешают поставить компьютер в моей крохотной, обитой мягким камере. Что, они думают, я смогу с помощью его сделать? Вышибить себе мозги клавиатурой?

Они тут и правда идиоты. На прошлой неделе показывали фильм моей матери, «Крылья пустыни», но я не стал его смотреть. Слишком много воспоминаний. И знаете что? Ни один из идиотов никогда не слышал о моей матери. За это я устрою кому-нибудь из них показательное наказание, но это не к спеху – кажется, я здесь еще долго пробуду.

Надо бы написать книгу о себе, перенести память на бумагу,

но мысль о том, чтобы делать это по старинке, с помощью бумаги и ручки, мне отвратительна. И, кроме того, хочу ли я, чтобы доктор Майкл Теннент узнал правду?

Этот вопрос я непрерывно задаю себе в течение последних полутора лет – все то время, пока нахожусь здесь. Правда может освободить от оков.

Надо ли мне освобождать вас от оков, доктор Майкл Теннент? Зачем мне это? Разве я вам что-нибудь должен?

Это единственное, чего я всегда хотел, – освободиться от оков. Странно, что раньше я этого не помнил. С памятью у меня сейчас гораздо лучше – думаю, это из-за таблеток, которыми меня кормят. А тогда я честно ничего не помнил. Слишком многое выпадало из памяти.

Я полностью забыл тот день, понедельник в июле 1997-го, когда моя мать в ужасном настроении пришла домой после беседы с вами. Она попросила меня принести ей большую бутылку виски и поднялась к себе в спальню. Я не сказал ей о том сообщении, которое вы оставили на автоответчике, потому что вдруг увидел возможность освободиться.

Я растворил в виски таблетки нембутала и влил туда жидкого валиума. После того как она, выпив приготовленную мною смесь, уснула, я впрыснул ей в пятку кураре – чтобы ускорить процесс. Чтобы наверняка.

Забавно, что я все это вспомнил. Подумать только, я винил вас в ее смерти, доктор Теннент! На самом деле винил, да еще как! Возможно, то, что мать говорила мне в детстве, это в конечном итоге правда. У меня не все в порядке с головой.

Хотя сейчас я чувствую себя прекрасно.

Все, что я хотел, – это освободиться. И вот, в стремлении к свободе, я на всю жизнь угодил в лечебницу строгого режима для умалишенных преступников.

Ха!

Меня заперли и выбросили ключ.

Но ведь вас тоже заперли, не правда ли, доктор Майкл Теннент? Вы в своем роде такой же пленник, как и я.

Но я, по крайней мере, могу освободить вас. В вашем случае я поступлю так же, как поступал много раз в жизни, когда мне требовалось принять решение.

Я подброшу монету.

notes

Примечания

1

«В моих мыслях Джорджия» (англ.).

Аварийная предохранительная подушка в автомобилях (*англ.*). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

В автогонках – закрытая для доступа публики территория, где располагаются зоны управления гонкой Гран-при, площадки для парковки транспорта команд, боксы, медиа-центр и прочие рабочие зоны. (*прим. ред. FB2*)

Харли-стрит – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов.

Национальный трест – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест; финансируется преимущественно за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований.

«Менса» – клуб интеллектуалов, эрудиция которых определяется особым тестом.